

Российская академия наук
Карельский научный центр Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Центр коренных народов Ленинградской области

З. И. СТРОГАЛЬЩИКОВА

ВЕПСЫ ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Научно-популярное издание

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Санкт-Петербург

2014

УДК 008(=511.115)(091)
ББК 294(=661.6)
С86

Академическая научно-популярная серия
«МИР КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»

Все права на данное издание принадлежат комитету по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области. Воспроизведение материала в любой его форме возможно только с письменного разрешения правообладателя. Попытки нарушения будут преследоваться согласно законодательству Российской Федерации в области авторского права.

С86 Строгальщикова З. И. Вепсы. Очерки истории и культуры. Документирование языка, — СПб.: Издательский дом «Инкери», 2014. — 284 с.: ил.

*Книга издана в рамках реализации
государственной программы Ленинградской области
«Устойчивое общественное развитие в Ленинградской области»
(подпрограмма «Поддержка этнокультурной самобытности
коренных малочисленных народов, проживающих
на территории Ленинградской области,
на 2014–2016 годы»)*

Под общей редакцией О. И. Коньковой и А. А. Сырова
Рецензенты: доктор исторических наук И. Ю. Винокурова, кандидат исторических наук В. Е. Богданов

Книга посвящена истории и культуре вепсов – одного из коренных малочисленных народов Северо-Запада России. Автор на основе имеющихся источников поставила задачу в максимально доступной форме представить историю происхождения вепского народа, версии об этимологии его этнонимов, ход этнических процессов в регионе исторического и современного проживания вепсов, основные сведения о его материальной и духовной культуре, историю изучения вепсов. Рекомендована для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-903562-46-6

© Строгальщикова З. И., 2014
© ООО «Издательский дом «Инкери»,
оригинал-макет и предпечатная подготовка, 2014
© Комитет по местному
самоуправлению, межнациональным
и межконфессиональным отношениям
Ленинградской области, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура, как растение: у нее не только ветви, но и корни.

Д. С. Лихачев

Россия, занимающая одну восьмую часть света, является исторической родиной более чем для 100 народов со своим языком, особенностями этнического развития, культурными традициями. В Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 г. всенародным голосованием, источником власти провозглашен многонациональный народ. В торжественном заявлении: *«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость...»* подтверждается преемственность российской государственности, уважение к её историческому прошлому.

Долгий и трудный процесс собирания в единое Российское государство «земель и народов» проходил при разных обстоятельствах и содержит как великие, так и трагические страницы истории страны и населяющих её народов. Не является исключением и судьба вепского народа. Длительное время сведения о таких малочисленных народах, как вепсы, не имеющих своих автономных областей, округов или республик, крайне редко появлялись в прессе и научно-популярной литературе. С конца 1930-х гг. историческая наука, включая краеведение, оказалась под жестким контролем го-

сударства. В конце 1980-х гг. процесс демократизации общественно-политической жизни начался с ликвидации «белых пятен» в прошлом страны, его переосмысления, обсуждения места и роли народов России в ее истории. Но и сегодня «родной земли минувшую судьбу» мы знаем недостаточно. Вместе с тем острая необходимость консолидации многонационального российского общества, переживающего новый этап своего развития, ставит перед наукой задачу формирования общих взглядов на наиболее значимые события в истории государства. Научные версии таких событий должны быть известны и представлены широкой общественности в доступной форме.

Важное значение для истории становления нашего государства стало принятие 3 марта 2011 г. Президентом Российской Федерации Указа «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности»¹, которое отмечалось в 2012 г. в рамках мероприятий Года российской истории².

¹ Указ Президента РФ от 3 марта 2011 г. № 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 № 10. Ст. 1358. См.: Прил. док. 1.

² Указ Президента РФ от 9 января 2012 г. «О проведении Года российской истории» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 № 2. Ст. 246.

При обсуждении научной общественностью указа президента констатировалось, что установление общих подходов к ключевым событиям истории Отечества является важной частью государственной политики в историческом образовании. Указ восстановил прерванную в советский период традицию официального признания 862 г. как начальной даты формирования Русского государства, утверждённую Высочайшим повелением Николая I – императора Российской империи в 1852 г. Указ предписывал *«держаться строго летоисчисления Преподобного Нестора и руководствоваться оным в точности во всех учебных заведениях Министерства Народного просвещения, в которых преподаётся Русская История»*³. Выбор исходной даты основывался на сообщении в древнерусской летописи «Повести временных лет», известном в литературе под условным названием «Сказание о призвании варягов» (далее – Сказание). Автором «Повести временных лет» считают летописца Нестора. В ней говорится об образовании в 862 г. на северо-западе нашей страны союза восточнославянских (словен и кривичей⁴) и финноязычных (весь и чудь) племен, пригласивших на княжение варяжского конунга Рюрика с братьями и дружиной. Данный союз, как

³ Высочайшие повеления за август месяц 1852. 26. (21 августа). О следовании летоисчислению Преподобного Нестора при преподавании в учебных заведениях Русской Истории // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXXVI. СПб., 1852. Ноябрь. С. 19–20.

⁴ Кривичи – представители племенного славянского союза, ареал расселения которого охватывал и территорию современных Ленинградской и Псковской областей. См.: История Ленинградской области с древнейших времен в документах и материалах: Хрестоматия. Учебное пособие. СПб., 1998. С. 11.

полагают, и положил начало будущему Древнерусскому государству. В 1862 г. в Российской империи торжественно отметили 1000-летний юбилей создания государства. Его центральным событием стало открытие в г. Новгороде, куда по одной из летописных версий прибыли варяги, грандиозного памятника «Тысячелетие России»⁵.

Участие племенных группировок веси и чуды в судьбоносном для нашего Отечества событии, которых историческая наука считает предками вепсов, обязывает нас пристальнее всмотреться в глубь нашей общей истории, опираясь на современные исследования. Вместе с тем, несмотря на признание официальной версии зарождения российской государственности, вопросы его образования остаются одними из самых трудных в отечественной истории, требующих постоянного обращения к освещению всех сторон и участников данного процесса. Особенно длительные споры вызывала и продолжает вызывать роль варягов, которая отводится им в Сказании. В европейских источниках варяги известны как норманны или викинги, являющиеся выходцами из местностей, которые сегодня занимает Норвегия, Дания и Швеция. В раннее Средневековье их вооружённые отряды совершали грабительские рейды на европейские государства⁶. В древнерусских источниках варяги выступают не только как завоеватели, но и как наёмники и торговцы⁷.

⁵ Антощенко А. В. Замысел памятника тысячелетию России и его воплощение. См.: <http://elibrary.karelia.ru/m1000/ideas/>.

⁶ О викингах и их походах см.: Стриннгольм А. Походы викингов. М., 2003; Михайлова Т. А. Ирландия. От викингов до норманнов. Язык, культура, история. М., 2012. С. 17–24.

⁷ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 228–229.

Отмечалось, что давний спор между сторонниками летописной версии создания Древнерусского государства (норманистами) и её противниками (антинорманистами), усматривающими в летописном изложении событий неспособность русского народа к созданию государственности, имел в прошлом политический подтекст. В последние годы он потерял свою актуальность⁸. В советский период норманская теория считалась антинаучной⁹, хотя важная роль норманнов не вызывала сомнений в создании многих государственных «очагов» в Европе. В некоторых из них им удалось захватить власть и создать свои правящие династии. Так, например, известная ныне историческая область Франции – Нормандия (Страна северных людей) – сохранила свое название от викингов, образовавших здесь в начале X в. свою колонию, а в состав Англии входят Норманнские острова, являвшиеся в прошлом частью бывшего норманнского герцогства¹⁰.

По мнению ведущих ученых страны, поддержавших решение о праздновании в 2012 г. 1150-летия зарождения российской государственности, современный уровень исследований, особенно в археологии и лингвистике, позволяет принять летописную версию за точку отсчета ее формирования, учитывая определённую условность такой датировки¹¹. Преобладающим становится

мнение о том, что «события летописного Сказания представляются достаточно реальными, если уж не в своей конкретной, то в общеисторической канве»¹². Вместе с тем сохраняются и более осторожные суждения по данной теме. Отмечается, что существующие гипотезы происхождения и истории Древней Руси пока полностью не поддаются непротиворечивой интерпретации, а каждая из них вынуждена игнорировать те или иные не вписывающиеся в неё данные¹³. В то же время признается, что первичный текст «Повести временных лет» «звучит гораздо яснее, чем нагромождённые поверх него научные концепции и идеологические конструкции»¹⁴. Нет сомнений и в том, что указание конкретной даты для столь долговременного процесса, как зарождение государственности, носит символический характер¹⁵. В Новгородской первой летописи младшего извода, содержащей так называемый Начальный свод 1090-х гг., который считают предшествующим

⁸ Встреча с учёными-историками 22 июля 2011 г., г. Владимир. См.: <http://www.kremlin.ru/news/12073>.

⁹ Мавродин В. В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Л., 1949.

¹⁰ Михайлова Т. А. Ирландия. С. 18.

¹¹ См.: <http://www.kremlin.ru/news/12073>.

¹² Носов Е. Н. Рюрик – Ладога – Новгород // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция проведена в Старой Ладоге Лен. обл. под эгидой ООН по вопросам образования, науки и культуры (30 июня – 2 июля 2003 г., Старая Ладога). СПб., 2003. С. 37.

¹³ Назаренко А. В. Русь IX века: Север и Юг // 1150 лет российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвящённому Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 38.

¹⁴ Головлев А. В. Антропология движения (Древности северной Евразии). Екатеринбург. 2009. С. 262.

¹⁵ Горский А. А. Формирование русской государственности и «Призвание Рюрика» // 1150 лет российской государственности и культуры. С. 104 – 106.

«Повести временных лет»¹⁶, приглашение Рюрика отнесено к более раннему времени – 854 г.¹⁷

Изменилось и представление о месте, куда по одной из летописных версий прибыли варяги. Современная наука считает, что первоначально варяжская дружина прибыла в Ладогу и лишь позднее резиденция Рюрика была перенесена в Новгород¹⁸. Указом Президента Российской Федерации в июне 2003 г. впервые торжественно отмечалось 1250-летие основания Ладоги (с 1703 г. Старая Ладога) как первой «столицы» Древней Руси¹⁹. Принято решение и о возведении в Старой Ладоге памятника Рюрику – основателю древнерусской государственности²⁰.

Празднование юбилея зарождения российской государственности усилило интерес широкой общественности к общему прошлому нашего государства, к его изначально многонациональному характеру, лежащему в основе современного культурного многообразия страны. Последнее считают особенно важным для формирования общегражданской российской нации. По мнению специалистов, в эпоху расцвета Древней Руси в ее составе было 22 разноразличных народов²¹. Как видим, «дела давно ми-

нувших дней» затрагивают самые острые вопросы современной политической жизни страны. К общей истории Российского государства причастны все народы России, формирование которых происходило на её территории. Важность данного события подчеркивалась на встрече ведущих историков страны с Президентом Российской Федерации:

«1150-летие возникновения государственности должно быть праздником всех жителей нашей страны, всех народов, потому что наша страна возникла именно в результате совместного развития большого количества народов. Надо отмечать вклад всех народов в становление государственности»²².

Вместе с тем, отдавая должное роли славянских племен в военно-политическом союзе, ставшем основой формирования российской государственности, в тени остается вопрос о веси и чуди, являвшихся по летописи его равноправными членами. Вероятно, длительный спор о достоверности Сказания – «преданья старины глубокой» – не способствовал проявлению глубокого интереса к его неславянским участникам. В дореволюционный период, когда 862 г. считался главной исторической вехой в образовании Древнерусского государства, умаление их роли в столь знаменательном событии, по мнению известного специалиста по ранней истории вепсов В. В. Пименова, оказалось очень созвучно великодержавно-националистическому направлению официальной идеологии России, в которой объединяющее начало в собирании земель и народов могло принадлежать только славянской общности²³. Самое известное в дореволюционный пери-

¹⁶ Горский А.А. Указ. раб. С.11.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л. 1950. С. 104–106.

¹⁸ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Л., 1988. С. 44.

¹⁹ Президент России на юбилее первой столицы Северной Руси. См.: <http://www.lenobl.ru/culture/heritage/ladoga/press?notpl=1>.

²⁰ Власть Ленобласти хотят поставить в Старой Ладоге памятник Рюрику. См. <http://itar-tass.com/spb-news/857192>.

²¹ Русские. (Народы и культуры.) М., 1999. С. 10.

²² См.: <http://www.kremlin.ru/news/12073>.

²³ Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л. С. 15.

од научно-популярное издание «Народы России», рассказывающее о 45 народах страны, предваряет их описание утверждением, что *«Государство русское, начавшее свою жизнь соединением нескольких славянских племен под управлением князей, превратилось ныне, через тысячу лет, в огромную Русскую империю»*²⁴.

В научной среде об участниках Сказания чаще всего говорят в самом общем виде – как славянских и финских (финноязычных, финно-угорских) племенах или просто *славянах* и *финнах*²⁵. Так это прозвучало и на вышеупомянутой встрече историков страны с Президентом Российской Федерации, хотя вполне уместно было бы отметить, что современная наука историческими наследниками веси и чуди считает вепсов – малочисленный народ, представители которого проживают в местах своего традиционного обитания на стыке Ленинградской и Вологодской областей и Карелии.

В настоящее время представление о преемственности летописных веси и чуди и современного вепского населения из научной и энциклопедической литературы²⁶ уже перешло в научно-популярную²⁷ и учебную литературу, используемую в рамках краевед-

ческих дисциплин в регионах проживания вепсов²⁸. Трудно представить, как сложилась бы судьба вепского народа при сохранении в учебниках истории летописной версии создания нашего государства и признании 862 г. исходной датой зарождения древнерусской государственности. Возможно, гордость за славные дела своих предков, которым выпала выдающаяся миссия принять участие в создании самого обширного государства в мире, смогла бы уберечь вепсов от тревожной участи народа, находящегося на закате своей более чем тысячелетней истории, став стержнем их исторической памяти и самосознания.

С возвращением официальной версии истории формирования российской государственности появляется надежда, что внимание к сложнейшим вопросам истории и современного существования вепского народа усилится не только в научной среде, но и среди широкой общественности. Отмечая особо уязвимое положение малочисленных народов в современной России, Д. С. Лихачев, выдающийся ученый, исследователь древнерусской литературы и истории, говорил о недопустимости *«быть безучастным к судьбам культур малых народов, живущих в окружении народов многочисленных и обладающих государственной властью»*²⁹.

²⁴ Народы России. Живописный альбом. Вып. 1. СПб., 1877. С. 1. См.: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/c09/narody%201.pdf>.

²⁵ Мельникова Е. А. Возникновение Древнерусского государства в европейском контексте // 1150 лет Российской государственности и культуры. С. 24.

²⁶ Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 22; Энциклопедия. Карелия. Т. 1. А–Й. Петрозаводск, 2007. С. 45–46; Вологодская энциклопедия. Вологда, 2006. С. 97.

²⁷ Кочуркина С. И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск, 1990. 126; Рябинин Е. А. Веси // Природа. 1993. № 1. С. 86–93.

²⁸ История Ленинградской области с древнейших времен в документах и материалах. Хрестоматия. Учебное пособие. СПб., 1998. С. 11; История Карелии. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Под ред. М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2013. С. 20–21; Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Учебное пособие. Петрозаводск, 2011. С. 10–15.

²⁹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры и её международное значение // Д. С. Лихачев. Университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006. С. 35.

Его позиция отражает общую обеспокоенность в мире сохранением культурного многообразия. Россия как правовое многонациональное государство имеет конституционные обязательства перед мировым сообществом за сохранение культур малочисленных народов: необходима лишь активная политика по их реализации. Основополагающая идея разработанной Д. С. Лихачевым «Декларации прав культуры...» состоит в признании определяющего

значения культуры в жизни общества: *«Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств»*³⁰. Такой подход к месту и роли культуры в жизни общества требует ответственности государства за сохранение культур всех народов страны.

---

³⁰ Лихачев. Д. С. Указ. раб. С. 35.

ВЕПСЫ СЕГОДНЯ. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

РАССЕЛЕНИЕ

Территория традиционно проживания вепсов разделена границами между тремя регионами – Карелией, Ленинградской и Вологодской областями. Географическим центром современной вепсской территории, что весьма символично, является Вепсовская возвышенность, протянувшаяся к югу от Онежского озера вдоль границ Ленинградской и Вологодской областей (рис. 1). Своим названием она как бы закрепляет давнюю связь вепсов с землей своих предков.

Из озер, расположенных на Вепской возвышенности, берет свое начало известная как «истинно чудская» р. Оять (вепс. Jogī, Ojať, Ojatinjogī)¹, вытекающая из оз. Чаймозеро (вепс. Šoimjarvi)² и р. Паша (вепс. Paksjogī)³ – из оз. Пашозеро.

Рис.1. Венсовская возвышенность.
(Вологодская энциклопедия. Вологда, 2006. С. 97)

¹ Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Востоchnого Приладожья (бассейн реки Свирь). Л., 1997. С. 32.

² Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояты. С. 192.

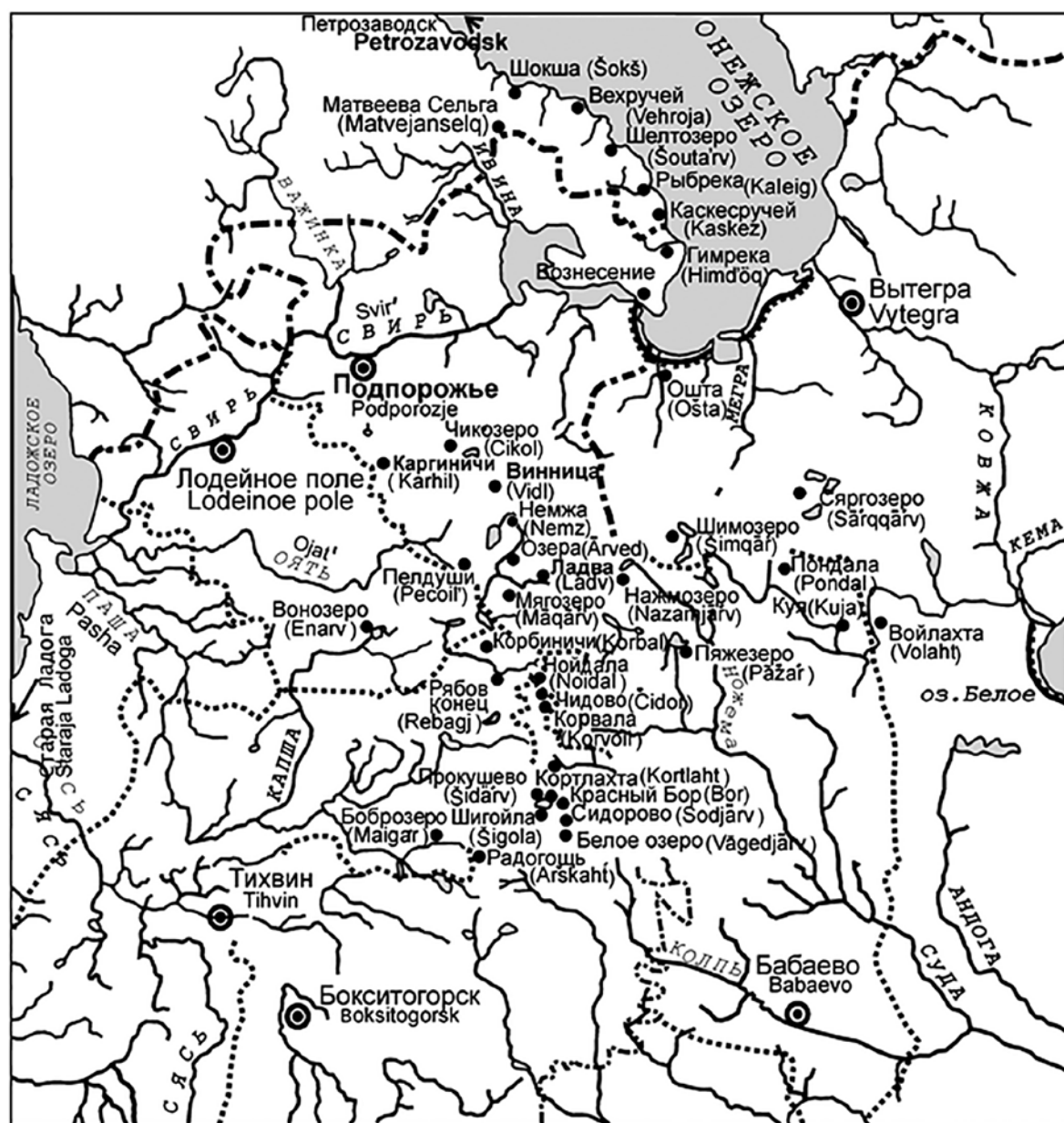
³ Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Указ. соч. С. 71.

Рис. 2. На Ояти. Фото Маркку Ниеминена

КАРТА - СХЕМА

Территория расселения вепсов

Рис. 3. На карте-схеме названия поселений указаны на русском и вепском языках

Реки Оять и Паша – самые большие по длине притоки р. Свирь. Её название связывают с вепским «Süvär', Süvär'dogi», означающим глубокое озеро. По своей протяжённости (224 км) Свирь даже уступает Ояти (266 км) и Паше (242 км). Известно выражение анонимного автора о красоте природы на Ояти: «Здесь не поскучает поэт: так привлекательна и живописна эта местность»⁴ (рис. 2). Кроме них в р. Свирь впадают еще более двадцати значительно меньших рек – Яндеба, Важинка и Ивина и др., которые соединяют вепские земли Ленинградской и Вологодской областей. От устья р. Свирь, по юго-западному побережью Онежского озера расположены самые северные поселения вепсов, входящие в состав Прионежского района Карелии (рис. 3).

Большинство работ о вепсах, отмечая обособленность прионежских вепсов от основной вепской территории, расположенной за Свирью, начинают с утверждения о том, что вепсы живут несколькими группами среди русского населения. Мнение об их чересполосном расселении сложилось у исследователей в 1960–1970-е гг. из-за административного разделения территории традиционного расселения вепсов, в которых поселения оказались не только на пограничье трех регионов, но и на окраинах четырех районов Ленинградской области: Подпорожского, Лодейнопольского, Тихвинского и Бокситогорского и двух в Вологодской: Вытегорского и Бабаевского. Отсутствие между ними транспортного сообщения вследствие бездорожья постепенно привели к изоляции вепских деревень разных районов друг от друга, хотя расстояние между ними составляло от

12 до 30 км⁵. В 1960–1970-е гг. при ликвидации «неперспективных» деревень первыми расселяли наиболее удалённые от районных центров, что увеличивало разрыв между вепскими селами соседних районов. К ним приходилось добираться в объезд – через районные центры, что и создавало впечатление о вепсах проживающих в каждом из районов как изолированных друг от друга группах.

Материалы полевых экспедиций и сейчас показывают, что цепочка вепских сел, тянувшаяся по юго-западному побережью Онежского озера в глубь вепской территории, прерывалась только у п. Вознесенье (Süverel)⁶, расположенного при истоке р. Свирь из Онежского озера (см. рис. 3). Ближе лежащие к Вознесенью со стороны вепских поселений Карелии д. Урицкая (Pervakod), Володарская (Kukagd'), Гимрека (Himjogi), Щелейки (Vehkaiselg) раньше входили в Шелтозерско-Бережную волость Петрозаводского уезда и составляли единую группу прионежских вепсов. После передачи большей части вепских деревень Шелтозерско-Бережной волости в 1924 г. из Ленинградской губернии в Карельскую АССР, оставшаяся часть Шелтозерско-Бережной волости стала в последующем отдаленной окраиной Ленинградской области. Такое решение принималось с целью сохранить контроль за местностью, примыкающей к р. Свирь за Ленинградской областью. Кроме Вознесенья на остальной вепской территории между деревнями нет «разделительных полос» в виде русских сел.

⁴ С-ов. П. Оятские лапти (картина с натуры) // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 397.

⁵ Подробнее см.: Строгальщикова З. И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепской народности // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 29–33.

⁶ Макарьев С. А. По советской Карелии (Краткий справочник для экскурсанта и туриста по Карелии). Л.; Петрозаводск, 1931. С. 47.

Вознесенье, которое считают обрусевшим вепским селом на р. Свирь, сейчас воспринимается как линия раздела между прионежскими и оятскими вепсами, но еще в 1920-е гг. оно выполняло прямо противоположную роль. Как пишет З.П. Малиновская, исследователь вепсов в конце 1920-х гг., с. Вознесенье являлось «главным торговым центром, к которому до революции тяготело все верховье р. Ояти»⁷. Особой известностью пользовалась до революции и зимняя Афанасьевская ярмарка, которая проходила с 18 по 28 января в с. Ошта (Šušť), имеющем вепское прошлое⁸. На неё собирались торговцы и покупатели из Петрозаводска, Вытегры, Олонца, Череповца и Новгорода⁹. По всей вероятности, процесс обрусения деревень, примыкающих к крупному торговому с. Вознесенье, завершился после утраты его роли в советский период как важного торгового центра на Свири, которым стал г. Лодейное Поле¹⁰. Постепенно это привело к разрыву отношений между прионежскими вепсами и вепсами, проживающими за р. Свирь.

Вепские поселения, находящиеся за р. Свирь до 1950-х гг., составляли в прошлом единую этническую территорию. Ее разделила административная граница при передаче в сентябре 1937 г. из Ленинградской области в состав Вологодской области части вепской территории с пяти тысячным населением, проживающим в Шольском и Оштинском районах.

⁷ Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник: Труды КИПС. Л., 1930. Вып. 16. С. 189.

⁸ Муллонен И. И. Вепсы Прионежья по данным топонимики // Проблемы истории и культуры вепской народности. С. 87.

⁹ Малиновская З. П. Указ. соч. С. 189 – 190.

¹⁰ Там же. С. 190.

Исследователи вепсов в 1926 – 1927 гг. составили карту лесных дорог и троп, пронизывающих весь регион расселения вепсов, обеспечивавших их связь между собой. В зимнее время сообщение внутри данного ареала облегчали «зимники», которые прокладывались по замершим озерам, руслам рек и болотам¹¹. Территориальный разрыв между ленинградскими и вологодскими вепсами возник только в конце 1950-х гг. из-за вынужденного выселения шимозерской группы вепсов Вологодской области, деревни которых первыми постигла участь «неперспективных». Места их обитания в Шимозерье остались незаселенными. Решение об их переселении в районный центр – Ошту – принималось не только с целью сокращения затрат на содержание дорог и социальных учреждений в отдаленных от центра района вепских деревнях, но и с намерением восстановить полностью разрушенное и обезлюдившее во время Великой Отечественной войны с. Ошта. В Ошту переехала только часть вепсов из Шимозерья, другая часть – с домашним скарбом и скотом по известным с древности тропам и лесным дорогам переселилась к оятским¹² и прионежским вепсам¹³, а остальные выехали за пределы этнической территории в города и поселки Северо-Запада. Старожилам и сейчас еще известны водные пути, связывающие центральную часть вепской земли – бассейн р. Оять

¹¹ Там же. С. 171. Рис. VI.

¹² Петухов А. В. Административная разобщённость – фактор ускорения ассимиляции вепсов // Проблемы истории и культуры вепской народности. С. 59–61.

¹³ Винокурова И. Ю. История и традиции хозяйственного освоения территории // Природные комплексы Вепской волости: особенности, современное состояние, охрана и использование. Петрозаводск, 2005. С. 202–205.

с её восточной окраиной – бассейном р. Суды¹⁴. Сейчас их используют отдельные любители экстремального туризма, добираясь из вепсских сел Приоятья до заброшенных шимозерских деревень¹⁵. По инициативе ученых, в 1980-е гг. здесь было создано несколько природных заказников и памятников природы, но их основными посетителями остаются рыбаки, охотники и туристы¹⁶.

Вместе с тем сообщения многих авторов, начиная с первого исследователя вепсов А. Шёгрена, говорят о значительном сужении этнической территории вепсов в результате длительного обрусения окраинных деревень¹⁷.

Многочисленные материалы нескольких поколений ученых – историков, археологов, языковедов и этнографов – дают нам возможность представить историю вепсского народа, занимавшего в прошлом значительно большую территорию, и игравшего на исторической карте региона в период создания Древнерусского государства значительную роль. Древние вепсы, что особо также подчёркивал Д. В. Бубрих, являлись «проводниками» распространения русской государственности на обширных простран-

ствах Севера¹⁸. Сейчас даже трудно предположить, что обезлюдившие местности пограничных районов Карелии, Ленинградской и Вологодской областей с остатками немногочисленного вепсского населения на заре становления Древнерусского государства составляли существенную часть его территории.

ЧИСЛЕННОСТЬ

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. насчитывалось 5936 вепсов: в Карелии – 3423 (57,6%), в Ленинградской области – 1380 (23,2%), г. Санкт – Петербурге – (271) 4,6%, в Вологодской – 412 (6,9%). См. прил., табл.1.

С 2002 г. среди вепсов преобладают жители городов и поселков городского типа, не изменилась их доля и в 2010 г. (56,4%), хотя в регионах традиционного проживания вепсов ситуация различается. В Ленинградской области доля вепсов-горожан в последние годы не превышала четверти от его населения, и в основном это жители райцентров и поселков городского типа, расположенных вблизи вепсских сел. В Санкт-Петербурге в 2002 г. вепсов было 318, в 2010 г. – 271 чел. В Карелии городское вепсское население превышает сельское уже с 1970 г.; в 2002 и 2010 г. оно составляло почти две трети вепсского населения республики. Сейчас самым крупным местом компактного проживания вепсов в стране является г. Петрозаводск, где их около 2000 человек. Меньше всего доля городского вепсского населения в Вологодской области (12,6%).

За пределами данных регионов, сельская местность которых являлась исторической родиной вепсов, в 2010 г. проживало 450 вепсов: больше всего их в

¹⁴ Муллонен И. И. Топонимические этюды вологодской земли // Вепсы: История, культура, современность. Материалы научно-практической конференции 29 марта 2006 года. Вологда, 2006. С. 68–71.

¹⁵ См.: Абрамов Н. В краю погибших деревень. // http://www.csipn.ru/news/2011/10_2011/2011-10-12.htm.

¹⁶ Воробьев Г. А. Шимозерье: тридцать лет спустя // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2005. С. 291–296.

¹⁷ Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом. // Проблемы истории и культуры вепсской народности. С. 76–83; Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы. С. 342–343.

¹⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947. С. 27.

Мурманской и Кемеровской областях (82 и 46 чел.). В остальных 55 регионах вепсов зарегистрировано от нескольких человек до двух десятков (см. прил., табл. 3). В целом среди вепсского населения преобладают женщины: их превышение особенно значительно у городских вепсов Карелии (см. прил. табл. 1).

С 2002 по 2010 г. численность вепсов снизилась на 28%, причем примерно в равной доле среди городских и сельских вепсов. Среди вепсов Вологодской области убыль меньше – всего 3,3%. Процесс сокращения численности вепсов происходит быстро и за пределами мест их традиционного проживания (см. прил., табл. 1)

Максимальной численность вепсов была в 1926 г. – 32,8 тыс. чел. В то время три четверти вепсского населения проживало в Ленинградской области и четверть – в Карелии (см. прил., табл. 2). В Вологодской области вепсы, о чем уже говорилось выше, оказались в сентябре 1937 г. после передачи ей части территории Ленинградской области.

С 2000 г. вепсы имеют статус коренного малочисленного народа Российской Федерации¹⁹. В соответствии с Законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к ним относят народы с численностью не более 50 тыс. чел., проживающие в местах расселения своих предков, осознающие себя самостоятельными этническими общностями, хозяйственная деятельность которых в основном связана

с использованием местных природных ресурсов²⁰. В Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации включено 47 народов. Из них 40 народов, проживающих в северных регионах страны, в том числе и вепсы, в 2006 г. выделены в группу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – народы Севера)²¹. По отношению к коренным малочисленным народам Севера действует специальное законодательство, предусматривающее более жесткие обязательства государства по сохранению их культурного наследия, исконной среды обитания, обеспечению доступа к природным ресурсам для сохранения и развития традиционных видов деятельности и традиционного образа жизни²². В мае 2009 г.²³ правительство утвердило перечень мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Российской Федерации. В нем указаны все сельские поселения Карелии, Ленинградской и Вологодской областей, являющиеся территорией исконного проживания вепсов. С принятием данного решения на вепсов указанных поселений распространяются меры государственной поддержки, предусмотренные российским законодательством для коренных малочисленных народов.

¹⁹ См. прил. док. 2, Вепсы Вологодской области вошли в данный перечень 26 декабря 2011 г. См.: Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2011 г. № 1145 «О внесении изменений в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации и в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». № 1145 от 26 декабря 2011 г. См.: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70012946/#review>.

²⁰ Федеральный закон от 30 апреля № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

²¹ См. прил. док. 3

²² Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Федеральный закон от 20 июля 2000 года № 104-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. №30. Ст. 3121; О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Федеральный закон от 7 мая 2001 года. № 49-ФЗ / Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

²³ См. прил. док. 4.

ГЛАВА 2

У ИСТОКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МИРОВЫХ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

Значительная роль древних вепсов в важнейших исторических событиях периода становления Российского государства была вызвана крайне удачным для того времени местом их расселения. В полной мере здесь справедливо утверждение, что *«География является глазами истории»*¹. С образностью писателя об этом пишет Н. В. Гоголь: *«Преподаватель должен призвать в помощь Географию, но не в таком жалком виде, в каком её часто принимают, т.е. для того только, чтобы показать место, где что происходило. Нет! География должна разгадать многое, без неё неизъяснимое в Истории». Она должна показать, как положение земли имело влияние на целые нации; как оно дало особенный характер им»...*².

В древности расселение по берегам рек и озер не только обеспечивало доступ к воде и занятие рыболовством, но и давало для обитателей побережий особые преимущества, поскольку издревле водные пути являлись практически единственными «дорогами», через которые устанавливались торговые и культурные связи, происходил обмен технологиями

и знаниями. Торговля содействовала производству изделий, пользующихся спросом, обеспечивала приобретение необходимых товаров, а главное – получение дополнительной прибыли, способствующей ускоренному экономическому развитию местного населения. В связи с этим наибольшую известность и влияние в истории приобретали сообщества и народы, проживающие вдоль магистральных торговых путей или обеспечивающие над ними контроль и безопасность передвижения по ним товаров.

Европейский Север, где зародилась государственность нашей страны, природа щедро одарила уникальным для того времени богатством: выходом к Балтийскому (Варяжскому) морю и множеством озер и судоходных рек. В самом полном географическом описании Российской империи четыре губернии на северо-западе страны – Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая – выделены в зону под общим названием «Озерская область». В нем говорилось, что она *«отличается исключительным изобилием вод: великие озера, Ладожское и Онежское, а также Ильмень и Чудское, со своими многочисленными реками и с тысячами других мелких озер, покрывают область целой водной сетью»*³. Волхов, где располагались Ладога и Новгород, в эпоху становления древне-

¹ Данное высказывание принадлежит голландскому картографу XVI в. А. Ортелию. См.: Атлас Исторический, Хронологический и Географический Российского государства, составленный на основании истории Карамзина Иваном Ахматовым. СПб., 1831, <http://www.runivers.ru/lib/book3293/16652/>.

² Гоголь Н. В. План преподавания всеобщей истории // Журнал Министерства народного просвещения. Часть первая. СПб. 1834, С. 191.

³ Россия: Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. Ч. I. Европейская Россия. Озерная область. Губернии: С.-Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая. СПб., 1913. С. 6. См. также: <http://www.runivers.ru/bookreader/book450334/#page/33/mode/1up>.

русской государственности являлся ключевой точкой на географической карте Восточной Европы. К истоку Волхова сходилась вся обширная водная сеть лесной зоны Восточной Европы⁴, а сама река одновременно

⁴ Носов Е. Н. Рюрик – Ладога – Новгород // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция проведена в Старой Ладоге Лен. обл. под эгидой ООН по вопросам образования, науки и культуры (30 июня – 2 июля 2003 г. Старая Ладога). СПб., 2003. С. 36.

являлась частью Великого Волжского пути, известного как «из варяг в арабы», или «серебряного», соединявшего Балтийское и Каспийское моря, и Днепровского – «из варяг в греки», или «парчового», связывавшего Скандинавию и Прибалтику с Византией и Причерноморьем (см. рис. 4)⁵. Пик активности первого из них относят ко второй половине VIII в., второго – к IX в. (см. рис. 4). По территории древних вепсов, уже

⁵ Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 60.

Рис. 4. Схема основных торговых путей в раннем Средневековье. На карте-схеме показаны: Великий Волжский путь – красным, Днепровский – фиолетовым. Другие торговые показаны оранжевым цветом

освоивших к тому времени пространство между тремя северными озерами: Ладожским (Нево), Онежским (Онего) и Белым (Белоозеро) проходил северный отрезок Великого Волжского пути. Он имел несколько ответвлений. Самый западный шел из Ладоги по р. Волхов в оз. Ильмень, затем по рекам Мста и Молога и далее на Волгу; Сясьский – из Ладоги по рекам Сясь – Тихвинка – Чагодоца – Молога – Волга. Основным среди них считается Свирско-Шекснинский, выходящий на Белоозеро. Его важнейшей артерией являлась р. Свирь, которая берет начало из Свирской губы Онежского озера и впадает в Ладожское озеро, соединяя таким образом два крупнейших озера европейской части России. Из Онежского озера по рекам Вытегра и Ковжа путь ведет на оз. Белое и по её притоку Шексне на Волгу.

По данным археологии, свирско-шекснинский участок пути использовался в IX–XIII вв.⁶ Современный Волго-Балтийский канал повторяет его направление (см. рис. 1).

ВЕСЬ И ЧУДЬ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ В IX–XI вв.

Для вепсов – в прошлом бесписьменного народа, не имеющего собственной исторической традиции – сведения древнерусских летописей о чуде и веси являются главными источниками по их ранней истории. Их сообщения, как отметил В.В. Пименов, говорят об исключительной роли, которая отводится веси и чуди в летописной версии создания древнерусского государства, поскольку *«по крайней мере, из десяти финно-угорских народов, перечисленных в летописи, только чудь и весь упоминаются как участники призвания варягов»*⁷.

⁶ Дубов И. В. Указ. раб. С. 213.

⁷ Пименов В. В. Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 24.

Традиция составления летописей на Руси установилась в начале XI в. Наиболее известной из дошедших до нас, считают «Повесть временных лет», составленную Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря. Она сохранилась не в подлиннике, а в копиях – в различных летописных сводах XIV–XV вв., которые начинались с «Повести временных лет». Впервые её текст был опубликован в 1767 г. в так называемой Радзивилловской летописи, названной по имени литовского князя Радзивилла, у которого она хранилась. Время её написания относят к XV в.⁸ Более древней версией «Повести временных лет» считается её текст в Лаврентьевской летописи, составленной монахом Лаврентием в 1377 г.⁹, близкой к ней по времени написания (1420 г.) является Ипатьевская летопись, обнаруженная в Ипатьевском монастыре под Костромой.

Точные даты жизни летописца Нестора не установлены. В.Н. Татищев в «Истории Российской», пишет, что он «родился на Беле озере»¹⁰, по церковной истории местом его рождения называют Киев¹¹. Годы его жизни указываются как 1056 – 1113/1114¹².

⁸ Радзивилловская летопись. См.: <http://radzivilovskaya-letopis.ru/>.

⁹ Начальная русская летопись (О «Повести временных лет»). <http://www.home-edu.ru/user/uatml/00000754/histbibil/pvl/pvl.htm>.

¹⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1, Гл. 5. О Несторе и его летописи. См.: <http://www.magister.msk.ru/library/history/tatisch/tatis005.htm>.

¹¹ Преподобный Нестор летописец. См.: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4600.htm>.

¹² Алексакин С. С. Хроника Рорика Фрисланского и Рюрика Новгородского // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2012. С. 62–63.

Нестор, начиная её со слов: *«Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля»*, представил современникам и потомкам свою версию первых страниц истории нашей родины, чем заслужил славу «отца русской истории». За свой труд, в котором дано и описание принятия и распространения на Руси христианства, Нестор причислен к святым, почитаемым в лике преподобного. При работе над летописью привлекались предшествующие летописные источники, монастырские записи, византийские хроники, легенды и устные поэтические предания о различных исторических лицах и событиях, хотя о некоторых из них Нестор писал, являясь их современником. Предполагают, что он составлял её по заказу князя Святополка II Изяславича¹³.

Повествование в летописи начинается с событий, происходивших около 250 лет до её составления, поэтому хронология ранней истории в ней довольно условна, сведения неполны, а иногда и противоречивы. Датированная часть летописи дается по византийскому летописанию и начинается в год 6360¹⁴ (852 по современному летоисчислению) и заканчивается в 6625 (1117) г. Как полагают, после смерти Нестора работу над летописью продолжил игумен Киевского Михайловского Выдубицкого

монастыря Сильвестр¹⁵. Существует также и предположение, что Сильвестру принадлежит уже вторая редакция, составленная для Владимира Мономаха¹⁶.

Значимость труда Нестора чрезвычайно высока: летопись приводит нам основные сведения о первых веках истории нашего отечества, являясь и важнейшим источником по средневековой истории славянских народов. Его современники и последователи понимали величие личности Нестора и его деятельности для российской истории. Пророческими оказались слова о нем в житии летописца: *«Памятуя о летах вечности ... он перешел в вечность после своей временной жизни»*¹⁷. Нестора считают одним из самых образованных людей своего времени, прекрасным знатоком греческого языка и византийских хроник. Широко известно его высказывание о важности просвещения:

*«Великая бывает польза от учения книжного, книги наказуют и учат нас пути к покаянию, ибо от книжных слов обретаем мудрость и воздержание. Это реки, напоющие вселенную, от которых исходит мудрость. В книгах неисчетная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то приобретишь великую пользу для своей души. Ибо тот, кто читает книги, беседует с Богом или святыми мужами»*¹⁸.

¹³ Алексахин С. С. Указ. раб. С. 63.

¹⁴ Летоисчисление в средневековой Руси вслед за хронологическими произведениями Византии велось от мифического сотворения мира, дата которого устанавливалась Библией: Рождение Иисуса Христа относят к 5508 г. от сотворения мира. Это летоисчисление через греков и болгар получило распространение и являлось общеупотребительным на Руси с конца X в. по 1700 г. В скобках приводится дата по современному летоисчислению.

¹⁵ О Сильвестре. Библиографический указатель. См.: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/silvestr1123.html.

¹⁶ Алексахин С. С. Указ. раб. С. 63.

¹⁷ Житие преподобного Нестора летописца. См.: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/05d/dimitrii_rost/dimitrii_rost1/933.html.

¹⁸ Преподобный Нестор летописец. См.: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4600.htm>.

Вводная часть летописи начинается с библейского рассказа о «послепотопных временах, в чем видят стремление автора показать место славян во всемирной истории в соответствии с её версией того времени в европейских хрониках. Согласно библейской легенде, после потопа и смерти благочестивого Ноя его сыновья Сим, Хам и Иафет со своими родами расселились по разным частям света. Запад и северная часть перешли к Иафету, от потомков которого ведут свое происхождение европейские народы. Переходя к повествованию о славянах, летописец сообщает, что *«спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели...»*¹⁹. По мнению исследователей, описанная в летописи миграция многочисленных славянских племен на обширные пространства Восточной Европы и Балканский полуостров являлась частью общеисторического процесса – великого переселения народов, начавшегося в IV в. Его основной причиной считают ослабление, а затем и крах Римской империи, в провинциях которых стали создаваться самостоятельные королевства. Лидирующую роль в это период в европейской истории играли древние германцы, сумевшие подчинить себе создаваемые на развалинах Римской империи новые государственные образования. Этот период, растянувшийся на три столетия, называют также «этнической революцией», в ходе которой происходило смешение

разных народов, растворение одних и появление новых²⁰. На завершающем этапе – (в VI – VII вв.) – в данный процесс втянулись и славянские племена. Заселяя Восточно-Европейскую равнину, они закрепились на землях вдоль известного торгового пути «из варяг в греки», главным звеном которого являлась р. Днепр. Племена, продвинувшиеся дальше всех в северном направлении (не позднее середины VIII в.), как сообщает летопись, «сели около озера Ильменя, назвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом»²¹. Здесь их соседями оказались местные финно-угорские племена, давно освоившие эту местность (рис. 5).

²¹ Повесть временных лет. С. 4.

Рис. 5. Этническая карта Европейского Севера во второй половине VIII – X в. (Пименов В. В. Венсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 45)

Сообщая о расселении *чуди* и *веси*, летописец указывает, что «*чудь сидят близ моря Варяжского*» (так славяне именовали Балтийское море). Варяги также сидят по Варяжскому морю, но здесь они *находники*²²... а на Белоозере сидит *весь*, которые здесь *первонасельники*... на Ростовском озере *меря*, а на Клещине озере также *меря*. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — *мурома*, *черемисы*, и *мордва*, говорящие на своем языке. Летописец приводит перечень неславянских племен и говорить о них, находящихся в даннической зависимости от Руси — «*а вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы*», — эти говорят на своих языках, они — от колена Иафета и живут в северных странах. Из перечисленных племен по языковой принадлежности большинство являются финно-угорскими; племена: *литва, зимигола и корсь* относились к балтийской ветви индоевропейской языковой семьи. Языки корси (куршский) и земгальский в позднем Средневековье были поглощены литовским и латышским²³. Описание летописца о расселении финно-угорских племен согласуется и с данными археологических исследований об этапах формирования Великого Волжского пути. Его первопроходцами считают предков финно-угорских народов, заселивших берега рек и озер Волжской системы еще в эпоху неолита (каменного века), примерно с середины II тыс. до нашей эры (рис. 6).

По археологическим данным, его освоение предками финно-угорских племён было не единичным

²² Там же. С. 5.

²³ Балтийские языки. См.: <http://lang.baseage.com/article235>.

Рис. 6. Этническая ситуация на Балтийско-Волжском пути в IX в. (Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 34)

явлением, не одной волной, а многоактным процессом²⁴, а их перемещения проходили как в сторону Балтики, так и в обратном направлении — на Волго-Окское междуречье. Длительное время он служил им внутри- и межплеменным средством сообщения, а также и для связи со значительно более дальними регионами²⁵. Считают, что до IX в. Великий Волжский путь принадлежал финно-угорским племенам, о которых нам сообщает «Повесть временных лет»: *чудь, весь, мордва, меря, мещера, мурома, югра*²⁶.

Сказание о призвании варягов в «Повести временных лет» начинается с краткого сообщения летописи: «В год 6367 (859) *варяги из заморья взирали дань с чуди, словен, мери, веси и с кривичей*»²⁷. В

²⁴ Дубов И.В. Указ. раб. С. 221.

²⁵ Там же. С. 3–7, 221.

²⁶ Там же. С. 221.

²⁷ Повесть временных лет. С. 7.

мировой истории период с VIII до середины XI в. называют «эпохой викингов» и рассматривают их походы как запоздалый финал периода переселения народов²⁸. Их боевые дружины, совершавшие дальние морские грабительские рейды, добирались до Британских островов, Сицилии, Закавказья, наводя ужас на население прибрежных территорий. Они заселили пустынные земли в Гренландии и Исландии и даже основали колонию Винеланд (страна винограда) в Северной Америке. Первыми жертвами набегов викингов стали монастыри на побережьях Британских островов. Из-за их появления с моря и бесстрашия перед религиозными святынями в европейских источниках их часто называли язычниками и «заморскими»²⁹. Викингов стали воспринимать как языческое зло, неожиданно обрушившееся на христианский мир. В Европе даже сложилась молитва «От ярости норманов избави нас, Боже»³⁰. Натиску викингов мало кто мог противостоять, поэтому сообщение о даннической зависимости от них перечисленных в летописи племен выглядит вполне достоверным. Далее в ней сообщается: «В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, но из-за возникших междоусобиц в том же году *«пошли за море к варягам, к руси»* и пригласили их на княжение. Как уже говорилось выше, викинги, известные по древнерусским источникам, как варяги, выступали по их сообщениям, не только как завоеватели, но и как наёмники и

торговцы³¹. В самом названии их *варягами*, *верингами* (*waeringer*), которое связывают со староскандинавским *vaeria* ‘защищать’ или *varda* ‘охранять’, просматривается их несколько иное восприятие в древнерусской среде³².

Приведем текст летописи об акте призвания, вызывавший острейшую и длительную дискуссию «по норманской проблеме» или «варяжскому вопросу» в исторической литературе: И сказали себе:

*«Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик ...»*³³.

В последние десятилетия общепризнанной становится не только историческая основа Сказания, но оно обрастает и более конкретными данными. Полагают, что приглашённый варяжский конунг (князь) Рёрик (Рюрик) являлся представителем датского рода конунгов³⁴. Летописец, описывая собы-

²⁸ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 60.

²⁹ Михайлова Т.А. Ирландия. От викингов до норманнов. Язык, культура, история. М., 2012. С. 18.

³⁰ Головлев А.В. Антропология движения. Древности Северной Евразии. Екатеринбург, 2009. С. 209.

³¹ Михайлова Т.А. Указ. раб. С. 18.

³² Головлев А.В. Указ. раб. С. 212.

³³ Повесть временных лет. С. 7.

³⁴ Образование Древнерусского государства. См.: <http://www.rusarchives.ru/statehood/01-03-letopis-rurik.shtml>; Карелия. Энциклопедия. Т. 1. С. 46.

тия этого времени, конунга Рюрика с его дружиной и братьями называет *русью*, поясняя при этом, что на них распространялось и общее название варягов. Считается, что, уточняя в тексте летописи – «*Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти*», летописец показывает, что варяги бывают разные, и что на княжение пригласили не тех варягов, которых раньше изгнали.

О происхождения слова *русь* ведутся постоянные дискуссии. По мнению академика А.А. Зализняка, хотя наука не пришла к окончательному мнению о его происхождении, но из всех существующих версий наиболее достоверной является скандинавская. Считают, что это славянская форма древнескандинавского термина, означающего гребцов, связанное с родом занятий варягов в древности³⁵. Полагают, что варягами, взимавшими дань, скорее всего, являлись викинги из средней Швеции – Свеаланда, области Скандинавии, а наиболее близкой к Поволховью и Приладожью³⁶. Пришедших с Рюриком варягов называли *русью*. Это название княжеского рода было перенесено на управляемый им народ – русь, а затем и на государство – Русская земля. Как отмечают исследователи, в средневековых представлениях главным носителем этнонима – названия народа – являлась наиболее политически активная верхушка

племени, название которой позднее переносилось и на народ даже в том случае, если подвластное ей население первоначально могло иметь иное с ней этническое происхождение³⁷.

Правление Рюрика продолжалось до 879 г., но его потомки управляли Российским государством семь с половиной столетий. Известный русский историк С. М. Соловьев писал:

«Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства, это соединение разрозненных племен через появление среди них сосредоточивающего начала – власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть»³⁸.

Традиционное определение действующих на исторической сцене в то время этнических группировок как племен, по мнению специалистов, не отвечает современным представлениям об уровне их социально-политического развития. Считают, что они уже находились на стадии, которую обозначают термином *вождество* (анг. *chiefdom*). В отличие от племенной организации, где власть представляют старейшины, избираемые сообществом по своим личным качествам, на стадии *вождеств* власть передается вождем по наследству. *Вождества* рассматриваются как переходная стадия к государствообразованию, что и предопределило успех исторической миссии Рюрика, дружина которого

³⁵ Видеозапись лекции А. А. Зализняка. История русского языка. <http://www.onlinetv.ru/video/1607/?autostart=1&trailer=1>.

³⁶ Горский А. А. Формирование русской государственности и «Призвание Рюрика» // 1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвящённому Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 16–20.

³⁷ Горский А. А. Указ. раб. С. 13, 20.

³⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. См.: <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv01p4.ht>.

стала «государствообразующей силой», а сам Рюрик – родоначальником правящей династии³⁹.

В то же время, по мнению исследователей, важным фактором для объединительного процесса разных языковых, но связанных общими интересами группировок под единой властью являлось их взаимодействие в «дюрюиковский период». В совместном решении словен и кривичей, чуди и веси о приглашении Рюрика видят существование между ними договорных отношений, что рассматривается как предпосылка некоего предгосударственного образования. Как отмечал Д.С. Лихачев, «для такого общего призвания нужен был союз, какая-то организация»⁴⁰, которая и стала реально изначальным звеном древнерусской государственности. Сообщение об изгнании в 859 г. общими усилиями варягов, по мнению известного историка В.В. Мавродина, говорит об уже сложившемся к моменту призвания «могучем племенном союзе ильменских славян, чуди, мери и веси», имеющим антиваряжскую направленность⁴¹. В литературе, используя более современную терминологию, его называют славяно-финской племенной федерацией (конфедерацией)⁴². Её внутреннее развитие, по мнению известного археолога и историка Е.Н. Носова, соответствовало условиям, которые считаются базовыми для начальной стадии возникновения государственности:

«В отношении общих вопросов отечественная и мировая наука пришла к достаточно консолидированному мнению: роль личности в истории, несомненно, велика, но государство возникает не по желанию одного человека или группы лиц – будь они местными или приглашёнными "из-за моря". Оно выступает как форма социальной организации общества, которая появляется на определённой стадии его развития. Сложение государства предполагает возникновение централизованной формы правления, образования территориальной общности, объединённой экономическими связями и единым административным управлением, появление специальных институтов, осуществляющих административные, судебные, военные и культовые функции. Особую роль в этой новой системе играют города как центры государственной власти, то есть места размещения её важнейших институтов, а также торговли, ремесла»⁴³.

В добровольном приглашении «заморских» правителей видят и хорошо рассчитанную политическую акцию – желание местной знати с помощью конунга Рюрика и его дружины избежать угрозы грабительских рейдов викингов на Ладогу, что подтверждает отсутствие до конца X в. сведений об их нападениях на Ладогу⁴⁴.

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ В ЛАДОГЕ...

Версии Сказания в разных летописных сводах различаются в деталях. Их причину видят во взглядах местных правителей на процесс формирования Древнерусского государства в период их написания. В Радзивилловской и Ипатьевской

³⁹ Горский А. А. Указ. соч. С. 17.

⁴⁰ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6. http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=349.

⁴¹ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 206 – 209.

⁴² Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I / Под ред. И. В. Дубова. Л., 1988. С. 41.

⁴³ Носов Е. Н. Указ. раб. С. 35.

⁴⁴ Кирпичников А. Н. Указ. раб. С. 52; Лебедев Г. С. Указ. раб. С. 490.

версиях «Повести временных лет» местом, где началось княжение Рюрика, указана Ладога и только после смерти братьев Рюрик «срубил» Новгород, в Лаврентьевской – об этом нет никаких сведений. В Новгородской первой летописи (младшего извода) текст которой, как полагают, доносит предшествующий «Повести временных лет»–«Начальный свод» 1090-х гг., Сказание изложено несколько иначе. Приход Рюрика и его братьев, Синеуса и Трувора в Новгород отнесен к более раннему времени – 6362 (854), где и остался княжить старший брат Рюрик, а Синеус «сяде» на Белоозере, Трувор – в Изборске. Весь в ней не упоминается, а участие чуди оговорено особо. Участники призвания по Новгородской первой летописи – «словени, и кривици, и меря» – представлены как «новгородстии людие», имеющие свой род и свою волость: чудь участвует только «своим родом» (без волости) и не входит в состав «новгородстии людие»⁴⁵. Исследователи первоначальным вариантом считают версию, изложенную в Ипатьевской, Радзивилловской и Лаврентьевской летописях, где указано участие веси, что соответствует и направлению Синеуса в Белозере – земли веси⁴⁶. Сообщение о не вхождении чуди в состав «новгородстии людие» объясняют её тесной связью вплоть до начала XIII в. не с Новгородом, а с Ладогой⁴⁷.

Сам механизм управления подвластными территориями, описанный в летописи, не через посред-

ников – представителей местной знати, а путем назначения наместников, считается также одним из признаков перехода от стадии *вождества* к государственному образованию⁴⁸.

О месте возникновения Древнерусского государства в настоящее время сформировалось устойчивое мнение: такая историческая миссия выпала Ладоге, перенос резиденции Рюрика в Новгород произошел немного позднее⁴⁹.

Завершающим этапом формирования Древнерусского государства считают объединение созданной под управлением Рюрика так называемой северной Руси с южной Русью с центром в Киеве, после успешного завоевания Киева в 882 г. князем Олегом – преемником Рюрика. По сообщению летописи: *«В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз и взял Любеч, и также посадил мужа своего.... И пришли к горам Киевским... И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: „Да будет это мать городам русским“. И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и меря, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава»*⁵⁰.

Осевой магистралью, связавшей территорию Киевской Руси, стал торговый путь «из варяг в

⁴⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л. 1950. С. 106.

⁴⁶ Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М. 1967. С. 52.; Кирпичников А.Н. Указ. раб. С. 45.

⁴⁷ Кирпичников А.Н. Указ. раб. С. 45–46.

⁴⁸ Горский А.А.. Указ. раб. С. 18.

⁴⁹ Кирпичников А.Н. Указ. раб. С. 44.

⁵⁰ Повесть временных лет. С. 8.

греки», протянувшийся с севера на юг по Восточно-Европейской равнине⁵¹.

Исследователи обращают особое внимание, что после победы Олег не обложил данью чужд и весь, объясняя это либо их значительной политической самостоятельностью в то время, либо подчинением Ладоге.

Удачное географическое положение Ладоги и её окружи – «ворота на Балтику», занятое до появления здесь варягов, скорее всего прасаамским населением, рано стало объектом варяжско-скандинавского влияния. Их появление здесь предшествовало славянскому. По древнескандинавским сагам, Ладога известна как *Альдейгьюборг*.⁵² Название города производят от речки Ладожки – притока Волхова, имеющей в своей основе *Alode-jogi (joki)*, *Ала-Djogi* – «нижняя река», прибалтийско-финские или саамские истоки⁵³. Ладожское озеро (в те времена – «озеро Великое Нево») получило свое название уже от г. Ладоги.

Данные археологических раскопок последних десятилетий говорят о том, что славянский авангард достиг Ладоги в последней четверти I тыс. н.э. Установлено, что строительство Ладоги – по древнейшему спилу используемых деревьев – началось в 753 г., тогда как самые ранние постройки Новгорода датируются серединой IX века⁵⁴. С развитием

Ладоги связывают доновгородский этап средневековой истории Северной Европы. Находясь на перекрестке морских и речных дорог, она становится международным торжищем, где проходил сбыт и обмен товарами. В Ладогу могли заходить корабли длиной до одиннадцати метров, способные передвигаться по реке и по морю. Здесь же товары перегружали с морских на плоскодонные речные суда. Древнейший клад в Ладоге из слоев 750–760-х гг. с арабскими серебряными монетами (самая ранняя 699/700 г.), и еще нескольких кладов дирхем из Ладоги и её окружи, датированных 770 – 790-ми гг., выдвигают Ладогу и примыкающие к ней местности в число наиболее развитых североевропейских районов раннего Средневековья⁵⁵. В раскопках часто встречаются части восточных серебряных монет с неровными краями и весы для их взвешивания, поскольку ими расплачивались по весу. Археологами здесь найдены вещи, характерные для балтов, финно-угорских племен, скандинавов, а также фриз, франков. Ладога превратилась в древнейший средневековый город, в разноэтничную среду которого в середине VIII в. влилось и славянское население.

В окрестностях Ладоги, как полагают, и состоялась историческая встреча славянского и финно-угорского «миров», положившая начало славяно-финской федерации⁵⁶. Торговая экономика

⁵¹ Горский А.А. Указ. соч. С. 12.

⁵² Стриннгольм А. Походы викингов. М., С. 208.

⁵³ Кочуркина С.И. История и культура народов Карелии и их соседей (*Средние века*). Петрозаводск, 2011. С. 32.

⁵⁴ Носов Е.Н. Указ. соч. С. 36; Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002. С. 5–35.

⁵⁵ Мельникова Е.А. Возникновение древнерусского государства в европейском контексте // 1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвящённому Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 30.

⁵⁶ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 212.

явилась мощным стимулом развития здесь ремесленного производства, расцвет которого относят к X в. Здесь начинается развитие бронзолитейного, стекольного, косторезного, а также судостроительного ремесел. Больших успехов ладожские мастера достигли в ювелирном деле. Местные и приезжие ремесленники быстро освоили производство товаров, пользующихся спросом в близких и дальних землях. Ладога стала центром, снабжавшим обширный регион на северо-западе изделиями европейских стран, а также предметами собственного производства. С самого начала политические, культурные и экономические интересы веси оказались связаны с Ладогой, поскольку местное прибалтийско-финское население было рано втянуто с ней в торговые отношения.

При сохранении ими традиционных занятий (подсечного земледелия, скотоводства) большое значение в его хозяйственной деятельности приобрела охота для добычи пушнины, являвшейся на международных рынках самым ходовым товаром. В обмен на пушнину оно получало различные товары. Основными посредниками в торговле пушниной считают варягов, выступавших, очевидно, и как наемная военная сила, обеспечивающая безопасность торговых поездок. В отдельных случаях, как показывают археологические материалы, варяги даже оседали в местной среде.

Вместе с тем задолго до всеобщего интереса к Ладого известным исследователем финно-угорских языков Д. В. Бубрих считал Ладогу и её округу местом на балтийско-беломорском севере, где происходили важнейшие исторические события, связанные с

созданием Древнерусского государства⁵⁷. В очерке «Происхождение карельского народа»: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере», рассчитанного «на широкого культурного читателя», Д. В. Бубрих показал важнейшую роль прибалтийско-финских народов в истории Европейского Севера, а сформулированная им концепция о происхождении карельского народа, основанная на исследованиях диалектов карельского языка, стала общепринятой и признается «одним из выдающихся достижений всего советского финно-угроведения»⁵⁸. Особое значение очерк имеет для вепсских исследований. В отличие от работ по вепсам предшествующих ученых, где об их преемственности с весью заявлялось лишь на основе созвучия их названий (весь – вепсы), Д. В. Бубрих впервые представил лингвистический анализ связи этнонимов веси и вепсов, версии происхождения веси и чуди, показал важную роль древних вепсов в сложении карелов. Работы Д. В. Бубриха внесли важный вклад в изучение истории прибалтийско-финских языков и народов и стали отправной точкой для последующих исследователей. Они показали решающую роль языковых данных для выявления ранних этапов этнической истории народов.

⁵⁷ Бубрих Д.В. происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947.

⁵⁸ Шаскольский И.П. Д. В. Бубрих и его теория происхождения карельского народа // Д.В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей. СПб., 1992. С. 78.

ГЛАВА 3

О ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ КОРНЯХ ВЕСИ

События периода формирования древнерусской государственности на северо-западе страны оказались судьбоносными для многих прибалтийско-финских народов. Некоторых из них летопись застает как самостоятельных участников исторического процесса на самом начальном этапе становления Древнерусского государства (весь, чудь), сведения о других появляются позднее. Как уже говорилось, важнейшие ориентиры для изучения ранней истории прибалтийско-финских языков и народов были сформулированы Д. В. Бубрихом на основании языковых данных как «чрезвычайно важном источнике познания седого прошлого»¹. Многие его положения остаются актуальными до сих пор. Древняя прибалтийско-финская общность, из которой позднее выделились прибалтийско-финские племена, по его мнению, уже в I тыс. до н. э. заселяла побережье Балтийского моря между Рижским и Финским заливами, где и завершилось их сложение как этнической общности:

«Проживание на отдельной территории, в обстановке тесных хозяйственных и культурных связей определило единообразие хозяйственных и культурных институтов у древних прибалтийских финнов, равно как единообразие их речи. Об их речи надо сказать, что (как это ясно на основе историко-сравнительного изучения речи их языковых потомков) она представляла собою одну и ту же речь,

*разумеется, с некоторыми вариациями от одной местности к другой, особенно в области словаря»*².

Полагают, что прибалто-финны пришли сюда из внутренней части лесной полосы Восточной Европы, поглотив обитавшее здесь немногочисленное местное население. По всей вероятности, они продвигались по Великому Волжскому пути, первооткрывателями которого, как указывалось выше, археологи считают предков финно-угорских народов³. Современные исследования подтверждают предположения Д. В. Бубриха о месте обитания прибалто-финнов до их разделения.

Общие корни прибалто-финнов оказались весьма глубокими. Языки финнов, эстонцев, карелов, вепсов, ижоры, ливов внутри финно-угорской языковой семьи выделяются в прибалтийско-финскую группу. Исследование каждого из них дает важнейший материал по самой ранней, бесписьменной истории народов, их культурным традициям, образу жизни, этнической психологии народов. Они также оказываются крайне необходимыми и для «расшифровки» топонимов, реконструкции многих языковых и культурных явлений у родственных народов, следы которых едва улавливаются у одних, но сохраняются у других.

На схеме (рис. 7), предложенной В. Н. Напольских, представлено их место среди финно-угорских языков.

Исследователь предупреждает, что данная схема весьма условна и ни в коей мере не может рассма-

¹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947. С. 3.

² Там же. С. 11.

³ Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 3–7.

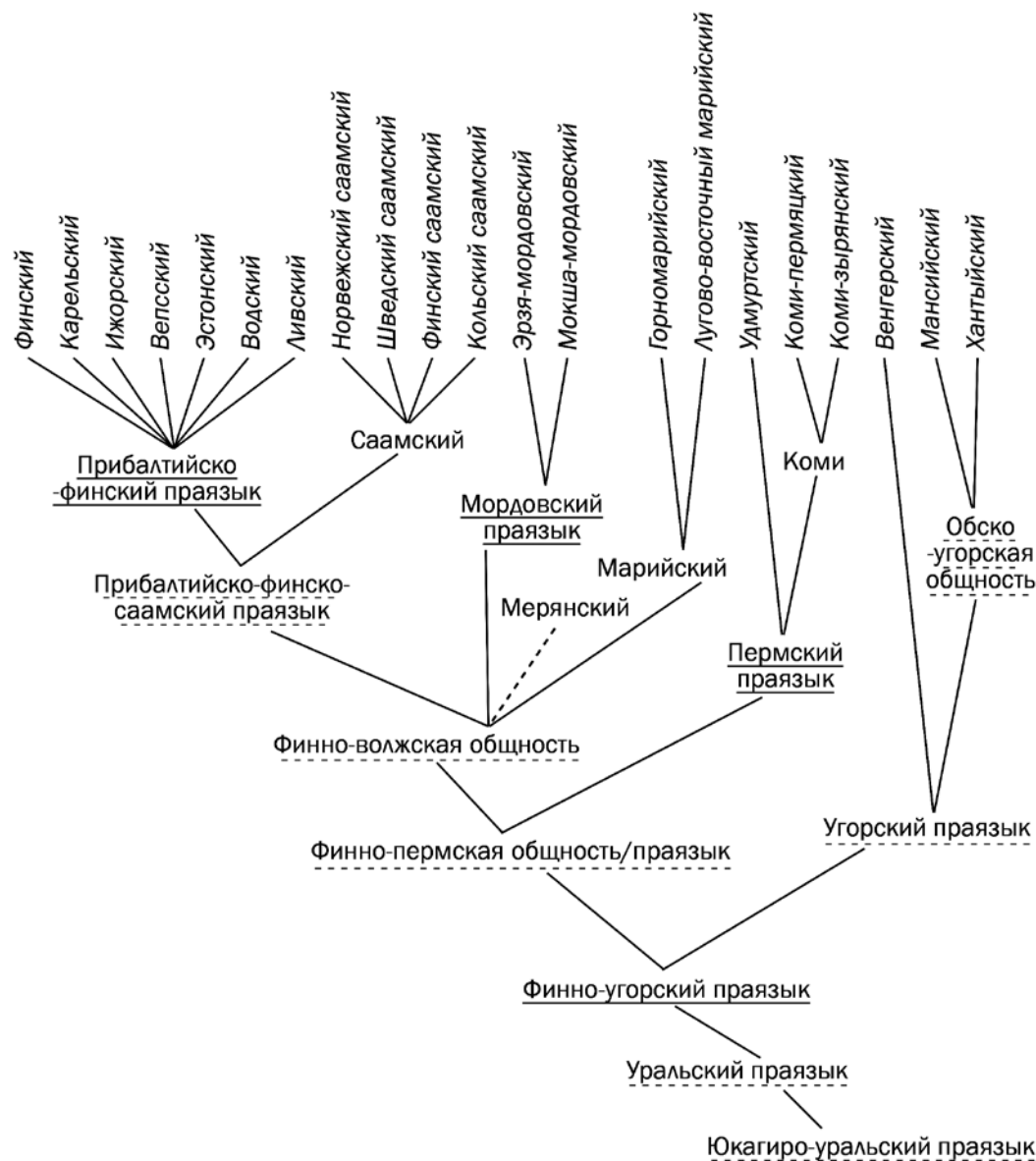

Рис. 7. Родословное древо финно-угорских языков по В. Н. Напольскому
(К реконструкции лингвистической карты центра Европейской России в раннем железном веке // Арт. 2007. № 4)

триваться как модель реальных исторических процессов, но она дает общее представление о близости тех или иных языков, входящих в финно-угорскую языковую семью⁴.

СЛЕДЫ СЕДОГО ПРОШЛОГО В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Принадлежность вепсского языка к прибалтийско-финской ветви финно-угорской семьи установлена давно. Основную часть в нем составляет лексика, относящаяся к общефинноугорскому слою, например, 'ma – земля', 'eläda – жить', 'jaug – нога', 'kulda – слышать', прибалтийско-финскому языку основе – 'hul – губа', 'jäniš – заяц', 'rehmed – мягкий' и самобытной вепсской лексике – 'ü buz – сугроб', 'šot – червяк', 'čigičaine – черная смородина', 'čibuda – качаться' др.⁵

В вепсском языке отчетливо прослеживаются следы прежних языковых контактов прибалто-финнов с соседними этническими группами: в нем имеются заимствования из летто-литовских (балтийских), древнегерманских и славянских языков. Влияние древних балтских племен (литво-латышей), обитавших южнее мест их расселения, по мнению лингвистов, на язык прибалтийско-финских народов оказалось весьма значительным. Наиболее ранние из них по времени относятся к земледелию, огородничеству, животноводству, средствам передвижения, строительству жилищ и усадьбы, одежде, пище, общественно-семейным отношениям, духовной культуре. С литовским 'канклес', латыш-

ским 'кауклес' связывают название кантеле – музыкального инструмента, являющегося культурным символом прибалтийско-финских народов⁶. В вепсском языке следы балтского влияния отражают слова: 'meri – море', 'hein – трава', 'vago – борозда', 'kirvez – топор'; 'terv – смола', 'naba – пуп', 'karv – шерсть', 'taivaz – небо' и др.

Позднее начались контакты прибалто-финнов с древними германцами, колонии которых доходили до восточного побережья Балтийского моря. В языке прибалтийско-финских народов это сохранилось в лексике, касающейся морских и военных дел, торговли. В вепсском языке это отражают слова: 'rand – берег', 'kuud – золото', 'raud – железо'; 't'in – олово', 'raha – деньги', 'ahj – очаг' и др.

По версии Д. В. Бубриха, установление контактов с древними германцами дало основной толчок разделению прибалто-финнов на отдельные племена. В эпоху могущества Римской империи связи с ними стали каналом вовлечения прибалто-финнов в международную торговлю, в которой главным товаром являлась пушнина. Нет сомнений, отмечает Д. В. Бубрих, «что мехами, добытыми прибалтийско-финскими охотниками, нередко щеголяли римские красавицы. Эта торговля, раз проложив себе пути, сохранилась и когда Рим пал»⁷. Разделение прибалто-финнов на отдельные племена, несомненно, ускорила и так называемая этническая революция, импульсы которой в последней четверти I тысячелетия н. э. дошли до мест их расселения. После распада Римской империи усилились связи прибалто-финнов с набирающими влияние древними германцами, а на смену им в «эпоху ви-

⁴ Напольских В.К реконструкции лингвистической карты центра Европейской России в раннем железном веке // Арт. 2007. № 4. <http://www.artlad.ru/magazine/all/2007/4/130/145>.

⁵ Зайцева Н.Г. Вепсский язык // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 351.

⁶ Бубрих Д.В. Указ. раб. С. 12.

⁷ Там же С. 13.

кингов» пришли варяги. Рост торговых отношений вызывал необходимость расширения промысловых угодий и торговых пунктов, что вело к освоению прибалто-финскими обширных территорий по всем направлениям. Обитавшая на северных окраинах мест их расселения *лопъ* (предки саами) в силу своей малочисленности и кочевого образа жизни, как полагают, не оказывала пришельцам сопротивления и откочевывала на свободные земли. Чем разнообразнее становились связи прибалто-финнов с его окружением, тем больше появлялось различий внутри прежде относительно единой прибалтийско-финской общности. Языковые данные также говорят о том, что различия в лексике прибалтийско-финских языков, ставших позднее самостоятельными, формировались при взаимодействии их со своими соседями, причем «в некоторых случаях одни и те же иноязычные слова заимствовались ими независимо»⁸.

На вновь осваиваемых прибалто-финнами землях постепенно стали формироваться самостоятельные этнические группировки, на основе которых позднее сложились уже известные нам по историческим данным прибалтийско-финские племена, связь с которыми имеют и современные прибалтийско-финские народы. На территории современной Эстонии из нескольких племен сформировался эстонский народ – *эсты*, восточнее мест его проживания – вдоль южного побережья Финского залива закрепились предки *води* – *vakja*, *vagja* или *vad'da*⁹; рядом с ними – в бассейне р. Невы и

части южного побережья Финского залива предки ижоры – *ingeri*¹⁰, на юго-западе на побережье Рижского залива – предки ливов – *liivi*. На самом юго-западе современной Финляндии обосновались *soomi* (рус. *сумь*) и вблизи их, у великих озер – *hämä*- *емь/ямь*. Вместе с двумя группами другого прибалтийско-финского племени – *kirjala*, которое позднее стало называться *karjala* (рус. *корела*), *сумь* и *емь* составили ядро современного финского народа. Основным местообитанием *корелы* являлось северо-западное и северное побережье Ладожского озера¹¹ (см. рис. 5).

В то же время, говоря о связях между древними племенами прибалто-финнов и современными народами, имеющими близкие по звучанию названия, Д.В. Бубрих предупреждал, что здесь, как правило, нет прямого соответствия: исследования показывают, что «очень часто древние племена в современных народах слиты и смешаны... так что одни их части отошли к одному современному народу, а другие к другому», что «совсем не исключает того, что сплошь и рядом название какого-нибудь древнего племени продолжается в названии современного народа», но зачастую «в таких случаях перед нами перенесение названия с одного предмета на другой»¹².

Ярким примером, подтверждающим такой вывод, стали итоги масштабного исследования карельских диалектов, проведенные под руководством Д.В. Бубриха по специальной программе,

⁸ Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007. С. 8.

⁹ Бубрих Д. В. Указ. раб. С. 14 и сл.

¹⁰ Кочкуркина С. И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). Петрозаводск, 2011. С. 50.

¹¹ Бубрих Д. В. Указ. раб. С. 31 и сл.; Кочкуркина С. И. Указ. раб. С. 95 и сл.

¹² Бубрих Д. В. Указ. раб. С. 5–6.

содержащей более 2000 вопросов по фонетике, морфологии и лексике карельского языка. Материалы были собраны почти в 200 селах Карелии и 50 в Тверской области¹³. Они показали, что два наречия карельского языка, на которых говорило две трети современного карельского населения Карелии: людиковское, распространённое у карелов, проживающих на западном побережье Онежского озера, и ливвиковское – на побережье Ладожского озера и на Олонецком перешейке – обнаруживают значительно больше сходств с вепсским языком, чем с собственно карельским наречием, свойственным карелам северных районов республики. Такой итог исследований, как отмечает Д. В. Бубрих в уже упоминаемом очерке «Происхождение карельского народа», меняет общепринятое представление о современных карелах как просто продолжении древнего племени корела (*karjala*) и говорит о весьма существенном участии древних вепсов в формировании современного карельского народа¹⁴.

Особенности диалектного деления современного карельского языка сложились в результате тесного взаимодействия продвинувшегося на рубеже XII– XIII вв. на северо-западную окраину вепсской земли между Ладожским и Онежским озерами карельского населения из северного и северо-западного Приладожья, которое завер-

шилось к XVII–XVIII вв. полной карелизацией местного населения. Различия в интенсивности вепсского субстрата в речи данных групп карелов и повлияли на их диалектное разделение. Он наиболее значителен у карелов на западном побережье Онежского озера, которые сами себя называют людиками. В речи карелов, заселивших побережье Ладожского озера и Олонецкий перешеек, преобладает карельская основа, они выделяют себя как ливвики. Вместе с тем, несмотря на диалектные различия, карелы всех групп обладают стойким этническим самосознанием, имеют также и общий этноним – *karjalaine*, и осознают себя единым народом¹⁵.

По языковым данным можно судить и об активном взаимодействии прибалто-финнов со славянским населением с самого начала его появления в местах расселения прибалто-финнов. Об этом красноречиво говорят многочисленные заимствования из древнерусского языка в языках прибалтийско-финских народов. Они касаются всех сторон жизни, начиная от христианских символов до бытовых предметов. Например, в вепсском языке ‘rist – крест’, ‘rapp – поп’ ‘pagan – поганный, язычник’, ‘luzik – ложка’, ‘lävä – хлеб’¹⁶. Особенно решающим оно оказалось для *веси* и *чуди*, которые первыми были втянуты в процесс формирования Древнерусского государства.

¹³ Бубрих Д.В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // Труды юбилейной научной сессии, посвящённой 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 143; Дубровина З. М. Дмитрий Владимирович Бубрих как исследователь прибалтийско-финских языков // Д.В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей. СПб., 1992. С. 17.

¹⁴ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. С. 4–6.

¹⁵ Орфинский В.П., Муллонен И.И. Винокурова И.Ю. Наука о вепсах на рубеже столетий // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 20–21.

¹⁶ Зайцева Н. Г. Вепсский язык // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 351.

ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА ВЕПССКАЯ ЗЕМЛЯ...

Происхождение любого народа всегда вызывает интерес, и чем древней народ, тем сложнее поддается однозначному толкованию его ранняя история. Ставшее традиционным представление об исторической преемственности веси и чуди с вепсами основывается в первую очередь на данных лингвистики. Вепсы, сохранив свой древний язык, очертив топонимами свою этническую территорию, тем самым позаботились о наиболее весомых доказательствах своего происхождения и границах своей исторической родины.

Вместе с тем в установлении связи между названием древних вепсов в прибалтийско-финской среде '*vepsä*' и *весью* в древнерусских источниках, как отмечал Д.В. Бубрих, есть определенные затруднения. В древнеславянском языке *весь* может быть представлена в форме *вьсь*, (род. падеж *вьси*)¹⁷, а поскольку смягчение -ь- из иноязычной речи в русском языке передается как -i-, а не -е-, то в качестве исходной формы для *весь* должно быть *vīpsä*, а не *vepsä*. Он полагал, что славяне название племени *весь* восприняли от скандинавов, называвших его, судя по западноевропейским источникам, *vīzzi*, «у которых замена -е- через -i- была в порядке вещей»¹⁸. По мнению Н.И. Богданова, связь же между этнонимами *вепс* и *весь* очевидна, выпадение в русском языке звука -п- (из *вепся*→*вепс*→*весь*) закономерно, хотя у специалистов сомнения в такой трактовке остаются. Он обосновывает это наличием среди вепсов этно-

нима *вепс* с мягким согласным *с* на конце, дающим основание для таких заключений¹⁹. Аналогичное сообщение приводит и З. П. Малиновская, специально выясняющая в 1927 г. использование этнонима *вепс* у приоятских вепсов. Ей удалось записать, что один старик вспомнил, что его бабушка после его поездки интересовалась: «А как говорят-то там по-русски или по-вепси?»²⁰. В этой связи интересно отметить, что русских в вепском языке называют *venänik*, что связывают с названием германцами древних славян '*venedha*, позднее *Vinidha* или *Venadha* – венеды'²¹.

Вепсы отнюдь далеко не единственные среди прибалтийско-финских народов, происхождение названия которых довольно сложно объяснить. В предшествующих дискуссиях по этому поводу высказывалось мнение, что предки вепсов название *vepsä* могли получить из исчезнувших языков племен мери или муромы, поскольку по летописным источникам их указывали как соседей веси в Белозерье. Соседство с мерей давало основание некоторым исследователям относить *весь* к поволжской группе финно-угорских народов. В то же время это сложно признать весомым доводом: в перечне племен, проживающих в «иафетовой части» *весь* указана между мерей и муромой, а имеющих «свои языки» – между муромой и мордвой, хотя с последними она никогда не соседствовала²².

¹⁷ В тексте некоторых летописных сводов, не подвергавшихся редакции, название племени *весь* приводится и как *Вси*. Подробнее см.: Пименов В. В. Указ. раб. С. 23.

¹⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. С.18.

¹⁹ Богданов Н. И. К истории вепсов // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. № 2. С. 26. Прим. 1.

²⁰ Малиновская З. П. Материалы по этнографии вепсов // Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 167.

²¹ Бубрих Д. В. «Происхождение карельского народа» Указ. раб. С. 25 – 26.

²² Повесть временных лет. С. 3, 5.

Принадлежность вепсского языка к группе прибалтийско-финских языков определяла и направление поиска места их прародины – местности сложения веси как отдельной этнической группировки. По версии Д. В. Бубриха, это произошло в местности между Волховом и Свирью, которую исследователь назвал «колыбелью» веси. По его мнению, часть прибалто-финнов, населяющих юго-запад мест их обитания, привлеченная развитием Ладоги, продвинулась в северо-восточном направлении и закрепилась на юго-восточном побережье Ладожского озера. К IX в. их число здесь «оказалось очень значительным и усвоило организацию отдельного племени... и стало называться *versä* (русское *весь*)»²³.

В.В. Пименов, монография которого по этнической истории древних вепсов появилась спустя два десятилетия после очерка Д. В. Бубриха и опиралась на многие его положения²⁴, считал, что весь уже к моменту её упоминания в летописях представляла собой полностью сформировавшееся этническое образование. А местом сложения веси, скорее всего, являлась юго-восточная Прибалтика, где проходил общий процесс формирования народов прибалтийско-финской группы²⁵. Его предположение значительно удревляло время выделения из среды прибалто-финнов веси как самостоятельной этнической группировки.

ЯЗЫК ЗЕМЛИ ОБ ИСТОРИИ НАРОДА

В последние годы в этноисторических исследованиях резко возрастает значение данных топонимии.

²³ Бубрих Д. В. «Происхождение карельского народа на - Указ. раб. С. 16–17.

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Пименов В.В. Указ. соч. С. 47.

Как отмечает И. И. Муллонен, известная исследовательница топонимии, «речь идет об истории, облеченной в слово, которое не только доносит через века отголоски звучания языка создателей топонима, но и наполнено содержанием»²⁶. Названия рек, озер, гор, лесов, поселений, сельскохозяйственных угодий, дорог – всё, что связано с повседневной жизнью местного населения, не только сохраняют для нас язык их создателей, но и рассказывают нам о путях их расселения, характере взаимодействия с соседями, особенностях социально-экономического и культурного развития.

При ограниченности и противоречивости письменных источников древности, «немоте» археологических данных топонимы представляют ценные исторические свидетельства. Их устойчивость во времени, особенности появления и функционирования, перенос моделей их образования при продвижении на новые места обитания дают основания для наиболее объективных суждений по сложнейшим вопросам истории и культуры народов.

Известный о. Кижь в Карелии, на котором расположен уникальный ансамбль Кижского погоста, как считают исследователи, получил свое название от вепско-карельского наименования разновидно-сти озерного мха – *kiidžin*²⁷. Его выгребали со дна

²⁶ Муллонен И.И. Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Карелии // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск. 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 20.

²⁷ В.А. Агапитов. Кижь: что в имени твоём? (О происхождении названия Кижь и не только...). // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 20–21; Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, С. 59 – 60.

заливов и лесных озер и после сушки использовали как прокладку между бревнами при строительстве изб, хозяйственных строений, им также конопатили лодки-кижанки и т. д. Ареал топонимов с такой основой довольно обширен: он захватывает территорию прошлого и современного расселения вепсов, где наиболее близок к форме, представленной в названии знаменитого острова, ср: оз. *Kižidärv*, болото *Kižiso*. Он также встречается у карелов в северо-восточном Приладжье и на Олонецком перешейке. Название вепсской д. Вехручей тоже имеет «растительное» происхождение и связано с травой вахтой трехлистной, вепс. *Vehk*. Топонимов с такой основой много – Вехкозеро, Вехламба, Вехкальник, хотя само слово в вепсском языке считается утраченным²⁸. В прошлом в неурожайные годы она, как и перемолотая сосновая кора, примешивалась к муке при выпечке хлеба у карелов и вепсов²⁹.

Среди топонимов немало таких, возраст которых насчитывает не менее 1000 лет. Топонимы представляют собой важнейшее культурное наследие определенных этнических групп, дошедшее до нас из глубокой древности. Самыми древними являются названия водных объектов – рек, крупных озер (гидронимы), и чем значительнее их роль в жизни края, тем больше вероятность их связи с самыми ранними жителями этих мест. Именно на данных топонимии основано предположение о том, что заселение древними вепсами своей новой родины шло с окрестностей Ладоги на восток и северо-

ро-восток. Названия наиболее ранних вепсских поселений, расположенных по берегам Ояти, Капши, Паши и Свири (см. рис. 3), образованы по общей для прибалто-финнов модели с помощью суффикса -*La-* (*L*), давно известного в научной литературе как «суффикс местоположения»³⁰. Подобная модель образования названий поселений и мест является яркой особенностью прибалтийско-финской топонимической системы. Мы видим её в наименовании по-карельски Республики Карелия – Карьяла, являющее вторым официальным названием³¹, её использовал Элиас Лённрот, назвав свой эпос «Калевала» – как место, где Калевала – это то место, где в основном живут его герои и происходят события, описанные в рунах³². Модель названий с суффиксом -*la-* встречается на территории проживания всех прибалтийско-финских народов, что говорит о её происхождении еще в период существования единой прибалтийско-финской общности, а позднее при разделении прибалтийско-финских племен она переносилась ими на новые места расселения. Как отмечает И. И. Муллонен, при картографировании ареал топонимов с такой моделью разместился бы вокруг Финского залива, а местности занимаемые вепсами являются всего лишь его юго-восточной окраиной³³.

³⁰ Кузнецов А.В. Словарь гидронимов Вологодской области. Тотьма; Грязовец, 2010. С. 11.

³¹ Конституция Республики Карелия. См.: http://www.gov.karelia.ru/gov/Constitution/mlaw01_c.html.

³² Лехмус Х.И. Элиас Лённрот – составитель «Калевалы» // Труды Юбилейной научной сессии, посвящённой 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 174.

³³ Муллонен И.И. Топонимия Присвирия: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 315.

²⁸ Муллонен И.И. Топонимия Заонежья. С. 58–59.

²⁹ Крылов В.И. Нужды и недостатки народной жизни в Олонецкой губернии в XVIII в. (По данным Екатерининской комиссии) // Перепечатка из «Олонецких губернских ведомостей». 1891. № 61–67. С. 70; Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С. 65–66.

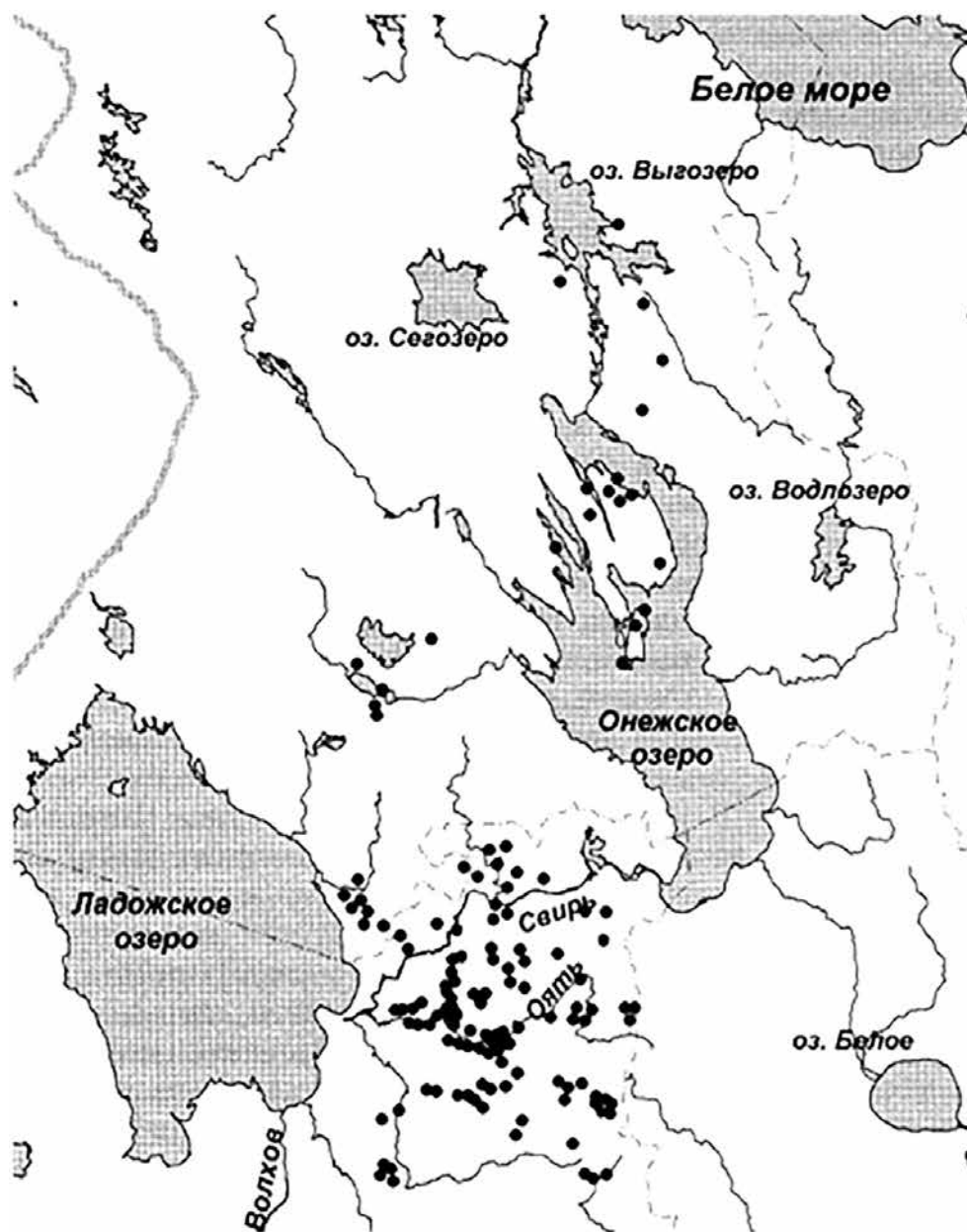

Рис.8. Ареал распространения топонимов с финскими корнями, образуемых по -L-вой модели с окончаниями на русском языке на -ичи/ицы.
(Муллонен И. И. Топонимия Заонежья. С. 192)

В основе названий финских поселений -L- типа обычно лежали древние дохристианские имена или прозвища их основателей или жителей, в том числе связываемые с определенными повадками или поведением животных: например: Rahkoil 'от rahkoi – домовой, обитающий на печи в доме или риге (относится к человеку, имеющего неопрятный вид)', Reboil от reboi – лиса (по отношению к человеку – хитрый, лукавый), Naagail от Naag – сорока (в финском языке так называют хохотушку, болтушку или разиню) и т. д. Их перевод на русский язык в Присвирье и Обонежье передавался окончаниями ичи/ицы (Рахковичи, Ребовичи, Харагиничи). Наиболее многочисленное скопление поселений с такими окончаниями отмечается в Присвирье. Их картографирование показывает ареал наиболее раннего расселения древних финнов и пути их продвижения по маршруту, который был описан Д.В. Бубрихом как западный вход в Заволочье (рис. 8).

В русской и финской традициях такие названия относятся не к отдельным деревням, а к кустам поселений, отражая так называемый гнездовой тип

расселения на Севере³⁴. Распространение у древних вепсов в юго-восточном Приладожье названий поселений по L-овой топонимической модели свидетельствует об их прибалтийско-финском происхождении и обитании их до появления здесь в более западном регионе.

Древняя весь-чудь заселяла, судя по данным топонимии, уже освоенные земли. Этническая принадлежность населения, проживавшего здесь до появления древних вепсов, остается неясной. Постепенно оно слилось с древними вепсами. От него в вепском крае остались названия многочисленных притоков р. Оять: Шокша, Кузра, Капша, Курба и др., некоторые из них носят и современные вепские поселения, возникшие на их берегах. Аналогичные топонимы встречаются на Европейском Севере и даже на Урале и в Сибири, что дает основания строить самые разные предположения об их происхождении. Среди существующих гипотез есть и связывающая их истоки с языками поволжских финно-угорских народов, как ныне существующих, так и уже исчезнувших. Некоторые из топонимов зафиксированы на территории прошлого обитания летописного племени меря. От марийского слова *шокш* – ‘рукав, приток реки’ объясняют топоним Шокша: река и поселение с таким названием есть на вепской и мордовской землях; также с марийским словом *икса* – ‘ручей, небольшая речка’ связывают название оз. Юковское и д. Юковичи в вепском Приолятье³⁵, с сло-

вом *шим* – ‘черный’ – названия оз. Шимозеро, рек Шима, Шимка, Шимакса и поселения Шимозеро³⁶. Мерянские корни видят и в названиях таких известных поселений в Карелии, как Шелтозеро и Шуньга³⁷.

Весьма сложен вопрос о саамской топонимии на вепской территории, которая считается также предшествующей вепской. По мнению И. И. Муллонен, она относится к периоду прасаамского языкового развития, поэтому интерпретация топонимов саамского происхождения является весьма сложной задачей. Название Онежского озера (вепс. *Äniž*) связывают с саамским словом *‘æpâ – большой’*³⁸. Вместе с тем только в Приолятье И. И. Муллонен зафиксировано около 70 гидронимов – названий рек и озер саамского происхождения: со словом *‘išoalme, čalm – пролив’* связывают название оз. Чаймозеро (вепс. *Čoimjarvi*), откуда берет свое начало р. Оять; с *‘šava – плесо’* – о. Савозеро (вепс. *Savijarvi*), с *‘kukk, kukkes – длинный’* – озера Кукасозеро и Кукаское; с *‘toares – поперек, поперечный’* – о. Торасозеро (вепс. *Torasjarvi*). От саамского слова *‘vuaddži – болото, болотистое место’* происходит значительная группа топонимов на вепской территории, в том числе приток Ояти – *Ваджега* (вепс. *Vadžug*), болота Важинское, Вачевщина; от слова *‘ruoksa – мох’* – названия ручьев Рокса, болот Рокша, Рокшима; от *‘šarš – сиг – приток Ояти р. Шапша’*³⁹.

Контакты между древними вепсами и прасаамским населением носили длительный и глубокий характер. К саамским заимствованиям в вепском

³⁴ Муллонен И.И. Топонимия Заонежья. С. 191.

³⁵ Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояти // Кочуркина С. И., Линецкий А. М. Курганы летописной веси Х – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 194 и сл.; Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб., 1994. С. 5.

³⁶ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. С. 320.

³⁷ Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояти. С. 195.

³⁸ Муллонен И. И. Топонимия Заонежья. С. 59–60.

³⁹ Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояти. С. 192.

языке относят такие слова, как *čura* – край, сторона, *čuru* – дресва, песок, *ližm* – ил, *čoga, čuga* – угол, и др.⁴⁰. В вепсской лексике удалось выявить, как уже говорилось, и саамские заимствования, которые, по мнению известного лингвиста П. Аристе, в других прибалтийско-финских языках неизвестны⁴¹.

Данные топонимии дают основание нам и для суждений о характере заселения древними вепсами ареала своего расселения. Его западная часть – бассейн р. Свирь – подверглась быстрому (залповому) вепсскому освоению, где и находится самое большое скопление вепсских поселений с названиями, образованными по характерной для них L-овой модели. Вероятно, это привело к быстрому растворению местного населения в вепсской среде. Иные процессы происходили на восточной части вепсского ареала, где L-овая модель не встречается. Залповый выброс древневепсского населения, по мнению И.И. Муллонен, её не достиг, поэтому здесь массовая замена местной топонимии L-овой моделью не произошла, а вепсизация местного населения – смена языка и этнического самосознания – у создателей древней довепсской топонимии проходила в течение довольно длительного времени⁴².

Картографирование топонимов с вепсской основой, проведённое И.И. Муллонен, уточняет реконструкцию исторической вепсской этнической территории (см. рис. 9).

⁴⁰ Зайцева Н. Г. О вепсско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 22–32.

⁴¹ Аристе П. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 18.

⁴² Орфинский В. П., Муллонен И. И., Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 14 и сл.

Рис. 9. Территория современного расселения вепсов показана темным цветом, заштрихованная – с вепсской топонимией. Составлена И.И. Муллонен. (Доклад И. И. Муллонен «Вепсы на этноисторической карте Северо-Западной России»)

Оно приводит к весьма интересным выводам. Границы местности, заселенной древними вепсами вокруг Онежского озера, в основном совпали с границами Обонежской пятины – одной из пяти административных единиц, на которые были разделены новгородские земли после их присоединения к Московскому государству⁴³. Нет сомнений, что в основе выделения Обонежской пятины лежала уже исторически сложившаяся особая этнокультурная зона, объединяющая земли с древневепским населением. К середине II тысячелетия она уже подверглась в ее западной части карельскому влиянию, а в восточной и вдоль основных водных путей – русскому, но топонимия отчетливо сохранила здесь следы былого проживания древних вепсов⁴⁴.

Вместе с тем на основании топонимических карт обнаруживается еще один важный вывод. Северная граница расселения древних вепсов в Обонежье ограничена природно-климатической зоной, которая наиболее благоприятна для ведения земледелия в северных условиях, что опровергает предположения археологов о том, что продвижение древних вепсов на север Обонежья диктовалось, прежде всего, его промысловым освоением⁴⁵.

Таким образом, средневековая Обонежская пятина в своих основных границах воспроизводила исторически сложившийся регион расселения древних вепсов, формирование которого началось еще с выделения Обонежского ряда – отдельного податного округа, известного по письменным источникам XIII в.

ОБОНЕЖСКИЙ РЯД – ПЕРВОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНИХ ВЕПСОВ

Первые сведения об Обонежском ряде как отдельном податном округе известны из приписки к одному из самых ранних документов Новгородской земли – Уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г., в которой приводился перечень погостов с указанием сумм церковного налога в пользу новгородской епископии. К тексту грамоты приписаны два дополнения с перечнем поселений и размеров их церковного налога от Обонежского и Бежецкого рядов. Историками установлено, что данные включения в текст Устава относятся к значительно более позднему времени, чем основной текст грамоты, примерно к концу первой трети XIII в. В Обонежский ряд входили 14 поселений – становищ (мест сбора налогов), расположенных вдоль рек Свирь, Паша, Сясь, Оять, Олонка – *«А се Обонезьский ряд: во Олонци 3 гривны, на Свери грив., в Юсколе 3 грив., в Тервиничих 3 грив., у Вьюнице грив., устье Паши грив., у Пахитка на Паши полъгрив., на Кукуеве горе грив., у Пермина грив. у Кокорка полъгрив., на Масиеге низ Сяси полъгрив, в поезде от всеи земли владыце 10 грив., а попу две грив., у Липсуевичь полъгрив., у Тоивота грив., в Липне полъгрив»*.

Из текста приписки видно, что плательщиками налога выступали не только погосты, но и конкретные лица, скорее всего, старейшины вепских родов: Пахитка, Пермин, Кокорка, Тоивот, что говорит о сохранении в древневепской среде на тот период сообществ, управляемых местной знатью. Названия перечисленных поселений образованы по характерной модели с помощью суффикса – L (-La-) или в их традиционной форме при передаче на русском языке. В некоторых

⁴³ Описание границ Обонежской пятины см.: Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Еорнон, Т. XXI. А. СПб, 1897. С. 551.

⁴⁴ Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX – XX вв. С. 344.

⁴⁵ Муллонен И.И. Исторические топонимы ... С. 21.

из них без труда можно узнать сохранившиеся до сих пор названия поселений: Олонец, Винницы, Юковичи, Тервиничи. За исключением Олонца, где вепсское население позднее подверглось карелизации, остальные поселения и сейчас являются вепскими или известны в недавнем прошлом как вепские.

Неоднократно в литературе высказывалось мнение, что с. Винницы, которое сейчас признается как центр вепсов Приоятья, являлось одним из ранних русских сел, оказавшихся в центре вепских поселений⁴⁶, связывая его название со словом 'venänik русский', и ошибочно указывая его вепсское название как Venäla⁴⁷, хотя вепсы называют его 'Vidl' или 'Vingl'⁴⁸. Скорее всего, следы раннего славянского присутствия здесь отражает название находящегося поблизости от Винниц поселения Великий Двор⁴⁹, в более поздних справочниках – Великодворская⁵⁰. Названия с основой 'великий', означающее 'большой'; связывают на севере с новгородским освоением территории⁵¹. Считают, что включение Обонежского ряда в число податных территорий новгородской епископии означает потерю самостоятельности всей Ладужской области, включая и Обонежский ряд, и переход её в новгородское владение.

⁴⁶ Малиновская З. П. Указ. соч. С. 166.

⁴⁷ Пименов В. В. Указ. соч. С. 51.

⁴⁸ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. С. 46–47.

⁴⁹ Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области. Л., 1936. С. 101–103; 124–125.

⁵⁰ Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1973. С. 70.

⁵¹ Муллонен И. И. Топонимия Заонежья. С. 61–62.

Перед исследователями вставал вопрос: что обеспечивало такой размах расселения древних вепсов?

Определяющим фактором для освоения Обонежья весью, как уже отмечалось, являлось очень выгодное географическое положение местности, которую она занимала ко времени появления здесь славянского населения, – угол между реками Волхов и Свирь на юго-восточном побережье Ладужского озера, откуда открывался водный путь от Ладужского озера через Онежское озеро к Белому озеру, являвшийся частью северного отрезка Великого Волжского торгового пути. Весь считают и первопроходчицей многих маршрутов в Заволочье – обширных земель в бассейне северных рек Онега и Северная Двина, изобиловавших пушным зверем. Попадали в Заволочье, используя водный и волоко-вой пути, перетаскивая на довольно большие расстояния суда с товарами по «волокам» – сухопутным путем из бассейна одних рек в другие. Один из известных путей древних вепсов в Заволочье, по определению Д. В. Бубриха – западный вход, проходил к востоку от Онежского озера по р. Водла с притоками и до р. Онега и далее до Северной Двины. Второй – юго-западный вел на Белозерье, откуда по р. Шексна открывался путь на Волгу⁵². Такой размах направлений и привел к освоению вепсами обширной территории. Их поселения возникали не только по берегам рек и озер, но и в некотором отдалении от них, как в целях безопасности или более удобной связи с сельскохозяйственными угодьями.

Центр обонежского ряда – низовья рек, впадающих с юго-востока в Ладужское озеро, является местностью самой насыщенной топонимами с вепскими истоками и местом концентрации памят-

⁵² Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. С. 27–28.

ников так называемой приладожской курганной культуры (ср. рис. 8. и рис. 10), получившей свое

название по месту, где впервые были обнаружены памятники данного типа.

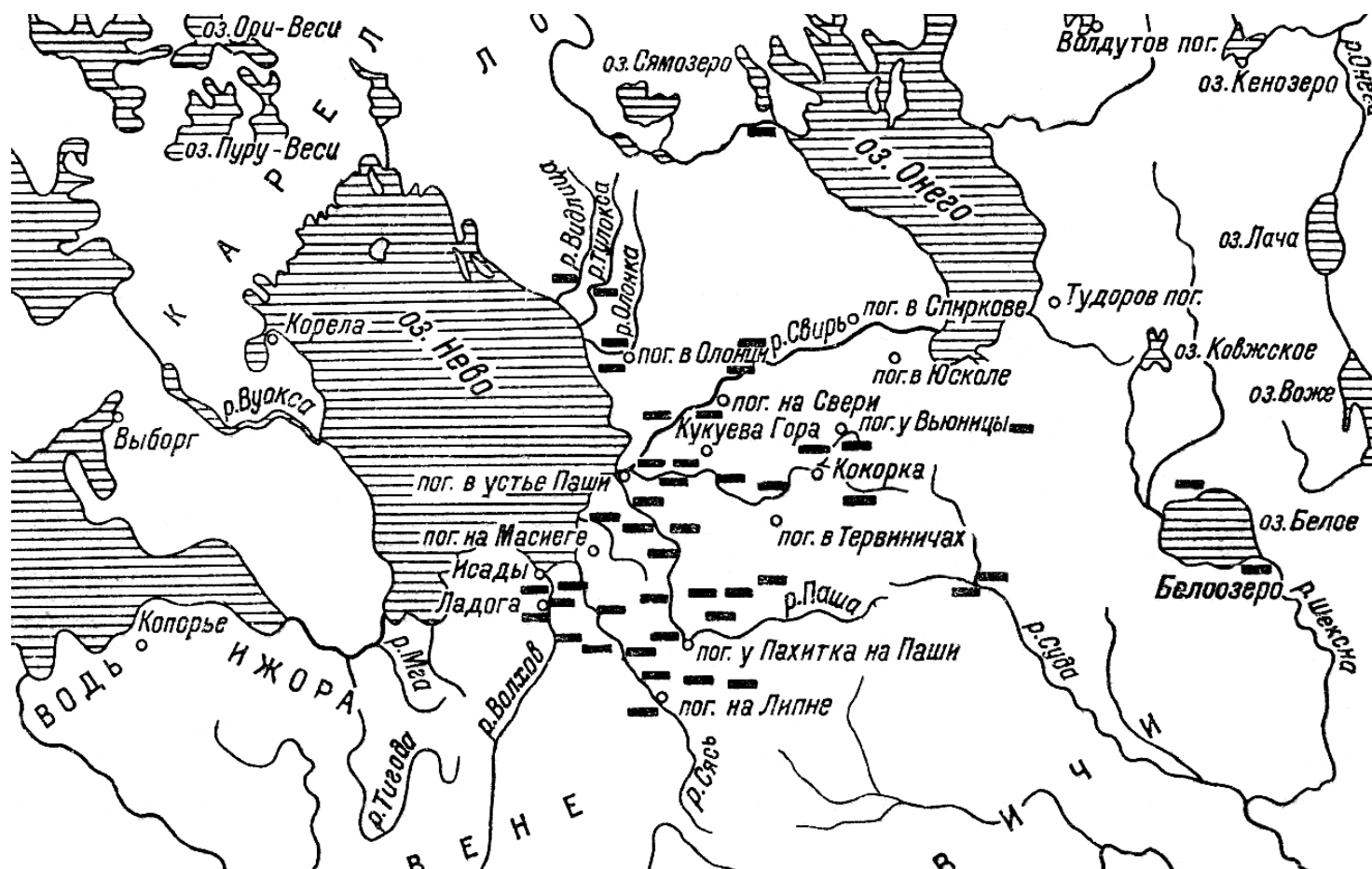

Рис. 10. Схема размещения археологических памятников веси конца IX – XII веков (Пименов В. В. Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 54)

Последующие археологические исследования привели к значительному расширению зоны памятников курганной культуры. Ареал приладожской курганной культуры полностью покрывается зоной распространения топонимов, образованных по L-модели. Это наблюдается не только в юго-вос-

точном Приладжье, но и в северном Обонежье и Водлозерье⁵³ (см. рис. 8), показывая границы местности, освоенной древневепским населением.

⁵³ Муллонен И.И. Топонимия Присвирья. С. 315–316.

ГЛАВА 4

И ВЕСЬ, И ЧУДЬ ...

В археологических работах территория Обонежского ряда выделялась как «Чудская земля» (рис. 11), которая вместе с ладожской городской областью и составляла особую ладожскую землю. Она занимала юго-восточное Приладожье и простиралась на север до Олонецкого перешейка. Олонец был ее самой северной окраиной.

При признании прибалтийско-финского, «чудского» происхождения курганных памятников исследователи по-разному называли их создателей. В них видели весь, но иногда в отличие от белозерской веси её называли приладожской весью или приладожской чудью¹. Д.В. Бубрих, предложив свою версию этнической принадлежности носителей приладожской культуры, называл их волховской чудью, поскольку особая известность *чуди* как этнополитической группировки в IX – X вв. была связана, по его мнению, с экономическим развитием Ладоги.

Происхождение этнонима *чудь* остается спорным. Д. В. Бубрих считал, что его корни в древнегерманском слове *thiudhoo*, чаще всего используемого в значении *свой народ*, *свои люди*, указывая и производные от него – свой, свойский, дружественный, понятный, в том числе и слово *deuten* – пояснять, *be-deuten* – значить, которое в средние века дало самоназвание немецкому народу – *deutsch*. Древние славяне его восприняли как *tjudjъ* – *чужой народ*, *чужие люди*. Со временем общение древних германцев и славян

стало достоянием истории, а слово *tjudjъ*, превратившееся в *чудь*, сначала относилось к волховской чуди как группе, связанной с варягами (новыми германцами), а затем стало использоваться и по отношению к остальным прибалтийско-финским группам. Исключением являлась лишь белозерская весь, наиболее близко примыкающая к волжским финно-уграм, и славянами, «не вникавшими в лингвистические обстоятельства, она ставилась на одну доску с другими волжскими группами»².

Чудью в зависимости от времени упоминания и контекста стали называть как отдельные прибалтийско-финские группировки, так и все прибалтийско-финское население Северо-Запада. П. Кёппен в середине XIX в. под чудью в «пространственном смысле» выделял: *чудь* в тесном смысле (*чухари*), *водь* (чудья), эстов (*чухны*) и ливов³. В исторических преданиях русского населения Заволочья, как указывает Д. В. Бубрих, чудь уже «погружена в скалочную дымку, обозначает все дорусское»⁴.

Вопрос о том, кем являлась чудь IX–X вв., упоминаемая на первых страницах летописи в связи с важнейшими событиями древнерусской истории,

¹ Кочуркина С.И. Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 340.

² Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск. 1947. С. 24–26

³ Хронологический указатель материалов для истории Европейской части. Составлен под руководством Петра Кёппена. СПб., 1861. С. V–VI. 79, 120

⁴ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа - Указ. раб. С. 29.

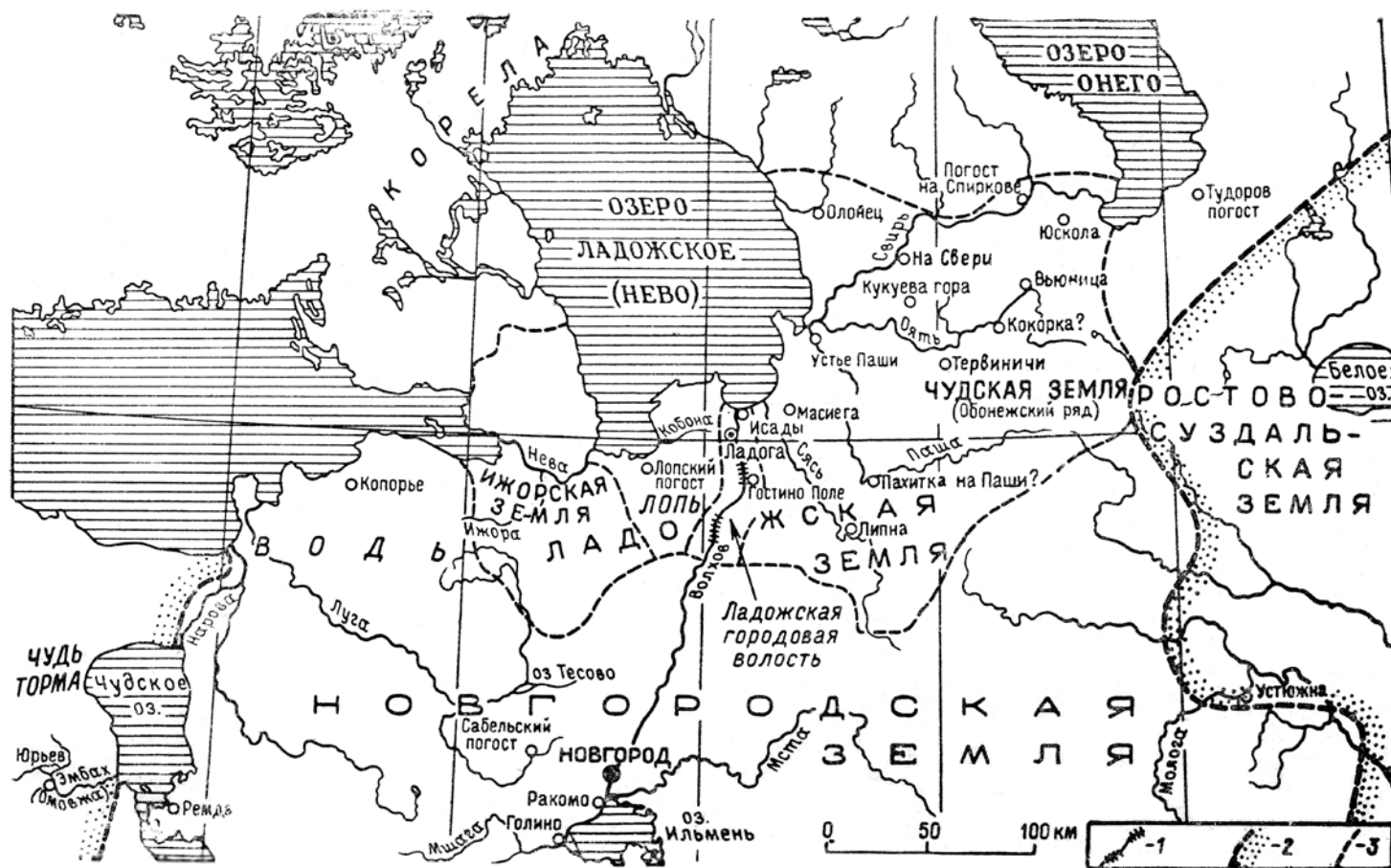

Рис. 11. Ладожская земля в конце X – начале XIII в. Границы показаны схематически.
 (Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси:
 Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Л., 1988. С. 68)

вызывает многочисленные дискуссии. По мнению Д.В. Бубриха, *чудь* сформировалась из выходцев различных прибалтийско-финских группировок, которые стягивались к Ладоге и ее окрестностям из разных мест обитания прибалтийско-финских народов, привлекаемых её быстрым экономическим развитием. Но её основу, по мнению Д.В. Бубриха, составили выходцы из *веси*, о чем говорят топонимы *Вси*, *Весь*, *Веска*, окружающие местность, где проходила западная граница основного места обитания *веси* – нижнее течение Волхова.

Данное предположение Д.В. Бубриха, связывающее *весь* и *чудь* единым происхождением, фактически снимает основания для спора о принадлежности памятников курганной культуры рубежа IX –нач. XIII в.⁵. Вместе с тем его мнение, что *весь* как самостоятельная этническая группировка и возникшее на её основе некое воинское формирование *чудь* сложились к середине IX в., в связи с установлением даты строительства Ладоги как 753 г., требует уточнения. Очевидно, вслед за В. В. Пименовым следует говорить о значительно более раннем формировании *веси* как самостоятельной этнической общности. Скорее всего, оно произошло за пределами окрестностей Ладоги, поскольку *весь* и *чудь* уже в середине VIII в. являлись участниками событий, происходящих вокруг Ладоги.

О ДЕЯНИЯХ ЧУДИ

Представляя свою версию роли *веси* – *чуди* в истории Древнерусского государства, Д.В. Бубрих говорит о деяниях *чуди*, подчеркивая её значительность. По его мнению, *чудь* сначала выступала в роли спутников (соратников) варягов в их походах, но затем, пополня-

емая выходцами из различных прибалтийско-финских племен, стала выступать в виде отдельного воинского формирования⁶. В упоминаемой выше версии Сказания, представленной в Новгородской первой летописи (младшего извода), где сообщалось, что *чудь* участвовала в нем «своим родом» (без волости) и не входила в состав «новгородстии людие», по-видимому, отражены её устойчивая связь с Ладогой и особый статус в ладожской конфедерации⁷.

Д. В. Бубрих подчеркивает особенности, выделяющие *чудь* среди остальных этнических группировок, упоминаемых в летописи в период сложения Древнерусского государства. В летописи она указывается почти всегда сразу после варягов – *руси*, т.е. приглашённых на княжение с их конунгом Рюриком, или других варягов – «заморских», которые использовались как наемники в воинских походах и междоусобных войнах. *Чудь*, по мнению Д. В. Бубриха, выступает как связующее звено между прибалтийскими финнами, варягами и восточными славянами⁸. О связи *чуди* и варягов говорится с первых страниц летописи: *чудь* обитает «*близ моря Варяжского*», где «*сидят варяги*»; с *чуди* начинается перечень народов, дающих дань варягам; она указана первой при обращении к *руси* при призвании Рюрика: «*Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь...*»⁹. В дружине князя Олега (879 – 912), преемника Рюрика, собранной для похода на Киев, *чудь* указана после варягов: «*В год 6390 (882). Высту-*

⁵ Бубрих Д.В. «Происхождение карельского народа» на Указ. раб. С. 23. Пименов В.В. Указ. соч. С.36.

⁶ Бубрих Д.В. «Происхождение карельского народа» на Указ. раб. С. 23.

⁷ Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. С. 106.

⁸ Бубрих Д.В. «Происхождение карельского народа» на Указ. раб. С. 23.

⁹ Повесть временных лет. С. 3–8.

пил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей»¹⁰. Чудь – участница похода князя Олега и на столицу Византии Константинополь (Царьград – русских летописей): «В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою и множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей....». Чудь принимает участие и в ряде важнейших политических акций князя Владимира (960 – 1015), известного в церковной истории как Владимир Креститель: «В год 6488 (980) «собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода» (половецкого князя), а после победы над ним захватил киевский престол у своего брата Ярополка.

Как полагают, отрицательные последствия для чуди имело решение князя Владимира в 988 г. об укреплении южных рубежей Руси:

«И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева. И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними, и побеждал их»¹¹. Как считают, князь Владимир, принимая решение о создании заслона против печенегов, преследовал также и цель «отрыва наиболее сильной политически активной чудской знати от родных мест», надеясь тем самым остановить её растущее влияние¹². В X в. отряд чуди, как счита-

ют специалисты, формировался самостоятельно и в отдельных случаях мог составлять до четверти в составе общего войска¹³. По археологическим данным, технически оно было оснащено самым передовым оружием своего времени. Из 20 мечей – самого дорогого и престижного оружия воина-профессионала IX–X вв. с клеймом знаменитого западноевропейского кузнеца – Uleberht, обнаруженных на территории России и Украины, в юго-восточном Приладожье найдено 4 клинка¹⁴.

Включение чудских правителей в слои высшей киевской знати, как полагают, притормозило развитие Приладожья как отдельного этнотерриториального образования¹⁵.

В летописи с середины X по XI в. среди киевской знати неоднократно говорится о представителях боярского рода Чудина. Впервые летописец о нем упоминает под 945 г., где говорит о том, что в Киеве в то время «княжеский двор находился на том месте, где ныне (т. е. время пребывания самого летописца в городе) стоит двор Воротислава и Чудина (Чюдина)»¹⁶. Понятно, что не всякий боярин мог поставить свой двор на месте княжеского. Очевидно, представитель того же рода, упоминаемый в летописи как Чюдин, указан в числе составителей второй части краткой версии «Русской правды»,

¹⁰ Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля. Перевод Д. С. Лихачева. М. – Augsburg. 2003. С. 8.

¹¹ Там же. С. 38.

¹² Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I / Л., 1988. С. 72 и сл.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ Кирпичников А.Н. Мечи с надписью Uleberht в Северной Европе. См.: http://vk.com/doc3866357_277104244?hash=24450b268ec798d29a&dl=902199f7af73d8308e.

Кирпичников А.Н. Мечи типа Uleberht на восточном пути. 2007. <http://rsv-aka-vedjmak.livejournal.com/26740.html>

¹⁵ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. С. 73.

¹⁶ Повесть временных лет. С. 18.

известной под названием «Правды Ярославичей», т.е. составленного сыновьями князя Ярослава Мудрого с приближенными им боярами. «Русская правда» – один из важнейших исторических документов, приравненных по значению к летописям, являлся первым законодательным сводом Древней Руси, служившим руководством при судебных разбирательствах в период Средневековья. Её древние списки сохранились с XIII по XVII в.¹⁷, а текст в соответствии с развитием общественных отношений редактировался и дополнялся вплоть до XVI в.¹⁸

Текст документа, выделяемый исследователями из общего свода как «Правда Ярославичей», считается продолжением её первой части – «Правды Ярослава», созданной при Ярославе Мудром до 1016 г. В Новгородской первой летописи младшего извода он включен в текст после слов. *«Правда уставлена Рускои земли, егда ся совокоупилъ (Изяслав, Всеволод, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микифоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула)»*¹⁹. По мнению специалистов, указанная дата в летописи – 1016 г. относится только к первой части «Русской правды», автором которой считают князя Ярослава Мудрого, а «Правда Ярославичей» появилась значительно позднее – в 1072 г. Также считают, что «Чюдин Микула», указанный в летописи как один из составителей «Правды Ярославичей», ошибочно прописан как одно лицо: речь идёт о двух мужах из Вышгорода – Чюдине и Микуле, участвующих вместе с сыновьями князя Ярослава Мудрого в составлении документа. По мнению

исследователей, в летописи говорится о Чюдине, державшем от имени князя Вышгород, являвшийся в то время духовным и религиозным центром всей Руси²⁰. Его упоминание в летописи связано с важнейшим событием в истории Русской церкви: торжественным перезахоронением в 1072 г. Ярославичами – Изяславом, Святославом и Всеволодом – первых русских святых – князей Бориса и Глеба²¹, канонизированных в лике «мучеников страстотерпцев». В сказании о перенесении мощей Бориса и Глеба в Вышгород упомянут и некий Микула как старейшина «огородников». Перезахоронены они были в новой церкви, построенной Изяславом в Вышгороде. По сообщению летописи, *«И управлял тогда Вышгородом Чюдин, а церковью Лазарь»*²². Предполагают, что и составление «Правды Ярославичей» состоялось в Вышгороде, где «совокоупись» Ярославичи на что указывает участие в ее составлении двух мужей из Вышгорода – Чюдина и Микулы²³.

В летописи за 1068 г. в числе лиц, приближенных к князю Изяславу, старшему сыну Ярослава Мудрого, занявшему после его смерти киевский престол²⁴, упоминается брат Чюдина – Туки. Через 10 лет, в событиях за 1078 г. летопись сообщает о смерти Туки, Чюдинова брата, в битве с половцами при р. Сожица²⁵.

²⁰ <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/intro.htm>

²¹ Русские князья Борис и Глеб были убиты в 1015 г. по приказу своего брата Ярополка Окаянного после смерти своего отца – великого киевского князя Владимира Святославовича в борьбе за власть. См. Повесть временных лет. С. 41–43.

²² Повесть временных лет. С. 56.

²³ Тихомиров М.Н. Указ. раб.

²⁴ Повесть временных лет. С. 53

²⁵ Повесть временных лет. С. 61.

¹⁷ Правда Русская. Тексты / Под ред. академика Б.Д. Грекова. М.: -Л. 1940. С. 11.

¹⁸ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Издание Московского университета, 1953. http://www.hrano.ru/dokum/1000dok/ru_pravda_mgu.php

¹⁹ Новгородская первая летопись младшего извода. С. 177.

По мнению археолога А. Кирпичникова, чудь до XI в. представляла собой конкретное этнополитическое формирование, поскольку только в таком виде оно могло принимать участие в важнейших событиях периода сложения древнерусской государственности. Близкие к чуди по языку племена, на которые позднее будет распространяться собирательное название чудь – водь, ижора, чудь эстонская, как этнические группировки в IX – X вв. еще не сложились. В исторических источниках об их деятельности говорится не ранее XI в²⁶. Мало известны (или недостаточно выявлены) и их археологические древности. Чудью, действовавшей во второй половине IX – X в. на страницах русских летописей, являлась этническая группировка, которой принадлежали памятники курганной культуры Приладожья.

Таким образом, представление Д. В. Бубриха о чуди, выделившейся из веси как этнополитическое образование с особым статусом и в таком качестве выступавшей на страницах летописи до конца X в. в формирующемся древнерусском государстве, поддерживается и данными археологии. В силу своей

политической активности чудь стала частью правящей верхушки Древнерусского государства, и её название было перенесено на население, тесно связанное с обитавшим на территории распространения курганной культуры в юго-восточном Приладожье.

Позднее, в XI в., в летописи говорится о другой чуди: её образ существенно меняется. Она сама уже выступает объектом завоеваний, а местность её обитания находится за пределами мест расселения веси. Так, сообщается, что «*В год 6538 (1030) ... пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев*» (современный г. Тарту)²⁷, под 1116 г. – Мстислав Владимирович (1076 – 1132 гг.), старший сын Владимира Мономаха: «*ходил на Чудь с новгородцами и псковичами, и взял город чудской по имени Медвежья Голова, и погостов бесчисленное множество взяли, и возвратились домой с большой добычей*»²⁸. В дальнейшем только из контекста летописного сообщения можно понять о какой чуди идет речь²⁹.

²⁷ Повести временных лет. С. 46.

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Кочуркина С.И. Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 340.

²⁶ Кирпичников А.Н. Указ. раб. С. 70–71.

ГЛАВА 5

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ ВЕПСОВ

КУРГАННАЯ КУЛЬТУРА ПРИЛАДОЖЬЯ

Длительные дискуссии о наследниках приладожских курганов IX–XIII вв. – одной из самых ярких и известных археологических культур Средневековья на Европейском Севере, в которой даже видели свидетельство существования в раннем Средневековье шведской колонии, очевидно, вызывалось несоответствием положения, в котором этнографическая наука застала в 20-х гг. XIX в. *«живых продолжателей Веси в лице вепсов – маленького народа, обитающего частью к югу от р. Свири, а частью к северу от нее на берегу Онежского озера»*¹, роли их предков в политической истории Древнерусского государства.

Ареал распространения культуры приладожских курганов, как уже говорилось, оказался значительно обширнее, чем отражает её название. В настоящее время она охватывает юго-восточное Приладожье с бассейнами р. Сясь, Тихвинка, Воронежка, Паша, Капша, Оять, Свирь, Олонка, Тулокса и Видлица². Памятники курганной культуры, расположенные при впадении в Ладожское озеро рек Олонка, Тулокса и Видлица, обладают определённым

своеобразием, но признаются ответвлением приладожской курганной культуры, её северной периферией. Как показывают исследования, поселившиеся здесь древневепсское население было немногочисленным: курганов здесь в разы меньше, чем в Приладожье. Они также отличаются от приладожских и малыми размерами³.

Самые ранние из курганов (860-е гг.) появились в нижнем течении рек Паша и Оять. Курганы располагались группами. В одном месте находилось от пяти и более курганов. Они располагались на заметном расстоянии друг от друга, являясь захоронениями представителей определенных родов, заселяющих данную местность. Наиболее высокий уровень социально-экономического развития курганной культуры X – начала XI в., как отмечают исследователи, совпадает с периодом расцвета Ладоги. В это время в курганах найдено много предметов, изготовленных ладожскими мастерами. Датированы они как по определяющим предметам, так и по находкам более 180 монет (рис. 13). Большая часть их отчеканена в конце IX – X в. в Западной Европе и на востоке – от Месопотамии до Самарканда. Среди них есть и восточные монеты более раннего происхождения – конца VIII – IX в. Однако основной нумизматический материал из аналогичных

¹ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947. С. 5.

² Кочуркина С.И. К вопросу о датировке погребений с монетами приладожских (оятских) курганов // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2. № 6. 2011. С. 4.

³ Кочуркина С.И. Природа Олонецкой земли. Первые поселения // Древний Олонец. Петрозаводск, 1994. С. 14 и след.

монет на территории юго-восточного Приладожья обнаружен вкладах. Некоторые по обилию монет считаются даже уникальными. У р. Свирь в г. Лодейное Поле найдено три клада: в 1878 г. горшок с 3280 монетами (дата зарытия 1105 г.); в 1929 г. из 285 монет (дата зарытия около 1085 г.) и в 1949 г. из 2871 монеты, запрятан около 1095 г. В 1933 г. также у р. Свирь у п. Свирьстрой обнаружено два клада с 19 и 235 монетами. Их зарыли в период от 1015 до 1040 г.⁴ (рис. 12).

Изучение курганов началось в 1870-е гг. Их общее число достигает около 1500 в 200-х группах⁵; исследовано 695 в 182 группах, примерно столько же еще ждет своих исследователей. Около трети из них (247) раскопано на Ояти, где и сейчас находится самое большее скопление вепсских деревень⁶. По мнению исследователей, оятские курганы X–XIII вв. полнее, чем памятники других районов юго-восточного Приладожья и Прионежья, характеризуют культуру древних вепсов. Значительную часть из них (174) раскопал 1947–1949 г. известный ученый А. М. Линевский, но только в середине 80-х гг. XX в. результаты его раскопок были опубликованы. Часть находок из оятских курганов представлена в археологическом музее Института языка, литературы и истории

Карельского научного центра Российской академии наук (далее – ИЯЛИ) в г. Петрозаводске⁷.

Этническую принадлежность населения при археологических исследованиях не всегда можно определить по используемым им вещам, поскольку и в древности они могли являться привозными. Самым информативным источником для этнической истории населения прошлого считают традиции похоронного обряда, которые отражают сложившуюся в течение длительного времени систему представлений, связанную как с религиозными и мифологическими воззрениями, так и с социально-политической структурой породившего их общества⁸.

Согласно верованиям древних вепсов, умерший после смерти переселялся в новое жилище: им у древних вепсов являлся курган, который сооружали для него родственники. умершему полагалось «передать все необходимое для его загробной жизни». В курганах хоронили взрослых, редко – подростков. Для детей, вероятно, существовал иной способ захоронения⁹.

Место сооружения кургана готовилось заранее. Выравнивалась круглая площадка диаметром от 5 до 12 м. Растущий на ней кустарник и трава сжигались. Она могла посыпаться песком или гравием. Иногда до захоронения возводилась небольшая насыпь до полуметра высотой, на которой производили захоронение. В середине устраивался очаг – костер. На прогоревший костер ставили железный (или бронзовый) котел с цепью для подвешивания, сковороду, сковородник, лопатку, горшки (рис. 13).

⁴ Кочуркина С.И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск, 1990. С. 82–85.

⁵ Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронезка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск, 1989. С. 256; Назаренко А.В. Погребальная обрядность приладожской чуди: Автореф. канд. дис. Л., 1983. С. 4 и сл.

⁶ Кочуркина С.И. Линевский А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 4.

⁷ Кочуркина С.И. Сокровища древних вепсов. С. 16.

⁸ Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224. М., 2010. С.3.

⁹ Кочуркина С.И. Линевский А.М. Курганы летописной веси. С. 171.

Рис. 12. Монеты из приладожских курганов
(Кочуркина С.И. История и культура народов
Карелии и их соседей. Вклейка, рис. 15а)

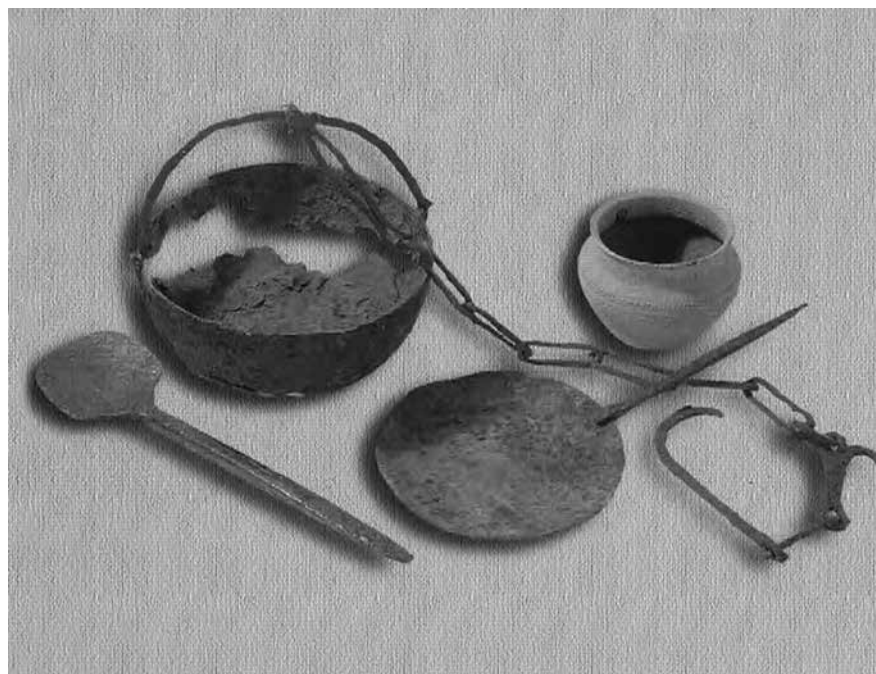

Рис. 13. Котел с цепью, сковорода скороводник, лопатка, горшок
(Кочуркина С.И. История и культура народов
Карелии и их соседей (Средние века). Петрозаводск, 2011. Вклейка, рис. 13а)

Перечисленный набор кухонного инвентаря мог быть и неполным. Наиболее ценные вещи – мечи, бронзовые котлы, шейные обручи и т.д. – находили в испорченном виде. Их ломали намеренно с целью предотвратить разграбление курганов. В IX–XI вв. перед захоронением умерших вместе с жертвенными животными и некоторыми бытовыми вещами сжигали в стороне от подготовленной площадки. Останки затем переносили на подготовленную площадку, где их укладывали по разные стороны от очага: женские – в западной части кургана, мужские – в восточной. Встречались парные захоронения, когда в одном кургане хоронили мужчину и женщину с признаками насильственной смерти без сопровождающих её вещей. Её располагали поодаль от умершего: такой, видимо, была участь рабынь. Имеются курганы, где находилась только часть останков господина, погибшего в боях или вдали от родины, в сопровождении несколько умерщвленных рабов. Как особенность оятских курганов отмечается заворачивание сожженных костей и вещей в бересту, покрывание покойных берестой. Во всех женских захоронениях здесь встречаются бусы-флакончики, которые выступают также их отличительной чертой¹⁰.

В погребениях имелись кости птиц, домашних животных – коров, овец, свиней, и промысловых – кабанов, лосей, медведей, захоронения сожженных лошадей. Захоронение с кремацией наблюдалось лишь до XI в. Позднее, в связи с распространением христианства, умерших укладывали в могильные ямы, деревянные срубы, колоды, гробовища без кремации, чаще всего головами на юг, иногда на

Рис 14.
Ожерелье из сердоликовых и глазчатых бус

Рис 15. Ожерелье из разноцветных бус

Рис 16. Стекланные глазчатые бусы
и бронзовые с позолотой фибулы

Источник: Кочуркина С.И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). Петрозаводск, 2011. (14 – вклейка, рис. 8а; 15 – вклейка, рис. 9а; 16 – вклейка, рис. 7а)

¹⁰ Кочуркина С.И., Линецкий А.М. Курганы летописной веси. С. 162.

восток или запад. Ритуал погребения завершался сооружением пологого кургана. Его высота варьировала от 0,5 до 3 м.

В курганах X – начала XI в. убранство умерших женщин поражает богатством и обилием украшений. На их фоне название одной из книг известного археолога С.И. Кочкуркиной, посвященной описанию приладожских курганов, «Сокровища древних вепсов» не выглядит преувеличением¹¹.

Женщин хоронили в праздничном убранстве с множеством бронзовых и серебряных украшений. В X в. ими являлись гривны – шейные обручи (железные, бронзовые и изредка серебряные), ожерелья из сердоликовых, глазчатых, разноцветных бус (рис. 14).

Бусы в то время служили не только украшением, но и признаком богатства и благополучия, иногда являлись одновременно и денежным эквивалентом. Уникальной находкой являются бусы византийского производства весом около 800 г из 18 очень крупных (3×2,3 см) черных глазчатых бусин, одной поменьше (1,5×1,5) и трех обычного размера (рис. 16). Известны всего лишь четыре аналогичных бусины, найденные в XIX в. при раскопках Херсонеса¹². На предплечьях у женщин одежда крепилась парными овально-выпуклыми фибулами-застежками скандинавского происхождения. Они соединялись друг с другом цепочками или бусами (рис. 16). На груди располагалась трилистная или круглая фибула (рис. 17). На руках носили бронзовые кольца, массивные браслеты, перстни (рис. 18).

¹¹ Кочкуркина С.И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск, 1990. С. 127.

¹² Там же. С. 34.

Рис. 17. Круглая фибула

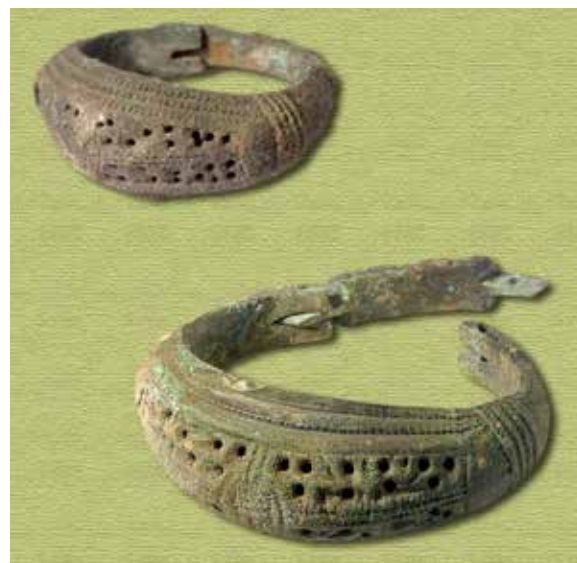

Рис. 18. Браслеты

Рис. 19. Шумящие подвески

Источник: Кочкуркина С. И.
История и культура народов Карелии и их соседей
(17 – вклейка; 18 – вклейка, рис. 11а; 19 – вклейка, рис. 12а)

Привозные изделия сочетались с украшениями, характерными для финно-угорского мира. К парным фибулам на длинных спиральках подвешивались плоские и объёмные шумящие подвески, изображающие животных и птиц (рис. 19) бусы, бубенчики, на поясе – ножи в ножнах и т. д.

К началу XI в. число таких украшений увеличивается. Появляются бронзовые амулеты в виде ключей, ложечек и другие изделия (рис. 20).

В оятских погребениях встречались остатки очень дорогих привозных шелковых тканей со следами золотного шитья. Исследование фрагментов золотой нити показало, что для вышивки использовалась позолоченная металлическая нить из серебра с примесью золота и меди¹³. В X–XII вв. вышивкой такими нитями в западноевропейских странах и на Руси украшалась праздничная одежда. При раскопках на территории Руси удалось обнаружить всего около ста сохранившихся деталей шелковых тканей с золотой вышивкой. Внимание исследователей привлекли два образца из вепсских курганов Приоятья – вышитые золочеными нитями остатки шелковых воротников фиолетового цвета с орнаментом около 3 см шириной, из чередующихся, плотно примыкающих друг к другу полукруглых арочек, внутри которых помещены изображения «древа жизни» и мифических птиц с раздвоенным хвостом (рис. 21).

Образ такой птицы дает основание для предположений, что сюжет с птицей с раздвоенным хвостом занесен на тканях из Центральной Азии,

¹³ Листратова О.Б. Исследование технологии изготовления золотных нитей в вышивке и тканой ленте (образцы I/24 и I/25). См.: Кочкуркина С.И., Орфинская О.В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск, 2014. С. 78.

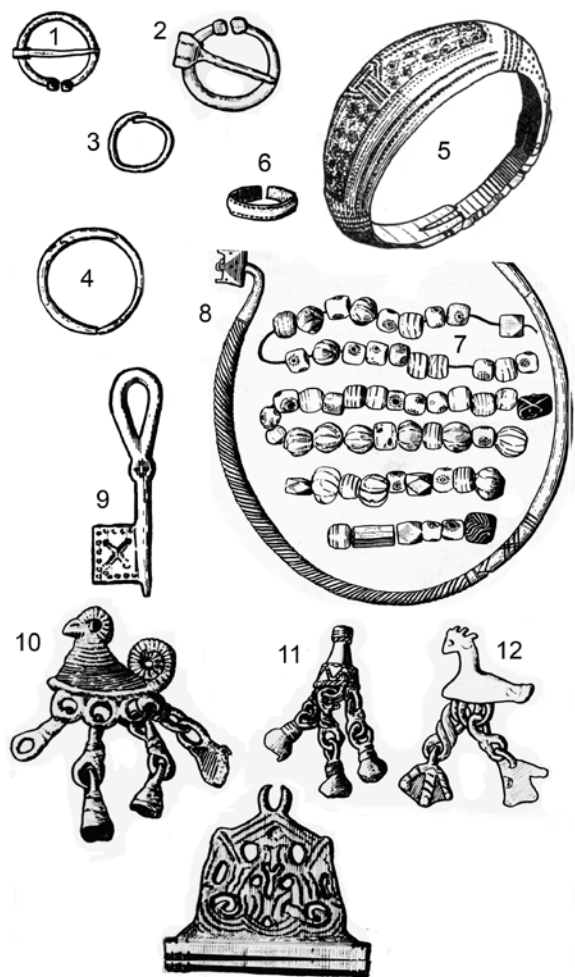

Рис. 20. Женские украшения

куда он попал из Китая или Ирана¹⁴. Встречались и золотные ленты сложного полотняного переплетения с орнаментом в виде плетенки, привезённые из Византии. Их, как и двух- или трехцветную шерстяную тесьму, нашивали на края тонких шелковых одежд¹⁵. Найден фрагмент ткани «зандана-чи», которые производились в бухарском селении Зандана¹⁶.

Обнаруженные в курганах остатки шерстяных, льняных и конопляных тканей, поясов, тесьмы говорят о том, что аналогичные приемы ткачества и плетения сохранялись в вепсском быту до начала XX в., что говорит о преемственности местного населения от носителей курганной культуры. В этом отношении очень показательны реставрированные по фрагментам из захоронений орнаменты тесьмы, рисунки которых и сейчас можно увидеть на поясах, изготовленных современными вепскими мастерицами¹⁷.

В XI в. вепсская территория уже начинает постепенно утрачивать свою былую значимость для мировой торговой магистрали. Многие западноевропейские изделия заменяются произведёнными на месте. Наиболее характерными женскими украшениями становятся «шумящие» подвески в виде

¹⁴ Кочкуркина С.И., Орфинская О.В. Приладожская курганная культура. С. 61–61. Рис. 59.

¹⁵ Давидан О.И. Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья. Приложение к книге: Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронезка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск, 1989. С. 334, 338.

¹⁶ Кочкуркина С.И. Сокровища древних вепсов. С. 114.

¹⁷ Кочкуркина С.И., Орфинская О.В. Приладожская курганная культура. Рис. 61.

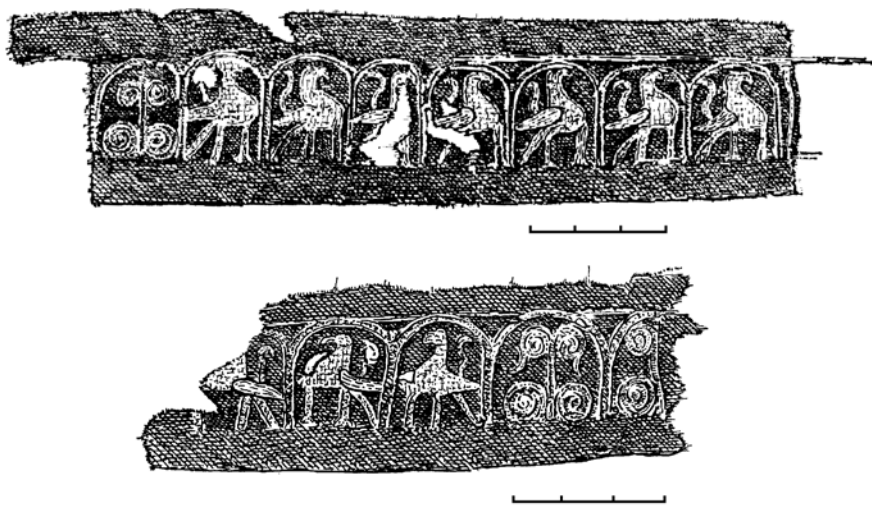

Рис. 21. Фрагменты шелковых воротников. (Кочуркина С.И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). С. 86)

птиц и животных, к которым на цепочках прикреплялись привески в виде колокольчиков, лапок водоплавающих птиц. При движении они издавали мелодичный звук, который, как полагают, отпугивал от владелицы злых духов. По-прежнему оставались популярными бронзовые украшения на груди, поясе и руках. В XI–XII вв. появляются славянские изделия, в первую очередь бронзовые или серебряные височные кольца, которые крепились ремешками по несколько колец к обручу на голове. Появились стеклянные бусы с покрытием серебром или золотом, витые браслеты, игольники (в них хранились швейные иглы) с ажурными или орнаментированными концами. Их подвешивали к поясу на шнурах или ремешках. Появление крестиков и крестовидных подвесок свидетельствовало либо о распространении христианства среди местной знати, либо о появлении славян в местной среде.

В XII–XIII вв. набор женских украшений становится еще более скромным. Преобладают изделия местных мастеров – излюбленные конические шумящие изделия с бутылкообразными или лапчатыми привесками, бронзовые бусы с напаянными кружочками, а также височные кольца, браслеты.

В мужских погребениях X–XI вв. обнаружены мечи, наконечники копий и стрелы, боевые ножи, топоры. В раннем Средневековье не существовало принципиальной разницы между производственными и боевыми топорами. По мнению специалистов, количество погребений X – начала

XI в. вооруженных мужчин и их техническая оснащенность вооружением ставит воинский отряд древних вепсов на третье место среди наиболее военизированных племенных группировок, входящих в зону Древнерусского государства. В курганах, как уже отмечалось выше, были обнаружены мечи с клеймом прославившегося качеством своей работы знаменитого западноевропейского кузнеца Uleberht, имя которого, стало маркой и, вероятно, закрепилось за крупной группой оружейников или мастерских¹⁸ (рис. 22).

Меньше всего по сравнению с другими районами Приладжья оружия было обнаружено в курганах оят-

¹⁸ Кирпичников А.Н. Мечи с надписью Uleberht в Северной Европе. См.: http://vk.com/doc3866357_277104244?hash=24450b268ec798d29a&dl=902199f7af73d8308e

Кирпичников А.Н. Мечи типа Uleberht на восточном пути. 2007. <http://rsv-aka-vedjmak.livejournal.com/26740.html>

Рис. 22. Меч (Кочкуркина С.И. *История и культура народов Карелии и их соседей*. Вклейка, рис. 14а

ского населения. Как полагают, большую и лучшую часть своего вооружения древние вепсы закупали в Ладог¹⁹. Местными кузнецами изготавливались разнообразные изделия (ножи, огнива, ключи, пластинчатые кресала), кухонный инвентарь – железные и бронзовые котлы, сковородники, лопатки, крюки и цепи для очагов, которыми пользовалось население в X–XIII вв. Об их местном производстве говорит наличие бракованных изделий. Исследование металлических изделий показало, что при их изготовлении использовались те же технологические приемы, что и в древнерусском кузнечном ремесле. Довольно сложной техникой наварки стального лезвия на железную основу изготавливались ножи, наконечники копий, овальные кресала. Полагают, что кузнечное ремесло древневепские мастера осваивали у старолadoжских кузнецов²⁰.

¹⁹ Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. Меч с именным клеймом из Юго-Восточного Приладожья // Приложение к книге: Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С. 338.

²⁰ Хомутова Л.С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного

Развитие в местной среде получило также и гончарство. Если в X в. глиняная посуда делалась вручную, то в середине XI в. появляются сосуды, изготовленные на гончарном круге. В курганах находили и привозные гончарные изделия высокого качества.

Богатое убранство захоронений говорит о выделении среди древних вепсов значительной прослойки знати, возвысившейся за счет выгодной торговли пушниной. Она имела обширные торгово-культурные связи со многими регионами. Древневепские ремесленники по мастерству не уступали ремесленникам самых известных производственных центров того времени.

Усиливающаяся христианизация населения, которая началась с местной знати, привела к сокращению богатых захоронений в курганах. Её представителей, очевидно, стали хоронить на церковных кладбищах без вещей. К началу XIII в. захоронения в курганах прекратились.

Культурные традиции курганной культуры сохранились в формах бытовых предметов местного производства – в гончарном производстве, глиняной детской игрушке, деревянной резьбе, сюжетах вышивок²¹. Археологи сообщали, что керамика из курганов признавалась вепсами как изготовленная в местном гончарном центре, где её производство сохранилось до 1930-х гг.²²

НАСЛЕДИЕ БЕЛОЗЕРСКОЙ ВЕСИ

Особый интерес к археологическим памятникам восточной окраины вепсского ареала – Бело-

Приладожья // Приложение к книге: Кочкуркина С.И., Ливневский А.М. Курганы летописной веси. С. 213–217.

²¹ Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., С. 81–85.

²² Кочкуркина С.И. Сокровища древних вепсов. С. 120–121.

зерье – связан с летописным сообщением о нем как месте обитания веси, где она являлась «перво-насельницей».

В 1980-е гг. здесь начались интенсивные археологические исследования под руководством А.Н. Башенькина. В результате исследователю удалось проследить ход этнических процессов на протяжении более десяти веков на территории обитания белозерской веси. Предложенная им концепция этнической истории вепсов, не меняя сложившегося представления об участии в их формировании летописных веси и чуди, предлагает иное видение самой ранней истории веси, территориально связанной с Белозерьем.

В отличие от Д.В. Бубриха, который считал белозерскую весь *«цветущей весской колонией, установившей торговлю с волжскими булгарами, а через них и с арабами»*, основателями которой являлись переселенцы с окрестностей Ладоги, А.Н. Башенькин полагает, что белозерская весь имела значительно более древние корни в регионе своего обитания. По его мнению, она сформировалась на основе местного финно-угорского населения, проживавшего на рубеже I тыс. до н.э. и I тыс.н.э. в ареале, северной границей которого являлась р. Суда, западной – Вепсовская возвышенность, восточной – р. Шексна. На северо-западной окраине данной территории и сейчас проживают её потомки в лице небольшой группы белозерских вепсов²³.

Хозяйство древнего местного населения носило комплексный характер: скотоводство, земледелие, охота и рыболовство. Наличие оружия и дорогих

украшений из дальних стран, в частности бус из Средиземноморья, свидетельствовало о достаточно развитой торговле, предметом которой являлись меха. Население хорошо освоило изготовление и обработку металла, среди находок много изделий из черного и цветного металла. Производство железа в Белозерье известно еще с VIII–VII до н.э. На южных границах от него проживало родственное финно-угорское население, носители так называемой дьяконовской культуры, распространенной в Волго-Окском междуречье и на Верхней Волге.

В конце I тыс. до н.э. в данном регионе появляется новое хорошо вооруженное скотоводческое население, которое выделяется особыми типом погребального обряда: умерших хоронили в наземных деревянных погребальных сооружениях, получивших в литературе название «домиков мертвых», а позднее – в курганах. Перед захоронением умерших сжигали с сопровождающими их вещами и убранством. Данный обычай был воспринят местным финно-угорским населением и сохранялся вплоть до рубежа X–XI вв. В погребениях находят бронзовые подвески, с изображением птиц с широко раскрытыми в полете крыльями, характерные для Урала-Сибирского региона с угро-самодийским населением, а также двухголовые коньковые подвески, относящиеся к первым векам н. э. По мнению автора, это самые ранние изображения коней на Русском Севере.

Из взаимодействия местного финно-угорского и пришлого населения на рубеже старой и новой эры возникла новая культура, которая дополняется еще третьим компонентом юго-западного, балтийского происхождения из бассейна Днепра и Западной Двины. Западные переселенцы, скорее всего, воспользовались Великим Волжским путем, по которому,

²³ Башенькин А.Н. Летописная весь – вепсы: аксиома или дилемма?//Вепсы: история, культура, современность. Вологда, 2006. С. 24 и далее.

как утверждают археологи, освоившие его первыми предки финно-угорских племён перемещались как в сторону Балтики, так и в обратном направлении – на Волго-Окское междуречье»²⁴. Вполне возможно, что они и передали свой этноним *vepsä* местному населению, если придерживаться версий Д.В. Бубриха о его западном происхождении.

Здесь, на водоразделе Балтийского и Волжского бассейнов, по мнению А. Н. Башенькина, в первой половине I тыс. н. э. складывается яркая самобытная процветающая финно-угорская культура с комплексным характером ведения хозяйства, включающим охоту, скотоводство, рыболовство при ограниченной роли земледелия. Реки, изобилующие рыбой, и леса с промысловыми животными, предоставляли местному населению достаточные источники для питания. Имелось развитое металлургическое производство, а благодаря тому, что р. Молога, Чагодоша и Суда являлись звеньями ответвлений Великого Волжского пути, обнаружены дорогие восточные украшения. Возможность вложения значительных трудовых ресурсов на их приобретение, говорило о расслоении общества и появлении родовой знати.

По мнению А. Н. Башенькина, представители данной финно-угорской культуры, вобравшей в себя культурные традиции пришельцев из юго-восточных и юго-западных регионов (более поздних по времени заселения и, очевидно, более активных), впервые упомянуты в истории как *весь* под названием *vas* между чудью, мерей и мордвой в одном из самых известных исторических сочинений раннего Средневековья «О происхождении и деяниях Гетов» готского историка

Иордана²⁵. Работа им завершена в 551 г., но обращается он к событиям IV и V в., повествуя о воинских успехах могущественного готского короля Германариха (Эрманариха), ведущего войны со слабеющим Римом и после его падения закрепившегося на юге Восточной Европы. По сообщению Иордана, он подчинил себе немало племен: в числе завоеванных указывает и весьма воинственные северные племена *Thiudos In Aunxis–Vasinabroncas–Merens–Mordens Im niscaris*, заселяющие северную периферию его державы. О каждом покоренном народе, кроме северных, автор приводит сведения об обстоятельствах их завоевания, а северные – перечислены списком, без всяких пояснений. Перевод с латинского их названий, представленных в различном написании в вариантах, дошедших до нас в рукописях «Гетики», и поиск их соответствия народам, известным в то время, вызвал появление обширной литературы. Трудности с переводом обусловлены не только различным написанием в них перечисляемых народов, но и сложностью определения языка, с которого они переводились на латынь, а также отсутствием о них в источнике какой-либо дополнительной информации.

Представленное выше написание данного отрывка текста «Гетики» Иордана взято из самой ранней и лучше всего сохранившейся его рукописи. Его переводят как ‘*Thiudos In Aunxis* – чудь в местности Аунксе’ (вариант – тиудов в местности Аунксе) и ‘*Vas in Abroncas* – вас в местности Абронкас’, ‘*Merens* – мерю’, ‘*Mordens Im niscaris* – мордву в Мещере’ (вариант – мещеру)²⁶.

²⁵ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Cetica/ Dc/ cn/?gth/? rjvvtynfhhbq T/X/ Crhb;bycrfz

²⁶ Зиньковская И.В. К вопросу об идентификации одного из «северных народов» у Иордана (Get., 116) // Известия Саратовского университета. 2011. Т. II. Серия «История. Международные отношения». Вып. 2. Ч.1. С. 57.

²⁴ Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 3–7, 221.

Отношение к данному сообщению Иордана критическое: принято считать, что автор явно преувеличил могущество германского короля Германариха, приписав ему их завоевание. Свое повествование Иордан начинает с сообщения об использовании им более ранних источников, что дало основание для предположений о перенесении им в свое сочинение – при перечислении завоеваний Германариха – известий о народах, проживающих по Великому Волжскому пути, которые Иордан заимствовал из сообщений путешественников или участников торговых экспедиций. Упоминания *веси* после *чуди* рядом с *мерей*, как указывалось и в «Повести временных лет», по мнению А.Н. Башенькина, дает повод для предположения, что *весь* входила в группу поволжских народов. Хотя в такой последовательности перечисления финно-угорских племен Иорданом видят всего лишь направление мест их проживания по торговому пути – с запада на восток.

Самостоятельное развитие *веси* в данном регионе в V–VI вв. н. э., по мнению А.Н. Башенькина, оказалось под угрозой из-за прихода на её территорию летописных кривичей, известных как носители культуры длинных курганов. Кривичи продвигались с юго-запада по рекам Кобожа, Песь, Чагодоша, Молога, ассимилируя или вытесняя *весь* на северо-восток.

Лишь часть древней *веси*, куда кривичи не дошли, в бассейне р. Шексна и Белого озера и на р. Суда продолжила свое развитие. В IX–X вв. здесь с участием финно-угорского населения Поволжья и Прикамья завершилось формирование уже ставшей известной по летописи белозерской *веси*, принявшей участие в создании Древнерусского государства.

В объединении земель по линии Изборск – Ладога – Белоозеро, ставшем основой для последующего расширения Древнерусского государства, видят желание Рюрика и его наместников взять под свой контроль северную часть отрезка Великого Волжского пути²⁷, который, проходил по землям приладожской *веси-чуди* и белозерской *веси*. Скорее всего, это явилось решающим фактором для укрепления связей между ними и формирования общей культурной традиции, позволяющей археологам считать их памятниками, принадлежащими единой этнической общности – древним *вепсам*²⁸. В конце IX – X в. данный отрезок торгового пути являлся основным, по которому происходил обмен товарами между западными и восточными странами, поскольку прямой путь у европейцев на Восток появился только в XI–XII вв. в ходе крестовых походов. Торговый путь по землям древних *вепсов* выходил на Волжскую Булгарию, государство, расположенное при впадении Камы в Волгу, где с конца IX в. скрещивались главнейшие водные и сухопутные дороги, соединявшие Восток и Запад. По свидетельству арабских писателей, посещавших г. Булгар – столицу Волжской Булгарии, древние *вепсы* поставляли на его рынки меха бобров, чёрных лисиц, соболей, белок и других пушных зверей. За пушнину, высоко ценимую мусульманской знатью, они приобретали украшения, утварь, оружие, дорогие ткани.

²⁷ Головин А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 300.

²⁸ Кочуркина С.И. *Весь* (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. С. 337; Рябинин Е.А. *Весь* // Природа. 1993. № 1. С. 91.

Перечисление Белоозера вместе с городами Ладогой и Изборском, куда, по летописным сведениям, был отправлен представитель Рюрика, предполагало, что и племенной центр веси должен соответствовать им по статусу. По мнению археологов, на него могут претендовать два памятника: поселение, существовавшее у устья Шексны в X – начале XI в. до сильного пожара на месте легендарного Белоозера, и городище Крутик²⁹, расположенное на р. Шексна в 25 км от Белоозера на одном из отрезков Великого Волжского пути.

Культурный слой сгоревшего поселения предшествующего русскому городу Белоозеро дает основание говорить о нем, как крупном «финском» поселке, являющемся ремесленным центром, связанным с международной торговлей³⁰. Построенный на его месте новый город XII – XIII вв. был уже древнерусским, и его жителей называли белозерцами. В конце XVI в. его население переселилось на новое место на берег Белого озера, где возник современный Белозерск³¹.

В последние годы исследователи склоняются к мнению, что центром веси в Белозерье – летописном Белоозере «эпохи Синеуса» – являлось крупное раннегородское торгово-ремесленное поселение – городище Крутик³². Его открыл еще до войны ленин-

градский археолог П.А. Сухов³³. Городище Крутик признано эталонным памятником белозерской веси, еще не испытавшим сильного славянского влияния³⁴. К исследованию этого уникального памятника обращались многие известные археологи – Л.А. Голубева, С.И. Кочкуркина, Н.А. Макаров, А.Н.Башенькин. В последние годы раскопки на нем возобновились. По обнаруженным здесь памятникам – лепной керамике, богатым украшениям к женскому костюму, орудиям труда и быта – срок его бытования ранее ограничивался второй половиной IX – последней третью X в., но находки погребений в последнее время продлевают срок его существования до середины XI в.³⁵.

В городище Крутик имелся обособленный район, где в постройках срубного типа находились мастерские по косторезному, бронзолитейному и железообрабатывающему производствам. Для металлургического производства использовалась местная болотная руда. Ремесленники имели большой опыт по выплавке металла и его обработке, владели самыми передовыми для того времени технологиями. Здесь обнаружены сыродутные печи-домницы, занимающие важное место в производстве железа³⁶. Интересные находки связаны и с бронзолитейным и косторезным ремеслами. При литейном производстве использовалось привозное сырье, им занимались женщины, что являлось обычным и у других финно-угорских народов³⁷. Как показывают

²⁹ Поселение Крутик расположено у д. Городище в Кирилловском районе Вологодской области.

³⁰ Рябинин Е.А. Веси. 1993. № 1. С. 91.

³¹ Сакса А. Вепсы – древний народ Севера // Микко Savolainen / Vepsä/ Vepsänmaa <http://vepsia.ru/history/istru.php> / Mikko Savolainen. Atena, 1998.

³² Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Крутик: новые открытия // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 32 – 33.

³³ Вологодские археологи. См.: <http://www.vao2009.ru/lichnosti.html>

³⁴ Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Указ. соч., С. 32.

³⁵ <http://www.archaeolog.ru/?id=233>

³⁶ Еремеев С. Т. Железные промыслы в Череповецком крае (X–XVI вв.). См. <http://cherepovets-kp.ucoz.org/publ/30-1-0-103>

³⁷ Никитина Т.В., Ефремова Д.Е. Захоронения с орудиями литья (литейщиц) в марийских могильниках IX–XI вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. С. 78–79.

находки игрушечных льячек и литейных формочек, к нему рано приобщали детей

Среди изделий косторезного ремесла особо выделяют обереги – подвески бобров, выполненные из рога, аналогичные которым пока нигде не обнаружены. Такие обереги не случайны, мех бобра высоко ценился на международных рынках, мясо бобра население использовало в пищу. Сложные по изображению вышивки у вепсов обрамляли фигурки стилизованных бобров, сходные по очертаниям с рисунками бобров на саамских бубнах³⁸.

Городище Крутик являлось как поселением ремесленников, так и центром пушной добычи и меховой торговли. Среди определяемых костных останков на долю скелетных фрагментов бобра приходится от 25 до 43 процентов, белки – от 25 до 36. Охотились также на горностая и зайцев³⁹.

На городище обнаружены многочисленные серебряные монеты – драхмы, дирхемы, время изготовления которых от конца VI до середины X в. Обилие бус, в том числе и старолadoжского типа VIII–X вв., фризских гребней говорят о ранних связях с Ладогой, заметны в поселении и следы пребывания скандинавов, по всей вероятности, останавливавшихся здесь на пути на Восток.

Прекращение существования поселения связывают со сменой направления торгового пути – появилась возможность использовать Днепровский путь (см. рис. 4), и потребность в городище как торговом посреднике и ремесленном

центре исчезла. Проживавшая здесь весь, – так называемая белозерско-шекснинская группа – с X до середины XI в. подверглась значительной ассимиляции в ходе заселения региона славянским населением. По материалам А.Н. Башенькина, оно шло на земли веси с двух сторон: с юга по Шексне и с севера – из района Старой Ладogi. В то же время археологические материалы показывают, что часть веси со средней Шексны под натиском древнерусского населения переместилась на Славянский наволок, в Заволочье, на реки Суда и Андога. Судскую весь, обитавшую к западу от Шексны по р. Суда и ее притокам, по мнению А.Н. Башенькина, «защитила» крупнейшая в Европе болотистая Молого-Шекснинская низменность, поэтому ее обошел славянский поток X–XI в. По мнению И.И. Муллонен, древнерусских переселенцев р. Суда не интересовала по причине, что путь наверх по ней был тупиковым. С верховьев Суды не было значительных выходов дальше, а славянская колонизация поднималась с низовьев Суды по её притоку – Андоге, откуда шел водно-волоковой путь на Белое озеро⁴⁰. Оказавшись в отдалении от водных магистралей, судская весь долго сохраняла свой хозяйственный уклад. Её памятники XI–XIII вв. испытали сильное влияние славянской культуры, хотя еще длительное время следы местной культуры (керамика, украшения) присутствовали в культуре древнерусского населения крупных шекснинских поселений. Возможно, что сохранялись

³⁸ Косменко А.П. Послания из прошлого. Традиционные орнаменты финноязычных народов северо-западной России. Петрозаводск, 2011. С. 168–169.

³⁹ Сердюк Н.В. Характеристика археозоологического материала поселения Крутик // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. С. 96.

⁴⁰ Муллонен И.И. Топонимические этюды Вологодской земли // Вепсы: История, культура, современность. Материалы научно-практической конференции 29 марта 2006. Вологда, 2006. С. 65.

контакты пришлого населения с оставшимися здесь островками древних вепсов⁴¹.

Центром судской веси считают памятники на среднем течении Суды у д. Никольское. Материалы показывают, что они очень близки памятникам поселения Крутик, представляя локальную группу белозерской веси. При сохранении прежних традиций хозяйствования здесь растет число предметов, демонстрирующих повышенную роль торговли: находки замков, ключей, весов для взвешивания серебра, арабские и западноевропейские серебряные монеты, что приводило к заметному имущественному расслоению и социальной дифференциации. Весьма показательно погребение представителя местной знати XI в. (Никольское-XIII) с оружием, которое не встречалось в других мужских погребениях региона, с одновременным захоронением двух молодых женщин с богатыми украшениями, очевидно, сопровождавших своего господина в загробный мир, что говорит о его высоком социальном статусе.

На рубеже X–XI вв. обряд погребения претерпел изменения: обычай сжигать умерших перед погребением, существовавший более тысячи лет – с конца I тысячелетия и все I тысячелетие, сменился обычным погребением. Это дало новый материал о костюме погребенных. Он выделяется большим количеством украшений, среди которых древние зооморфные и шумящие подвески, представляющие собой настоящие произведения искусства древних мастеров. По мнению А.Н. Башенькина, весь, обитающая на средней и верхней Суде, сохраняла свою

культуру до конца XIII в. и только к XIV в. в значительной мере подверглась ассимиляции и вошла в состав северных великорусов.

Вместе с тем не все группы судской веси разделили судьбу шексинско-белозерской группы. Часть её под натиском славянской волны продвинулась в верховья Суды, Ояти, Паши к своим соплеменникам в центр вепсской территории, а часть сохранилась в лице современных белозерских вепсов. Топонимические исследования И.И. Муллонен показывают, что верховья Суды в прошлом входили в единый ареал вепсской топонимии.

В последние годы в науке утвердилось представление о том, что именно на этой труднодоступной территории в условиях относительной изоляции в XIV–XVII вв. и завершилось формирование современных вепсов в результате слияния части судской веси и этнически близкого ей прибалтийско-финского населения юго-восточного Приладжья⁴².

В литературе очень живуч вопрос: к какой группе – прибалтийско-финской или поволжской – относилась белозерская весь? Сочетание в археологическом наследии белозерской веси древностей, характерных для прибалтийско-финских и волжско-финских групп, видимо, объясняется её обитанием между данными группами. В культуре белозерской веси есть и местные особенности, отражающие ее

⁴¹ Кудряшов А.В. Финно-угорское население средней Шексны в IX–XI вв. // Вепсы: История, культура, современность. С. 56–57.

⁴² Винокурова И.Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Учебное пособие. Петрозаводск, 2011. С.14; Егоров С.Б. Восточные районы Ленинградской области (вепсы, русские)//Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю. Этническая идентичность на пограничье культур. По материалам исследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. СПб., 2007. С. 69.

культурное своеобразие по сравнению с культурными традициями приладожской веси-чуди. В то же время исследователи не видят оснований для их противопоставления в этническом отношении. По мнению Е.А. Рябикина, весь как крупное этническое образование имела несколько отличающихся в культурном отношении группировок, которые и составляли вместе «единый весский союз племен»⁴³. Языковеды, отмечая в вепсском языке следы восточных элементов, отличающих его от других языков прибалтийско-финской группы, высказывали предположение, что весь, возможно, составляла «звено той цепи народов, которая соединяла прибалто-финнов с волжскими языковыми родственниками»⁴⁴.

В конце IX в. упоминания о веси в летописи исчезают. В последний раз о ней говорится под 882 г., как участнице похода князя Олега на Киев, победа над которым завершилась созданием Киевской Руси – единого Древнерусского государства с центром в Киеве. Последние упоминания о мере относятся к 907 г.: она являлась участницей знаменитого похода князя Олега на греков (г. Царьград). В дальнейшем упоминаний о веси и мере в летописях нет. Отмечают, что «активность этих племен была рано парали-

зована славянским расселением, а также близостью таких городов, как Белоозеро, Ростов и Суздаль»⁴⁵.

Позднее летописец, рассказывая о событиях в Белозерье, называет его население не весью, а белозерцами, что и дало основание Н.И. Карамзину – известному историку и писателю, получившему в 1803 г. именным указом императора Александра I звание историографа российской истории, заявить в примечаниях к первому тому своей «Истории Государства Российского»: «*Весь, Меря и Муром наконец обратились в Славян*»⁴⁶. Карамзинская концепция о полном растворении Веси в окружающем «славянском море» воспроизводилось до 40-х гг. XX в. в учебной, научной и научно-популярной литературе. Сомнения в таком утверждении Н.И. Карамзина высказывали многие исследователи, но благодаря многолетним археологическим исследованиям последних лет, в том числе и А.Н. Башенькина, доказано, что полного поглощения славянской стихией белозерская весь избежала и часть её приняла участие в сложение современных вепсов, которые являются ее историческими наследниками.

⁴³ Рябинин Е.А. Весь. С. 91.

⁴⁴ Муллонен И.И. Топонимия Присвирья. С. 179.

⁴⁵ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Л., 1988. С. 73.

⁴⁶ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 1. Т. 1. М., 1989. С. 98.

ГЛАВА 6

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕПСОВ

В самых ранних исследованиях вепсов довольно много внимания уделялось особенностям внешнего вида вепсов. Элиас Лённрот, побывавший летом в 1842 г. у вепсов Приоятья, пишет, что *«люди в этих местах довольно миловидны, сухощаты и стройны»*¹. Весьма выразительное описание вепсов оставил В.Н. Майнов, один из первых отечественных исследователей вепсов в конце 1870-х гг. Он опубликовал таблицы измерений и описания 23 приоятских вепсов (из них 5 вепсянок), обследованных им по программе Антропологического парижского общества. Это недостаточно для значительных выводов, но его характеристика вепсов весьма живописна: *«Достаточно взглянуть на чудянина, чтобы сразу заметить ту разницу, которой он отличается от своего соседа – русского. Его выдаёт его раскосость, светлоглазость и скуластость; бороды у них окрашены на один или два тона светлее волос. Нос широк и курнос, и сплюснут, с выступающей из-под носа мочкою. Чудяне обладают очень красивыми бровями; они образуют весьма резко очерченную дугу и лишь крайне редко вытянуты в прямую линию. Рот у них мал и красиво очерчен, подбородок несколько остр. Чудяне, в большинстве своем, являются очень коротко и круглоголовыми»*. По его измерениям рост у вепских мужчин составлял 1,69 метра, у женщин – 1,62 метра,

оценивая его как выше среднего. По его мнению, давно укоренившиеся воззрение среди русского населения о вепсах как «белоглазой чуди», полностью подтверждается при обследовании оятских вепсов².

Профессиональное антропологическое исследование вепсов связано с именем А.И. Колмогорова, профессора Московского университета, который начал комплексное изучение вепсов в 1905 г. В ходе многолетних экспедиций к приоятским и южным вепсам им были обмерены 727 человек в возрасте от 6 до 60 лет, причем полностью 50 семей. А.И. Колмогоров в 1918 г. подготовил к печати обширный труд «Вепсы. Опыт монографии народности», где антропологические материалы занимали значительное место. За рукопись Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете наградило А.И. Колмогорова специальной премией, присуждаемой за антропологические изыскания. Из-за революционных событий монография А.И. Колмогорова, требовавшая для издания больших средств, не была опубликована, а после его смерти в 1923 г. сведения о месте ее хранения теряются³.

¹ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828-1842. Петрозаводск. 1985. С. 306.

² Майнов В.Н. Приоятская чудь (Весь – Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд) // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. № 5-6. Отд. оттиск. С. 10.

³ Королькова Л. В. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: Александр Иванович Колмогоров, Владислав Иосифович Равдоникас // Исто-

Во второй половине 1920-х гг. антропологический материал у вепсов собирал Н.С. Розов. Как и В.Н. Майнов, он проводил исследования у приютских вепсов. О внешнем виде вепсов он пишет: «Чухарь – преимущественно крепкого пропорционального телосложения, с русыми или белокурыми волосами на голове и с рыжеватой или белесоватой растительностью на лице, с голубыми или серыми, реже смешанных оттенков глазами ... с прямым даже несколько выгнутым носом, с небольшим красиво очерченным ртом, средней величины умеренно-оттопыренными ушами и с небольшими в длину, почти горизонтально-прорезанными глазничными отверстиями. В общем, по внешности чухари оставляют приятное впечатление и нередко встречаются красивые лица, особенно у представителей мужского пола⁴».

Современная антропология, представляя характеристику вепсов на материалах этнических групп Северной Европы, считает их самыми типичными представителями беломорского типа, относящегося к беломорско-балтийской расе так называемых северных европеоидов. Носителей беломорского типа отличают светлые волосы, глаза и кожа, прямые мягкие волосы, средний рост, небольшая голова, средние размеры лица и носа. Небольшой налет монголоидности у них заметен в несколько уплощённом лице и лёгкой

рико-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни вепского сообщества. Сборник научных трудов по итогам международной конференции, посвященной 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея. Петрозаводск–Шелтозеро. 30–31 октября 2007 г. Петрозаводск, 2008. С. 95

⁴ Розов Н.С. Работы Ленинградской этнологической экспедиции 1926 г. среди вепсов Лодейнопольского уезда // Труды Ленинградского общества изучения местного края. Т. 1. Л., 1927. С. 154–155.

скуластости⁵. Кроме вепсов и большей части карелов, он присущ также ижорам, води, финнам-ингерманландцам и повсеместно русским, живущим рядом с данными народами. В регионе распространения беломорско-балтийского типа выделяют два локальных варианта: один из них – «прионежский»: он ярче всего проявляется у вепсов, хотя присущ и соседним с ними карелам, чертами лапоноидного типа. Самыми выразительными носителями лапоноидного типа, что видно из названия, являются саами, среди которого есть локальные варианты. Наиболее близкими к вепсам оказались саами из Инари (Финляндия)⁶.

У представителей прионежского варианта лапоноидность выражается в относительно чаще встречающемся широком лице и носе, низком переносье, вогнутой спинке носа, эпикантусе (складке у верхнего века, создающей впечатление «монгольских» глаз), более темных глазах, а в некоторых группах и темных волосах.

Другой вариант беломорско-балтийского типа – прилужско-сойкинский – распространен у ижоры, финнов-ингерманландцев, води, в Карелии – у карелов Калевальского района.

Все прибалтийско-финские народы Северо-Запада России считаются самым депигментированным населением в мире: их отличает светлая окраска волос, глаз и кожи. Известный антрополог Г.Ф. Дебец по материалам 1933 г., когда вепское население еще не затронуло смешение, все же особо выделял белозерских вепсов как исключительно светлопигментированное население Севера Европы⁷.

---

⁵ Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 20.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Дебец Г.Ф. Вепсы // Ученые записки МГУ. 1941. Вып. 3. Антропология. Л. С. 143.

Касаясь различий между разными группами вепсов, исследователи расходятся во мнениях. Одни считают наиболее близкими друг к другу вепсов, живущих в районе Онежского и Белого озер, отмечая именно у здешнего населения наиболее выразительные черты прионежского локального варианта⁸; другие особо выделяют северных (прионежских вепсов). По мнению Н.Н. Цветковой, исследовавшей вепсов в 1980-е гг. самой светлоглазой и светловолосой вепсской группой являлись прионежские вепсы. Утверждается, что по сравнению с остальными вепсами у них менее выражены монголоидные признаки, они выше ростом, более светлоглазы, имеют слабое надбровье, у них реже встречается эпикантус, более прямой нос. Темные глаза, преимущественно светло-коричневых оттенков, встречались лишь у восьми процентов вепсов и чаще всего у южной группы⁹.

Полагают, что прионежские вепсы в наиболее чистом виде сохранили собственно вепсский ан-

тропологический тип эпохи Средневековья, а облик современных средних и южных вепсов несёт в себе следы более тесных контактов с соседним русским населением¹⁰. Вместе с тем, судя по антропологической реконструкции, выполненной в 1951 г. известным антропологом М.М. Герасимовым по краниологическим материалам из оятских курганов, лапоноидность лиц у предков вепсов раннего Средневековья весьма заметна (рис. 23). Основой для реконструкции являлся материал из могильника Акулова Гора на р. Оять, раскопки которого вел А.М. Линевский в 1949 г.¹¹

В настоящее время проведение антропологических исследований вепсского населения представляет большую сложность из-за широкого распространения в послевоенное время смешанных браков.

¹⁰. Там же.

¹¹ Реконструкции хранятся в отделе скульптуры Национального музея Республики Карелия. См.: *Плохова С.А.* Обзор коллекций антропологических реконструкций // Вестник Карельского краеведческого музея. Сборник научных трудов. Вып. 5. Петрозаводск, 2006. С. 115. Ил. 13, 14. Реконструкции записаны как бюсты представителей карельской национальности. Опубликовано см.: *Пименов В.В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. С. 60.

⁸ Прибалтийско-финские народы России. С. 21.

⁹ *Цветкова Н.Н.* Антропологические исследования вепсов // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994. С. 19 – 23.

*Рис. 23. Реконструкции М.М. Герасимова антропологических типов древних вепсов из кургана на р. Оять.
(Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. Л.; М., 1965. С. 60)*

ГЛАВА 7

ВЕПСКИЙ КРАЙ В XV–XVIII ВЕКАХ

ПОД ВЛАСТЬЮ НОВГОРОДА

В последней четверти XI в. Ладога из-за переориентации главного торгового пути Восточной Европы от Волги к Днепру и Волхову (см. рис. 4) стала постепенно передавать свою роль ведущего регионального центра Новгороду. Полагают, что она уже в первой половине XII в. становится частью новгородской федерации, включавшей три ее главных центра: Новгород, Псков и Ладогу с примыкающими к ним областями. Особый статус и самостоятельность Ладоги в федерации, очевидно, сохранялся до второй четверти XIV в. О переходе Ладоги на положение рядового пригорода Новгорода Великого, по мнению исследователей, говорит сообщение в Новгородской летописи 1333 г., что Ладогу вместе с другими пригородами Новгорода передали в кормление приглашенным наемным князьям, а также исчезновение из летописи упоминаний о ладожанах и ладожском «полке», который ранее принимал участие в составе общеновгородского войска¹. Ладожская земля становится частью обширной Новгородской республики, простиравшейся от Северного Ледовитого океана до тверских земель. Древние вепсы начинают утрачивать свое значение как посредников в торговле с Востоком, снижается и политический статус их знати, а их

владения переходят под управление новгородской администрации.

Новгородская республика, как и в свое время и ладожская федерация, с самого возникновения являлась межплеменным славяно-финским центром. В г. Новгороде каждое из племен имело своё поселение, окружённое стенами и обладавшее административной самостоятельностью. Позднее их стали называть концами. Здесь собирались сборщики дани с земель, подвластных крупным землевладельцам – боярам. Жители концов были связаны со своей правящей верхушкой узами этнического происхождения и экономической зависимостью. Славяне заселяли Славенский конец на правом берегу Волхова. На левом берегу, в Людином конце, жили кривичи, в Неревском – меря. Как показали археологические раскопки на Неревском конце, он раньше также состоял из двух посёлков. Позднее, по мере их расширения, они стали единым поселением. На левом берегу Волхова находилась Чудинцева улица, которая, возможно, являлась административным центром и поселением чудской знати².

Торговое и политическое влияние Новгорода распространялось практически на все прибалтийско-финские народы. Их представители составляли заметную часть населения Новгорода. При раскопках обнаружено много характерных для финно-у-

¹ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Выпуск I. Л., 1988. С.66.

² Попов А. И. Следы времен минувших. из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л. 1981. С. 95.

горских племен женских украшений – шумящих подвесок. Среди берестяных грамот обнаружены и грамоты на карельском языке, которые считают первыми письменами карельской речи³.

Новгородская республика более трех столетий (1137–1478 гг.) сохраняла свою самостоятельность. В 1487 г. её противостояние с московскими князьями завершилось поражением сторонников независимости Новгорода и включением в состав Московского централизованного государства. Обширные владения новгородских бояр, в том числе и в Обонежье, перешли в государственную собственность, а крестьяне стали государственными крестьянами, выплачивающими налоги в казну государства.

После присоединения новгородских земель к Москве для удобства их одновременного описания они были разделены на пять частей – пятин, которые в своей основе отражали уже ранее сложившиеся историко-культурные зоны. Описание производилось в целях положения населения в тягло, т.е. определения платежей и повинностей в пользу государственной власти⁴. Одна из них – Обонежская пятина, охватывавшая пространство вокруг Онежского озера, как уже говорилось выше, объединяла в основном земли с древневепским населением. Этнический характер Обонежской пятины⁵, развитие которой связано с административной областью раннего Средневековья – Онежским рядом,

очевидно, стало фактором, поддерживавшим до определённого времени этнополитическое единство территории средневековых вепсов, что и предотвратило реальную возможность повторения ими исторической судьбы мери и муромы. Дальнейшее социально-экономическое развитие вепсов происходило сначала в рамках Московии, а затем и Русского централизованного государства, где система управления создавалась уже в интересах сперва княжеской, а затем и императорской власти. Безусловно, эти изменения не могли не учитывать сложившихся еще до новгородского и в новгородское время местных форм самоуправления. По имеющимся источникам, определённая самостоятельность сохранялась на уровне вепских погостов, где хозяйствующей единицей была община при выборных должностных лицах⁶.

Последующие события – усиление славянской крестьянской колонизации, продвигавшейся на Север по ранее освоенным вепсами водным путям, – способствовали быстрому обрусению вепсов, проживавших на крупных реках Паша, Свирь. Какая-то часть вепсов, видимо, под давлением славянского населения переселялась в глубь вепских земель, а в «смутные времена», скорее всего, сама покидала обжитые места. Длительное существование на Севере подсечно-земледелия также требовало постоянного освоения новых земель.

ВЕПСКИЙ СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР СВИРСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В ХРИСТИАНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Известность вепского края в конце XV – первой трети XVI в. связана с деятельностью одного из

³ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, С. 74–75.

⁴ Писцовые книги Обонежской пятины. 1495 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР. Вып.1. Материалы по истории Карельской АССР. Л., 1930. С. II, 268.

⁵ Муллонен И.И. Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Карелии // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск. 4–8 июля 2011. Петрозаводск, 2011. С. 21.

⁶ Пименов В. В. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.–Л., 1965. С. 210–211.

самых почитаемых святых Русской православной церкви преподобного Александра Свирского, которого народная молва считает чудянином по происхождению. Вепское происхождение Александра Свирского признается в энциклопедических изданиях, публикуемых Русской православной церковью в просветительских целях⁷. В житии Александра Свирского сообщается о том, что его родители Стефан и Васса жили в пределах Великого Новгорода, что ныне Олонецкая сторона «в Обонежской пятине, на реке Ояти, селении Мандера, близ Островского Введения Пречистыя Богородица монастыря». По административному делению в настоящее время Введено-Оятский монастырь находится на пограничье Лодейнопольского и Волховского районов Ленинградской области.

Александр Свирский родился 15 июня 1448 г., скончался 30 августа 1533 г. Его родина являлась этнической территорией вепсов, что также рассматривается как свидетельство его вепского происхождения. Житие Александра Свирского было написано в 1545 г. его учеником Иродионом (Кочневым⁸), игуменом Александро-Свирского монастыря в 1545 г. – всего за два года до канонизации (рис. 24). Как указывал Иродион, он его писал «повелением господина преосвященного Макария, митрополита всея России и по благословлению господина преосвященного Феофодосия, архиепископа Новгородского и Пскова»⁹.

⁷ Иконников – Галицкий А. Святые Русской земли. Серия: Русская энциклопедия. М., 2013. С. 19–20.

⁸ Игумен Макарий (Веретенников). Преподобный Александр Свирский “новый чудотворец” – русский подвижник XVI века. К 450-летию со дня кончины // Богословские труды. 23. М., 1982. С. 322.

⁹ Иродион, игумен Александро-Свирского монастыря. Электронные публикации Института русской литературы

В предисловии жития Александра Свирского Иродион заверял, что являясь свидетелем жизни святого, он писал его по личным рассказам преподобного и его первых сподвижников. Специалистами оно признано во многом компиляцией из житий многих святых и содержит все традиционные сюжеты в соответствии с каноном житийного жанра. В то же время отдают должное начитанности Иродиона, составившего весьма интересный текст, литературные и художественные достоинства которого высоко оцениваются многими исследователями¹⁰.

Канонизация Александра Свирского состоялась на Поместном соборе в 1547 г., когда одновременно канонизировали сразу 14 святых общецерковного почитания, в их числе уже получивших широкую известность в церковной среде преподобных Зосиму и Савватия Соловецких, Александра Невского и Иону митрополита Московского.

Житие Александра Свирского в отличие от житий других святых Православной церкви содержит сюжет о видении им самого Бога, явившегося к нему в образе Святой Троицы – трёх мужей в светлом одеянии. Александр Свирский получил от них повеление построить на месте видения «церковь во имя Отца и Сына и Святого Духа, единосущной Троицы» и устроить обитель. Это событие, описываемое в житии, отводит Александру Свирскому исключительное место в церковной истории. Преподобный Александр Свирский признан

(Пушкинского Дома) РАН. См.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3998>; Иродион. Житие и чудеса Александра Свирского». СПб, 2003.

¹⁰ Дмитриев Л. А. Иродион, игумен Александро-Свирского монастыря. См.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3998>. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН..

Рис. 24. Икона преподобного Александра Свирского.
Фото из архива Национального музея Республики Карелия
(НМ РК № 44556)

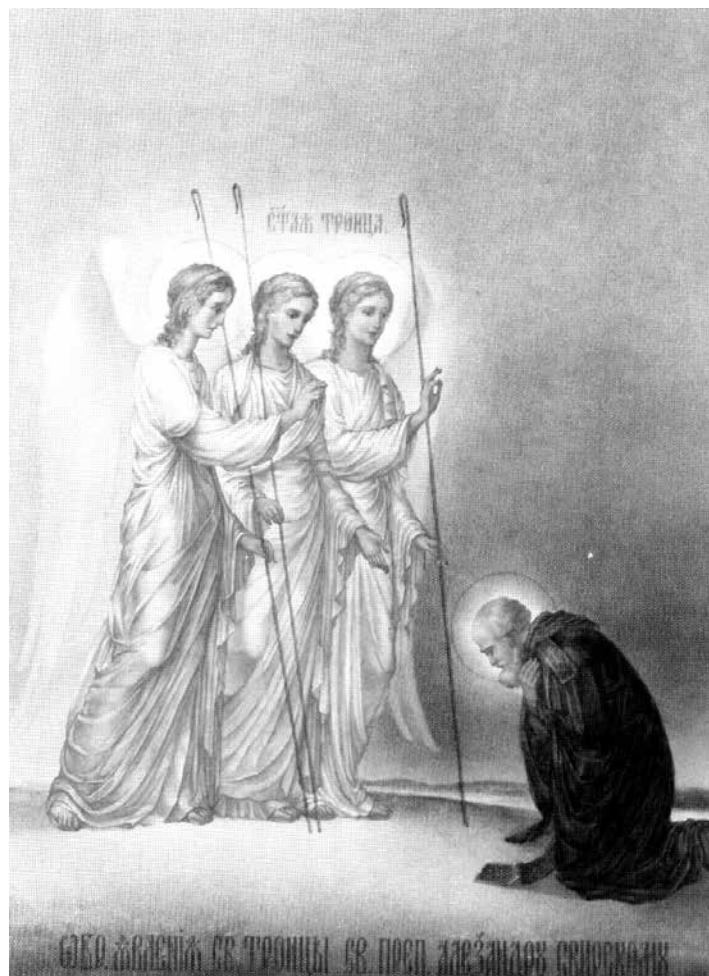

Рис. 25. Явление Святой Троицы преподобному
Александру Свирскому. Фото из книги
«Святой преподобный Александр Свирский». М., 2003

единственным православным святым, который удостоился такой чести. Сюжет с явлением Святой Троицы преподобному Александру Свирскому неоднократно отображен в иконографии (см. рис. 25).

В том же 1508 году на месте видения Святой Троицы был основан Свято-Троицкий Преображенский мужской монастырь и сооружена деревянная, а в 1526 г. каменная церковь во имя Святой Живоначальной Троицы.

Есть основания полагать, что идея включения сюжета о видении в житие пр. Александра Свирского Бога в образе Святой Троицы, написанного Иродионом по поручению митрополита Макария, находится в русле деятельности митрополита по возвеличиванию Русской православной церкви, которая, по его мнению, в своем развитии к моменту проведения Поместных соборов 1547–1549 гг., наконец, достигла той степени святости, что *«зримо низвела Саму Троицу на Русскую землю»*¹¹.

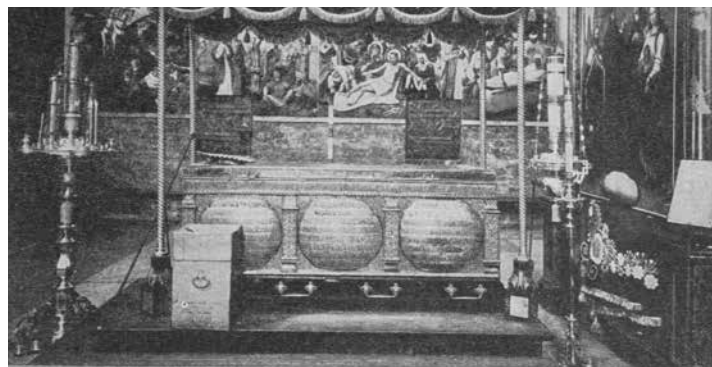

Рис. 26. Из альбома «Фото монастырей и церквей». [Б. м Б. г., библиотека КарНЦ РАН]

¹¹ Архимандрит Макарий (Веретенников) // Альфа и Омега. 1995. №5. См. <http://www.pravmir.ru/prepodobnyj-aleksandr-svirskij-i-svyatitel-makarij-mitropolit-moskovskij/>; Пиритим, архиепископ Волоколамский. Церковь как претворение Тринитарного Домостроительства // Журнал Московской Патриархии. 1975. №1. С.

В 1641 г. при строительстве Преображенского собора были обнаружены нетленными мощи пр. Александра Свирского. При их перезахоронении в 1664 г. они были переложены в серебряную, украшенную драгоценными камнями раку, пожертвованную царем Михаилом Федоровичем Романовым, а из мастерской его жены – царицы Евдокии Лукьяновны – был послан вышитый золотом покров, который, как утверждают церковные источники, вышивала лично царица¹² (см. рис. 26).

Это рассматривалось как продолжение особой связи пр. Александра Свирского с царствующим домом, представители которого неоднократно бывали в монастыре. После посещения монастыря в 1876 г. император Александр II озабочился сооружением новой раки, поскольку старая рака изветшала. В 1878 г. на его пожертвования и собранные всем миром средства в Петербурге была изготовлена новая серебряная рака, куда и перенесли мощи пр. Александра Свирского (см. рис. 27).

Через 10 лет, уже по инициативе великого князя Владимира Александровича, сына Александра II, началась реставрация старой раки и в 1893 г. мощи преподобного снова поместили в древнюю раку, где они и размещались до разорения монастыря в 1918 г.¹³

Почему пр. Александр Свирский был удостоен особого почитания среди сонма северных подвижников? Его деятельность, как отмечает Православная энциклопедия, «имеет огромное значение для развития

¹² Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 186, 191.

¹³ Кануста Л.И. Рака Александра Свирского (история монастырской реликвии XVII века) // Вестник Карельского краеведческого музея. Сборник научных трудов. Вып.5. Петрозаводск, 2006. С. 73–78.

северорусского монашества». Церковь считает его духовным отцом и воспитателем многих северорусских святых и основателей новых монастырей¹⁴. В истории Русской православной церкви отмечается, что на севере в XVI в. было основано монастырей больше, чем в остальных восьми епархиях Московской метрополии. Среди его учеников называют и основателей монастырей «в Острореченском погосте на Яш-озере» вепса Иону Яшезерского, в «Олонецком уезде на Сяндоме озере» олончанина Афанасия Сяндебского. Сообщается, что о жизни и подвигах семи учеников пр. Александра Свирского сведения не сохранились. Известны лишь их имена и места захоронений¹⁵. Финляндская православная церковь почитает пр. Александра Свирского как одного из просветителей карелов.

С деятельностью Александра Свирского и его учеников, многих местных святых, ставших основателями знаменитых монастырей и пустынь, как полагают, началась вторичная христианизация северного края¹⁶. Признание церковью повсеместного бытования в то время язычества среди чуди и лоплян позволяет считать их первопроходцами в распространении православия на Севере. То обстоятельство, что его идеологами выступили представители населения, к которым принадлежали язычники, по всей вероятности, способствовало успеху христианизации местного населения.

Несомненно, сказалась и тесная духовная дружба митрополита Макария и Александра Свирского, ко-

торая началась еще в то время, когда Макарий был архиепископом Новгородским и Пскова. В 1542 г. он стал митрополитом Московским и всея Руси¹⁷. В истории Русской церкви и Русского государства роль митрополита Макария оценивается очень высоко. Современники видели «в нем человека выдающейся начитанности», сумевшего стать в истинном смысле слова Великим устроителем Русской церкви и символом духовного объединения Русской земли. По его инициативе и под его руководством начался сбор «всех чтимых» на Руси оригинальных и переводных книг, основу которых составляли жития святых, для включения их в единое собрание (Четьи минеи) с представлением в церковном календаре (с 1 сентября по 31 августа) по дням памяти святых. Работа длилась более 20 лет и завершилась в 1552 г. Великие макариевские Четьи минеи составили 12 огромных фолиантов. В. Ключевский подготовку «миней» Макарием назвал самым отважным предприятием в древнерусской письменности¹⁸. При Макарии продолжилась работа над Новгородской IV летописью, началось печатание богослужебных книг¹⁹.

Архимандрит Макарий (Веретенников) приводит в своих работах сведения, подтверждающие

¹⁴ Православная энциклопедия. М., 2000. С. 536.

¹⁵ Православная энциклопедия. Олонецкая епархия. С. 189–191.

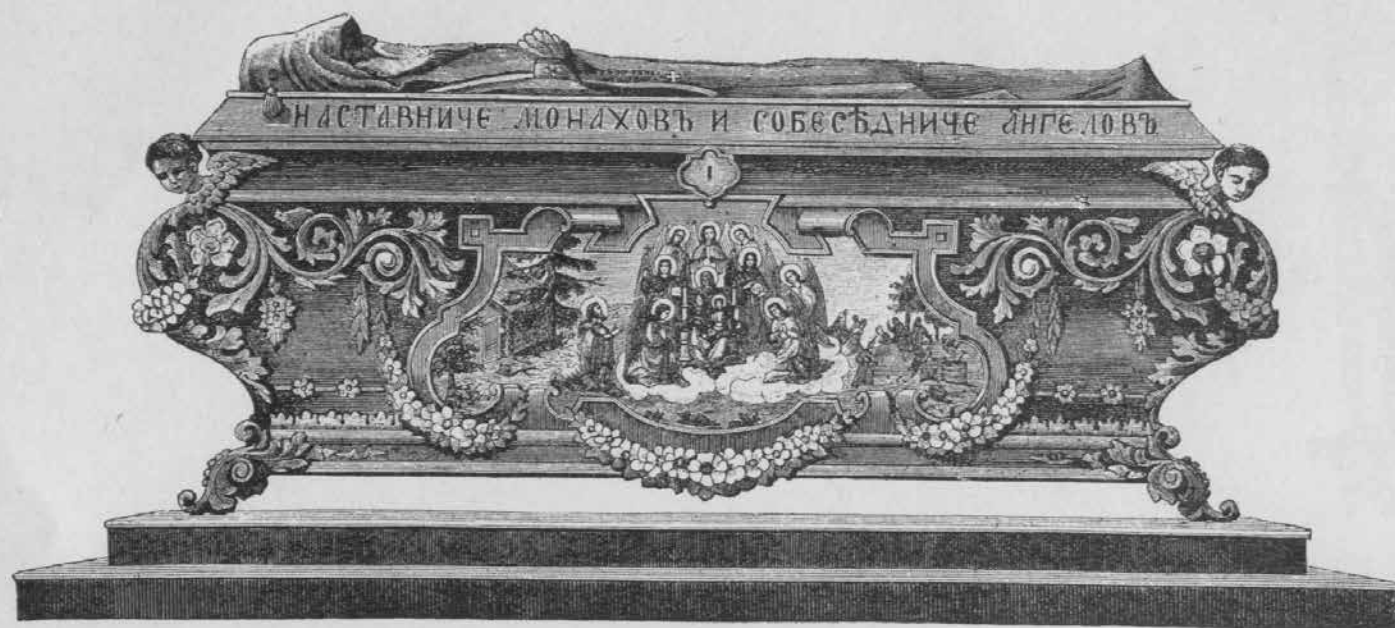
¹⁶ Мусин А. Е. Становление православия в Карелии (XII–XVI вв.) // Рябининские чтения. Петрозаводск, 1997. С. 260.

¹⁷ Макарий, митрополит Московский и всея Руси. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. <http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4310>; Архимандрит Макарий (Веретенников). Из жизни митрополита Московского и всея Руси Макария // Альфа и омега. 1995. № 4(7) http://aliom.orthodoxy.ru/fr_arch.htm

¹⁸ Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1988. С. 228.

¹⁹ Архимандрит Макарий (Веретенников). Митрополит Макарий и его святые современники // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. 1996. № 4. См.: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/011/011-mak.htm>

Рака, въ которой почиваютъ мощи Преподобнаго Александра Свирскаго.

Рис.. 27. Серебряная рака пр. Александра Свирского, изготовленная на общие пожертвования, в том числе императора Александра II. Альбом «Фото монастырей и церквей». [Б. м Б. г., библиотека КарНЦ РАН]

взаимосвязь митрополита Макария и Александра Свирского в духовных подвигах. Он полагает, что она столь же существенна для них двоих, как и для общепризнанных пар в православном мире, наподобие просветителей – равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, благоверных страстотерпцев сыновей князя Владимира – Бориса и Глеба; валаамских подвижников Сергия и Германа; пустынножителей Соловецкого острова Зосимы и Савватия и др.²⁰ Он отмечает, «что столь раннее прославление святого (Александра Свирского) и то участие, которое мы видим в этом со стороны митрополита Макария, о многом говорит»²¹. Уже упоминалось, что Макарий делал вклады в Александро-Свирский монастырь и сам освящал его после строительства.

Особые почести последовали со стороны митрополита Макария после канонизации Александра Свирского. Северо-восточный придел Покровского собора, построенного в память победы над Казанью, известного теперь больше как храм Василия Блаженного на Красной площади, был освящен в честь «нового чудотворца Александра Свирского». Освящение его было совершено в 1560 г. в присутствии царя Иоанна IV, покорителя Казанского ханства, и множества бояр, «а освящал Макарей митрополит всея Руси со всем священным собором»²². Победа над войсками Епанчи, предводителя Казанского ханства, пришлась на 30 августа, день памяти пр. Александру Свирскому, и

предсказывалась Ивану Грозному митрополитом Макарием²³.

В Успенском кремлевском соборе в период между 1547 и 1555 г.²⁴ была установлена икона «Образ Александра Свирского, чудотворца с деянием». В 129 клеймах уникальной иконы воспроизведены сюжеты из жития преподобного. Высказывались предположения, что она была написана в иконописной мастерской митрополита Макария, который и сам был иконописцем. В Успенском соборе её расположили напротив раки митрополита Ионы²⁵, избранного митрополитом в год рождения Александра Свирского – в 1448.

Во всех этих деяниях митрополита Макария видна глубоко продуманная программа по прославлению пр. Александра Свирского и утверждению культа «нового чудотворца», оказавшегося нужным именно в это время среди иноязычного населения для распространения христианства.

Митрополиту Макарию удалось реализовать свою политику по установлению культа пр. Александра Свирского, поскольку основанный им Александро-Свирский Свято-Троицкий монастырь долгое время являлся местом христианского просвещения для местного населения и стал одним из важнейших духовных центров России. С 1764 по 1788 г. при монастыре находилась резиденция олонечских и каргопольских епископов, а с 1779 по

²⁰ *Архимандрит Макарий (Веретенников)*. Преподобный Александр Свирский и святитель Макарий. См.: http://aliom.orthodoxy.ru/fr_arch.htm

²¹ Там же.

²² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Дополнение к Никоновской летописи. СПб., 1906. С. 320.

²³ *Ильин М. А.* О наименовании собора Василия Блаженного // Новое в археологии. Изд. МГУ, 1972. С. 292.

²⁴ *Соловьева И. Д.* Житийные иконы преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии // Доклады участников I Международной конференции. «Комплексный подход в изучении Древней Руси». См.: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s1_7_111.pd С. 75.

²⁵ *Архимандрит Макарий (Веретенников)*. Преподобный Александр Свирский и святитель Макарий.

1828 г. – духовная семинария. При монастыре имелся большой архив и библиотека. С образованием в 1828 г. самостоятельной Олонецкой епархии духовная семинария переместилась в Петрозаводск.

В религиозной жизни местного населения всего северного края монастырь занимал ведущее место. Александр Свирский, как отмечает исследовательница вепсов в конце 1920-х гг. З.П. Малиновская, *«является одним из наиболее чтимых святых во всем Обонежье. Монастырь привлекал сотни богомольцев, в особенности в Троицын – день храмового праздника монастыря. В этот день в монастыре встречались большими массами русское, карельское и чухарское население»*²⁶.

По описанию В.Н. Майнова, в домах приютских вепсов под «красном углом» со старинными иконами висело *«все непременно литографическое изображение раки Св. Александра Свирского, туземного покровителя»*²⁷. Местный русский народ на Ояти, как писал И. Хрущов в 1868 г., хотя и *«мало религиозен, с истинами религии мало знаком ... оказывает непритворное уважение к памяти Александра Свирского: «память» его, 30 августа, — их праздник»*²⁸. Вепские крестьяне вносили свой вклад в развитие монастыря. У населения верховьев Ояти, как пишет З.П. Малиновская, существовал обычай жертвовать крупный скот монастырю. В Троицын день его пригоняли те, кто в период болезней или других неудач

в хозяйстве давал такое обещание пр. Александру Свирскому. Исполнив обет, жертвователи получали в монастыре благословение игумена иконой с изображением явления Святой Троицы Александру Свирскому и после общей трапезы возвращались домой²⁹.

В 1918 г. монастырь подвергся разорению. Его восстановление началось только в 1997 г.³⁰

При идентификации мощей пр. Александра Свирского при его втором обретении 30 июля 1998 г. антропологические особенности его облика как присущие местному вепсскому населению рассматривались в качестве доказательства их истинности³¹.

В последние годы Александро-Свирский Свято-Троицкий монастырь, пережив сложнейшие времена разорения, снова становится одним из самых посещаемых на северо-западе страны (рис. 28).

Об успехах христианизации в XV–XVII вв. на вепсской земле, активно начатой Александром Свирским, свидетельствуют многочисленные деревянные храмы, которые возводилось на пожертвования крестьян. Здесь до сих пор сохранилось несколько деревянных церквей XV–XVII вв.: Георгиевская деревянная церковь в д. Юксовичи (1542 г.), церковь Рождества Богородицы в д. Лиственка (1599 г.), Богородицкая в деревне Гимрека

²⁶ Малиновская З.П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-Финский сборник. Л. 1930. С. 198.

²⁷ Майнов В.Н. Приютская чудь (Весь – Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. № 5-6. Отд. оттиск. С.15.

²⁸ Хрущов И. Заметки о русских жителях берегов реки Ояти // Записки Имп. Русского географического общества по отделению этнографии. 1868. Т. II. С. 62.

²⁹ Малиновская З.П. Указ. соч. С. 199.

³⁰ Сайт Свято-Троицкого Александра Свирского мужского монастыря. http://www.svirkoe.ru/ru/library/books/his_sec_find.php

³¹ История второго обретения мощей Александра Свирского // Журнал Московской патриархии. 2000. № 5. См.: Сайт Свято-Троицкого Александра Свирского мужского монастыря. http://www.svirkoe.ru/ru/library/books/his_sec_find.php

(1695 г.), Димитрия Солунского в Щелейках (1780–1783). Наиболее монументальной среди них является Гиморецкая церковь (рис. 29-31).

Все они являются признанными памятниками деревянного зодчества, которые чудом уцелели в вепсской глубинке.

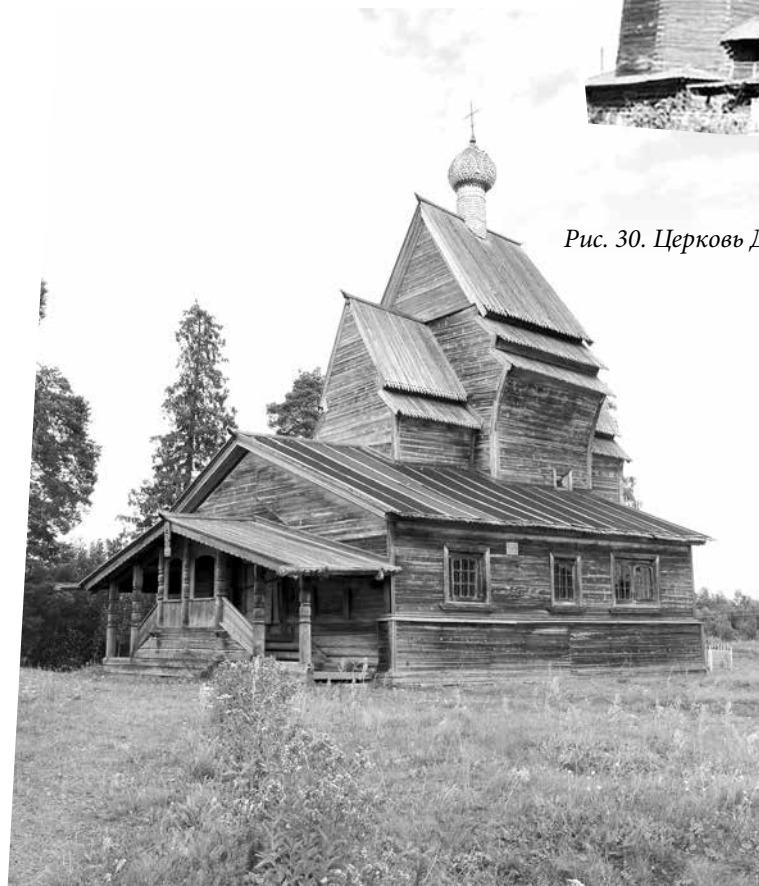

Рис. 28. Свято-Троицкий преподобного Александра Свирского мужской монастырь

Рис. 30. Церковь Димитрия Солунского в Щелейках. Фото Маркку Ниеминена

*Рис. 29. Церковь Георгия Победоносца в с. Юксовичи.
Фото Маркку Ниеминена*

*Рис. 31. Церковь Рождества
Пресвятой Богородицы в Гимреке.
Фото Маркку Ниеминена*

ВЕПСКИЙ КРАЙ В ЭПОХУ ПЕТРА I

В начале XVIII в. на все стороны жизни вепских крестьян повлияла деятельность Петра I по созданию в Олонецкой губернии военной и судостроительной промышленности, обеспечившей России победу в Великой Северной войне 1700–1721 гг. за выход к Балтийскому морю. В 1703 г. на берегу Онежского озера, вблизи территории прионежских вепсов строится Петровский железоделательный и оружейный завод, вокруг которого впоследствии вырос г. Петрозаводск. На Свири, в местах расселения средних вепсов, в урочище р. Каномы в 1702 г. началось возведение Олонецкой судостроительной верфи. До её ликвидации в 1830-х гг. на ней было построено около 450 различных, в том числе и военных, судов. Возникшее здесь поселение – современный город Лодейное Поле.

Для строительства и работы на металлургических, железоделательных и оружейных заводах, судостроительной верфи «приписывались» государственные крестьяне Олонецкой губернии. Трудовая повинность заменяла уплату ими государству подушной подати. Прионежские вепсы были припи-

саны к Петровским заводам, оятские – к Олонецкой судостроительной верфи³². Новая столица Петербург, строительство которой по указу Петра I началось в 1712 г., дало толчок развитию в вепском Прионежье камнеломно-камнетесного промысла.

Работа за пределами своего хозяйства втягивала вепсов Олонецкой губернии в экономическую и политическую жизнь края. Вепсы Новгородской губернии и частично Олонецкой, являлись помещичьими крестьянами и долгое время вели более замкнутый образ жизни, поэтому их быт был значительно архаичнее, чем у их северных соплеменников. Трудовые навыки, приобретённые средними и прионежскими вепсами на заводских работах, освоение плотницкого ремесла при строительстве судов впоследствии привели к массовому распространению среди них отходничества, что в свою очередь сказалось на различиях в социально-экономическом и культурном развитии вепсов разных регионов.

³² Карелия. Энциклопедия. Т. 1. Петрозаводск, 2007. С. 49 и сл.

ГЛАВА 8

ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ВЕПСАХ В XIX – НАЧ. XX ВЕКОВ

АНДЕРС ЙОХАН ШЁГРЕН – ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВЕПСОВ

Научное изучение вепсов началось значительно позднее, чем других финно-угорских народов и связано с именем основателя российского финно-угроведения, академика Императорской академии наук Андерса Йохана Шёгрена¹. А. Шёгрен (1794–1855) родился в семье финского деревенского сапожника и земледельца, но благодаря своему трудолюбию и способностям окончил Императорскую академию Або (университет г. Турку), а в 1819 г. защитил диссертацию на степень доктора философии. Название её может быть эпиграфом всей его жизни: «*Нет ничего недоступного для смертных*» (*Nil mortalibus ardui est*)².

Университетские годы и период его становления как учёного (1810–1820-е гг.) совпали с началом национального возрождения в Финляндии, в идеологии которого интерес к финскому языку и культуре тесно связан с изучением родственных финно-угорских народов. Со студенческих лет он мечтал о научных поездках по местам расселения «чудских племен» для изучения их языков и культуры³. Мечта молодого финского учено-

го осуществилась. После присоединения в 1809 г. Финляндии к России интересы национально настроенной финской интеллигенции и совпали с потребностью Российского государства в изучении финно-угорских народов. Весной 1820 г. А. Шёгрен переехал в Санкт-Петербург с целью совершить длительную исследовательскую поездку по местам расселения финно-угорских народов России. В Петербурге через финских ученых он поступить на службу к влиятельнейшему царскому сановнику, канцлеру и бывшему министру иностранных дел Российской империи, графу Н.П. Румянцеву. Первая научная работа А. Шёгрена «О финском языке и литературе» показала выдающиеся способности молодого исследователя. По протекции Н.П. Румянцева и барона Р.И. Ребиндера, министра, статс-секретаря Великого княжества Финляндского, обратившихся к Александру, в 1823 г. на экспедицию А. Шёгрена была выделена значительная для того времени сумма - по три тысячи рублей на два года⁴.

В автобиографии А. Шёгрена «Мой путь в науку» об этом всего несколько строк: «*Был приятно удивлен полученным от барона Ребиндера письмом. Тот сообщал, что имел счастье предоставить план путешествия Шегрена Его Императорскому Величеству, и ученому были милостиво выделены на него средства по три тысячи рублей в год*»⁵. В 1826 г. Александр I на таких же условиях продлил финан-

¹ Андерс Йохан Шёгрен по-русски называл себя Андрей Михайлович. Под такими инициалами перед его фамилией обычно публиковались работы на русском языке.

² Шаскольский И.Л. Основатель Российского финно-угроведения. К 200-летию со дня рождения академика И.А. Шёгрена // Вестник Академии наук. Т. 64. М., 1994. С. 1228.

³ Основоположник российского академического кавказоведения, академик Андрей Михайлович Шёгрен. Т. 1. Исследование. Тесты. Н. 2010. С. 32..

⁴ Шаскольский И.Л. Указ. раб. С. 1229.

⁵ Академик А.М. Шёгрен – Основоположник российского академического кавказоведения ... С. 803.

сирование «путешествия доктора Шёгрена для исследования обитающих в России народов финского племени» еще на два года⁶.

Знаменитая экспедиция А. Шёгрена, после которой он вернулся известным ученым, началась в июне 1824 г. и закончилась в 1829 г. За время поездок А. Шёгрэн преодолел около 12 000 верст верхом на лошадях, в карете, санях, на лодках по рекам. Он побывал в северных губерниях России, Финляндии, Норвегии, изучая карелов, вепсов, лопарей (саами), затем отправился на восток, добрался до Перми, изучая коми и удмуртский языки. В Петербург он вернулся через Казань и Вологду, собрав материалы об истории, языках, фольклоре и традициях, ономастике, этнографии и традиционных занятиях разных народов.

Императорская академия наук высоко оценила научный вклад А. Шёгрена (Рис. 32). В 1829 г. ему было присвоено звание адъюнкта академии, что соответствует современному званию члена-корреспондента, а в 1831 г. ввиду выдающихся научных заслуг он был избран экстраординарным академиком, т.е. с учреждением специально для него дополнительной вакансии академика. В 1839 г. его избрали ординарным академиком. К концу жизни А. Шёгрэн стал одним из руководителей Санкт-Петербургской академии наук⁷.

При всем значении северной экспедиции А. Шёгрена одним из важнейших результатов её считают открытие вепсов для науки. У вепсов А. Шёгрэн был трижды. Первая поездка состоялась с 27 декабря 1824 г. по 11 января 1825 г. По её итогам он

Рис. 32. Андерс Йохан Шёгрэн, историк, языковед, этнограф, академик Санкт-Петербургской академии наук

написал: «В Олонецкой губернии объездил её южную оконечность, граничащую с Новгородской губернией, изучая одно из ответвлений финской народности, расселенной по обеим губерниям, которые местные русские называли чюдью и которая оставалась ранее совершенно неизвестной языковедам и этнографам»⁸. По его дневниковым записям из первой поездки, местность, заселенная вепсами начиналась от южных окрестностей г. Петрозаводска до верховьев р. Свирь. В прионежском с. Ладва, в котором сейчас даже не осталось воспоминаний о его вепском прошлом, он записывал вепские тексты у местного священника. Известно и о его попытке перевести на вепский язык молитву «Отче наш»⁹. Следующая

⁶ Киселева Т.В. Андрей Михайлович Шегрен – первооткрыватель вепсов // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 100.

⁷ Шаскольский И.Л. Указ. раб. С. 1228–1229.

⁸ Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн. С. 810.

⁹ Киселева Т.В. Указ. раб. С. 103.

поездка А. Шёгрена к чуди, обитающей на западном берегу Онежского озера, состоялась спустя два года – в сентябре 1826 г., а 10 января 1827 г. он выехал из Лодейного Поля «по местам проживания чудского племени, расселенного по границе с Новгородской губернией» по пути в Белозеро, где намеревался поработать с архивами¹⁰.

По итогам научных поездок А. Шёгрена первым высказал предположение о вепсском языке как самостоятельном в семье прибалтийско-финских языков, а вепсов как отдельного финно-угорского народа. Ему принадлежат первые записи текстов на вепсском языке, он также связал происхождение чуди-вепсов с древней весью. При существовавшем в то время уровне знаний о прибалтийско-финских языках его предположение о самостоятельности вепсского языка во многом опиралось на интуицию. Первоначально А. Шёгрена склонялся к мнению о языке чуди-вепсов как особом диалекте олонецких карелов, связывающем карельский и финские языки, а после поездок к лопарям (саами) – финский и саамский языки.

А. Шёгрена стремился как можно точнее определить территорию расселения вепсов и их численность. Крайне важным являются сведения Шёгрена о том, что в период его поездок местности, населенные вепсами, занимали единую территорию на пограничье Олонецкой и Новгородской губерний. Как и все последующие исследователи вепсов, А. Шёгрена сразу же заявил, что в прошлом ареал обитания чуди-вепсов был значительно обширнее, «как сие и поныне видно из названий мест». Численность вепсов после последней поездки А. Шёгрена

оценил примерно в 21 тыс. человек, что выглядит вполне достоверным¹¹.

Предположение А. Шёгрена о связи летописной веси с обнаруженной им в Олонецкой губернии чудью воспринималось впоследствии неоднозначно. В малочисленном вепсском народе сложно было представить потомков веси, участницы событий, упоминаемой в первой древнерусской летописи «Повести временных лет» в связи с важнейшими событиями древнерусской истории. Позднее и сам А. Шёгрена выдвинул теорию о происхождении вепсов от «еми (ями)»¹² – одного из финских племен, но его первоначальная гипотеза о родстве обнаруженных им вепсов с весью стала в науке основной.

ЭЛИАС ЛЁННРОТ – ПО СЛЕДАМ А. ШЁГРЕНА

После исследований А. Шёгрена у финляндских исследователей возникает устойчивый интерес к вепсам и вепсскому языку. В 1842 г. у вепсов с июля по октябрь провел известный собиратель карельского и финского фольклора и создатель «Калевалы» Элиас Лённрот. А. Шёгрена передал ему часть своих экспедиционных материалов и содействовал в получении средств для полевых исследований по изучению языков и фольклора карелов, вепсов и саамов. Материалы Э. Лённрота по вепсскому язы-

¹¹ Киселева Т.В. Указ. раб. С. 102.

¹² Емь (ямь) – финское племя, занимающее внутренние области южной Финляндии и центральных финских озер. Известна также под шведским названием тавасты. Емь находилась в даннической зависимости от Новгорода, что приводило между ними к неоднократным столкновениям. В начале XIII в. значительная часть еми приняла католичество и оказалась под властью Швеции. В XIV–XV вв. емь слилась с финнами – сумью (suomi).

¹⁰ Паишков А.М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX вв. Петрозаводск, 2010. С. 63–67.

ку стали основой его докторской диссертации на шведском языке «Om det nord-tschudiska språket» (О языке северной чуди), которая стала первым научным трудом по вепсскому языку. Её защита в мае 1853 г. в Александровском университете в Хельсинки позволила Э. Лённроту занять впервые учреждённую в Финляндии должность профессора финского языка¹³.

Э. Лённрот перед поездкой к вепсам в письме от 2 июля 1842 г. сообщает А. Шёгрёну о том, что тешит себя надеждой «создать сравнительную грамматику финского, олонёцкого (ливвиковского), вепсского, эстонского и лопарского языков»¹⁴. В путевых заметках и письмах Э. Лённрота особенно интересны его суждения об языковой ситуации у вепсов. Они отражают представления автора о ценности народной культуры и языка, часто неосознаваемые его носителями. Он с горечью отмечал:

«Где уж им догадаться, какие преимущества скрыты в возможности говорить на родном языке, который считается непреложным даром природы». Его размышления о причинах и ходе обрусения вепсов и сейчас остаются актуальными для многих малочисленных народов.

В уездных городах Лодейном Поле, Вытегре и Белозерске, как пишет Э. Лённрот, «по триста – четыреста человек говорят по-чудски, или на вепсском языке»¹⁵. Первая встреча в июле 1842 г. с вепсами, проживавшими в Исаевской волости Вытегорского уезда, в отдалении от центра вепских поселений, произвела

Рис. 33. Элиас Лённрот, создатель Калевалы, профессор финского языка

на него тягостное впечатление. В двенадцати небольших деревнях исаевских вепсов, как и в большинстве вепских поселений, находящихся на окраинах вепской земли или оказавшихся островком среди русского окружения, процессы обрусения были особенно заметными. Э. Лённрот пишет, что «из них лишь в пяти наряду с русским говорят и на вепсском, а в остальных этот язык уже вымер. А поскольку нынче в этих пяти деревнях даже дети разговаривают между собой по-русски, нетрудно предугадать, что через столетие и вепский язык будет лишь как предание о том, что когда-то в прежние времена их прадеды общались на каком-то другом языке, отличном от русского»¹⁶.

Эти наблюдения и дали ему основания для весьма пессимистических прогнозов о будущем вепсского языка. Говоря о причинах обрусения вепсов, он отмечает, что к забвению вепсами родного языка ведет

¹³ Карху Э. С. Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. С. 6.

¹⁴ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма... С. 273–274.

¹⁵ Там же. С. 253.

¹⁶ Там же. С. 292–293.

не столько знание ими русского языка, хотя и вызываемое необходимостью общения с соседями, сколько мнение, что чужой язык лучше родного, и «от него большая польза, а от вепского никакой ... И там, где обстоятельства способствуют тому, начинает действовать эта школа, выполняющая свою задачу без учителей, учебников, словарей и хрестоматий, причем намного успешней, чем это могли бы сделать все знатоки языков и грамматик, поскольку им все же редко удается добиться того, чтобы человек забыл родной язык или стал относиться к нему с неприязнью»¹⁷.

В рассуждениях Э. Лённрота о причинах перехода вепсов на чужой язык уже тогда подчеркивалась особая роль субъективных факторов на жизнеспособность языков меньшинств. Современная социолингвистика, признавая важность внешнего влияния – экономической, культурной и политической ситуации в стране на миноритарные языки, все больше внимания уделяет субъективному восприятию своего языка его носителями, их желанию сохранять или не сохранять родной язык, наличию или отсутствию веры в необходимость его существования¹⁸. Именно они оказываются решающими для будущего таких языков, даже если сохраняются достаточное число его носителей.

Э. Лённрот подчеркивал важность для любого народа наличия письменного языка и писал, что *«отсутствие письменности и официального использования языка ускоряет его гибель, подобно тому, как отсутствие фундамента и угловых камней сказывается на*

*прочности дома. Основу языка составляет литература, которая способствует его длительному сохранению, и если она не сумеет предотвратить исчезновение языка, то все же сохранит в себе его прекрасные приметы»*¹⁹.

В замечании Э. Лённрота об обстоятельствах, порождающих у меньшинств смену родного языка на более престижный язык доминирующего общества, отмечается условность «добровольности» этого процесса. Ответственность за сохранение языков «подчиненных» народов Э. Лённрот возлагал и на представителей господствующего сообщества. Отмечая, что даже просвещенные норвежские священники усиленно пытаются заставить лопарей и финнов в норвежском Финмарке читать по-норвежски, Э. Лённрот в укор своим сородичам ставит стремление уже более ста лет превратить лопарей в финнов, не задумываясь над тем насколько противоестественны попытки отчуждения народа от его родного языка:

*«Сколько же еще веков должно пройти на земле, чтобы человек в своем культурном развитии достиг не только понимания того, чтобы считать свой родной язык самым лучшим, но и признания за другими народами такого же права, и ни уговорами, ни силой не пытались бы заставить их менять свой язык на чужой»*²⁰.

Несколько недель Э. Лённрот провел у вепсов на Ояти, где вепский язык в то время являлся основным и даже единственным средством общения между своими сородичами. Здесь он вел сбор материала по грамматике и словарю вепского языка, записал несколько сказок, пословиц и загадок, которые вошли как языковой материал в его диссертацию. На их основе в 2006

¹⁷ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма... С. 292-294.

¹⁸ О подобных исследованиях по отношению карельскому и вепскому языкам см: Ковалева С.В. К анализу субъективных параметров языковой ситуации // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 191-193.

¹⁹ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма... С. 293.

²⁰ Там же. С. 261-262.

г. Фондом «Юминкеко» в Петрозаводске был издан иллюстрированный сборник сказок для детей²¹.

По материалам Э. Лённрота и его последователя А. Алквиста, побывавшего у вепсов в 1855 г., появились работы о вепсском языке венгерских исследователей Пала Хунфалви (1875 г.) и Йожефа Синнеи (1881 г.). В 1890 г. по итогам поездки к исаевским вепсам в 1887 г. вышла работа Я. Базилера²².

После некоторого перерыва с конца 1880-х гг. возобновились поездки финских учёных к вепсам. К ним выезжали языковеды Эмиль Нестор Сетяля (1889 и 1916 г.) и Лаури Кеттунен (1917–1918 и 1934 гг.). Э. Н. Сетяля и А. О. Вьяйсянен в 1916 г. записали на фонографе игру на кантеле,²³ хотя еще в 70-е гг. XIX в. В. Н. Майнов написал, что «особый народный инструмент совершенно исчезает теперь точно так же, как и название его – кантелет (рис. 34). В настоящее время известен в Лодейнопольском уезде только один человек, умеющий делать кантелет и играть на нём»²⁴.

В 1927 г. З.П. Малиновской удалось привезти из поездки к приоятским вепсам кантеле, которое сейчас хранится в Российском этнографическом музее (далее – РЭМ)²⁵.

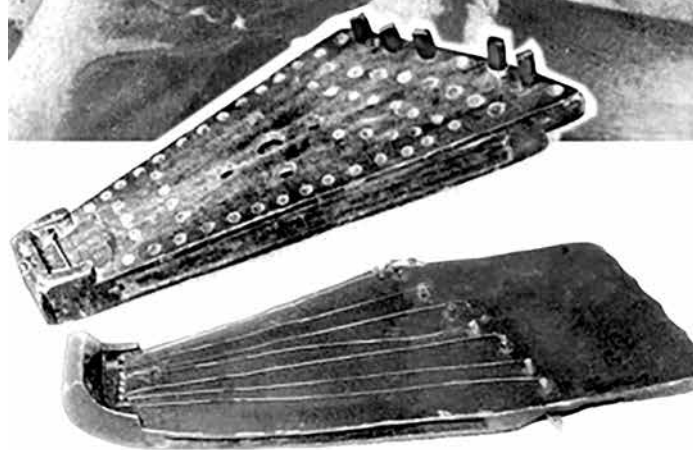

Рис. 34. Игра на кантеле (фото А. О. Вьяйсянена, 1916 г.)

²¹ Vepsänman sarnad. Elias Lönnrot, Nina Zaiceva, Aleksei Maksimov. Kerazi vepsläižidenno oldes vodel 1842 Elias Lönnrot. Petrozavodsk, 2006. 40 с.

²² Зайцева Н.Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск, 2002. С. 8–9.

²³ Кяхрик А. Ранние записи по южно-вепсскому диалекту и их значение для современной диалектологии // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С.106–108.

²⁴ Майнов В.Н. Приоятская чудь (Весь – Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. № 5-6. С. 21 – 22.

²⁵ Королькова Л.В. Обзор коллекций по этнографии вепсов // Материалы по этнографии. Т. II. Народы Прибалтики,

Работы финских ученых заложили прочный фундамент в области исследования вепсского языка. Своеобразие вепсского языка воспринималось ими как показатель его архаичности, они подчеркивали важность его изучения для выявления ранних этапов финского языка, а позднее и для сравнительного финно-угорского языкознания. Об этом писал и Э. Леннрот: «Этот язык не безынтересен, исследователь финского языка найдет в нем немало материала, подтверждающего его теоретические предположения»²⁶. Такой взгляд на вепсский язык одновременно способствовал формированию в науке мнения о вепсском языке как остановившемся в своем развитии. Л. Кеттунену принадлежит часто повторяемое в литературе высказывание о вепсском языке как первооснове – «санскрите» – среди прибалтийско-финских языков²⁷.

Важным итогом первых исследователей вепсов и их языка стало установление их этнонима. Ссылаясь на исследования А. Шёгрена, Д.И. Языков уже в 1840 г. в своем обзоре о финских жителях Санкт-Петербургской губернии впервые для русского читателя приводит сведения о вепсах и названии их языка как вепсского: «Места по р. Ояти называются от самой тамошней Чуди, по крайней мере часть, Вепса, а от некоторых Ка-

релов, которым тамошняя Чудская страна несколько известна, Ojati laiten Wepsa, т.е. Вепса, живущих около Ояти. Наречие сих Вепсян, для отличия от Чудских языков, населяющих другие места, называется Wepsan Kieli»²⁸. Этноним *vepsä* обнаружил также и А. Алквист в своей поездке у вепсов на Ояти²⁹, а Э.Н. Сетеля в 1916 г. у южных вепсов в форме *vepsläine*³⁰. В русскую этнографическую науку он вошел благодаря работам В.Н. Майнова, в которых он напрямую связывает вепсов и летописную весь, хотя и продолжает называть их в своих работах как вепсянами, так и чудинами³¹.

Постепенно этноним «вепсы» вытеснил и другие названия вепсов – *чухарь* и *кайваны*. В настоящее время он является единственным официальным названием народа и прочно закрепился как самоназвание, хотя сохраняются и прежние самоназвания. Они соответствуют диалектным группам вепсов, которые выделяют в зависимости от места их проживания. На северовепсском (или прионежском) диалекте говорят в селах, расположенных вдоль юго-западного побережья Онежского озера. Большая часть данной территории входит в Карелию. Здесь они называют себя «*luidikel'*» (мн. ч. – *luidikeled*). Самоназвание *vepsläine* (мн. ч. *vepsläižet*) распространено в ос-

Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб., 2004. С. 86.

²⁶ Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма... С. 306.

²⁷ Грюнталь Рихо. Вепсский язык и первые шаги прибалтийско-финского языкознания // Вепсы и этнокультурные перемены XX века. Семинар в г. Санкт-Петербурге 5–6 октября // *Studia slavica Finlandensia*. Т. XXIV. Хельсинки, 2007. С. 26.

²⁸ Языков Д. О финских жителях Санкт-Петербургской губернии // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. Т. 4., Кн. 1. М., 1840. С. 318.

²⁹ Кяхрик А. Указ. раб. С. 107.

³⁰ Там же.

³¹ Майнов В.Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877; Несторова Весь и корельские дети // Живописная Россия. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1881. С. 493–526; Приютская чудь. Указ. раб. С. 3, 4, 22.

новном среди носителей средневепсского (оятского) диалекта, в деревнях по рекам Оять и Капша. У части оятских веписов (в Ярославичах) бытуют близкие к северовеписскому этнониму: *lūdinik* и *lūdilaine*. В зоне распространения южновеписского диалекта веписов в в бывшей Новгородской губернии (ныне Бокситогорский район) по р. Лидь веписы называют себя «*bepsläine*», а также «чухарями» (*čuhar'*, мн. ч. *čuharid*), где он воспринимался веписами как и самоназвание. В речи их русских соседей названия веписов чудью и чухарями носили иронический оттенок. Местное русское население называло веписов также и кайванами, но последнее веписами воспринималось как прозвище.

Самоназвания от основы *l'ud'* у веписов и карелов Д.В. Бубрих связывает с древним социальным термином, используемым в Древней Руси и ставшим этническим у карелов ливвиков, людиков и части веписов. Превращение социального термина в этнический, как отмечает Д. В. Бубрих, не «*составляет редкости*»³². В Древней Руси людьми (ед.ч. *людин*) до середины XIII в. называли часть свободного населения, которая не состояла на службе князя, но платила ему подати, в отличие от другой его части – княжих мужей, имеющих по Русской Правде более высокий социальный статус³³.

³² Бубрих Д.В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. 1948. № 3. С. 46.

³³ Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1890–1907. Статья Люди. С. 220–221.

ОБРАЗ ВЕПСОВ В РАБОТАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В конце 1880-х гг. к веписам начинают проявлять интерес русские краеведы и этнографы. Появляются работы о веписах В.Н. Майнова, А. И. Колмогорова, В.Ф. Лескова, Д.П. Никольского, Н. Подвысоцкого и др.

Для поисков «живой старины» особый интерес представляли районы расселения южных и пограничных с ними средних веписов, сохранявших наиболее архаичный образ жизни. Более столетия южновеписский ареал служил местом изучения древностей для зарубежных и отечественных исследователей веписской культуры.

Наряду с описаниями «чудской и чухарской экзотики» из жизни обитающего в «подстоличной Сибири» малоизвестного для широкой публики народа, они содержат много интересных этнографических сведений. В.Н. Майнов при сборе материалов о веписах был осведомлен о работе финских исследователей и постарался заполнить словарь культурных слов, опубликованный А. Алквистом в его «*Kulturwörter*», с целью определить культурную ступень, на которой «*находилась Весь в момент встречи с русскими и шведами и что именно и от кого из них переняли*»³⁴.

В целом, хотя в своих исследованиях финские учёные отдавали приоритеты изучению веписского языка, а русские – культурным традициям веписов, их работы сформировали представления о веписах как народе, находящемся на закате своей более чем тысячелетней истории. Речь не шла о демографическом сокращении численности веписов. В. Н. Майнов отмечал, что «*среди приоятской чуди не только*

³⁴ Майнов В.Н. Приоятская чудь. Указ. раб. С. 19.

не заметно вымирания, но напротив того, детопроизводительность у них чуть ли не превышает детопроизводительность русских». По его данным, в среднем на одну женщину из 20 опрошенных пришлось 8,4 рождения детей, но выживало из них 58,25%³⁵. Опасения у многих исследователей вызывала активность обрусения вепсского населения. Его причины казались очевидными: жизнь в окружении русских, тесные экономические и торговые отношения с русским населением, единая с ними православная вера вынуждали вепсов осваивать русский язык.

По мнению профессора Московского университета А. И. Колмогорова, многие годы изучавшего вепсов, конец их уже близок:

*«Не за тридевять земель, а бок о бок со столицей ... доживает свои последние дни целая народность, так как неизбежный процесс ассимиляции с русским народом заставит кайванские ручьи слиться с «русским морем» и в нём исчезнуть»*³⁶.

Исследователи отмечают и новые угрозы для устойчивости вепсского народа. После отмены в 1861 г. крепостного права начинается экспансия вепсской территории лесопромышленниками, купившими право на заготовку лесов, ранее принадлежавших государственной казне. Возможности крестьянских общин, имевших до реформы свободный доступ к казенным лесам на своей территории, оказались сильно ограничены. С сочувствием об этом писал А.И. Колмогоров: к лесопромышленникам *«отошло то, что вепсы привыкли считать своим. Несколько лет вепсы безрезультатно судом добивались своих прав. Так они оказались стисну-*

*тыми со всех сторон тесным кольцом частнособственных земель, которые им не желают ни продавать, ни сдавать в "аренду", лишены права пользоваться в них и лесами и озёрами»*³⁷. С того времени среди средних и южных вепсов необходимостью становится работа по найму на лесозаготовках, часто вдали от дома и в разноэтничных трудовых коллективах. *«Топор и невод, лесопромышленники и рыбопромышленники – вот орудия и деятели обрусения на красивой и исконно Чудской реке Ояти»*, – писал в 1877 г. В.Н. Майнов³⁸. Ему же принадлежит и самое безапелляционное заявление, что *«пройдет десятка два лет и от стародавней Веси останутся лишь одни намеки, выражающиеся в особенной скуластости, в белесоватости глаз, да пожалуй, в раскосости смешанного населения»*³⁹. Отмечали, что *«на это особенно влияет школа, где подрастающее поколение приучается говорить по-русски, а... взрослое население знакомится с русской речью при отхожих промыслах в силу необходимости»*⁴⁰.

В то же время Н. Подвысоцкий отмечает, что у тихвинских вепсов вепсскому языку ничего не угрожает: *здесь «все мужчины говорят, худо ли, хорошо ли, по-русски, но между собой они иначе не говорят, как только на своем наречии, которое вовсе не понятно для нас, русских. Кайванская речь слышится на всем протяжении от села Вонозера до Печуи — здесь редко услышите даже русскую речь, так как сами русские говорят по-кайвански и при сношении*

³⁵ Там же. С. 22.

³⁶ Колмогоров А.И. Поездка по Чухарии // Землеведение 1906. № 3, 4. С. 114.

³⁷ Там же.

³⁸ Майнов В.Н. Приоятская чудь. С. 27.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Обзор Олонецкой губернии за 1906 г. Петрозаводск, 1907. С. 26.

с кайванами предпочитают инородческую речь своей русской»⁴¹. По сообщению Д.П. Никольского, относящемуся также к концу XIX в., «в глухих кайванских деревнях женщины и дети не знают русского языка»⁴².

Вместе с тем в основе пессимистических высказываний дореволюционных исследователей и краеведов о будущем вепсов и их языка стоял не сам факт распространения среди них русского языка, а неспособность, как позднее отмечал В. Равдоникас, противостоять «засасывающей их и ассимилирующей русской массе»⁴³. Уязвимость этнического развития вепсов усугублялась тем, что они как «оседлые инородцы, христианскую веру исповедующие», по действующему в царской России законодательству не могли рассчитывать для улучшения своего положения на покровительство государства. Они относились к «природному» населению империи и «управлялись на общих основаниях». Особые права предоставлялись лишь «бродячим, кочевым и оседлым инородцам, исповедующим языческую или магометанскую веру»⁴⁴.

⁴¹ Подвысоцкий Н. Кайваны (Этнографический очерк из моей последней летней экскурсии) // Естествознание и география. Год IV. 1899. № 1. С. 55.

⁴² Никольский Д. П. Кайваны или чухари // Живая старина. Вып.1. СПб., 1895. С. 14.

⁴³ Равдоникас В.И. Чухари. Тихвинский край. П. Тихвин, 1926. С. 260.

⁴⁴ В царской России действовал Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г., преобразованный в 1892 г. в Положение

Значительно более благоприятным было положение у прионежских вепсов благодаря развитию у них камнетесно-камнеломного промысла. А. Алквист, совершивший в 1855 г. исследовательскую поездку в Олонецкую губернию, замечает, что прионежские вепсы живут намного лучше, чем жители многих мест в Финляндии, поскольку дополнительные средства для жизни находят на стороне, в частности в Петербурге⁴⁵.

В период формирования этнографической науки, нацеленной преимущественно на выявление в крестьянском быту наиболее архаичных черт, общее представление о вепсах в то время оставалось поверхностным и неполным. Наряду с весьма пессимистическими высказываниями о будущем вепсского народа, сообщение И. Колмогорова о борьбе вепсских общин за свои коллективные права с «сильными мира сего» в определённой мере противоречит создаваемому в то время литературой образу обреченного на исчезновение народа⁴⁶. Оставались без внимания исследователей и представители других сословий вепсского происхождения. В последнее время появилась информация о вепсском купечестве.

об инородцах. См.: Статус малочисленных народов России. Правовые акты. Книга вторая / Сост. В.А. Кряжков. 1999. С. 9.

⁴⁵ Жербин А.С. Из истории знакомства с Карелией в Финляндии. Путешествия А. Алквиста / 50-е гг. XIX в. // Европейский Север: История и современность. Тез. докладов Всерос. науч. конф. Петрозаводск, 1990. С. 28–29.

⁴⁶ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 114.

ГЛАВА 9

ВЕПСЫ В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ О ВЕПСАХ

Впервые наиболее полные данные о численности вепсов даёт Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. В ней «народность» определялась по родному языку, что снижало точность данных по национальному составу населения империи, поскольку обрусевшие «инородцы» в составе своих народов не учитывались. Всего лиц с чудским языком оказалось 25820 чел¹. Они заселяли пограничные уезды: Петрозаводский (7262 чел.) и Лодейнопольский (9167 чел.) Олонецкой губернии; Тихвинский (7136 чел.) и Белозерский (2011 чел.) уезды Новгородской губернии. Постоянными жителями городов являлись 24 чел., из них 11 – Санкт-Петербурга, в Петрозаводске лиц с родным чудским языком не оказалось². По половозрастной структуре вепсы в 1897 г. практически ничем не отличались от соседнего русского и карельского населения. У них регистрируется высокий удельный вес детских возрастов и молодежи (0–19 лет) по сравнению с пожилыми (60 лет и старше), что свидетельствует о прогрессивном типе их демографического развития. Доля детей и молодежи у вепсов

оказалась даже немного выше (47,9%), чем в целом по губерниям (46,5%), а доля стариков, наоборот, меньше (8,1% по сравнению с 8,6%)³. Соотношение между женщинами и мужчинами по возрастным группам также не отличалось от общегубернских показателей.

Практически все вепсы являлись крестьянами, к другим сословиям относились 22 человека: 7 потомственных дворян, 3 почётных гражданина, 5 лиц духовного звания и 7 мещан. Как показывали материалы переписи, вепсы входили в XX в. с немалым демографическим потенциалом. По уровню грамотности вепсы в Олонецкой губернии уступали местному русскому населению (13,7 и 22%)⁴. Разница создавалась за счет почти полной неграмотности вепских женщин. Среди вепских женщин грамотных оказалось лишь 2,5% – в три раза меньше, чем у русских крестьянок. Иначе было у мужчин. Доля грамотных у прионежских вепсов (в Шелтозерско-Бережной волости) даже превышала их долю у русских по губернии (35,5 и 34,9%). За пределами волости доля грамотных среди вепских мужчин составляла всего 19 %. Ситуация с грамотностью в Новгородской губернии выглядела иной. Среди

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года (ПВПН), Новгородская губерния. Т. XXVI. Тетрадь 2. СПб., 1903. С. 68, 104–105; XXVII. Олонецкая губерния. Тетрадь 3. 1904. С. 54–65.

² ПВПН. Новгородская губерния. Т. XXVI. Тетрадь 2. С. 68, 104–105; Олонецкая губерния. Т. XXVII. Тетрадь 3. СПб, 1904. С. 42–43.

³ Подробнее об этом см.: *Строгальщикова З.И.* Вепсы: этнодемографические процессы (прошлое и настоящее) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 379–381.

⁴ В 1897 г. в Российской империи доля грамотных среди православного населения уездов составляла 18,99%, в городах — 46,43%.

русских крестьян она была немного ниже, чем в Олонецкой губернии, – 20%, причем у мужчин она составляла 33,5%, у женщин – 7,9%. Вепсы здесь значительно отставали по грамотности от русского населения: у мужчин грамотных оказалось 14,5%, у женщин – только 1,6%⁵

На различия по уровню грамотности между прионежскими и остальными вепсами сказалось раннее открытие школ в Шелтозерско-Бережной волости. Вепские поселения волости (Рыбрека, Шо́кша и Шелтозеро) являлись пионерами в распространении образования среди крестьян Олонецкой губернии. Здесь в 1805 г. открываются первые церковно-приходские училища для мальчиков. Их открытие подтверждает сведения об относительной зажиточности местного населения, поскольку родители учеников должны были платить школьный налог. Общее распространение в стране школьного образования в крестьянской среде началось значительно позднее – после принятия в 1864 г. решения о народных училищах. В других местах расселения вепсов школы появились намного позже.

Распространению грамотности среди прионежских вепсов способствовало отходничество. Как писали современники, книга была не редкостью в вепсской семье: *«Возвращаясь осенью домой, такой промышленник приносил всегда в числе прочих гостинцев домашним и книжку своему сынишке-ученику»*⁶. Интересны наблюдения Н. Подвысоцкого

го об обучении вепсских детей в Тихвинском уезде Новгородской губернии, записанные в 1899 г. Он отмечает, что первый год их учат на кайванском наречии, а со второго года – уже на русском языке, для чего учителю приходится более или менее знать как кайванский, так и русский языки⁷. Как и Э. Лённрот, Н. Подвысоцкий подчеркивает необходимость создания письменности для вепсов, отмечая, что *«никакой кайванской азбуки до сих пор не существует, и все попытки создать русско-кайванский словарь, а также хоть какую-нибудь грамматику или азбуку безуспешны. А об этом следует подумать серьезно, так как тихвинские кайваны вымирающая народность, и стыдно будет, если эта народность, живя так близко от столицы, исчезнет, не оставив после себя никаких письменных памятников. Составить же кайванскую азбуку, а также грамматику и русско-кайванский словарь вовсе не так трудно, зная русский и кайванский языки»*⁸.

Оживление национальных движений в связи с революционными событиями 1905–1907 гг. оказало влияние и на культурную жизнь края. Среди местного учительства под влиянием ссыльных стали распространяться просветительские идеи. Земства при назначении учителей в карельские и чудские школы придерживались правила об обязательном владении ими языками этих народов. В с. Рыбрека в учительской русской семье вырос П. Успенский, автор будущего первого «Русско-чуд-

⁵ Пименов В.В. Строгальщикова З.И. Вепсы: Расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 17.

⁶ Инно Х. Автор вепсского словаря // Вепсы: история, культура. Межэтнические контакты. Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1999. С. 45.

⁷ Подвысоцкий Н. Кайваны. (Этнографический очерк из моей последней летней экскурсии) // Естествознание и география. Год IV. 1899. № 1. С. 56. С. 56.

⁸ Там же. С. 56.

ского словаря»⁹. Словарь составлен на кириллице и включает 320 слов, расположенных по темам с грамматическими пояснениями и даже небольшим материалом для чтения на вепском языке. При составлении словаря П. Успенский не ставил цель распространения письменности среди вепсов. Он писал, что лишь стремился помочь ... *«тем учителям и учительницам, которые, вступая в чудскую школу, не знакомы с наречием учащихся»*, поскольку, будучи сам учителем в карельской школе, знал из практики, *«как облегчается труд учителя при условии знания им местного языка»*¹⁰. Работу над словарем П. Успенский закончил в 1908 г., но издан он был только в 1913 г. в Санкт-Петербурге¹¹.

Особое влияние на карелов и вепсов оказало зарождение национально-освободительного движения в северной Карелии, которое было тесно связано с финским национальным движением. В подготовленной его активистами в 1905 г. петиции к I Государственной думе наряду с общедемократическими требованиями впервые открыто поднимались вопросы о необходимости содействия этническому развитию инородцев, их языков. В обращении содержались требования о переходе ко всеобщему начальному образованию, о преподавании в школах и проведении богослужений на местных языках, об обеспечении доступа «достаточного числа лиц из низших школ с инородческим языком в русские учительские семинарии», о желательности знания местных языков чиновниками, о проведении богослужения на местном языке. Судя по ин-

формации о том, что в 1911 г. вепсский крестьянин Г. Елькин из с. Ярославичи написал пьесу на вепском языке «На сплавной реке», которая, вероятно, являлась переводом на вепсский язык одноимённой пьесы финского писателя Теуво Паккала о борьбе финских рабочих за свои права, идеи о официальном равенстве достигали весьма отдаленных вепских деревень. Сообщалось, что состоялось несколько её представлений, но по политическим мотивам постановки были запрещены¹².

Мало известен такой факт, что в ноябре 1917 г. один из двух депутатов, избранных от Олонецкой губернии во Всероссийское учредительное собрание, которому после революции предстояло решать судьбу России, был вепс из с. Озера Винницкой волости - Андрей Федорович Матвеев (25.08.1892 – 30.03.1985). По сообщению его дочери И.А. Дубровиной, Андрей Федорович родился в многодетной крестьянской семье и до семи лет говорил только на вепском языке (рис. 35). В с. Винницы он окончил двухклассное училище и сумел подготовиться к поступлению в открывшуюся в 1903 г. в Петрозаводске учительскую семинарию, набрав самый высокий бал среди первых трех абитуриентов, которым полагалась стипендия. Это и открыло ему возможность получить образование, поскольку семья не смогла бы содержать сына в Петрозаводске.

В 1911 г., после окончания учительской семинарии в Петрозаводске, он работал учителем в с. Угмойла Сямозерской волости. С сентября 1915 г. по февраль 1917 г. был рядовым гвардейского Измайловского полка сначала в Петрограде, затем на фронте. В Учредительное собрание А.Ф. Матвеев

⁹ Инно Х. Указ. соч. С.42-43.

¹⁰ Инно Х. Указ. соч. С.46-47.

¹¹ Успенский П.К. Русско-чудской словарь с некоторыми грамматическими пояснениями. СПб., 1913.

¹² Вепские сказки / под общ. ред. Н. П. Андреева. Зап. текстов, коммент и примеч. Г. Е. Власьева. Петрозаводск, 1941. С. 3.

выдвигался от партии эсеров. После разгона большевиками в январе 1918 г. Учредительного собрания, А.Ф. Матвеев в 1930–е гг. неоднократно подвергался репрессиям¹³.

О ВЕПССКОМ КУПЕЧЕСТВЕ

В Олонецкой губернии оно сформировалось в основном из местных крестьян – подрядчиков, нанимавших у себя на родине артели каменотёсов для работы в Санкт-Петербурге. Купеческая династия Пименовых, основателем которой являлся Марк Пименович Пименов (1797–1865), почти столетие была самой влиятельной семьей в Олонецкой губернии¹⁴.

Пименов родился в семье вепсского крестьянина в с. Шокша. Работал приказчиком у односельчанина Павла Варапайкина, который занимался «каменными подрядами» в Санкт-Петербурге и Петрозаводске. М.П. Пименов унаследовал дело и капиталы П. Варапайкина и стал известен в Санкт-Петербурге как очень успешный предприниматель. Он единственный, кто взялся с артелью вепсских мастеров в 1841 г. по приказу Николая I возвести Аничков мост в Санкт-Петербурге «в одно лето» и справился с подрядом. С успешным завершением постройки Аничкова моста М.П. Пименов стал одним из ведущих подрядчиков России. При его активном участии были возведены

Рис. 35. Матвеев Андрей Федорович (1892-1985), депутат Всероссийского учредительного собрания от Олонецкой губернии

крупнейшие фортификационные объекты в Кронштадте: комплекс «Князь Меншиков», форт «Павел Первый», доки канала Петра Первого, батареи форта «Кроншлот». На стройках, как свидетельствуют документы, работали его земляки – опытные камнеобработчики из вепсского Прионежья. По условиям контракта к работе одновременно привлекалось не менее 400 «камнетёсцев»¹⁵.

¹³ Дубровская Е.Ю. 1917 год в Олонецком крае. Первые общенациональные выборы и депутаты Учредительного собрания М.Д.Шишкин и А.Ф. Матвеев // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 84.

¹⁴ Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей. Петрозаводск, 2013. С. 5–7.

¹⁵ Там же. С. 9.

Заслуги М.П. Пименова, благотворителя и общественного деятеля, были отмечены всеми высшими наградами, какие в то время мог получить представитель купеческого сословия в России. М.П. Пименов стал первым петрозаводчанином, которому в 1849 г. указом Сената было присвоено звание потомственного почетного гражданина, и единственным в истории края предпринимателем, удостоенным звания коммерции советника. Помимо трех золотых медалей «За усердие» он был награжден орденами Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 2-й степени.

М.П. Пименов прославился и как самый щедрый благотворитель в крае. При его участии и на его средства в Петрозаводске был основан первый в крае детский приют, построены: богадельня, капитальный мост через р. Лососинку, шесть церквей: каменная Преображенская церковь с колокольней в Ионо-Яшозерском монастыре, церкви в селах – Семчезеро и Данилово, церкви при приюте и богадельне в г. Петрозаводске. Он внёс половину необходимых средств на строительство каменной Крестовоздвиженской церкви на Зарецком кладбище г. Петрозаводска, каменный храм во имя Николая Чудотворца в с. Шокша (Рис. 37). По некоторым данным, на благотворительные цели М.П. Пименов истратил более четверти миллиона рублей. Это огромная по тем временам сумма, равная нескольким крупным купеческим состояниям¹⁶.

Представители династии Пименовых вошли в историю губернии как видные общественные деятели, четверо из них избирались головами г. Петрозаводска. М.П. Пименов являлся городским головой с 1853 по 1854 г. Его племянник и продолжатель дела Ефим Ге-

Рис. 36. Николаевский храм в с. Шокша, построенный в 1842 г. на средства М. П. Пименова. Фото начала XX в.

Архив Шелтозерского этнографического музея им. Р. П. Лони

оргиевич в 1867 г. был избран первым председателем Олонецкой губернской земской управы и занимал эту должность до своей смерти в 1873 г., а с 1870 по 1873 г. являлся одновременно и городской головой Петрозаводска. В 1891–1892 гг. пост городского головы занимал Косьма Николаевич Пименов – племянник Ефима Георгиевича. Сын Ефима Георгиевича – Георгий Ефимович Пименов – несколько раз избирался городским головой и возглавлял городскую думу в период с 1901 по 1917 г., в общей сложности 12 лет (Рис. 37).

Высоких наград за свою благотворительную и общественную деятельность были удостоены и другие члены семьи Пименовых – Е. Г. Пименов, его жена Анна Николаевна, их сын Георгий Ефимович¹⁷.

¹⁶ Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Указ. соч. С. 31.

¹⁷ Кораблев Н.А. Пименовы – династия предпринимателей, благотворителей и общественных деятелей // Истори-

*Рис. 37. Пименов Георгий Ефимович
(Из книги: Альбом городских голов Российской империи. СПб., 1903)*

Общественной деятельностью в Олонецкой губернии занимался вепсский купец И.С. Селиверстов, выходец из с. Шелтозера. С 1887 по 1891 г. занимал пост головы г. Петрозаводска. Также являлся известным благотворителем¹⁸.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕПСКИХ КОЛОНИЙ В СИБИРИ

Очевидно, с ростом численности вепсов в местах их расселения стал ощущаться недостаток земель, пригодных для земледелия. Сказывались и ограничения свободного пользования лесами для ведения подсечного земледелия. Часть вепсов из деревень Тихвинского и Белозерского уездов Новгородской губернии в ходе столыпинской реформы (1907–1917 гг.) в 1911–1913 гг. начала переселяться в Иркутскую губернию. Вепсы обосновались в Иркутской губернии на землях Аларской степи. Первыми здесь поселились вепсы из д. Шигойла и д. Вялгозеро Тихвинского уезда Новгородской губернии (ныне Бокситогорский район Ленинградской области). Летом 1911 г. ими было основано поселение Маниловское. В 1913 г. рядом с ними на месте бывшего бурятского села Мардай поселились вепсы из Белозерского уезда Новгородской губернии (ныне Бабаевский район Вологодской области). Переселение обеих групп отразилось в данных переписи 1920 г., показавшей, что после переписи 1897 г. в этих уездах губернии численность вепсов снизилась с 9167 до 4855 чел¹⁹. Причиной сокращения здесь

вепсов считали их обрусение²⁰. Вепсов, основавших колонию с центром в с. Маниловское, до сих пор называют чухарями по самоназванию первых вепских переселенцев из д. Шигойла, хотя о том, что их официальное название «вепсы», окружающее русское население знает. По информации старожилов, население каждой из групп в довоенное время росло за счёт как естественного прироста, так и вновь прибывающих. Максимальная численность каждой из них доходила до 500 чел., семейным языком общения являлся вепсский²¹. Часть из них вернулась на родину: не все смогли привыкнуть к новой природной среде и условиям жизни²².

Как и на родине, основным занятием вепсов здесь являлись земледелие и животноводство. Это надолго сохранило в быту вепсов традиционный образ жизни, а постоянное пополнение переселенцами с родины способствовало сохранению языка. Относительная этническая изолированность групп была нарушена в конце 1930-х годов. Репрессии и военные потери мужчин привели к распространению сме-

---

нографическими картами. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Т.12. Л. 1927. Ср. Табл. 41,44,47, 52. С. 92–93; 98–99; 104–105; 112–113.

²⁰ Золотарев Д.А. Указ. раб. С.11–12.

²¹ Строгальщикова З.И., Зайцева Н.Г. Вепские переселенцы в Сибири // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Сб. науч. тр. по итогам науч. - практ. конф., посвящ. 40-летию Шелтозерского вепского этногр. музея. 30-31 октября 2007 г. Петрозаводск, 2008. С. 54–57.

²² Егоров С.Б. Восточные районы Ленинградской области (вепсы, русские) // Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю. Этническая идентичность на пограничье культур. По материалам исследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. СПб., 2007. С. 72–73, 122.

ко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 68–78.

¹⁸ Мошина Т.А. Городской глава Петрозаводска. Игнатий Селиверстов, уроженец Шелтозерского края // Там же. С.79–83.

¹⁹ Золотарев Д.А. Этнический состав населения сев.-зап. области и Карельской АССР с 54 цифровыми таблицами и 3 эт-

шанных браков и, как следствие, к замене в семейном общении вепсского языка русским. Сейчас только представители старшего поколения знают вепсский язык, но их речь сохранила диалектные особенности.

Впервые официальные данные о вепсах в Иркутской области появляются по переписи 1939 г. – их там учтено 384 чел.²³ По переписям 1959, 1970 гг. их в Иркутской области (в том числе в Усть-Ордынском Бурятском округе, по которому велась отдельная статистика) вепсов не зарегистрировано. Вепсы, по данным статистики, снова появляются в 1979 г. В Иркутской области их насчитывалось 31 чел.,²⁴ в том числе в Усть-Ордынском Бурятском округе – 4 чел.,²⁵ в 1989 г. всего в области – 19 чел.²⁶ По переписи 2002 г. в Иркутской области отмечалось 17 вепсов²⁷, среди них владеющих вепсским языком 12 чел., а в Усть-Ордын-

ском Бурятском округе всего 4 чел, из них владеющих вепсским языком – 2 чел.²⁸ По переписи 2010 г. вепсов в Иркутской области оказалось 17 чел., среди них нет владеющих вепсским языком (см. прил. табл. 3).

В 1927–1928 вепсы стали переселяться в Кемеровскую область, местом их исхода также являлся Тихвинский уезд Новгородской губернии, в то время Ефимовский район Ленинградской области. Среди причин переселения вепсов в 1920-е гг. наряду с нехваткой земли и низким плодородием почвы указывалось стремление избежать коллективизации. Они поселились в д. Шиловка в 15 км от п. Кузедеево – центра Горно-Шорского района (ныне Новокузнецкий район Кемеровской области). Переселение продолжалось до конца 1940-х гг., их численность возросла до 300 чел. До 1950-х гг. д. Шиловка являлась «этническим островом», где устойчиво сохранялись язык и культурные традиции вепсов. В годы ликвидации «неперспективных» деревень их переселили в соседнее с. Гавриловка, а после его ликвидации в с. Кузедеево. По данным переписей 1939 и 1959 г., их как вепсов в Кемеровской области не учли. В 1970 г. их зафиксировали всего 153 чел.,²⁹ в 1979 г. – 106 чел.³⁰, 1989 г. – 113 чел.³¹ По сведе-

²³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Иркутская область. См.: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=30

²⁴ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. См.: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=73

²⁵ Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. См.: Всесоюзная перепись населения 1989 года. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=73; Усть-Ордынский Бурятский округ http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=74

²⁶ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. См.: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=64

²⁷ Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=72

²⁸ Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. См.: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=73; Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. См.: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=73

²⁹ Всесоюзная перепись населения 1979 http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=62

³⁰ Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Кемеровская область. См.: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=62

³¹ Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Кемеровская область http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=58

Рис. 38. Вепсы в Иркутской области. Фото начала XX в.

ниям Т.В. Тырышкиной и С.В. Соколовского, в 1980-е гг. они составляли здесь заметную этническую группу³². Как и у иркутских вепсов, активные процессы ассимиляции у них начались после войны. По переписи 2002 г., в Кемеровской области вепсов насчитывалось 83 чел., а число владеющих вепским языком – 46 чел., в 2010 – 45, но владеющих вепским языком среди них нет (см. прил. табл. 3).

Сейчас уже, очевидно, можно считать завершённой историю вепских колоний в Сибири, но её выяснение дало возможность понять причины быстрого угасания южной группы вепсов, начало которому положила миграция вепсов в Сибирь.

³² Тырышкина Т. В., Соколовский С. В. Об одном возможном подходе к концепции популяционного здоровья (на материалах этносоциологического исследования вепсов). С. 92–93 // Демографические проблемы здоровья в Сибири. Новосибирск, 1988.

ГЛАВА 10

ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ И БЫТ

Жизнь вепсского крестьянина в основном протекала в рамках сельской общины. Община занималась распределением земель, выполнением совместных строительных, ремонтных и сельскохозяйственных работ, наймом на работу и т. д. В её владении находились сенокосные и рыболовные угодья, леса. Община избирала на сходе старост, сборщиков налогов, мирских дьячков (секретарей общины), разрешала споры между крестьянами, оказывала помощь малоимущим и вдовам, собирала мирские деньги на нужды общины. В прошлом община самостоятельно избирала и приходских священников. С укреплением влияния Церкви их стала назначать епархия. Община-погост имела свой церковный или часовенный приход, праздник и кладбище.

Большие 3–4-поколенные семьи сохранялись у вепсов до середины 1930-х гг. В прошлом вепсы имели довольно замкнутый круг брачных связей. В 1926–1927 гг. З.П. Малиновская исследовала распространение брачных связей в Озерском обществе, включавшем 9 деревень, по данным о 526 браках за предыдущие 50–70 лет. Оказалось, что в пределах своего общества – в радиусе 3 – 6 километров – заключалось 73% браков, еще 19% – с представителями деревень соседних обществ, расположенных в пределах 15 – 20 километров. Всего жен и мужей из дальних краев имели менее 10 % жителей Озерского общества из-за выезда десятков семей за пределы своих деревень в голодные послереволюционные годы. Внутри общества браки заключались только с вепсами, но реально

иной возможности и не было. Как отдельные случаи приводятся ею сведения о смешанных браках. Такая же замкнутость распространения брачных связей, по мнению З.П. Малиновской, была характерна и для других вепсских обществ во всем Оятском регионе¹.

Всею хозяйственной и обычной жизнью большой семьи руководил её глава – старейший мужчина, дед или отец – *ižand* (хозяин). Его жена – *emäg* (хозяйка) – ухаживала за скотом (кроме лошадей), домом, готовила пищу, ткала и шила одежду. По сообщению В.Н. Майнова, глава семьи *«может быть не только старейшим родителем в семье, но и одним из вместе живущих братьев, причем случается даже, что и младший в роде брат получает главенство, хотя и не особенно часты подобные случаи»*². Положение мужчины и женщины было относительно равноправным. Вдова имела право на возврат приданного, а бездетная вдова могла рассчитывать на «пожилое» – заработок за прожитые годы в семье мужа.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Основным занятием вепсских крестьян являлось земледелие. Судя по сообщениям Э. Леннрота и

¹ Малиновская З.П. Материалы по этнографии вепсов // западно-финский сборник. Л. 1930. С. 196 – 199.

² Майнов В.Н. Приоятская чюдъ (Весь – Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд) // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. № 5-6. Отд. оттиск. С.26.

З.П. Малиновской, побывавшей у вепсов через 85 лет, приемы его ведения оставались прежними. Вепсы выращивали рожь, ячмень, овёс, горох, бобы и небольшое количество пшеницы и картофеля³. Из технических культур – лён, хмель, из овощных – репу. Позднее стали сажать лук, брюкву, редьку, капусту, морковь, картофель. Животноводство играло подсобную роль. Оно сдерживалось из-за недостатка сенокосных угодий. Разводили коров, лошадей, овец. В среднем хозяйстве обязательно имелась лошадь, 2–3 коровы, овцы. В крепких хозяйствах северных вепсов держали 4–6 лошадей с выездной парой, 12 коров, стадо овец. В деревнях оятских вепсов (Пелдуши, Бахарево) в конце XIX в. разведение племенного скота, его закупка в близлежащих деревнях и отгон для продажи в Петербург стало особым промыслом и давало населению значительные доходы⁴.

Земледелие у вепсов велось подсеčno-огневым способом. В существующих природных условиях вепсы считали его наиболее эффективным методом для выращивания зерновых. Для пашен выбирали участки на сухих высоких местах, под покосы – на сырых. Основные орудия земледельца: топор, косарь, мотыга, соха, борона-суковатка (рис. 39).

Вепсам был известен один из старейших приёмов подготовки лесных участков для подсеки. У деревьев снимали кору в человеческий рост, и в течение года они сохли на корню. Мелкую поросль, нижние сучья крупного леса обрубали длинным ножом – косарем.

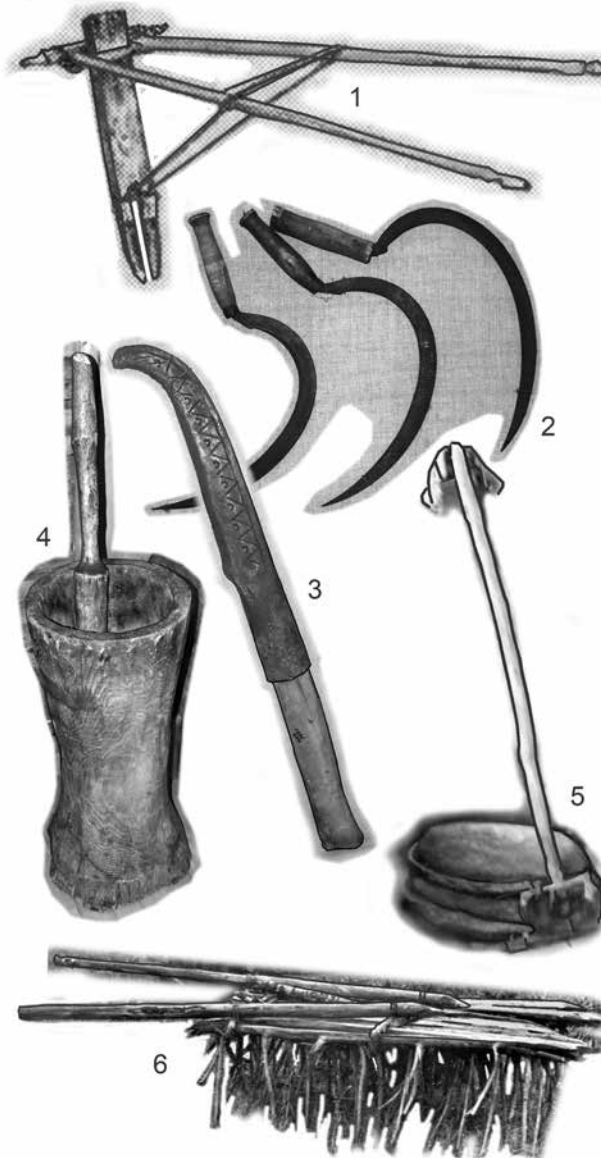

Рис. 39. Орудия земледелия
(1 – соха, 2 – серпы, 3 – косарь, 4 – ступа,
5 – жернов, 6 – борона-суковатка)

³ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828-1842. петрозаводск, 1985. С. 306; Малиновская З.П. Указ. соч. С. 191..

⁴ Малиновская З.П. Указ. раб. С. 192–193.

Обычно весной с появлением листвы в лесу вырубались деревья, которые укладывались кучами на участке для лучшей просушки. На следующий год лес сжигали. Зола являлась хорошим удобрением. Одновременно уничтожалась и сорная растительность. В первый год обычно сажали репу. На второй – сеяли ячмень или рожь, на третий – овёс. Постепенно почва истощалась, участок забрасывался или использовался под огороды. Затем осваивался новый участок. Правительство, считая такое ведение земледелия хищническим, уже с 1779 г. стремилось его ограничить, однако в северных регионах подсека сохранялась до 1930-х гг. В южновепских деревнях она просуществовала до 1950-х гг.

После пожоги и при вспашке каменистых и неочищенных от пней и корней полей проводилась очень неглубокая вспашка специальной сохой с деревянными короткими и тупыми сошниками. Её устройство позволяло с легкостью перескакивать через камни и пни. Названия сохи и её частей имеют скандинавские корни, а устройство обнаруживает сходство с сохами прибалтийско-финских народов⁵. Для вспашки ухоженной пашни применялись более сложные по устройству сохи.

Важным орудием для обработки полей, несмотря на простоту изготовления, являлась борона-суковатка. Её делали из еловых или сосновых плах, на одной из сторон которых оставляли длинные сучья. Плахи скрепляли так, что нижняя часть состояла из сучьев, которые скользили по оставшимся на полях после пожоги пням, корням и камням. С её помощью размельчали почву, закрывали посе-

янные семена, боронили почву. Урожай убирали серпами. Зерно сначала сушили в снопах на поле, а затем в риге. Обычно к ней пристраивали гумно, где из снопов выколачивали зерно цепями. В дальнейшем зерно перерабатывалось в основном на мельницах, при небольших объёмах его перемалывали в домашних условиях на муку на жерновах, на крупу – в больших ступах. Своего зерна вепсам до нового урожая не хватало из-за недостатка земель, пригодных для земледелия и их низкого плодородия вследствие суровых климатических условий. Н. Подвысоцкий писал: «Вепсы вели упорную борьбу не только с бесплодной почвой, но и крайне суровым климатом. Рожь и овёс часто гибли от заморозков, которые поражали рожь иногда во время цветения, превращая поле за несколько дней в белый саван замерших колосьев, не дающих зерна. Тогда собирали лишь солому для приготовления хлеба и похлебки»⁶.

Такая ситуация была характерна для северного края. В отчете секретаря Олонецкого губернского статистического комитета А. Иванова о занятиях населения Олонецкой губернии в пореформенный период сообщалось, что «при неблагоприятности земледельского труда жители принуждены изыскивать средства к жизни и добывать деньги на подати другими промыслами, из коих замечательны: охота на зверей и птиц, рыболовство, лесная и судоходная промышленность, бурлачество и извозничество»⁷.

⁵ Петерсен А. Ю. Орудия традиционного земледелия у вепсов // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 131 – 134.

⁶ Подвысоцкий Н., Каёваны (Этнографический очерк из моей последней летней экскурсии) // Естествознание и география. Год IV. 1899. №1. С. 52-53.

⁷ Иванов А. Из «Статистического очерка городов Олонецкой губернии» – Об экономическом положении губернии и о занятиях населения в пореформенный период // История Карелии. Хрестоматия. Ч. 1. Дореволюционный период. Петрозаводск, 1972. С. 114.

В связи с этим вепсы издавна освоили многие подсобные промыслы и ремесла.

ПОДСОБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Ими занимались в своих деревнях или уходили на заработки. Многие жители вепских сёл специализировались в каком-то определённом ремесле. В Прионежье славились печники из д. Залесье (рис. 40) Бондарным ремеслом занимались в с. Тукшезеро. Бондари работали дома, но в период засолки грибов и сбора ягод расходились по окрестностям, изготавливая на местах бочки для засолки солёных грибов, ягод. В д. Берег ярославского куста деревень изготавливали сёдла, которые приобретало окрестное население. Вепсы сел Озёра и Шимозеро в зимнее время валяли валенки. В поисках работы они ходили по деревням со своим инструментом. Хозяева, нанимая мастера на работу, кроме её оплаты, предоставляли ему сырьё (овечью шерсть) и обеспечивали его проживание и питание.

Рис. 40. Печник из Залесья. фото С. А. Макарьева. 1929 г.

Во второй половине XIX в. вепсы, проживавшие вблизи сплавных рек Свирь, Оять, Капша, Паша, занимались заготовкой и сплавом леса. Сплавщики работали артелями, лесорубы – семьями. Этими промыслами они занимались в свободное от полевых работ время – зимой и ранней весной. Зимние лесозаготовки – рубка, пилка леса и вывоз его к сплавным пунктам – были

Рис.41. Стан для рабочих на лесоразработках. Фото 1935 г.

связаны с большими трудностями. Приходилось жить неделями в лесу в холодных дымных «станках»⁸ (рис. 41).

Повсеместно среди вепского местного населения имелись ремесленники-кузнецы. Кузницы располагались на окраине деревни. Здесь выковывались топоры, клещи, серпы, гвозди, пробойники, врезные или накладные замки с коваными личинами, ключи, светцы с ажурным орнаментом (подставки для лучины) и многие другие предметы, необходимые для крестьянской работ (рис. 42).

Местные кузнецы изготавливали и огнестрельное оружие – «пищали», которые вепские охотники использовали еще в 1970-е гг.

ОХОТА

Древнейшим занятием вепсов была охота. В XV–XVII вв. она была одним из основных источников денежных доходов, необходимых для уплаты государ-

⁸ Малиновская З.П. Указ. раб. С. 191.

ственных податей, общинных нужд, покупки хлеба и другого продовольствия. На охоту уходили на несколько дней.

Охотились на зайца, белку, лисицу, выдру, норку, горноста, волка, медведя, лося, барсука, рысь; на промысловых птиц – тетерева, глухаря, рябчика, куропатку, утку. Дичь поставлялась на рынки Санкт-Петербурга. Грехом считалось есть зайчатину. Раньше также существовал запрет на использование мяса медведей в пищу. В. И. Майнов писал: *«ежели кто вздумает межвежатины испробовать, то тому человеку не зазорно будет и человечину есть – мясо-то такое же, ведь медведь когда-то сам человеком был, да Господь наказал за гордость»*⁹.

Во второй половине XIX в. большую известность приобрели охотники-медвежатники из Шимозерья. Они выискивали медвежьи берлоги и за вознаграждение показывали их охотникам из Санкт-Петербурга, являлись проводниками в облавах на медведей. Сообщалось, что за 10 лет (1876–1885 гг.) один охотник М. Петров отыскал 310 берлог и сам убил 80 медведей.

Среди вепсов бытуют предания о знаменитом охотнике М.П. Мартьянове, сопровождавшем на медвежью охоту петербургскую знать. За его охотничье чутьё и успехи в организации охоты он якобы стал старшим егерем при царском дворе. Среди вепсских охотников существовал также обычай коллективного раздела добычи. Встречавшиеся в лесу охотники обязаны были делить добычу поровну, хотя одному из них удавалось убить медведя, а другому – «какую-либо пернатую тварь»¹⁰. Чтобы предотвратить неравный

Рис. 42. Изделия местных кузнецов

⁹ Майнов В.И. Приютская чудь ... С. 18.

¹⁰ Винокурова И.Ю. Охота // Прибалтийско-финские наро-

делёж, прионежским охотникам нужно было отрубить с правой передней лапы медведя крайний коготь, а шимозерским – голову медведя и быстро освежевать тушу¹¹.

РЫБОЛОВСТВО

Для вепсов, проживавших по берегам рек и озёр, самым массовым промыслом являлась рыбная ловля. Для ловли рыбы использовались разнообразные орудия: сети, мережи, морды.

В период нереста, когда из Онежского озера рыба поднималась в реки, применялись остроги – длинные шесты с острым наконечником в виде вилки с несколькими зубьями. О такой ловле писали: «*Лосось и форель вылавливаются в то время подчистую*». Такие наконечники встречались в приладожских курганах¹². Рыба у приоятских вепсов в основном ловилась для собственного потребления, у прионежских вепсов – в большей степени на продажу. Онежское озеро являлось для них настоящей рыбной вотчиной.

По нормам обычного права почти все рыболовные угодья, состоявшие в постоянном пользовании крестьян, кроме основной части Онежского и Ладожского озера находились в ведении прибрежных общин. Сторонние промысловики, как правило, к лову не допускались¹³. В Онежском озере и впада-

ющих в него реках водилось около 40 видов рыб. Ловили в основном сига, палию, лосося, форель, ряпушку, хариуса, щуку, судака, леща, окуня, налима. Прионежские вепсы издавна вывозили рыбу для продажи в Санкт-Петербург и Петрозаводск. Исследование рыболовства в Онежском озере в 1895 и 1915 г. показало, что ловлей рыбы в вепских деревнях занимались более трети хозяйств. В последнее десятилетие XIX в. общее количество выловленной ими рыбы ежегодно составляло в среднем 56 тонн. На Онежском озере рыбу ловили совместно родственными общинами на больших лодках – соймах (Рис. 43). В 1895 г. использовалось около 20 сойм. Кроме того, в каждом хозяйстве имелись свои лодки. Средний объём вылова рыбы в 1913–1914 гг. достигал 300 тонн. В д. Огерешта все население занималось только рыбной ловлей. Мужчины ловили лосося, женщины вязали сети. Лосось засаливался в бочках и вывозился на продажу в Санкт-Петербург¹⁴.

В Первую мировую войну и в последующее нестабильные годы рыбный промысел у прионежских вепсов ограничивался в основном их личными потребностями. Промышленный лов рыбы в прибрежных водах Онежского озера был восстановлен в 1930-е гг. В послевоенные годы здесь его вели государственные предприятия. В их составе имелись и бригады из прионежских вепсов. Сейчас вепсы Прионежья ловят рыбу для личного потребления.

На внутренних озерах рыбу ловили на небольших лодках – сшитых или долбленках, в основном для собственного потребления (см. рис. 43а).

ды России. С. 376–378.

¹¹ Там же.

¹² Пименов В.В. Вепсы: очерк этнической истории и культуры. М.–Л., 1965. С. 77.

¹³ Баданов В.Г., Кораблев Н.А., Жуков А.Ю. История экономики Карелии. Книга I. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков. Петрозаводск, 2005. С. 114.

¹⁴ Винокурова И.Ю. Рыболовство // Прибалтийско-финские народы России. С. 375–376.

Рис. 43. Смоление лодок весной. Прионежский район Карелии. Фото Г. А. Анкундинова (1937 г.)

Рис. 43а. На рыбалке. Фото Маркку Ниеминена

ГОНЧАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Основной посудой в крестьянских хозяйствах являлись глиняные горшки. Во время своего пребывания у вепсов Э. Лённрот не приводит сведений об использовании чугунных горшков при приготовлении еды. Он пишет, что «пищу готовят в глиняных горшках, которые ставят в печь. Остальное готовится следующим образом: нагретые в очаге камни опускают в посуду с водой и держат там до тех пор, пока вода не закипит»¹⁵.

Гончарный промысел получил большое развитие в деревнях по среднему течению Ояты (центр д. Надпорожье), где находились залежи высококачественной глины желтого и красного цвета¹⁶. Оятский промысел относится к центрам глазурованной (поливной) посуды. Гончарному промыслу на Ояте посвящено объемное издание «Гончарство Оятского края»¹⁷.

Особое развитие здесь гончарный промысел получил с XVIII в. Гончары работали в специальных постройках, «заводах», где располагалось кустарное оборудование. Посуду формовали с помощью ножного круга. Потом её обжигали в печах. Изделия отличались разнообразием: горшки, блюда, миски, молочники, ковши, кринки, рукомойники и т.п.

Оятская посуда отличалась приземистыми формами, иногда украшалась штампованным орнаментом. Изготовлением посуды занимались мужчины в зимнее время. Им помогали дети, которые лепили

Рис. 44. Оятская керамика.

¹⁵ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма... С. 306.

¹⁶ Горб Д.А., Рыжов А.Г., Рыжова И.П. Гончарство Оятского края. СПб., 2011. С. 29.

¹⁷ Горб Д.А., Рыжов А.Г., Рыжова И.П. Указ. раб. См. также: http://st.free-lance.ru/projects/upload/f_4ea5a0ef00f70.pdf

детские игрушки: свистульки, различные фигурки людей и животных. Гончарные изделия из Ояти расходились по все округе: их продавали в Олонецкой и Новгородской губерниях, Санкт-Петербурге, Петрозаводске и даже в Финляндии. В начале XX в. в оятском центре изготовлялось ежегодно до 400 тыс. гончарных изделий. Промысел сохранялся у вепсов до 1930-х гг. Ещё в 1928 г. здесь насчитывалось 194 «горшечных» мастерских. В 1969 г. началось возрождение гончарного производства в с. Алёховщина на Ояти. В селе организован центр возрождения ремёсел, в том числе гончарного дела.

КАМНЕЛОМНО-КАМНЕТЁСНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Особую известность на Северо-Западе имели вепсские камнетёсы из Прионежья. Они добывали строительный и облицовочный камень и обтесывали его вручную. По данным статистики за 1905 г., камнеломно-камнетёсный промысел являлся одним из самых крупных в Олонецкой губернии по числу отходников. Сообщается, что занятые им *«почти все выходят из одной Шелтозерско-Бережной волости Петрозаводского уезда. Мастера этого промысла в сказанной местности появились давно, ещё во время постройки Петербурга, и, несомненно, хорошо знают своё дело, так как легко находят себе заработок и притом сравнительно высокий»*¹⁸.

Отходничество у прионежских вепсов привело к необычному для селян образу жизни. Отмечали, что в вепсских деревнях *«с ранней весны до поздней осени отсутствует почти всё мужское население: оно уходит на каменотёсные промыслы... И начинается странная картина. Все полевые и домашние*

*работы выполняются женским трудом. Женщина идёт за сохой, она сеет, она ставит изгороди, она косит сено и мечет стога»*¹⁹.

Первые сведения о работе вепсов с камнем из местных месторождений относятся к началу XVIII в. Возможно, ещё раньше вепсы стали разрабатывать месторождение кварцита на острове Брусно в Онежском озере. Из него изготовляли крайне необходимые в крестьянском быту точила и бруски для заточки топоров, кос, ножей и других орудий, каменные жернова для помола муки. Эти изделия распространялись по всей округе.

При строительстве в начале XVIII в. Петровских оружейных заводов брусненский и шокшинский кварциты, добываемые в вепсских сёлах, стали использовать в качестве огнеупорной обкладки при сооружении доменных печей. Вепсские крестьяне поставляли их на Олонецкие горные заводы и в Петербург. В XVIII–XIX вв. крестьяне Шелтозерской, Шокшинской и Рыборецкой волостей строили дома в Петербурге, Москве, Риге и Ревеле (совр. Таллинн), укрепления Кронштадта, каменные набережные Невы, Фонтанки и других рек в столице, принимали участие на постройке Великого сибирского пути, Китайско-Восточной железной дороги и Порт-Артура. Примечательно, что в эстонском языке вепсов называли «kivivepslased» (букв. вепсы-каменотёсы)²⁰.

Особую известность вепсскому краю и вепским каменотёсам принесло месторождение уникального по своим художественно-декоративным свой-

¹⁸ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. С. 77.

¹⁹ Успенский П. Минусы отхожих промыслов // Вестник Олонецкого земства. 1909. № 12. С. 13.

²⁰ Salve Kristi. Vepsäläisten kansallisesta identiteetista//Ison karhun jälkeläiset/Toimittanut Pekka Hakamies. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 697. Tampere, 1998. S. 121.

ствам гранита – малиново-красного шокшинского кварцита, расположенного вблизи с. Шокша. Из-за исключительных декоративных качеств его в старину называли «вельможным камнем», «шокшинским порфиром». Он использовался при строительстве и оформлении интерьеров в XVIII–XIX вв. самых известных архитектурных памятников Санкт-Петербурга: Эрмитажа, Мраморного дворца, Михайловского замка, Казанского и Исаакиевского соборов, Мариинского дворца и многих других зданий. Им также облицовывали камины, изготавливали из него столешницы, чаши, вазы, подсвечники и т. п. Для продажи этих изделий в Петербурге был открыт специальный магазин.

Вепским каменотёсам поручалась самая ответственная работа. По сообщению губернского статистического комитета, «в 1845 году работались пьедесталы из шокшинского порфира для Зимнего дворца. В 1847 году с высочайшего разрешения, шокшинский порфир был подарен Франции для сооружения саркофага императору Наполеону I в Парижском доме ветеранов. Всего было добыто 27 монолитов порфира»²¹ (рис. 45).

Император Всероссийский Николай I выделил его французскому правительству без оплаты, заявив: «Какая странная судьба Императора Наполеона I – в борьбе с Россией он потерял свою славу, и Россия же сооружает ему надгробный памятник»²². Это был первый случай вывоза малинового кварцита за рубеж. Доставленные в Париж монолиты обрательвались артелью вепских мастеров.

²¹ Шокшинский порфир в Париже // Олонецкий сборник. Вып. 4. 1902. С. 130.

²² Там же.

В XIX в. камнедобыча и камнеобработка в Прионежье являлись практически основным занятием вепских мужчин. В 1856 г., по данным статистики, в вепском крае насчитывалось 925 каменотёсов, в 1910 г. – около 2000.

С 1924 г. камнеломное и камнетёсное производство на вепской территории расширилось за счёт массовой разработки месторождений серого ропучейского (онежского) габбро-диабазы у с. Рыбрека. Из него делали мостовые шашки, облицовочные плиты, брусчатку для мощения площадей и улиц, щебень для дорожного строительства. Брусчаткой из габбро-диабазы вымощена Красная площадь в Москве, Дворцовая площадь и площадь Труда в Санкт-Петербурге.

В 1930 г. на Шокшинских горных разработках были добыты и отправлены в Москву блоки из малинового кварцита для строительства мавзолея В. И. Ленина. Для его реконструкции в 1972 г. выезжал коллектив шокшинских мастеров. Малиновый кварцит использовали в архитектурной отделке советских павильонов на международных выставках в Париже (1937 г.), Нью-Йорке (1939 г.), в отделке станций Московского метрополитена, при сооружении в 1967 г. мемориального архитектурного ансамбля в Москве «Могила Неизвестного Солдата» в Москве, комплекса на Мамаевом кургане в Волгограде и других памятников²³.

²³ Мальц Ю.М. Прионежье. Петрозаводск, 1981. С. 107–109.

Рис. 45. Саркофаг Наполеона в Доме ветеранов в Париже

ГЛАВА 11

ПОСЕЛЕНИЯ И ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ

ЗАСТРОЙКА ДЕРЕВЕНЬ

Традиционные вепские поселения представляют собой «куст» или «гнездо» деревень, с выделением центрального села. Такая группа деревень имеет общее название при сохранении собственного названия у каждой деревни. Её границы известны местному населению, хотя дома соседних деревень находятся рядом друг с другом. Их слияние в одно поселение связывают с разрастанием семей первопоселенцев, в прошлом стремившихся селиться недалеко друг от друга. На литографии, размещенной в работе В.Н. Майнова, видимо, представлено одноворное поселение (рис. 46).

Деревни, входящие в состав «гнезда», иногда населяют однофамильцы. В «гнезда» входили и деревни, отдалённые от центрального поселения. Дома ставились на местности так, как было удобно жителям. Стремилась поставить его «на солнце», чтобы фасад избы был повернут на юго-восток – на солнечную сторону, озеро или реку. Такую застройку называют «свободной», или «беспорядочной». Она особенно типична для южных и средних вепсов (см. рис. 47, 48).

Несколько иной характер имеет застройка у прионежских вепсов. На самом побережье Онежского озера деревень не было. Организующим звеном для застройки являлся старинный Петрозаводско-Вознесенский тракт, вдоль которого и располагаются крупные села, образовавшиеся при слиянии рядом расположенных деревень. Фасады домов обращены к дороге (рис. 50). В местах, где позволяет ландшафт

Рис. 46. Д. Сидорово, Бокситогорский район Ленинградской области (южные вепсы). Фото 1968 г.

Рис. 47. Д. Нойдала. Бокситогорский район Ленинградской области (южные вепсы). Фото 1968

Рис. 48. Застройка по р. Оять. С. Винницы. Фото Маркку Ниеминена

*Рис. 50. д. Шелтозеро Приозерского района
Карелия (северные вепсы). Фото 1978 г.*

Рис. 51. Дом на Ояти

местности, за придорожной застройкой имеется второй, параллельный ряд домов. В деревнях, отстоящих от тракта, их планировка была свободной характер. Дома ставились по берегам рек и озер (рис. 51), с ориентировкой фасадов на юг. Большая часть деревень располагалась на высоких местах.

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ

Усадьба вепсского крестьянина состояла из нескольких построек. Главной из них являлся комплекс срубных построек, в котором по типу распространённого в северных регионах «дома-двора» – дом (изба и примыкающие к ней не отапливаемые сени) объединялись в одно целое с двором (хозяйственной двухэтажной постройкой). Постройки имели двухскатную крышу. В доме-дворе в суровых северных условиях хозяйка ухаживала за скотом, не выходя на улицу. Соединение домов и дворов в одну постройку известно уже из описаний крестьянских усадеб XVI в. В наиболее завершённом виде дом-двор ставился в одну линию «под одну связь» и под общей кровлей (Рис. 52, 52а).

Как и у русских, дом-двор у вепсов назывался хоромами, однако в полном соответствии со

значением данного слова, означающего богатую постройку с множеством комнат, строили дома в основном прионежские вепсы (Рис. 53). Как отмечает В.В. Волков, посетивший прионежских вепсов в 1946 г., в строительстве поражает ясно выраженная тенденция удивить величиной самого здания. На вопрос, действительно ли постройка таких домов в недавние годы вызывалась необходимостью, ему ответили: «*Больше для славы; дескать, вот Климентий какой дом оттянул, значит, не без денег семья*»¹. Дом у прионежских вепсов являлся показателем благосостояния семьи. В Прионежье за счет средств, заработанных на отхожих промыслах, рано начали строить многокомнатные дома.

Около четверти домов здесь были двухэтажными. Многие из них первоначально строились как одноэтажные дома, пол в которых устраивался на значительном расстоянии от земли. В помещении между полом и землей – подклете – находилась кухня, где варили корм скоту, и погреб для хранения продук-

¹ Волков Н.Н. О шелтозерских вепсах. Шелтозерский район Карело-Фин. ССР. Полевые записи. 1946 г. АМАЭ, Ф. 13. Оп.1. № 9. Л.3.

*Рис. 52. Дом в д. Сарозеро Подпорожского района Ленинградской области.
Фото Эстонского национального музея (1972 г.)*

Рис. 53. Дом в д. Красный Бор Бокситогорского района Ленинградской области. Фото Эстонского национального музея (1971 г.)

Рис. 54

тов. При расширении семьи подклет полностью или частично перестраивался в жилое помещение.

Постройки остальных групп вепсов были значительно скромнее по размерам. Дома южных вепсов строились на низком подклете, а иногда не имели его совсем. У них не встречались двухэтажные дома. Как правило, на передней стене домов у южных вепсов вырубалось всего два окна. Декоративное оформление дома почти не практиковалось.

У средних вепсов дома строились на более высоком подклете, чем у южных. Типичным здесь был

Рис. 55

трехоконный фасад (рис. 54). У них строились и многокомнатные дома, иногда – двухэтажные. Наличники окон, карнизы некоторых построек украшались резьбой, к домам пристраивали крыльцо (рис. 55).

Постройки всех групп вепсов объединяли способы связи дома и двора. Они значительно реже строились в одну связь и под одной кровлей. В больших семьях возводились одновременно две избы, которые располагались по обеим сторонам сеней. В этом случае двор пристраивался поперек дома. Такую связь принято называть поперечной, или Т-образной, поскольку её очертания напоминают данную букву (рис. 56).

У вепсов всех групп используется необычный способ соединения жилья и хозяйственных строений, когда к избе и двору под «одной связью» пристраивалась под прямым углом вторая жилая изба. Такой вид связи практически не встречается в строительной традиции их соседей (русских и карелов). У вепсов имеются аналогичные старинные постройки с «чёрной» избой, что отражает давность такой традиции. Их называли черными, поскольку они отапливались печами без дымохода. Дым выходил через специальное окно и отверстие в потолке, которые закрывались после окончания топки, а потолок и верхняя часть избы становилась чёрной от копоти (рис. 57). Но традиция жива и сейчас строят дома с таким соединением жилых и хозяйственных построек (рис. 58).

Рис. 56. Постройка с Т-образной связью избы и двора. Дом и двор соединены через дворовые сени
д. Корвала Боксигорского района Ленинградской области. Фото Эстонского национального музея (1971 г.)

Вепские жилища отличались от соседей и соединением жилых и хозяйственных построек через переход – «uuk», «tanazpordhad» – дополнительные «дворовые» сени, имеющие собственную крышу, что было нетипично для построек рядом живущих карелов и русских. У них дом и двор непосредственно примыкали друг к другу и обычно строились под одной кровлей. В дворовых сенях хозяйка, направляясь в хлев, переодевала обувь, одежду. Устройство переходов – дворовых сеней – рассматривается как свидетельство сравнительно поздней традиции объединения жилья и хозяйственных строений в единый комплекс² (см. рис. 56).

Дворы у вепсов, независимо от высоты дома, как и везде на севере, были двухэтажными. На верхний этаж двора – сеновал – вёл взвоз (бревенчатый помост), по которому лошадь с телегой или санями заезжала на второй этаж двора (рис. 59). Здесь хранили сено для скота, хозяйственный инвентарь, средства передвижения, летом спали семейные пары. Ближе к сеням выделялось место для разных хозяйственных работ – починки упряжи, сбруи, телег, саней. Нижний этаж был хлевом, где содержался скот.

ИНТЕРЬЕР ЖИЛИЩ

Определенные различия имелись и в интерьере жилищ разных групп вепсов. Наиболее традиционным он был в избах у южных и средних вепсов. Важную роль в интерьере играла большая глинобитная печь, известная как русская. Печь ставилась в углу от входной двери, примыкая к стене дома.

² Строгальщикова З.И. Традиционное жилище Межозерья. 1900–1960. Опыт сравнительно-статистического анализа. Л., 1986. С. 63–64, 97.

Рис. 57. Черная изба вепсов.
Из материалов З.П. Малиновской.
Фото Российского этнографического музея (1928 г.)

Рис. 58. Дом с соединением второй избы под прямым углом

Рис. 59

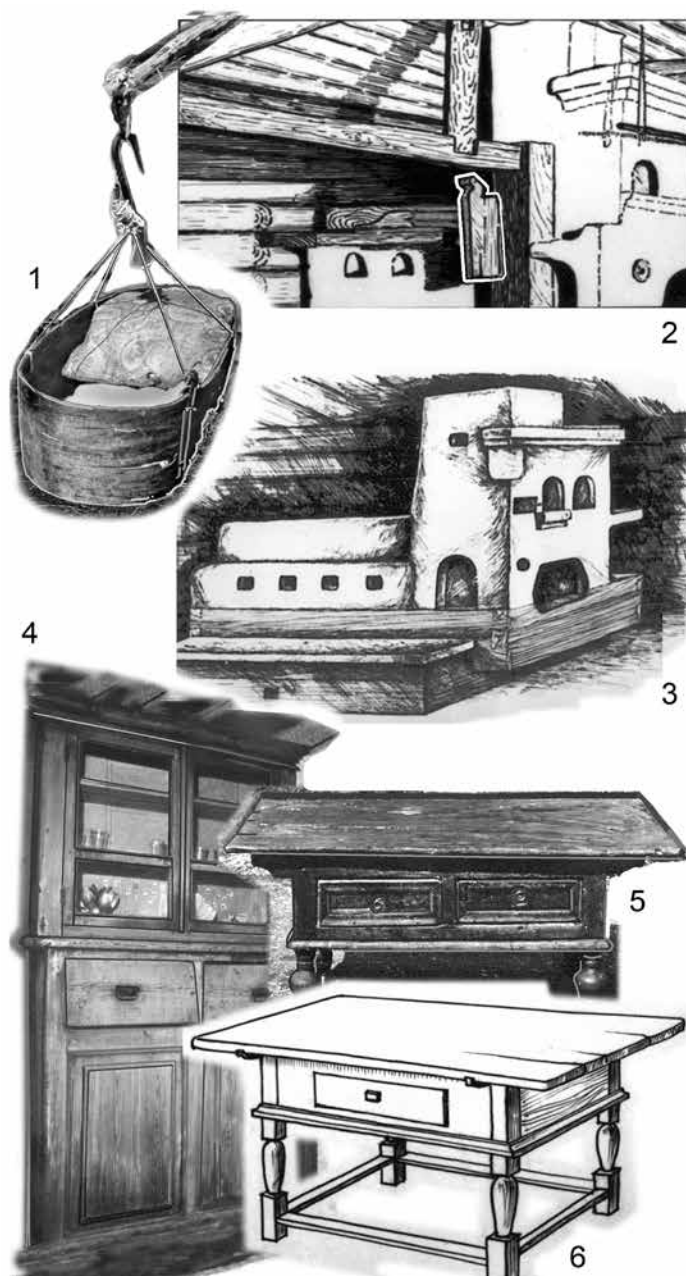

Рис. 60. Детали интерьера вепсской избы
1. Люлька, 2. Припечной коник в избе южных вепсов. 3. Печь. 4.
Шкаф. 5, 6. Столы.

Устье обычно было направлено к фасадной стене (рис. 60).

Печь служила для отопления и приготовления пищи, корма скоту, в ней пекли хлеб. Зимой на печи спали, сушили одежду, в подпечке содержали кур. В прошлом печи, топившиеся по-чёрному, использовались у южных и средних вепсов как парная при мытье в избе и место для сна в наиболее холодное зимнее время. Они строились очень больших размеров, занимая от трети до четверти всей избы, имели выступающий вперед открытый шесток, более широкое устье. С переходом на топку печей «по-белому» их стали делать меньше размером. Шесток закрывался сверху массивным дымоходом, а с боков – стенками. В боковой стене печи, примыкающей к стене дома, перед её устьем устраивался жараток – ниша для открытого очага. Вверху ниши укреплялся железный крюк, на который вешался котёл. Под ним разводили огонь. После окончания топки печи в неё загребали угли и прямо на них готовили при необходимости еду, пекли блины. В старых домах южных вепсов на углу печи ставился припечной столб, к которому прикреплялся деревянный коник, верхняя часть которого вырезалась в форме головы коня. Такие коники встречались и в черных избах вепсов. Наверху, напротив боковой стены печи у входа в избу устраивались полати – широкий настил для сна. К боковой стене печи пристраивалась каржина – припечной ящик с открывавшейся сверху крышкой. Через неё спускались в подполье. По диагонали от печи находился «красный» угол, в котором помещалась божница с иконами. В красном углу ставился обеденный стол. У средних и южных вепсов его форма была более простой по сравнению со столами северных вепсов, которые имели массивное подстолье с выдвиж-

ным ящиком и вычурными точёными ножками, соединёнными внизу рамой. Столы такой формы известны как традиционные для интерьера домов Санкт-Петербурга в XVII–XVIII вв.

Из встроенной мебели устанавливались широкие лавки, идущие от красного угла вдоль фасадной и боковой стен. На них не только сидели, но и спали. Иногда под ними устраивался шкаф для хранения домашних вещей. Вверху над лавками укреплялись полки. Для освещения пользовались лучинами. В начале XX в. появились керосиновые лампы. Часть избы перегораживалась широким и высоким шкафом, который фактически становился перегородкой. Он отделял «женский» угол, где находилась кровать и подвешенная на деревянном оцепе люлька. Вся мебель изготовлялась местными мастерами.

В многокомнатных домах северных вепсов традиционным был интерьер лишь в помещении, где находилась русская печь. В остальных комнатах ставились городские типы печей – голландки, лежанки, здесь вешали зеркала в рамках, находились окованные железом сундуки. Встроенная мебель заменялась изготовленными по заказу стульями, кроватями, комодами и т. п.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

На виду у хозяев ставился амбар (рис. 61). Их в одном домохозяйстве могло быть несколько. У южных вепсов на фоне скромных жилищ особо выделялись двухэтажные амбары, украшенные орнаментом. Второй этаж в летнее время служил спальней для молодых пар. Здесь встречались амбары, выпуски венцов которых были обтесаны в шестигранник. Такая обработка выпусков венцов известна в архитектуре как «шведская рубка». У средних и южных вепсов амбары иногда выносились на се-

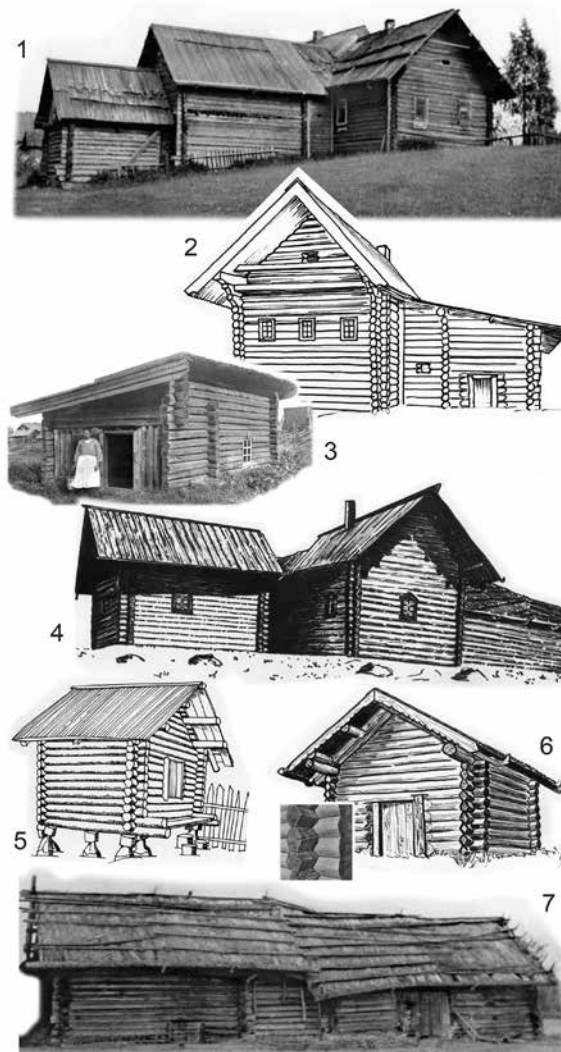

Рис. 61

- 1 – Дом с Т-образной связью (южные вепсы)
 2 – Дом (средние вепсы с примыкающим сбоку двором) 3, 5, –
 Амбары 6 – амбар с обтеской углов в шестигранник.
 4 – Дом с соединением второй избы под прямым углом
 7 – Гумно с ригой

редину улицы перед домами. На первом этаже хранили муку и зерно, съестные припасы, сети, летом – зимнюю одежду, другую домашнюю утварь. Хлебные амбары, в целях сохранения зерна от грызунов, ставились на конусообразных столбах (рис. 61–5). В усадьбах, расположенных на берегу рек, ставились бани. Хозяева усадеб, отдалённых от водоёмов, строили бани на берегах рек или озёр.

В крупных хозяйствах имелись отдельно стоящие конюшни, мельницы. В 1920-е гг. С. А. Макарьев писал, «что почти все площади усадебных мест равны, и в этом нет различия между вепсом-бедняком и зажиточным. Что же касается размеров самого дома, пристроек и их взаимного расположения, то здесь можно провести границу между этими социальными группами».

ДЕКОРАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДОМОВ

Плотницким ремеслом владели все мужчины, используя несложные инструменты. Дома строили с привлечением соседей и местных плотников. До настоящего времени в Прионежье сохранилась поговорка «Вепс с топором за поясом родился».

У прионежских вепсов основные строители и «украшатели» домов были плотники из д. Залесье, расположенной недалеко от с. Шелтозеро. Окна домов обрамлялись знаменитыми волютными наличниками (от латинского «voluta» – завиток). В волютных наличниках, балконах домов воспроизводились элементы архитектурного стиля барокко, с которыми местные мастера знакомились при строительстве домов в Санкт-Петербурге. В отличие от барочных наличников городских домов, где доминируют волюты, в центре композиции вепсского наличника выделялся образ женщины-берегини (рис. 63). Её изображение в различных вариациях встречается в вышивке и воспринимается как оберег.

Рис. 62. Традиционный наличник прионежских вепсов

Плотницкое мастерство прионежских вепсов высоко оценено специалистами в области народного зодчества. Известный специалист по архитектуре Русского Севера А.В. Ополовников, отмечая влияние архитектуры Петербурга на домостроительство прионежских вепсов, говорит о появлении здесь особой местной традиции, которая родилась в «процессе переосмысления и творческой переработки архитектурных деталей, таких как наличники с волютами, балюстрада гульбища, витые колонки-столбы балконов и крылец и т.п. ... к представлениям крестьян о красоте, к техническим и декоративным особенностям дерева как строительного материала и материала для искусства». По его мнению, эта разновидность деревянного зодчества, представляет собой одну из ярких, но и последних страниц истории традиционного деревянного зодчества, одну из его последних песен³. Классическим образцом этого стиля считается дом подрядчика Ивана Мелькина, построенный в 1814 г. в с. Шелтозеро (рис. 64). С 1991 г. в нем после реставрации располагается Шелтозерский вепсский этнографический музей.

³ Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М., 1983. С. 105.

*Рис. 63. Дом Ивана Мельника. Село Шелтозеро Прионежского района Карелии. Построен в 1814 г.
С 1991 г. – Шелтозерский вепсский этнографический музей*

ГЛАВА 12

ДОМАШНИЕ ЗАНЯТИЯ И РЕМЁСЛА

МУЖСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Мужским занятием являлось изготовление разнообразных изделий из дерева, бересты, плетение из ивовых и еловых корней (рис. 64). Они делали деревянную кухонную утварь, предметы рукоделия - ткацкие станы, прялки, пальцы и др. Деревянные изделия для рукоделия обычно украшали резьбой. Оригинальным было устройство для стирки белья «humbar» (хумбар) – деревянной колоды с вырубленным в ней углублением, в котором палками толкли белье (рис. 64–3). Оно находилось на берегу реки или озера.

Особенно широко использовалась береста. Как писал А. С. Макарьев, *«в этой области вепс достиг значительных успехов»*. Из неё делали туеса для жидкостей, коробки для хранения самых разнообразных вещей – от женских украшений до муки и зерна, кошель (ранцы), ножны, походные солонки, люльки и игрушки для детей, лапти и сапоги, сёдла для верховой езды, пастушьи рожки от небольших до настоящих труб длиной почти в метр и многое другое (рис 65). Известен случай, когда в 1886 г. губернатор Олонецкой губернии, прослышав, что крестьяне плетут самовары из бересты, отправил уездному начальству запрос о предоставлении сведений о мастерах и двух экземпляров берестяных самоваров. Ему сообщили, что *«изготовлением моделей самоваров из бересты»* занимался шимозерский вепс Димитрий Валатай, *«ныне умерший, не оставивший после себя своих произведений и не пе-*

*редавший своего знания другим лицам»*¹. В полевых условиях вепсы обходились одноразовой посудой из бересты, *«начиная от простой ложки, которая может быть сделана в любой момент и с изумительной быстротой»*, до котелков, где кипятят воду, варят уху. Традиционные навыки работы с деревом и берестой сохраняются и сейчас, из неё изготавливают самые различные предметы – от бус, посуды до сапог. Мужчины мастерили транспортные средства: сани, телеги, лодки (рис. 65, 66).

ЖЕНСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Женским занятием являлись ткачество, шитьё одежды и вышивка. Полотно ткали на горизонтальных ткацких станах из льняной и шерстяной пряжи (рис. 68). Кроме белого полотна ткали и «пестрядь» – клетчатую или полосатую ткань. Белое тонкое полотно шло на полотенца, подзоры, шитьё верхней части женских рубаш, праздничных и венчальных мужских рубаш. Из грубого холста, сукна из шерсти или полусукна, вытканного из шерстяных и льняных ниток, шили рабочую и будничную одежду: мужские штаны, балахоны, из пестряди – мужские штаны и юбки. Белое полотно красили, используя ягоды, сажу, ивовую и ольховую кору, луковую шелуху. Чаще красили ольховой корой, которая

¹ Макарьев С.А. Береста в вепском быту // Финно-угроведение. Л., 1931. Вып. 1. <http://tues.narod.ru/statyi/20/20.html>

Рис. 64.

Строительные инструменты и предметы быта

1. Подойник. 2. Рукомойник. 3. Хумбар.

4-5. Корзины для хранения одежды.

6. Инструменты.

Рис. 65

Рис. 66. Местом хранения и мастерской по изготовлению различных средств передвижения, хозяйственной утвари в летнее время года являлся второй этаж дворовой постройки

Рис. 67. Изделия из бересты А. П. Медведева (д. Ярославича). Вепский центр фольклора, с. Винницы

*Рис. 68. Ткацкий станок.
Шелтозерский вепсский этнографический музей*

придавала тканям красно-коричневый цвет². Позднее стали использовать и покупные анилиновые красители. Разноцветные пояса ткались или плелись из шерстяных ниток. Они являлись непременной деталью женского и мужского костюма. Сейчас они становятся и сувенирной продукцией (рис. 69).

Основу традиционного мужского костюма в XVIII–XIX вв. составляли рубаха и штаны. Позднее стали носить двое штанов: нижние из белого полотна, верхние из пестряди или крашеного холста. Рубахи мужчины носили навыпуск, с поясом. Разрез у них находился с левой стороны, по вороту пришивался невысокий воротник-стойка (рис. 70). Праздничные рубахи были белыми и украшались вышивкой. В конце XIX в. вышивкой украшался в основном только венчальный наряд жениха – рубаха и штаны из белого холста. Его шила и вышивала для жениха невеста, у южных вепсов – крёстная мать. Свадебная фуражка жениха также украшалась: на верх тульи нашивалась «звезда» из разноцветных лент, к околышу прикреплялась лента с бантами и пуговицами.

Мужчины-вепсы, как и карелы и финны, носили шейные платки. Древность этой традиции проявляется в обычае дарения невестой жениху шёлкового платка, который полагалось не снимать до конца свадьбы. Головные уборы мужчин не отличались своеобразием. Носили изготовленные в домашних условиях войлочные колпаки, реже шляпы с неширокими полями, заячьи или овчинные шапки-ушанки, позднее – покупные фуражки, картузы. Вепсские мужчины, особенно из Прионежья, быстро перешли на городской костюм, состоящий из

Рис. 69. Пояса и половики современных мастеров

Рис. 70. Мужская рубаха

² Костыгова А. Народная одежда прионежских вепсов // Сб. науч. трудов студентов ПГУ. Вып. 5. Петрозаводск. 1958. С. 50.

«пары» (пиджака и брюк) или «тройки» (пиджака, жилетки и брюк), который носили с рубахой-косовороткой из ситца. Такую одежду мужчины приобретали во время работ в городах или заказывали у местных или заезжих портных.

К середине XIX в., когда началось этнографическое изучение вепсов одежда вепсских женщин мало чем отличалась от одежды крестьянок Северо-Запада. У прионежских вепсов кроме сарафанного комплекса, состоящего из сарафана, рубахи, передника и пояса, был распространен и юбочный, который включал юбку, рубаху, передник и пояс. Для вепсских женщин более древним считают юбочный комплекс. Он чаще используется вепсскими активистами на своих мероприятиях (рис. 71).

Рубаха (*räžžin*) шилась одинаково для ношения с сарафаном и юбкой и состояла из двух частей. Верхняя часть – из белого тонкого полотна с широкими рукавами (*hijamad*), собранными ниже локтя в сборку, и нижняя, станушка – (*emä*) из домотканого грубого белого холста. Ворот рубахи мог быть круглым или четырехугольным, его собирали в сборку и обшивали бейкой. Разрез у рубахи был спереди и застёгивался на одну пуговицу (Рис. 72). В праздничных рубахах по краю рукавов нашивались оборки и даже воланы. Верхняя часть рубахи украшалась вышивкой на плечах, нижняя по подолу вышивкой красного цвета. Украшением рубахи являлись красные или из пестряди ластовицы. Встречались и рубахи из крашеного в красный цвет полотна. По итогам исследования рубах, хранящихся в РЭМ, выделяют несколько отличающихся по крою типов рубах³. Верхние юбки, полушерстяные

или шерстяные, имели продольный или поперечно-полосатый рисунок с цветной широкой каймой, иногда достигавшей две трети длины юбки. Пояс являлся непременной частью костюма, его повязывали поверх юбки.

Праздничный сарафан шили из покупных тканей – ситца, шёлка, кашемира (рис. 73). Будничный сарафан шили из домотканого холста, обычно окрашенного в синий цвет, с узкими длинными лямками и разрезом на груди. По подолу пришивалась оборка. Сарафан надевали поверх рубахи, сшитой по традиционному образцу, но верхняя часть рубахи часто шилась из покупной ткани. Подолы рубах украшались вышивкой. Она отсутствовала совсем или была скромной у старух и пожилых женщин. Во время праздников девушки и молодые женщины стремились показать вышивку рубахи, заткнув за пояс подол сарафана или юбки⁴ (рис. 73).

Поверх сарафана одевали передник. Его расцветка зависела от возраста женщины. Передники молодых женщин, как правило, были красного цвета, у пожилых женщин – тёмных цветов. Среди местных русских можно было услышать: «Кайвана сразу узнаешь по красному переднику»⁵. Позднее на смену юбочному и сарафанному наряду из городской моды пришла «парочка»: верхняя кофта-казачок и юбка из фабричных тканей.

Из украшений носили стеклянные бусы, металлические кольца и серьги. Особо отмечают, что в старинных свадебных нарядах девушек (у южных вепсов) встреча-

³ Королькова Л.В. Вепсская народная одежда (вторая половина XIX – первая треть XX в) // Материалы по этногра-

фии. Т. II. Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб., 2004. С. 362–363.

⁴ Винокурова И.Ю., Кочкуркина С.И. Одежда // Прибалтийско-финские народы России. С. 392.

⁵ Костыгова А. Указ. раб. С. 53.

Рис. 71. Современные образцы народного костюма

Рис. 72. Рубаха

Рис. 73. Сарафан

лось старинное украшение, называемое «борок». Оно представляло собой ожерелье, изготовленное из деревянных и белемнитовых бусин, разделённых между собой розетками из разноцветных тканей⁶. В народных верованиях белемниты (окаменелости вымерших моллюсков) известны под названием «чёртовые пальцы» или «громовые стрелы». Им приписывается целебная сила, у вепсов они считались оберегом.

⁶ Горб Д.А. Материальные компоненты вепсского свадебного обряда в конце XIX– начале XX в. (По материалам ГМЭ) // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. Сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 165 – 166.

Рис. 74

Рис. 75. Балахон

Головные уборы замужних женщин – сороки, сборники, повойники – шили из ярких парчовых тканей с очельем и затылочной частью, украшались вышивкой из золотых нитей, бисером и блёстками (см. рис. 73).

Самой распространённой и рабочей обыденной одеждой вне дома для мужчин и женщин являлся балахон. В.Н. Майнов пишет, что «национальный балахон из льняной пряжи, который всегда и везде заставит угадать в том, кто его носит, Чухаря»⁷. Он

шился как халат, с большим запахом из белого грубого холста (рис. 75). По крою мужские и женские балахоны отличались незначительно⁸. Летом его надевали поверх рубахи, а зимой – на шубу. Балахоны были настолько распространены у вепсов, что их с некоторым пренебрежением соседнее русское население называло «балахонниками». По древней традиции из полы балахона вепсы разбрасывали семена во время сева⁹.

У женщин имелись специальные рабочие юбки. Их ткали на льняной основе из полосок изношенной одежды. Таким способом в прошлом изготавливали и одеяла, а с 1930-х гг. стали ткать половики. Сейчас они широко используются в быту сельского населения и их изготавливают для продажи на праздниках (рис. 69).

Верхняя одежда женщин и мужчин отличалась незначительно. Как мужчины, так и женщины носили запашную одежду – кафтаны. Они запахивались правой полой на левую сторону. Вепсы верили, что одежду с запахом слева направо носили представители иного мира – «хозяева» леса, водяники, домовые и т. п. Кафтаны и шубы шились по типу балахонов – без воротников и застежек или с одной пуговицей сверху¹⁰. Особой ценной зимней одеждой считались овчинные тулупы. Они имели воротники, сверху обшивались чёрной или синей тканью. Тулуп подпоясывали красным кушаком с кистями на концах. Одеждой детей до шести лет независимо от пола являлась рубаха. Затем им шили такую же одежду, какую носили взрослые в соответствии с их полом.

⁷ Майнов В.Н. Приоятская чудь (Весь – Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд) // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. № 5-6. Отд. оттиск. С.5.

⁸ Королькова Л.В. Вепсская народная одежда (вторая половина XIX – первая треть XX в.). С. 102–103., 365–367.

⁹ Винокурова И.Ю., Кочкуркина С.И. Указ. раб. С. 390.

¹⁰ Королькова Л.В. Указ. раб. С. 102, 366 –367.

Самой простой в изготовлении и наиболее распространённой в тёплое время обувью вепсов была плетённая обувь из бересты двух видов – лапти и ступни. Их носили все независимо от пола и возраста. В середине XIX–XX в. уже как рабочую обувь на подсеке, сенокосе, в них ходили в лес за ягодами и грибами. Вепсы плели из бересты также и сапоги с высокими голенищами. В них ходили по болотам, в лесу.

Кожаную обувь – сапоги, женские башмаки, напоминающие по форме галоши, также изготавливали местные мастера. Праздничной обувью у вепсянок в более поздние времена становятся полусапожки, покупные или изготовленные по фабричным моделям. Зимой носили валенки.

Богатая вышивка была характерна и для других элементов одежды девушек и молодых. Вышиванием занимались девушки, которым к свадьбе нужно было накопить как можно больше вышитых изделий для свадебных даров и дальнейшей замужней жизни. Вышивали красными нитями «досюльным» двусторонним швом по краям полотенец и подоле рубаш. Полотенца обычно украшали стилизованными изображениями деревьев, животных, птиц, крестообразных деревьев¹¹. Традиционным на карельских и вепских вышивках был узор в виде восьмиконечной звезды, отражение которой вошло в современный герб Карелии. Среди вышивок встречались изображения, которые являлись народной переработкой гербов Русского государства. В крестьянской вышивке они известны с XV в.¹² (рис. 76, 77, 78).

¹¹ Косменко А.П. Послания из прошлого: традиционные орнаменты финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2011. С. 128 и далее.

¹² Косменко А.П. Указ. раб. С. 155–156.

Исследователи считают, что орнаменты импортных изделий и тканей раннего Средневековья из восточных стран являлись источниками для воспроизведения их сюжетов и композиций в позднейших вышивках народов Северо-Запада¹³. Это, очевидно, и объясняет разнообразие и богатство декоративного оформления предметов народного быта у народов, проживающих вдоль известных торговых путей. Орнитоморфными узорами, где наиболее часто встречаются композиции изображения птиц с мотивами дерева, обычно декорировались обрядовые полотенца и рубахи из состава приданного невесты¹⁴. У южных вепсов встречались полотенца с узорами, вышитыми нитками разных ярких цветов.

В Прионежье известен интересный обычай: ежегодно в летнее время, перед Ивановым днём матери выставляли на всеобщее обозрение вышитые изделия своих дочерей. Осмотреть их мог прийти любой житель деревни¹⁵.

¹³ Там же. С. 147, 150.

¹⁴ Косменко А.П. Указ. соч. С. 146.

¹⁵ Винокурова И.Ю., Кочкуркина С.И. Указ. соч. С. 392.

Рис. 76

Рис. 77

Рис. 78

ГЛАВА 13

НАРОДНАЯ КУХНЯ

Вепсская пословица «*Liibäta ii sa eläda*» («Без хлеба не проживёшь») показывает роль хлеба и мучных продуктов в народной кухне вепсов. Хлеб – *liib, leib* – выпекали из ржаной муки в виде круглых караваев. Детей рано кормили ржаным хлебом, крошенным в молоко. Ржаная мука использовалась для самой любимой выпечки – калиток (*kalitkad*), сканцев (*korostad*), рыбников (*kalakurnik*). Для калиток готовили густое пресное тесто из ржаной муки на молоке, простокваше или воде. Из него раскатывались сканцы – очень тонкие лепешки до 30 см в диаметре. На сканцы накладывалась различная начинка: толокно или гороховая мука, разведенные молоком (простоквашей или сметаной) до состояния густой каши, размоченная в простокваше ячменная крупа, пшённая каша, картофельное пюре. Края сканца подворачивали наверх на полтора-два сантиметра и защипывали по кругу, придавая калитке – округлую или прямоугольную форму (рис. 79). Верх начинки смазывали взбитым яйцом со сметаной. Для сканцев раскатывали такую же ржаную лепешку, как и для калиток, и пропекали с двух сторон на сухой сковороде. На неё накладывали небольшой слой горячей ячменной или толокняной каши. В последнее время чаще всего в качестве начинки используют пшеничную кашу, и сканцы с начинкой дважды подворачивали с двух сторон, образуя тонкий рулет. Все, что вынималось из печи – калитки, сканцы, обильно смазывают топленым маслом.

Калитки и сканцы готовили каждое воскресенье. Они являлись обязательными и на любом празд-

Рис. 79. Калитки

Рис. 79а. Сканцы

ничном столе. На основе ржанных сканцев готовят и закрытые пироги. В качестве начинки используют густую кашу из толокна со сметаной или рассыпчатую пшённую кашу, жареную капусту. Их накладывают на одну половину сканца и сверху прикрывают второй половиной. Края сдавливают краем блюда. Аналогичным образом готовились и так называемые пироги для зятя (maget pirgat). Сканец для них раскатывали из пшеничного теста, а начиняли сахарным песком. Затем их жарили в сливочном масле (рис. 80). Пироги для зятя готовили сразу при входе в дом сватов; а сладкими пирогами теща угощала молодого зятя при его первом посещении дома своей жены после свадьбы. Начинкой в таких пирогах могло быть и толокно со сметаной, рассыпчатая пшенная каша.

Рис. 80. Пироги для зятя

Из овсяной муки пекли блины. Их ели с солёными волнушками, творогом, подслащённой брусникой.

Вепсы пекли также оригинальные лепёшки из гороховой муки. Гороховую муку взбивали со снегом и быстро ставили в печь. Особое пристрастие к гороху у вепсов отметил и В.Н.Майнов: «*Ест горох посидень, ухитрился даже толочь горох в ступе, готовить муку гороховую и печь из неё блинцы*»¹. Из овсяной, ячневой, пшенной круп варили каши на молоке.

Рыба в питании вепсов продолжает занимать важную роль. Из свежей рыбы варят уху, рыбу вялят, сушат в печах. Самой популярной едой из рыбы являлись рыбники. Для них раскатывают толстую ржаную лепёшку и укладывают внутрь её рыбу. Концы лепешки наверху плотно защипывают и выпекают в печи. Сушили в основном мелкую рыбу, которую обычно не чистили, но некоторое время перед сушкой держали в солёной воде. В уху из сущика добавляли картофель и лук. Такую уху ели зимой. У вепсов существовала даже пословица: «*Kala – pen', a keitmine – maged*» («*Рыба мелка да уха сладка*»). Некоторые рыбаки заготавливали для семьи до 5–6 пудов сушёной рыбы.

Мясо появлялось на столах вепсов довольно редко. Скот забивали поздней осенью, мясо засаливали в бочках. Одним из старинных способов его заготовки впрок являлось вяление. Солёное мясо, завернутое в старые сети, вывешивали в начале весны на специальной перекладине (см. рис. 54, 59а) на фронтоне избы. Летом его перевешивали на чердак, где оно хранилось до двух лет. Жердь на переднем фронтоне избы с вялениной В.Н. Майнов считал «*совершенно типичной для большинства Чудских домов, так как русский человек почему-то*

¹ Майнов В.Н. Приоятская чудь. (Весь-Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд // Древняя и новая Россия. СПб. 1977. №56. Отд. оттиск. С. 6.

... не хочет решиться есть вяленое мясо, а Чудин наслаждается им и даже поддразнивает соседа, когда у последнего нет свежинки и он сидит на мале, да на болтушке, от которой свежего человека с души воротит»². При трудоемких работах летом на подсеке, сенокосе, сплаве, зимой на лесозаготовках из вяленого мяса варили суп, холодец. Как и рыбу, мясо запекали в ржаной лепешке. Это блюдо называлось «kurnik».

Из молочных продуктов впрок заготавливали творог в бочках, из сливок сбивали масло, которое использовали при приготовлении различной выпечки. Из семян льна и конопли выжимали на специальных станках льняное и конопляное масло. Оно применялось во время постов для жарки и как добавка в разные блюда. Особое место в питании вепсов занимала репа: *«За все те овощи, которые частью Бог не дал, а частью не взлюбил Чудин сам по себе»*, – пишет В.Н.Майнов, – *«отдувается репа – ананас русский»*³. Из неё варили квас, её парили в печах (замазывая заслонку печи глиной на сутки), вялили, сушили в печах. Средние вепсы варили из репы и ржаной муки репную кашу. Сушёная репа

была любимым лакомством детей, молодёжь брала её с собой на молодежные «беседы».

У южных и средних вепсов существовала сложная и трудоёмкая технология приготовления пива из хмеля, сопровождаемая ритуальными действиями. Сохранялась старая традиция начинать пивной праздник с его питья из специальной чаши, передавая её по кругу. Другие спиртные напитки – вино и водку – употребляли крайне мало. Только в праздники или на свадьбах мужчинам и парням преподносилась одна-две рюмки, женщин даже не угощали.

Немалое место в питании вепсов занимали ягоды и грибы. В летнее время их ели в свежем виде. Малину, чернику и рябину сушили, используя затем в лечебных целях. Грибы в зависимости от вида сушили или солили. Бруснику замачивали, клюкву хранили в свежем виде. С 1930-х гг. и до настоящего времени сбор ягод и грибов является для вепского сельского населения сезонным источником дополнительных доходов. Ягоды и грибы сдают государственным и частным сборщикам.

Народная кухня оказалась самой устойчивой частью традиционной культуры вепсов. В вепских деревнях по воскресеньям пекут калитки, рыбники, курники, готовят сканцы и сладкие пироги. Летом заготавливают сушки. Кухня хорошо сохранилась и у вепсов – переселенцев в Сибири.

² Майнов В.Н. Приоятская чудь. С. 14–15.

³ Там же. С. 17–18.

ГЛАВА 14

ВЕРОВАНИЯ. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В вепсских верованиях слово «Бог» (*Jumal*) является частью слов, описывающих грозу (*Jumalansä*) и связанные с ней явления – гром (*Jumalanjuru*), радугу (*Jumalanheboine*). В таком понимании вепсский Бог ближе всего к древнерусскому языческому богу Перуну. В финно-угоской мифологии его связывают с названием неба, воздуха. Он «ведает» погодой¹. Для Бога в вепсском языке есть также слово – *Sünd, Sündsötai*, что означает прародитель, кормилец. В двойственности восприятия Бога, очевидно, проявляется отмеченное многими исследователями сочетание в верованиях вепсов христианского и языческого мировоззрений. В начале XX в. А. И. Колмогоров записал у вепсов миф о происхождении различных духов, которые церковь считает нечистью:

*«Когда Бог творил землю и живые существа, дьявол из зависти мешал ему. Бог рассердился, схватил дьявола и сбросил его с неба на землю, в болото. В болоте, в том месте, куда провалился дьявол, образовалась большая дыра; из этой-то дыры и полезла всякая "нечисть". Часть пошла в озёра – водяники, часть в леса – лесовики, часть забралась в тучи и облака и так распространилась по всему свету»*². Представление о «нечистой» силе как хозяевах тех мест, где они оказались по

воле дьявола, заставляло вепсов всегда относиться к ним с опасением и одновременно почтительно, стараться ладить с ними.

ДУХИ-ХОЗЯЕВА ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДЫ

Самым известным среди духов-хозяев у вепсов был хозяин леса – *mecižand*. Его также называют – *mecanik, mecanez', mechiine, korbhiine*. Он живет с женой – *mecanak, mecaneväg*, а иногда и с детьми. Чаще всего хозяина леса описывают как высокого мужчину, одетого в балахон, с запахом налevo, подпоясанного красным кушаком. Первым делом, как только войдешь лес, следует принести жертву *mechiine*, пишет В.Н. Майнов, *«а то не только он удачи не пошлет, а еще заведет в такую чащобу, откуда не выберешься»*. Охотникам полагалось в первый куст по левой руке бросать несколько зерен овса, серебра и перья, «что должно было изображать, что жертва приносится ему от того, кто на земле, под землей и в воздухе»³. В лесу, чтобы не рассердить «хозяина», нельзя было ругаться, разорять птичьи гнёзда, муравейники, без надобности рубить деревья и кустарники. На провинившихся он напускал болезнь, по его воле человек мог «попасть на дурной след» и заблудиться. Представление о лесе как некоем одушевленном мире отражает и пословица «*Kut mecha, tuga i mecaspää*» (Как к лесу, так и от леса).

¹ Винокурова И.Ю. Мифология и верования // Прибалтийско-финские народы России. Н. 2003. С. 427.

² Колмогоров А.И. Чухарская свадьба // Сборник в честь 70-летия профессора Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 372.

³ Майнов В.Н. Приютская чужь (Весь – Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. № 5–6. Отд. оттиск. С. 24.

Особые взаимоотношения устанавливались между хозяином леса и пастухом с целью обезопасить скот от нападений диких животных и несчастных случаев в период летнего выпаса. Такие обряды имеют глубокие корни и известны многим народам Европы. У европейских и финноугорских народов его проводили обычно в день святого Георгия (Егория), который считался покровителем домашнего скота и выпадал на 6 мая (23 апреля по старому стилю)⁴. В этот день, как правило, лежал снег, поэтому обряд проводился символически, но позднее когда начинался пастбищный период, в первый день выгона скота, хозяйка совершала обряд, сопровождая его заговором⁵.

Пастух с помощью местного колдуна, реже один, в день первого выгона скота проводил ряд обрядовых действий. Главную роль в обряде отпуска, о котором пастухи предпочитали не рассказывать, играл записанный на бумаге заговор, который произносился пастухом при троекратном обходе скота перед первым его выгоном на пастбище. В.Н. Майнов пишет, что «ему не удалось записать ни одного отпуска, так как Чудяне их скрывают»⁶.

Пастух обходил стадо, «вооруженный» магическими предметами – топором, заткнутым за пояс острием вверх, рожком, горячей лучиной или свечой, которые символизировали построение железной (каменной) и огненной стены, охраняющей скот от всех злых сил и хищных зверей.

⁴ Рантасало А.В. Выгон скота на пастбище в народных верованиях финнов. Перевод с немецкого Ю.Н. Винокурова // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий. Исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2012. С. 200–212.

⁵ Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994. С. 70, 121.

⁶ Майнов В.Н. Приютская чудь. С. 24.

Затем скот прогоняли через символические ворота – по «коридору» между растеленными на земле поясами.

Текст заговора приобретал после этого особую силу над лесным хозяином, его зашивали в одежду или прятали в пастушьем рожке, трубя в который он собирал коров в стадо. Никто кроме пастуха не мог видеть «отпуск» и прикасаться к нему до конца выпаса. Его потеря или попадание в руки другого человека лишало власти пастуха над *mechiine*. Пастух, получивший «отпуск», весь пастбищный период соблюдал особые правила поведения: не должен был стричь волосы, иметь отношения с женщинами, обижать всё живое в лесу, не убивать змей, ловить рыбу, собирать ягоды чёрного цвета и др. При выполнении пастухом оговоренных условий *mechiine* выступал покровителем домашнего скота. Пастуху оставалось только выгнать скот в поле и встретить его. Вступление в договорные отношения пастуха-колдуна с *mechiine* оказывалось для него в будущем небезопасным. А.М. Линевский сообщает, что общей чертой рассказов о пастухах - колдунах является их трагический конец⁷.

Приведем образец заговора, предотвращающий потерю пастухом в летний период скота от пропажи⁸.

⁷ Линевский А.М. Материалы к обряду «отпуска» в пастушестве Карелии (Летконецкая волость Карельской АССР) // Этнограф-исследователь. Журнал научно-исследовательского этнографического кружка этноотделения Ленинградского государственного университета. 1927. № 2–3. С. 42–43.

⁸ The Geat Bear. A Thematic Anthology of Oral Poetry in the Finno-ugrian Languages. Lauri Honko, Senni Timonen, Michael Branch, Keith Bosley. Layout Urpo Huhtanen // Suomalaisen

Заговор для оберега скота на пастбище

Maspei i taivhazessai –
kiviine sein,
Maspei i taivhazessai –
lämiinke sein
Nenile kodin živataižile tämäks kezaks!

От земли и до неба
каменная стена.
От земли и до неба
стена с огнем,
для этих домашних животных на данное лето!

Исполнитель: Ермолаева Параскева, д. Шокша Прионежского района Карелии, запись А. Турунена, 1943 г.

В озере «хозяйничал» водяной – *vedenižand* (*vedehiine, vedenuk*) и его жена – хозяйка воды (*vedenemäg*). Об их происхождении существовало два мнения: по первому они выскочили одновременно со всей нечистью из болота, по второму произошли от утопленников. Водяной более опасен, чем лесной хозяин. Может опрокинуть лодку, утопить людей. До и после ловли рыбы его угощают – опускают в воду яйцо, пироги, табак, льют вино. Как и в лесу, находясь «на воде», запрещалось сквернословить, плевать, бросать мусор и камни в воду. Нарушение запретов водяной наказывал кожной болезнью, чтобы от неё вылечиться, надо было вернуться к водоёму и просить у водяника прощение.

Вепсы почитали и духов-хозяев огня (*lamoinižand, lamoinemag*). Чтобы предотвратить пожар или болезни, нельзя было осквернять огонь – плевать в него, затаптывать его ногами и т. д. При пожарах духов огня задабривали – бросали в огонь яйцо, обращались с просьбой о его прекращении. В то же время огонь и дым использовались как очистительное средство. Пользоваться в таких случаях было предпочтительно огнём, добытым трением. Сообщалось, что в конце XIX в. продолжающаяся в д. Корвала семь лет эпидемия холеры прекратилась после обхода деревни с «деревянным» огнём.

ДОМАШНИЕ ДУХИ-ХОЗЯЕВА

Духом домашнего очага считали запечного мужика – *päčînrahkoi*. Он живет на печи, его отличает неряшливость, он всегда в саже. Представления о запечном мужике часто сливались с образом домового. При переходе в новый дом запечного мужика следовало взять с собой. Хозяйка, обращаясь к нему с такой просьбой, совершала специальный ритуал его переноса на новое место жительства – в горшке с горящими углями или в лапте с горячей золой, где находился тлеющий уголёк. В дом тут же бросали огненно-рыжего петуха. Крик петуха означал, что запечный мужик согласен жить в новом доме.

По поверьям вепсов, кроме запечного мужика в доме обитают и другие хозяева. Главными среди домашних духов является домовая изба и его жена (*pertinižand* и *pertinemäg*). Они могут обитать у печи, в подполье и красном углу. Домовой появляется перед домочадцами как предвестник беды в виде старика или старухи. Полагают, что, скорее всего, у вепсов в прошлом домовые являлись хозяевами места/земли, где ставится дом, поэтому в рассказах о переселении в новый дом кроме переноса старого «хозяина» бытует и другая версия: заселяющиеся обращаются с просьбой к домовому пустить на житьё в дом и обеспечить благополучие. В подполье также есть хозяин и хозяйка (*karzinižand* и *karzinemäg*).

Менее благожелательны к людям хозяин двора (*tanazkodinik*, *tanazižandaine*) и его жена – хозяйка хлева (*läväemäg*). Они могут невзлюбить лошадь или корову какой-либо масти и мучить её по ночам. Духи двора показываются не только в образе человекообразного существа, но и в виде небольшого хищного зверька – ласки, также крысы, змеи, мыши⁹.

В отдельно стоящих постройках на усадьбе тоже есть хозяева. В риге – ригачник (*riganik*, *riganižand*) и бане – баенник (*kül'bet'ižand*) с женой (*kül'bet'emäg*, *kül'bet'baboi*); Перед молотью ригачника одаривали подарками. Северные вепсы раскладывали по углам риги кусочки хлеба, сахар, чай. Иначе он мог сжечь ригу или утаивать при молотье зерно. Человеку, заночевавшему в риге без разрешения ригачника, могла грозить смерть. С баенником также надо было обращаться уважительно. Перед мытьём попросить разрешения, после поблагодарить. В противном случае он может наслать кожные болезни. В бане запрещено мыть-

ся после полуночи. О наличии хозяев в амбарах нет упоминаний.

Отмечают, что домашние духи были более благосклонны к людям, чем обитающие за пределами дома. В то же время степень вредоносности домашних духов повышалась по мере удаления от избы¹⁰.

СВЕДУЩИЕ ЛЮДИ И КОЛДУНЫ

По вепским поверьям, сведущие люди (*tedaimez*, мн. *tedaimhed*) и колдуны (*noid*, мн.ч. *noidad*) являлись посредниками между духами и людьми, ими могли быть мужчины и женщины. Они имели власть над людьми и различными «хозяевами». Могли заговором остановить кровотечение, помочь при укусе змеи, лечить грыжу, гнойные подкожные нарывы, эпилепсию, детские болезни – щетинку, золотуху, оказать помощь в сложных родах, в выборе благоприятного места для постройки жилища. Их действия сопровождались заговорами. Приведем заговор от укуса змеи¹¹.

Tii, tii, tihikiine,
Vouged tihikiine,
Must tihikiine,
Kird'av tihikiine!
Mina sinun kodin tedan:
Aidan ružus.
Ota ičiz hvorost'
Anda meile ičemii pahuz'
Mö sinun kodin poutam,
Tegem tuhkaižeks,
Sibirihe selgitam.
Necida mužikad spravitiita!

Ти, ти, тихикийне¹
Белая тихикийне,
Черная тихикийне,
Пестрая тихикийне!
Я твой дом знаю:
В ветхой изгороди.
Забери свою болезнь,
Отдай нам нашу злость!
Мы твой дом сожжем,
Превратим в золу,
Отправим в Сибирь.
Чтобы этого мужчину вылечить!

Исполнитель: Елисеева Ирина, д. Шокша Прионежского района Карелии, запись А. Турунена, 1942 г.

¹ Тихикийне – иносказательное именование змеи.

⁹ Винокурова И.Ю. Мифология и верования // Прибалтийско-финские народы России. С.431.

¹⁰ Там же.

¹¹ Turunen A. Über die Volksdichtung und Mythologie der Wepsen // SF 6. С. 167–204.

Между тем среди местного населения представление о них бытовало разное: *tedoimez* прежде всего знахарь, и отношение к нему со стороны односельчан доброжелательное, тогда как *noid* мог принести им вред своим колдовством. Ко многим опасностям, осложняющим жизнь вепсов, В.Н. Майнов относит и действия колдунов: «да беда еще от злаго тедай-мьеса! Ну да этого по глазам признать можно и остеречься во-время. Много в жизни зла наделает такой злой тедай-мьесь, который получает уже произвище «нойд»–колдун»¹². К нему чаще обращались с просьбами отыскать потерявшийся в лесу скот, заблудившихся людей. О местонахождении пропавших и о слу-

чившемся с ними колдун узнавал от хозяина леса. Переговоры с хозяином леса проходили на перекрестках дорог при соблюдении определённых мер защиты. Помощь колдунов в таких поисках и получение от хозяина леса «отпуска» для пастуха и сейчас практикуется в вепсских деревнях. Верили, что колдуны обладают способностью влиять на любовные взаимоотношения парня и девушки, мужа и жены: «присушить» молодых так, что те друг без друга жить не смогут, но могут и разлучить пару. Приведем два образца заговоров, как способствующих удержанию любви, так и, напротив, – на «отсушку»¹³. Оба записаны от одного информанта.

Любовный заговор («присушить»)

Nouzen mä homentsoo en aigašti
i en mä peste vauktašti,
i en sobida selktašti,
i lähten mä en ukseks ukshe
i en lagedha peudhe,
i en käbedan päivoon alle,
i mänen mä pimedan pilven alle
i gluheiha korbhe,
i gluhejas korbes jänišen tesaroomu
i hiren tropoomu.
I putub mileen' sigaa vastha koume ihcad niičiid
I iče ataman,
I kandabad haugood i kandabad tervad,
I ladibad lämbitada necen kilbetin.
I kumardame mä necile atamanale
I augat lämbitagit netida kilbetid

Проснусь я утром не рано
и не намоюсь добела,
и не оденусь чистенько,
и не выйду я из дверей в двери,
и не в широкое поле
и не под красное солнце,
пойду под темную тучу
и в глухую чащу,
и в глухой чаще по заячьему перекрестку,
и по мышинной тропе.
И попадут мне навстречу там три-девять девушек,
И сам атаман,
И несут дрова и несут смолу,
И хотят затопить эту баню.
И поклонюсь я этому атаману,
Не топите эту баню,

¹² Майнов В.Н. Приютская чудь. С. 25.

¹³ Kettunen L. Vepslaste pulmakommetest// Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat 1, Tartu, C. 45–52.

i paremb lämbitagat nitii raba božjaa
I heng i sidäämed,
netii raba božjaa Mikulaa Annoon tagut,
mi hän žaljoočiiž i tuskтууž
i netid časus i netid aigassaa.

А лучше растопите у этого раба божьего
И душу и сердце,
У этого раба божьего Николая из-за Анны,
Чтобы он жалел и скучал,
И в этот час и до этого времени.

Любовный заговор («отсушить»)

Nouzen homentsoo aigašti,
Pezeme vauktašti
I lähten levedale polole.
Levedaa poloo om korged pino haugood'
I otan mä korman neid haugood'
I mänen mä neid haugoomu lagedha peüdhе
I korktale krežale.
Om netii korktaa krežaa korged kilbet',

Korktas kilbetiš korged kiudug,
Kiviine i jäine.
Korktas kilbetiš om jäine tuug

Jäižoo tuuguu ištub jäine mamš,
I jäižoo mamšii jäižed hambhad,
I käded jäižed i jaugad jäižed.
I kumardaame mä netile mamšile,
Mi otaaž neil jäižiil käziil raba božjaa Vas'kaapä
Necen tuskan i žaljoočendan
Necen Paroon' tagut,
Mi hän ii tuskтууž, ii žaljoočiiž,
i mi hänen sidämed vilugoot'aaž
i pästäž necen tuskan lagedad peüdemu.

Исполнитель: Гашка, жена Ильи, д. Радогощь Бокситогорского р-на Ленинградской обл., запись Л. Кеттунена, 1898 г.

Встану утром рано,
Умоюсь добела
И выйду в широкую улицу.
На широкой улице высокая поленица дров
И возьму я охапку тех дров,
И пойду я с этими дровами в широкое поле
И на крутой косогор.
На этом высоком косогоре стоит высокая баня,
В высокой бане высокая каменка,
Каменная и ледяная.
В высокой бане есть ледяной стул
На ледяном стуле сидит ледяная старуха,
У ледяной старухи ледяные зубы,
И руки ледяные и ноги.
И поклонюсь я этой старухе,
Чтобы взяла этими ледяными руками у раба божьего Васьки
Эту тоску и жалость
Из-за этой Прасковьи,
Чтобы он не тосковал, не жалел,
И чтобы его сердце остыло
И пустило эту тоску по широкому полю.

ВЕПССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Записи вепсского фольклора составляют значительную часть собранного различными исследователями языковедческого и этнографического материала. Они вошли во многие образцы речи, что сейчас в связи с угасшей традицией и сокращением использования вепсского языка представляют особую ценность. Исследователи отмечают наиболее глубокую связь вепсской фольклорной традиции с карельским и русским фольклором, хотя имеются аналогии и с фольклором коми-зырян, ижоры, води, эстонцев.

Наиболее известным фольклорным жанром у вепсов являлись сказки. Первый научный сборник сказок «Вепсские народные сказки», где представлены сказки на вепсском и русском языках, собранные во всех регионах расселения вепсов, был подготовлен сотрудниками Н.Ф. Онегиной и М.И. Зайцевой и вышел в 1996 г.¹⁴ В 1941 г. был опубликован популярный сборник «Вепсские сказки», подготовленные сотрудником Карельского научно-исследовательского института культуры (ныне ИЯЛИ) Г. Е. Власьевым¹⁵. Почти все они записаны на русском языке у вепса Филиппа Семеновича Смирнова в 1936 г. в д. Вонозеро Оятского района Ленинградской области¹⁶.

¹⁴ Вепсские народные сказки: Сборник / Сост.: Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996.

¹⁵ Вепсские сказки / Под общ. ред. Н. П. Андреева. Зап. текстов, коммент. и примеч. Г. Е. Власьева. Петрозаводск, 1941.

¹⁶ Лызлова А. С Редкие издания в личном архиве Р. П. Лонины: сборник «Вепсские сказки» (Петрозаводск, 1941) // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р.П.Лонины). Материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения». Шелтозеро, 22 сентября 2010 года. Петрозаводск, 2011. С.101–107.

Сказочный репертуар вепсов разнообразен. Из 252 сюжетов в вепсских сказках, выделенных Ф. Онегиной и М. И. Зайцевой, наиболее популярны сказки-анекдоты и волшебные сказки о животных¹⁷.

Как уже сообщалось, вепсы относятся к народам с развитой традицией причити. Наиболее важным достижением последнего времени является издание первого сборника вепсских причитаний «Käte-ške käbedaks kägoihudeks» (Обернись-ка милой кукушечкой)¹⁸, куда вошли несколько ранее изданных текстов, но большая часть из них публикуется впервые.

Несмотря на архаичность жанра, они сохраняются и до настоящего времени, но исполняются в основном только на похоронах. Раньше их исполняли не только на свадьбах и похоронах, но и при проводах в армию, а также в тех случаях, когда женщине нужно было излить душу в связи с нахлынувшими воспоминаниями о погибших или пропавших родственниках. Вепсские причитания, особенно свадебные, рано начали исполняться на двух языках. На русском языке исполнялись и ритуальные свадебные песни, что дало основание считать двуязычность особенностью вепсской фольклорной традиции.

Одним из малоизвестных сборников вепсского фольклора является «Minun rahvhan folklor» («Фольклор моего народа»), подготовленный Р. П. Лониным¹⁹. В сборник вошли разные жанры: сказки, причитания, старины, детский фольклор

¹⁷ Вепсские народные сказки. С. 9.

¹⁸ Käte-ške käbedaks kägoihudeks (Вепсские причитания) 'Обернись-ка милой куку-Шечкой' // Сост. Н.Г. Зайцева, О.Ю. Жукова. Нотировки С.В. Косыревой. Петрозаводск, 2012.

¹⁹ Лонин Р. П. Хранитель вепсской культуры (к 40-летию Шелтозерского вепсского этнографического музея). Петрозаводск – Шелтозеро. 2007. С. 21.

(колыбельные песни, кумулятивные песни, потешки, считалки), пословицы, поговорки, загадки, ча-
стушки, лирические песни, анекдоты.

Есть запись лирической песни у Р. П. Лонины
«Däniž d'oksob dähutt möto» («Заяц скачет по ледоч-

ку»), в которой угадываются следы эпической поэзии. По сообщению Рюрика Лонины, он её услышал от отца. Позднее он сам перевел ее на русский язык²⁰. Великолепно начало песни о бегущем по льду зайце с четкой аллитерацией:

Dänič d'oksob dähut möto,
Karvaižed-se mahut möto.
čilahtoitin čiloizehe,
Helahtoitin heloizehe.
Kus-se kulub däuhtaze,
Kus-se kulub surdaze.
Kacuhtin kut ülähäks,
ülähän-se päivii paštab.
Kacuhtin kut alahaks,
Alahan-se veneh soudab.
Oi, tatoï, mamoi,
Otkad mindei veneheze.
Oi, tütar, tütar, eilä siad,
Airoižet-se vestmatomat,
Laudaiižed-se kokmatomad.
Vajukahad randaižet,
Mudekahad veduded.

Заяц скачет по ледочку,
Шерсть волочит по снежочку.
Зазвонила в колокольчик,
Зазвонила я в звоночек.
Где-то мелют – слышится,
Где-то толкут – слышится.
Как взглянула я наверх,
Там солнышко сияет.
Как взглянула я в низ,
Там лодка проплывает.
Ой, отец, мать,
Возьмите меня в лодку.
Ой, дочь, дочка, нет в лодке места,
Веселки не обтесаны,
Лавицы не доделаны.
Берега тут утлые,
Вода очень мутная.

²⁰ Лонин Р. П. Хранитель вепсской культуры (К 40-летию Шелтозерского этнографического музея). Петрозаводск – Шелтозеро, 2007. С. 21.

Она может рассматриваться как вепсский вариант песни «Выкупа девушки», хорошо известной в нескольких вариантах в карельской народной поэзии, в которой рассказывается о девушке, ждущей на берегу моря (или в каком-то другом месте), что ее возьмут в лодку отец, мать, брат, сестра. Но никто из них этого не делает, и тогда девушка желает каждому несчастья.

Специфически вепсским жанром считаются короткие песенки со стихом из четырех строк с протяжным медленным напевом. Обычно их пели девушки и женщины в лесу, во время сбора малины, на сенокосе. В последние годы они являются обязательными в репертуаре самодеятельных фольклорных коллективов.

Mehel om mela kädes, jumal venehen vöb.

Rata meel – ei kelel.

Kut sä minei, muga i mä sinei.

Märg ei varaida vet.

Paremb kacta nagrajan suhu, mi itkejan.

Sinun oza völ kätkes magadab.

Eläba, ku puzhu paneba.

Ülemba päd korvad ei kazgoi.

Hüvä om pit'kän pinon edespäi kogota puikuižid.

Toižele pähä mel't ei sa antta.

Radnik radab, magadai magadab, ištui ištub, näleidei näleidab.

Kaikuččel sigeižel ičeze kärzeine.

Astud – ka sil'mäd avaida, a su saupta.

Tuhkaspäi jauhod ed tege.

Kacu taivhaze – ka kand regen kukerdab.

У вепсов широко бытуют былички - рассказы о встречах с разными «духами-хозяевами», о проклятых людях, особенно детях, способах их возвращения в семью; предания о случайном узнавании по разным предметам (плывущие по реке щепки, веники) о соседях-переселенцах. Есть жанр – рассказы о чертях, которые рассказывают только мужчины.

Эстонские исследователи среди записанных у вепсов около 5000 пословиц к самобытным отнесли 667. Они вошли в двухтомный сборник вепсских пословиц, изданный в 1992 г. в Таллине²¹. В сборнике пословицы, записанные у вепсов даны составителями в сравнении с аналогичными половицами эстонцев, води, ливов, карелов и русских. Приведем несколько пословиц из данного сборника.

У человека весло в руках, но бог лодку гонит.

Работать (нужно) умом, а не языком.

Как ты мне, так и я тебе.

Мокрый воды не боится.

Лучше смотреть в рот смеющемуся, чем плачущему.

Твое счастье еще в колыбели спит.

Живут, как в корзину складывают (хозяйство растет).

Выше головы уши не вырастут.

Хорошо щепочки собирать перед большой поленницей.

Другому (человеку) в голову ума не вложишь.

Работник работает, спящий спит, сидящий сидит, ноющий ноет.

У каждой свинки своя мордочка.

Идешь – так глаза открой, а рот закрой.

Из золы муки не сделаешь.

Будешь смотреть на небо, так пень сани перевернет.

²¹ Vaina Malk. Anne Hussar, Aime Kahrik Tiit-Rein Viitso. Vepsa vanasõnad. Eesti, vādja, liivi, karjala ja vene vasteteda. T.I, II. Tallinn, 1992.

Varišale ičeze poigad kaiked parembad.
Verhas venehes kala Jaredemb.
Läksin niitmaha dai vikatehen unohtin.
Hüvä vävu da harvemba kävu.
Mužik oli verdnu Piterin päle, Piter' ei tednu.
.Sän näged, a merele ajad.
Sured sanad ei hougeikei sud.

Для вороны свои детеныши самые лучшие.
В чужой лодке рыба крупнее.
Пошел косить сено да косу дома забыл.
Хорош зять, но приходи (в гости) пореже.
Мужик был обижен на Питер, а Питер и не знал этого.
Видишь, что плохая погода, а в море выходишь (знаешь, как может случиться).
Большие слова не расколют рот (о невыполнимых обещаниях).

Источник: Vepsa vanasõnad. Eesti, vadj, liivi, karjala ja vene vastetega / Vaina Mälk, Anne Hussar, Aime Kährik, Tiit-Rein Viitso. Kujundus ja kaardid Vilja Oja. T. II. Tallinn. 1992.

В настоящее время накоплен значительный материал по разным жанрам вепсского фольклора, но его системное исследование только начинается.

ГЛАВА 15

ОБРЯДОВАЯ ЖИЗНЬ

На семейные обряды – родильные, свадебные и похоронные – значительное влияние оказывали каноны Православной церкви. Обряды получали освящение в глазах крестьян после соответствующего церковного акта. Новорождённый при крещении в церкви получал имя и становился членом общины, венчание признавалось официальной регистрацией брака, последний путь христианина завершался отпеванием и захоронением на церковном кладбище. Церковные каноны определяли последовательность действий и участников обрядов, в то же время семейные обряды вепсов сохраняли обычаи, которые вошли в них как опыт предков. Церковь считала часть дохристианских обычаев допустимыми, а от части ей удалось «отвратить» православных христиан, а некоторые обрядовые действия, несмотря на осуждение Церкви, устойчиво сохранялись в крестьянском быту. Церковь осуждала оплакивание умерших, захоронение с ним вещей, проведение поминальной трапезы на могилах, но они оставались важной частью традиционного похоронного обряда¹. Борьба с плачами над умершими – самой эмоциональной частью похоронного обряда – велась церковью на протяжении нескольких веков. В 1551 г. обычай оплакивания покойника был осу-

ждён постановлением Стоглавого церковного собора. В начале XVIII в. Петр I запретил плачи на похоронах лиц царского дома, но его самого после смерти оплакивали плакальщицы.

У вепсов плачи-причитания воспринимались как «особый язык» общения с умершими. Считалось, что обычная речь им непонятна, а причитания облегчают им путь в загробный мир. Очевидно, задача свадебных причитаний также первоначально состояла в извещении предков о переходе невесты в другой род, и только после они стали восприниматься как выражение тревоги за будущую жизнь в новой семье.

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Исследование родильной обрядности у вепсов началось в рамках этносоциологического обследования вепского сельского населения в начале 1980-х гг.². Ранее о ней имелись отрывочные сведения в работах дореволюционных исследователей и образцах вепской речи.

В советский период отношение к информации о родильных обрядах было настороженное, а их соблюдение зачастую рассматривалось как небезопасное

¹ Вепсы относятся к народам с особенно развитой формой причети. См.: Чистов К.В. Причитания у славянских и финно-угорских народов. Некоторые итоги и перспективы изучения // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии: Тез. докл. Петрозаводск, 1979. С. 14.

² В Этнографический вопросник было включено 15 вопросов, направленных на выяснение традиционных родильных обрядов, уровня знания и отношения к ним. Собранные материалы частично были использованы при написании статьи: Строгальщикова З.И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 95–106.

для здоровья матери и будущего ребенка. В настоящее время наиболее полное исследование родильной обрядности представлено в работах И.Ю. Винокуровой³.

ОБЫЧАИ ДОРОДОВОГО ПЕРИОДА

В основе родильной обрядности у вепсов, как и у многих других народов, лежали представления о необходимости защиты новорожденного и роженицы от «сглаза» и порчи, злых духов, желания привить новорожденному положительные качества, обеспечить благополучие в будущем, приобщить к коллективу родственников. В обрядовой практике они тесно переплетаются, но в каждой из частей родильного ритуала — дородовой и послеродовой — одно из них является ведущим. В дородовой обрядности главенствует идея охраны плода от невидимых существ (духов), которые в случае несоблюдения принятых правил поведения и нарушения запретов могли неблагоприятно повлиять на здоровье и внешний вид ребенка. В связи с этим поведение беременных оказывалось строго регламентированным целым рядом запретов. Беременным запрещалось принимать участие в похоронах и посещать кладбища. Считалось, что если беременная увидит покойника, то может родить нежизнеспособного ребенка: с «бледным» или «желтым» лицом, «у него будет запах изо рта», либо «болезненный» и «даже совсем может умереть». В случае смерти родителей, когда возникала необходимость проститься с умершими, избежать нежелательных последствий можно было держа за пазухой что-либо красное —

платок, тряпку, расписную деревянную ложку или бутылочку с освященной водой. При выносе покойника беременной, даже снабженной оберегами, следовало выйти заранее из избы, а при встрече с погребальной процессией нельзя было пересекать ей путь, иначе роды будут тяжелыми — «ребенок будет поперек выходить». Запрет посещения кладбища и похорон сохранялся и после рождения ребенка до тех пор, пока женщина не побывает в церкви. Нежелательным было и её участие в свадьбах, поскольку там её могли сглазить, запрещалось становится крестной матерью, что даже угрожало смертью ей и её крестнику⁴. Довольно распространено поверье, что если беременная женщина будет смотреть на пожар или при испуге дотронется до живота, то на теле ребенка останутся красные пятна.

Хозяйничать она должна была осторожно, не бить домашних животных, не высаживать на яйца курицу, не касаться кошек. Существовал строгий запрет присутствовать при убое скота. На работах в лесу, в поле особенно опасными были встречи со змеей. Змей нельзя было убивать, увидев змею, следовало сплюнуть три раза и быстро удалиться. Даже случайная гибель змеи от рук беременной влекла за собой тяжелые последствия. По этому поводу рассказывали: *«Со мной случилось, была беременная, жала, серпом перерезала змею, так мне сразу сказали, что-то неладно будет с ребенком. Он родился слабым и умер восьми лет»*. Нельзя было смотреть на птичьи гнезда — в противном случае у ребенка лицо будет в пятнах.

Считалось, что быстрому и благоприятному разрешению родов способствовала тяжелая физическая работа — вплоть до самых схваток. Поэтому часто случалось, что роды проходили в поле, в лесу. Не-

³ Винокурова И.Ю. Родильная обрядность // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 407–412; Она же. Вепские молодые в хронике биосоциальных событий // «Уведи меня, дорога». Сб. науч. статей памяти Т.А. Бернштам. СПб., 2010. С. 107–121.

⁴ Винокурова И.Ю. Родильная обрядность. С. 407.

редко приходилось слышать: «*Меня мать принесла из лесу в подоле*», «*Меня мать родила в лесу, сделала качалку и весь день косила*». Отчасти такое происходило по той причине, что время наступления родов старались скрыть. Объясняли это по-разному. В первом случае роженица начинает считать себя как бы нечистой — «*надо вину спрятать*». Очень распространено, возможно, более позднее по времени объяснение, что, рожая тайком, роженица испытывает меньше страданий — «*üht'en tedad – üks 'i bol, kaks' tedaba – kaksikeroi bolid, a äjad tedaba – äjad i bolid*» — «одна знаешь — одна боль, двое знают — вдвое больней, а многие знают — намного больнее». Очень боялись сглаза (prizor, prikos). При наступлении схваток старались незаметно скрыться в хлеву — «*заболел живот — сама ушла в хлев*». Начало родов скрывали даже от самых близких: в этот период и они могли сглазить. Хлев считался самым надежным убежищем. Там, приготовив подстилку из соломы, чаще всего и рожали. В летнее время рожали также и на повети в сарае. В крайнем случае спускались рожать в подполье. Роженица обращалась к хозяевам своего убежища: хлева, подполья с просьбой разрешить ей занять место для родов и не наблюдать за ней, ибо роды рассматривались как таинство: «*Rodinsijan ižandaižed, rodinsijan emägaižed! Pästkad mindei rodimaha, kaks' hended eriži. Kut etei nähtet laps' tegese, tuga i etei nähkoi rod'iše*» — «*Хозяева и хозяйюшки родильного места! Пустите меня рожать — две души врозь (разделить). Как вы не видели, как дитя делается, так и не увидите, как рождается*». Полагали, что если не спросить разрешения, то духи обидятся и подменят ребенка в момент его появления на свет⁵.

⁵ Винокурова И.Ю. Указ. соч. С. 408.

Удачными считались роды, когда роженица управившись самостоятельно, звала свекровь и передавала ей ребенка. Если роды затягивались, сначала оказать помощь пытались домашние, чаще всего свекровь. Самым известным способом помощи роженице считалось неожиданное брызганье ей в лицо водой изо рта. Такое магическое средство якобы избавляло от сглаза со стороны тех, кто знал о родах, и в то же время ускоряло их. Вода, используемая для этой цели, должна быть речная или родниковая. В избе открывали печные трубы, распахивали все двери: в доме, сарае, бане. Роженицу заставляли пить воду, смешанную с сажой, пропущенную через ствол ружья, после полоскания правого сапога мужа, засовывать в рот свои волосы, пальцы. Все это могло вызвать у роженицы рвоту, что, как полагали, ускоряло роды — «*выполоснули ствол ружья, эту воду дали мне пить, меня стало рвать — вода сильно отдавала ржавчиной, — и я сразу родила...*». Растирали спину роженицы балахоном, заставляли, поддерживая её, стоять над паром, но греть воду при этом надо было раскаленными камнями. Водили ее по двору, стараясь, чтобы никто не увидел.

В случае особенно тяжелых родов приглашался «tedai» или «noid». Причем знахарем мог быть и мужчина — «*дедко наш ходил на роды, колдун был*». Институт специальных повитух, судя по нашим данным, развит не был, их обязанности брал на себя в основном тот, кто считался в местной среде как «tedai». Меры, предпринимаемые знахарями при родах, дополнялись заговорами — «abutus», «puheg», которые знали многие из женщин, и не считавшиеся знахарками.

«Бабить ребенка» (babta laps), т. е. выполнять обязанности повитухи, чаще всего приходилось

свекрови. Она обрезала ножницами пуповину (naba, nabarihm), завязывала ее волосами матери, к которым, видимо, позднее стали добавлять льняную нить.

ПОСЛЕРОДОВЫЕ ОБРЯДЫ

Новорожденного в избу вносила свекровь. Первое появление ребенка в избе сопровождалось определенными действиями: его клали на порог, и мать перешагивала через него, затем сразу же свекровь подносила его к печи и, поддерживая его немного на шестке, произносила: «*kut nese pač siizub, tuga nese bladenz spokoin oliž* – как эта печь стоит, так пусть и младенец спокойный будет». Смысл данной процедуры сейчас видят «в успокоении» ребенка — «как родится — к печке тащили, чтоб спокойный был», что показывает и сопровождающий ее несложный заговор. Исследователи усматривают здесь и стремление «представить» новорожденного самой главной святыне жилища — семейному очагу и, возможно, заручиться его покровительством⁶.

Первые дни ребенок находился на печи, что связывали с желанием предохранить его от сглаза. Поскольку только что родившегося ребенка называют *hengetoi* (букв. «не имеющий души»), то можно предположить, что причиной его чрезмерной уязвимости является, по аналогии с представлениями карелов, отсутствие у него в какой-то период времени личных духов — покровителей⁷.

Обмывали новорожденного первый раз также у печи — на шестке. Воду грели раскаленными камнями. В нее «от призора» опускали уголек и соль.

Если ребенок родился недоношенным, требовался более сложный состав: «в решете соберут ложки, паутину, отщипывают кусочки от края половиц, через одну, туда водички, в которую пошепчут, и через это купать». Новорожденного мальчика после купания заворачивали в рубаху отца, девочку — в станушку (emä) матери. У северных вепсов обряд первого омывания имел более сложный характер. Его обмывала, как правило, секровь, сразу в месте рождения, сопровождая н заговором: «*Pezetan mina lapsen rodinsijal, n'imetoman i ristatoman, külbetihesai, ristahasai, molitvohosai, vincahasai i vincaspei surmahasai. Amin, amin, amin*» – «Мою я ребенка на месте рождения, безымянного и некрещеного, до бани, до крещения, до молитвы, до венчания и от венчания до смерти». После этого она несла ребенка в избу и снова обмывала его, как и остальные вепсы, на шестке печи⁸.

Свекровь убирала послед (jalgeliized). Ей полагалось его тщательно вымыть, завернуть в чистую тряпку и в берестяной коробочке или лапте⁹ захоронить в подполье под передним углом дома или под порогом. Считалось, что чем аккуратнее свекровь уберет послед, тем скорее роженица поправится. Если же женщина страдала после родов женскими болезнями или больше не рожала детей, то у нее появлялись основания «обвинять» в этом свекровь и полагать, что послед ею был просто выброшен.

Много поверий было связано с отсохшей пуповиной. Ее чаще всего прятали в щель в матице со

⁶ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX–начало XX вв. Л., 1985. С. 39.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Винокурова И.Ю. Родильная обрядность. С. 409.

⁹ Послед в лапте закапывали также у мордвы. См.: Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века и 1980-е годы). М., 1997. С. 81.

словами: «*как пуповина в этом месте не колыхнется, так и ребенок не колыхался бы*» (т. е. был бы спокойным) или хранили в сундуках вместе с наиболее ценными вещами. Иногда ее держали под подушкой у новорожденного вместе с медвежьим когтем и зернами ячменя. Такой набор предметов считался сильным оберегом от порчи и сглаза. Использовали пуповину и как лечебное средство. У детей с ее помощью лечили грыжу — кипятили в молоке пуповину и этим молоком поили больного ребенка. Пуповина считалась эффективным средством для исцеления бесплодия — кусочки пуповины, подложив незаметно в суп, скормливали бездетным женщинам.

Рождению мальчиков радовались больше, что, видимо, было связано с тем, что прежде на «женскую душу не полагался земельный надел». Но и рождение дочери, особенно первой, не очень огорчало — «*своя нянька растет*». Беспокойство вызывало рождение близнецов ‘kaksnikad’ — «*откуда два? зачем? это позор*», «*не к добру это*». Считалось, что больше всего неприятностей они могут принести отцу, что их рождение укорачивает ему жизнь. Напротив, рождению ребенка в околородной оболочке (рубашке) — ‘paidaine’ — радовались — «*счастливым будет*». Саму «рубашку» высушивали и хранили. Особенно действенной ее помощь считалась при обращении в суд — «*всякий судья решит в твою пользу*».

В первые, наиболее опасные дни после родов роженица скрывалась от посторонних глаз под полоном, на печке или за занавеской в избе. При болях в животе пили отвар повилики (kertihin). Через два-три дня роженице топили баню. Роль бани в родильных обрядах была различной у разных групп вепсов. Наиболее существенной она была у куй-

ско-пондальских вепсов. Здесь наряду с тем, что рожали в хлеву или в подполье, можно было рожать и в бане. В этих местах послед обычно закапывали под тем помещением, где проходили роды. Иногда и после родов роженицу оставляли в бане. Если роды проходили дома, тогда шли сразу же в баню и бабили ребенка в бане.

У прионежских вепсов ребенка в баню носила свекровь, сопровождая роженицу в первую после родов очистительную баню. Она брала с собой кочергу и, помешивая ею в котле, приговаривала: «*как кочерга железная, чтобы такое же здоровье было железное*». Известен и заговор при первом посещении ребенком бани: «*kut nece külbeteine siizub nellöi jalguii, tuga laps kazgha* — *как эта баня стоит на четырех ногах, так ребенок пусть растет*». У остальных вепсов — ленинградских и части вологодских (пядозерских) — в баню для очищения ходила роженица одна, ребенка в баню не носили — боялись призора.

Не долгим был отдых роженицы — «*если свекровь хорошая, неделю побудешь за занавеской*». Чаще всего после посещения бани, т. е. на третий или четвертый день, женщина приступала к домашней работе. Через несколько дней, в зависимости от состояния роженицы, к ней приходили женщины деревни, в первую очередь мать, сестры, родственницы. Этот обычай посещения роженицы во всех группах вепсов назывался «rahnad». В прибалтийско-финских языках, как и у вепсов, слово *rahn* означает соломенную подстилку для домашних животных; логово зверей, гнездо птиц, потомство человека и животных¹⁰, что дает основание предполагать, что первоначально роженицу посещали там, где происходили роды — в хле-

¹⁰ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958, II. S. 457.

ву. Их посещение подтверждало её новый социальный статус и являлось формой поддержки молодой. На «пахны» приходили без приглашения, кому когда удобнее, но нельзя было являться с пустыми руками. Обязательными дарами при посещении были старые домотканые тряпки для пеленок и коврига хлеба. В Прионежье приносили и деньги на «зубок» — *hambas den'gat*, это могла быть монета любого достоинства, но не медная. Её не принято было давать в руки, оставляли под подушкой люльки или кровати ребенка. У ленинградских вепсов был распространен обычай: у приносимой на пеленки мужской рубахи заранее отрезали левый рукав — «*чтоб ребенок не левша был*». Угощение, выставляемое роженицей,

было непритязательным — чай, домашняя выпечка. Несмотря на то, что в первые дни роженицу навещали довольно часто, все же маленького ребенка старались никому не показывать — «*Не молодуха же*», — неодобрительно высказываясь по этому поводу. Сроки запрета значительно колебались — от шести недель до полугода, года или до тех пор, пока у ребенка не вырастут зубы. Люльку, в которой лежал ребенок, плотно занавешивали. Чужих к ней не подпускали. Считалось неприличным без особой надобности проявлять к ребенку излишнее любопытство. Ребенок становился беспокойным и плаксивым. Призор снимали заговором, их знали многие пожилые знахарки¹¹.

Снятие «призора»

Pühä g'umau-sõtai, sur' g'umau-sõtai, abuta puhuda puhegid'.

Ühcankümmen man taga, ühcankümmen meren taga om must sar', mustau sar'uu om must kivi.

Hauktob neco kivi kahtolo, lähtob nečiš kivišpäi must mez', oma nečuu mustau meh'uu bulatnijad nolod.

Ambuskendob, puskeskendob nece must mez'.

Pahad prizerad, pahad prikosad vastha tuud'gan, mödha mänd'gan sauman taga var'geič'gan, hahk'jd' süumid', vaukt'jd' süumid', kir'gaižid' süumid', pakuižid' süumid', ičezo melen gohtundan, raban rodimijan maman. Šimotin' pab šibcoihe, lomotin pab lomhu.

Paštab i kuštab i kacub, päiväine i kudmaine, nece bladencaine (nimen nazoud'as) paštaiž i kuštaiž i kacuiž igan kaiken».

«Святой бог-кормилец, великий бог-кормилец, помоги заговорить.

За девяносто земель, за девяносто морей есть черный остров, на черном острове есть черный камень.

Расколется этот камень надвое, выйдет из этого камня черный человек, у этого черного человека булатные стрелы.

Стреляет и колет этот черный человек.

Дурные призоры, дурные прикосы — навстречу идущему, вслед уходящему, из-за угла караулящему серых глаз, белых глаз, пестрых глаз, желтых глаз, щемление кладет в щипцы, ломоту — в мусор.

Как светит, блесит и смотрит солнце и луна, пусть также и младенец (называют имя) светит, блесит и смотрит во веки веков.

Исполнитель: А. Л. Калинина, д. Пондала Бабаевского района Вологодской области, 1962.

¹¹ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 153–154.

Нельзя было хвалить ребенка при матери. Если кто-нибудь в присутствии матери одобрительно отзывался о ребенке, то ей следовало тут же обозвать ребенка бранными словами: «oj, sina, hero kogo – ой, ты, куча навоза». Перед приходом гостей или выходом из дома ребенка мазали сажеей. Особенно боялись сглаза или порчи от людей черноглазых или с тяжелым характером, а также бездетных женщин. Любое беспокойство малыша объясняли «призором». Существовало много способов успокоить «опризоренного ребенка» — «вечером надо воды из рта взять и вымыть его водой», обмыть водой, пропущенной через дверную ручку или скобу, обтереть влагой, снятой с запотевшего окна, окуривали ребенка и травой от сглаза. Снимали его заговором. Приведем еще один заговор, несколько отличающийся от первого¹².

Снятие «призора»

Lähton minä uksospäi ukshe, veraišpäi veraihe, lagedaha püudho, vihändaha nor'mhe.

Lagedas püudos, vihändas nor'mes om kuumeühcad velled.

Kuumeühcau vel'lou om kuumeühcad taugad.

Puskas, amptas necen prizoran i prikosan i raffan ugovoran,

I očišai, izbav'ai raba bladencad neciš prizoraspäi i prikosaspäi, raffan ugovoraspäi, hahkiš süumiš, mustiš süumiš, rusttiš süumiš, vauktiš süumiš, sauman taga var'geičijiš, tul'l'ážnenan.

I očišai i izbav'ai bladencat i tämäs päivaspäi, tämäs časuspäi tämäks igaks kaikeks. Amin'.

Некоторые предметы являлись оберегами, которые ребенку вешали на шею, например, *kezreine* — круглый с отверстием камешек, найденный в воде — речке, озере. Маленького ребенка старались дома одного не оставлять. В случае, если он оставался один, то оставляли березовое полено под люлькой, что якобы могло обеспечить его спокойный сон.

Раньше детей крестили обязательно. Некрещеный ребенок — гоšo не мог называться ristid (т. е. человек крещеный, христианин). Причем «если ребенок плохой, то дома торопись крестить, без попов». Сроки крещения здоровых детей указывались разные — от двух до шести недель от рождения. В деревнях, близко расположенных от церквей, детей обычно крестил поп. Там, где церковь была далеко, обряд крещения совершала свекровь или пожилая женщина, имеющая славу знатока

Пойду я из дверей в двери, из калитки в калитку, в чистое поле, на зеленый луг.

В чистом поле, на зеленом лугу тридевять братьев.

У тридевяти братьев тридевять луков.

Заколют, застрелят этот призор, и прикос, и наговор людской.

И очищаю и избавляю я, раба божья, младенца от этого призора, и прикоса, и людского наговора, от серых глаз, черных глаз, красных глаз, белых глаз, за углом караулящих.

И очищай, и избавляй младенца с этого дня, с этого часу на всю жизнь. Аминь.

Исполнитель: Е. Н. Кошева, д. Пондала Бабаевского района Вологодской области, 1965 г.

¹² Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 112–113

церковных обрядов. В некоторых семьях имелись даже специальные купели, в которых крестили всех детей, рождающихся в этом доме, но часто обходились простыми кадками и корытами. По-вепски крестить, кроме «ristitada», обозначалось также словом «valatada» (букв. поливать, обливать). Последнее слово даже более употребительное и во многом отражает восприятие этой процедуры: «бабка крещеной водой обмывала». То же примерно рассказывают и о крещении попом: «поп крестил ребенка, обливал его святой водой». На крестинах обязательно присутствовали крестные мать и отец и дед да бабушка с обеих сторон. Воду после крещения выливали в определенное место — на наружный угол дома, в котором стояли иконы. Домашнее крещение практикуют некоторые и в настоящее время — «чтобы здоровый был».

Некоторые особенности традиционной родильной обрядности вепсов сохраняются до сих пор. Это касается, прежде всего, различных запретов и правил поведения беременной женщины, выполнение которых должно якобы обеспечить физическое и умственное здоровье будущего ребенка, благополучное завершение родов. Живуче и стремление обезопасить новорожденного от сглаза — «как привезут из роддома, золой лицо мажут, чтоб не плакал». Повсеместно распространен обычай посещения (теперь чаще под этим подразумеваются поздравления роженицы родственниками), не только женщинами, но и семейными парами, с подарками ребенку. В последние годы восстановлена традиция церковного крещения.

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Из всех вепских обрядов внимание дореволюционных отечественных исследователей больше всего привлекала свадьба, очевидно, потому, что часть свадебного

обряда вепсами исполнялась по-русски. В конце XIX в. появились две статьи анонимного автора о свадебных обрядах у средних вепсов (в Винницах и Немже) с включением причитаний и свадебных песен на русском языке¹³. Самое полное и выразительное описание свадебного обряда того времени представлено в очерке «Чухарская свадьба» А. И. Колмогорова по материалам южных вепсов¹⁴. Сообщается, что ученый был не только наблюдателем свадебного ритуала: в 1916 г. он исполнял роль дружки на вепской свадьбе¹⁵. Его очерк использован во многих последующих работах по свадебной обрядности¹⁶ и даже в сценической постановке свадьбы на вепском празднике «Древо жизни»¹⁷.

¹³ С-овъ. П. Оятские лапти (картина с натуры) // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 397–404. Свадебные обычаи в Немжинском приходе (Лодынополюского уезда) // ОГВ. 1897. № 19, 23, 25.

¹⁴ Колмогоров А.И. Чухарская свадьба. Черты обрядовой жизни чухарей. М., 1913. С. 371–393.

¹⁵ Егоров С.Б. Восточные районы Ленинградской области (вепсы, русские) // Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю. Этническая идентичность на пограничье культур. По материалам исследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. СПб., 2007. С. 76.

¹⁶ Кузнецова В.П. Свадебный обряд // Прибалтийско-финские народы России. М., С. 412–418; Она же: Кузнецова. «Вепско-русские параллели (на материале свадебной обрядности) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 126–147; Горб Д.А. Материальные компоненты вепского свадебного обряда в конце XIX– начале XX в. (по материалам ГМЭ) // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории, традиционной культуре: Сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 154–169; В.П.; Анхимова Н.А. Материалы по свадебной обрядности северных и средних вепсов (конец XIX в.–начало XX в. // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. С. 114–125.

¹⁷ Свадебный обряд (встреча молодых в доме жениха). Свадьба в Ярославичах. Сценарно-постановочный план //

Исследователи полагают, что традиционный свадебный ритуал вошёл в православную крестьянскую среду не ранее XVII в. из быта высших сословий – бояр и князей. В русской свадьбе жених и невеста назывались князем и княгиней, свадебная трапеза – княжеским пиром, близкая родня – большими боярами, родня дальняя – меньшими боярами и т. д. Окончательное оформление свадебного ритуала связывают с введением обязательного церковного венчания. Сам термин «играть свадьбу», буквально переведенный на вепсский – *sai vätä*¹⁸, говорит о его привнесённом характере в крестьянскую среду. Ранее, как сообщается в источниках, простой народ считал венчание принадлежностью браков князей и бояр и долго придерживался языческих обычаев умыкания и купли невест.

Православные неславянские народы также восприняли одобряемые церковью свадебные церемонии, включая даже названия основных действующих лиц и действий обряда, диалогов между ними, свадебных песен на русском языке. Скорее всего, это и явилось тем «внешним русским фоном», который объединял русский и вепсский свадебный ритуалы. Понятным становится и сообщение А. И. Колмогорова, что *«хотя чухари, особенно женщины, плохо говорят по-русски, при свадебных обрядах пользуются исключительно русским языком, по-русски причитывают, по-русски произносят благословения. И только там, где в ритуал можно вносить своё, личное, инди-*

*видуальное, слышится иногда чухарская речь»*¹⁹. Использование в ритуальных целях русского языка на свадьбе, очевидно, способствовало закреплению определенного канона, поскольку импровизировать на чужом языке сложнее. А. Колмогоров даже отмечает: *«Тут ни один шаг нельзя сделать просто. Все, начиная с костюма, полно глубокого значения»*²⁰.

В то же время установление музыковедами полного соответствия напевов свадебных и похоронных причитаний вепсов и южных карелов типовому напеву заонежских и пудожских былин, известному прежде всего по былинам Рябининых, говорит об очень давнем и глубоком культурном взаимодействии между местным населением Обонежья и накрывшей его славянской волной²¹. Тем более что такая ситуация не была общей для вепсов всех регионов, свадебную причетъ по-вепски удавалось записывать еще в 1980-е гг. Обычно на русском языке пели только определенные свадебные песни, в то время как причитания исполнялись на двух языках – вепском и русском. З.П. Малиновская утверждала, что *«все сказки, свадебные и похоронные причеты, заговоры, значительная часть загадок и пословиц, все это выполняется на чудском языке»*²². Как уже говорилось, недавно вышел сборник вепсских причитаний²³.

¹⁹ Колмогоров А.И. Там же. С. 375.

²⁰ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 375.

²¹ Лапин В.А. Вепсы и русские в музыкально - фольклорных традициях Северо-Запада (к проблеме историко-этнической интерпретации) // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 111–114.

²² Малиновская З.П. Указ. раб. С. 167–168.

²³ Käte-ške käbedaks kägoihudeks (Вепские причитания) 'Обернись-ка милой куку-Щечкой' / Сост. Н.Г. Зайцева, О.Ю. Жукова. Нотировки С.В. Косыревой. Петрозаводск, 2012. С. 25–111.

Древо жизни. Праздник вепсской культуры. Методические материалы. СПб., 2003. С. 38–51.

¹⁸ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 494.

У вепсов имелось свое название свадьбы – «*sai*», хотя наиболее распространённым являлось производное от русского «*svadib*» и её основных действующих лиц – «*svadiblänad*», «*svadidrahvaz*. Вепское название жениха «*oluh*» сохранилось только у вологодских вепсов, в основном его называли по-русски «жених», а всех сватов называли женихами. Слово «девушка» по-вепски – «*niižne*» – могло означать и невесту, но чаще использовалось русское «*nevest*». У В.Н. Майнова приведено название невесты у белозерских вепсов – «*пахайне тюттар*», которое он переводит как «маленькая дочь», хотя на вепском это означает злая дочь²⁴. Такое, необычное на первый взгляд название невестки объясняется, видимо, тем, что во многих традиционных сообществах невестка как представительница чужого рода представлялась как опасное существо для семьи мужа²⁵. Судя по причитаниям, и семья мужа для неё «чужа рать».

Девушек было принято замуж выдавать рано, остаться старой девой считалось позором. Славутных, очень привлекательных девушек называли «*jağoluuna*» т.е. лакомый кусочек. Если в семье были незамужние девушки старше 20–22 лет, то причину этого часто видели в колдовстве и прибегали к помощи знахаря или колдуна. В вепской среде был известен распространенный у многих народов на севере такой прием любовной магии, как купание девушек голыми в росистой ржи на рассвете перед Ивановым днем. А.И. Колмогоров писал, что

²⁴ Майнов В.Н. Приоятская чудь (Весь – Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. № 5–6. Отд. оттиск. С. 21.

²⁵ Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 93.

каждая «*чухарская знахарка знает не одно такое средство*», но большая часть приворотов достигает цели только в том случае, если парень испробует приготовленное особым образом угощение. Это может быть стряпня, замешанная на тесте, куда клали «очесы» девушки, пепел от небольшой щепочки со скамьи, где она сидела с парнем или вода, которая стекала с неё в бане при натирании ее наговоренной солью, рыбники, приготовленные с рыбой, которая еще живой прикладывалась на грудь девушки и там «успокаивалась»²⁶.

Знакомство и ухаживания молодежи проходили в основном на бесёдах, которые начинались с осени и продолжались всю зиму. Молодежь нанимала для бесед избу «*besetpert'*». Иногда их проводили по очереди в домах, где имелись невесты на выданье. Девушки отправлялись на беседу обязательно с рукодельем, в основном пряли шерсть. Девочки с 13–14 лет могли принимать участие в беседах в качестве наблюдателей. К этому времени они уже умели рукодельничать и начинали припасать свадебные дары – вышитые полотенца и станушки.

На беседах парень показывал особое расположение к девушке, подсаживаясь к ней на лавку «парой», садился к ней на колени, приглашал ее на танцы, гулянье по деревне. Демонстрируя свое мастерство, мог сделать и подарить девушке прялку, веретено, валец для белья. При договоренности о сватовстве девушка давала парню в залог какую-либо дорогую вещь, чаще всего платок²⁷. Девушки иногда раздавали залогом нескольким парням, не намереваясь выходить за них замуж, поскольку каждое сватовство

²⁶ Колмогоров А. И. Указ. раб. С. 374

²⁷ Малиновская З.П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник: Л., 1930. Вып. 16. С. 167.

к ней увеличивало ее славу²⁸. На выбор жениха и невесты оказывало влияние имущественное положение их семей, удачным считалось замужество за парнем из зажиточной семьи. Благополучие семьи невесты женихом и особенно его родственниками также принималось в расчет. Вепсская пословица напоминала: «*Kogda ideš svatat'sja, s načala na kryšu (doma) posmotri* – «*konz mänd ectaze, kaši ezmäks katusese*». Решающим для выбора молодежью своих будущих супругов являлось слово родителей и мнение всей родни. Приводили много рассказов о выходе замуж по принуждению родных. У парней было больше возможностей выбрать жену по нраву. Для родных жениха много значила, какая «слава» была у родни девушки – «*murzein ečtaze porodad möto*» – жену ищут по роду». Будущие родственники учитывали все – характер хозяев, их родственные связи, наличие больных в доме наследственными болезнями. При замкнутости брачных связей во всем оятском регионе, о которых писала З.П. Малиновская, очень близкое соседство жениха и невесты не приветствовалось. По этому поводу существовала даже поговорка: «*niičen ičeiz posadaha mehele andad, susedan kadotat, rodnijan ed löüda* – *выдашь девку в свою деревню, соседа потеряешь, и родню не найдешь*».

Традиционная свадьба «по сватовству» разделялась на сватовство, собственно свадьбу и послесвадебные обряды.

Сватовство

Сватались обычно после Рождества и Масленицы, хотя уже с осени можно было приступить к

сватовству. Решение о сватовстве не афишировали. Сватались поздним вечером, иногда даже ночью, проходили околицей. Считалось, что чем меньше об этом знают, тем меньше возможностей помешать удачливому сватовству. Если сваты отправлялись на лошади, то язычок колокольчика подвязывали, звенел он при удачном сватовстве по возвращении домой. Родители перед выездом благословляли жениха иконой. Для содействия успеху жених закладывал за пазуху кусочек хлеба и повойник матери. Есть сведения, что мать жениха бросала свой повойник вслед за уходящим на сватовство своим мужем (стариком), с приговором, «чтобы невеста пошла за женихом, как повойник за стариком»²⁹. Отказ в сватовстве у средних вепсов называли «вытянуть жердь», у северных – «привезти мутовку». Мутовку могли даже привязать незаметно к саням неудачных сватов, а в случае успеха – поварешку.

В состав «женихов» входили в основном мужчины: отец, дядя жениха, крестный отец, братья. В послевоенное время в числе сватов ходила и мать, но это была скорее необходимость, поскольку во многих семьях мужчины погибли во время войны. В прошлом сватовство могло быть неожиданным для невесты. А.И. Колмогоров отмечал, что «не принято, чтобы он (жених) предварительно спрашивал согласие девушки»³⁰. Вместе с тем говорили, что часто был предварительный сговор невесты с женихом и сватов ждали. Это позволяло лучше подготовиться к встрече.

В избе сваты при входе старались коснуться печи, считалось, что это поможет сговориться о свадьбе.

²⁸ Горб Д.А. Указ. раб. С.155. Подобное встречалось и у карелов и русских. См.: Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977. С. 52.

²⁹ Кузнецова В.П. Свадебный обряд // Прибалтийско-финские народы России. С. 413.

³⁰ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 375.

Независимо от намерений невесты и ее родни для сватов сразу накрывали стол. Их приглашали в передний угол. Стол передвигался под иконы, на него ставились хлеб и соль³¹. Сваты приглашались отве-
дать хлеба–соли. В разных группах вепсов угоще-
ние для сватов несколько отличалось. У северных
вепсов к самовару подавались обязательно сладкие
пирог, у средних и южных вепсов – пироги, яич-
ница, рыбные блюда. Отмечали, что если яичницу
подали на стол не разрезанной, то ответ будет отри-
цательным³².

Для совета («думы») в отдельном помещении
собирался весь «род», куда обязательно приглаша-
лась крестная мать невесты. Невеста также была
участницей «думы», но ее мнение не всегда учиты-
валось. У А.И. Колмогорова при согласии девушку
выдать замуж к сватам ее выводила крестная мать.
После этого девушка начинала угощать сватов чаем,
которые при этом оценивали ее расторопность и
деловитость. В статье «Свадебные обычаи в Нем-
жинском приходе» приводятся интересные подроб-
ности сватовства. При положительном решении
«думы» невеста, «придя в избу... зажигает у обра-
зов свечку». Затем происходит символической торг
и выкуп невесты. Под особые приговоры «вожеи»

³¹ Хлеб и соль играли важную роль при совершении сва-
дебного ритуала. У вепсов говорят: «Leib i sol rodnap
teggob–Хлеб и соль – родню делают». В доме просватан-
ной невесты коврига хлеба и соль постоянно находятся
на столе; хлеб и икона используются при неоднократных
процедурах благословения жениха и невесты; хлеб и соль
кладет себе за пазуху невеста, выезжая на венчание; со-
лью натирают невесту в девичьей бане; хлеб, соль, икона
и свеча ставятся в решето, с которым совершали обходы
свадебного поезда.

³² Анхимова Н.А. Указ. раб. С. 117.

отцом жениха выкладываются на блюдо крупные
деньги, но «только для хвастовства». Из них незначи-
тельная часть передается невесте и её отцу. Осталь-
ные деньги «сваты убирают в карман», тем более что
они часто взяты «напрокат ... у соседей»³³. Возмож-
но, это вариант обычая, описанного В.Н.Майновым
как выкуп невесты – *вересийне-велзь*, который им пе-
реводится как «кровный долг», с комментарием, что
он представляет плату «за выдачу из семьи одной из
кровных ей женщин». Отец невесты не оставляет их
у себя и после венчания отдает дочери на «обзаведе-
ние»³⁴. Выкуп за невесту (abuden'gad) мог собираться
и в доме жениха его родственниками перед его вы-
ездом на свадьбу. По приезде в дом невесты жених
его клал на поднос. Деньги для невесты (abuden'gad)
собирались и в ее родительском доме.

Сватовство завершалось «рукобительем» или «по-
ручением», которое начиналось с моления перед
иконами – «siilmid ristima – крещения глаз». Моло-
дые стояли на шубе, которая лежала мехом вверх,
около них становились отец, мать и крестные – отец
и мать. Отец невесты благословлял их иконой и хле-
бом. Если жених был из дальней деревни и предсто-
яли смотрины его хозяйства, то рукобилье могли
провести и после смотрин. На смотринах устраива-
лось угощение. После него все, кроме отцов жениха
и невесты, выходили из-за стола; стол убирали, на-
крывали лучшей скатертью, ставили на него соль
и ковригу хлеба. Отцы жениха и невесты, стоя друг
против друга, через стол в кожаных рукавицах об-
менивались рукопожатием³⁵. В другом варианте при

³³ С-овъ П. Свадебные обычаи в Немжинском приходе
(Лодейнопольского уезда)// ОГВ. № 19. С. 3.

³⁴ Майнов В.Н. Приютская чудь. С. 25.

³⁵ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 377.

рукобיתы они «пожимают друг другу руки через полы кафтана»³⁶. Более полное описание рукобיתя приводится в статье В.П. Кузнецовой. Перед рукобיתем отцы жениха и невесты надевают на себя верхнюю одежду – шубу, кафтан или пиджак, головной убор – и молча в рукавицах и через стол трижды «ударяют друг друга по руке... в знак заключения союза и через стол три раза целуются «крестиком»³⁷. После рукобיתя родственник невесты брал дугу с колокольчиком и звонил, извещая об окончании рукобיתя. Если девушка была сиротой, то она выходила на крыльцо в сопровождении плакальщиц и звала умерших родителей прийти на «порученьице»³⁸.

Рукобיתе завершало сватовство, после него девушка считалась просватанной. С этого момента девушку закрывали большим платком или белой скатертью, которые оберегали невесту от сглаза и порчи при совершении различных обрядов. Сразу же начинались и причитания невесты, которую под руки «водили» вдоль избы плакальщицы.

Традиция плача невесты была очень устойчивой. С особым усердием причитывали и те, кто выходил замуж и по желанию. Вепсы верили примете: *кто на свадьбе поет (в переносном смысле веселится), тот в замужестве наплачется* («*ken svad'bas pajatab, se mehel voikud jäl'ges kandab*»).

Договоренность подкреплялась задатком – подарками жениху и его родне. Жениху дарили шелковый шейный платок, рубаху, будущей свекрови, крестной

матери и его сестрам – рубахи с вышитым подолом. В случае, если свадьба не состоялась, подарки обычно возвращались. День свадьбы назначался во время сватовства, здесь же договаривались о размерах приданного. От сватовства до самой свадьбы могло проходить всего несколько дней, а могло и недель. В случае отказа сватам, чтобы не закрыть путь другим женихам, невесте следовало быстро подняться на чердак в сенях, чтобы быть выше сватов, или при выходе сватов из сеней бросить им вслед полено или три круглых полена в передний угол избы³⁹.

В семье просватанной невесты начиналась подготовка свадебных даров для родственников жениха. По разным случаям одной только свекрови приходилось дарить до десяти рубах: при рукобיתе, выезде молодых на венчание, встрече молодых от венца в доме жениха, на второй день свадьбы, первом мытье невестки в бане в семье мужа, когда невестка первый раз печь топила, мыла полы, воду приносила, когда корову как приданное из отчего дома в хлев приводили, а в последний раз – при рождении первого ребенка.

В приданое невесты входили вышитые «досельной» вышивкой полотенца. Их дарили, как правило, мужской половине родни жениха, а также жениху и друзьям. Для них готовились специальные длинные полотенца для свадебных церемоний, которые завязывали крестообразно на груди. Их могли заменить полотнищами кумача. Полотенцами украшали дугу лошади в свадебном поезде (рис. 71). В день свадьбы полотенца из приданого невесты развешивали в доме жениха на крюки и вешалки, что показывало трудолюбие и богатство будущей невестки.

³⁶ С-овъ. П. Свадебные обычаи в Немжинском приходе (Лодейнопольского уезда). С. 3

³⁷ Кузнецова В.П. Вепско-русские параллели (на материале свадебной обрядности) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. С. 131.

³⁸ Кузнецова В.П. Указ. раб. С. 132.

³⁹ Колмогоров А.И. Указ. соч. С. 376.

Главным действующим лицом на вепсской свадьбе со стороны жениха был старший дружка, по-вепски «*naitai*» или «*kozimez*», буквально «женящийся». Чаще всего старшим дружкой становился крестный отец или старший дядя жениха. Были и профессиональные дружки, знатоки свадебного обряда, способные оградить молодых от любой порчи и сглаза. Таким по сообщению Е.В. Скородумова, изучавшего вепсов в конце 1930-х гг., был Павел Иванович Рогоза из д. Корвала – девяностолетний старик, который на своем веку провел семьдесят три свадьбы и «слыл за лучшего дружку: умелого, занавещающего и находчивого, способного своими «относами» и «заговорами» заградить от каких угодно сил свадебный поезд и вместе с тем своими прибаутками и остротами развеселить какую угодно компанию⁴⁰. Ответственность за соблюдение ритуала со стороны невесты брала на себя «вожатая/вожея», по-вепски «*vodii*». Её могла заменить крёстная мать, если она была знатоком обряда. В помощь к ней приглашались специальные плакальщицы – «*uigaliine*», «*voikai*». Дружка и вожея отвечали за безопасность брачующихся, особо уязвимых во время свадьбы к возможному колдовству. Колдуна обязательно приглашали на свадьбу. Верили, что колдун мог остановить коней свадебного поезда, лишиться жениха половой силы, наслат на невесту различные болезни.

Особенно велика была роль дружки. Он возглавлял любую процессию во время свадебных обрядов, отгоняя крестообразными ударами кнута всякую «нечисть» отовсюду, куда ступала нога жениха. Все предметы, которых во время свадьбы касался

жених, также подвергались ударам кнута: скамьи, подушки, свадебное ложе и т.д. Кнутом трижды обводили свадебный поезд при выезде из дома жениха за невестой на венчание и при возвращении. Он кнутом открывал калитку при входе в церковь, поднимал свадебные дары при их раздаче, приподнимал платок (скатерть), накрывающий невесту. Участники свадебных обрядов и даже гости, идущие «посмотреть» свадьбу, должны предпринимать превентивные меры. Самым распространенным способом предохранения от порчи являлись воткнутые крестом в подол по отношению друг к другу две иголки со сломанным ушком, монетка под пяткой, а и надетый на голое тело, предпочтительно из старой рыболовной сети.

ПРЕДСВАДЕБНАЯ БАНЯ НЕВЕСТЫ

Накануне венчания жених и невеста устраивали вечеринки: невеста – девичник (*niidižeht*), жених – мальчишник (*prihavecor*). А.И. Колмогоров отмечает, что события происходят сходные: невеста прощается со своей «вольной волюшкой», жених «со своим молодечеством, с гульбой, пирушками», оба они с молодежными посиделками, но отношение к происходящему на вечеринках разное. Невеста топит свою «вольну волюшку» в море слез, жених прощается со своим молодечеством разгулом⁴¹.

На девичник приглашались подруги и родственники невесты. Он начинался с бани. С баней невесты связано много разнообразных строго регламентированных действий. Её полагалось растапливать пылающими углями из жаратка домашней печи. Топили баню особыми дровами, они должны быть ровными, без сучков, лучше всего из сухостоя со-

⁴⁰ Скородумов Е.В. Свадебный обряд вепсов. Архив МАЭ. Ф. 13.Оп. 1. Л. 24.

⁴¹ Колмогоров А.И. Чухарская свадьба. С. 384.

сны. Считалось, что еловые и осиновые дрова не годятся. Запрет топить невестину баню еловыми дровами объясняли тем, что они вызывают треск при горении, а это якобы могло привести после венчания к ссорам и ругани молодухи с мужем и его родственниками. В карельских причитаниях непригодными для девичьей бани считались ольховые, березовые и осиновые дрова, предвещающие по поверьям несчастливую жизнь в замужестве⁴². Веник для невесты готовили в ночь под Иванов день. Невесту перед выходом в баню отец благословлял иконой, мать закрывала её рубашкой, скатертью или платками с головой, отец (иногда брат)

заворачивал в шубу. Проводы невесты в баню, по описанию в одной из статей, целая процессия – впереди идет родственник с колокольчиком, а «образ (икону) и хлеб отец с братом невесты несут над головой её»⁴³. Второй вариант – невесту провожают «вожея», мать и подруги.

В бане с невестой оставались «вожея» и мать. Подруги ждали в сенях бани и, пока мыли невесту, пели песни⁴⁴. Плачи исполнялись как при сопровождении невесты в баню, так и при возвращении невесты из бани. Приведем образец плача невесты⁴⁵. Это её диалог с подругами, приготовившими ей последнюю баню в родительском доме перед дальней дорогой.

Свадебное причитание (невеста собирается в баню)

Katsaaldakse, tatoi, mamuško,
Lämbitiba mini külbetižen
Žalanijad minun čikun'kod.
"Tuleške sä minun čikun'ko
I sini lämbitimai külbetižen
I sini kandišimai veduden,
I sindai pezetamai tälehtal,
Satamai sindai verhale randaižele".
"Kacalkacke, da žalanijad čikun'kod,
Kuspai ti veduden-se kandišitai,
Kuspai ti haugoižen-se otitai?"
"Mi vet kandišimai veduden,

Посмотрите, отец, матушка,
Истопили мне баенку
Желанные мои сестрицы,
«Приди ты, моя сестрица,
И тебе истопили баенку,
И тебе наносили водицы,
И тебя намоем сегодняшним вечером,
И проводим тебя на чужой бережок».
«Посмотрите, да желанные сестрицы,
Откуда вы водицу-то носили,
Откуда вы дрова-то взяли?»
«Мы ведь наносили водицы,

⁴² См.: Винокурова И.Ю. Огонь в мифологии вепсов // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. С. 151. См.: Степанова А.С. Карельские плачи. Петрозаводск, 2003. С. 61.

⁴³ С-овъ П. Свадебные обычаи в Немжинском приходе (Лодейнопольского уезда) С. 3.

⁴⁴ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 379.

⁴⁵ The Geat Bear. A Thematic Anthology of Oral Poetry in the Finno-ugrian Languages. Lauri Honko, Senni Timonen, Michael Branch, Keith Bosley. Layout Urpo Huhtanen // Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Toimituksia 533. 1994. С. 475.

Mi vet kandišimai tatuškon kül'betižhe-se,
 Mi vet otimai pinospai haugoižen,
 Tuleške, žalani čikun'ko
 Parnijaha-se külbetižehe".
 "Tiile spasibo, žalanijad čikun'kod!
 Tii lämbititai mini külbetižen
 Pezetetai verhale randaižele,
 Verhile-se rostkuizižile,
 Verhile-se susedaižile.
 Oi, mindai raukoid da goregorkejoid,
 Min mä dumain da min mä radoin-se!
 Olež mini da vauktale voikjeižele
 Sötjän tatoin, mamoin pertižed-ne,
 Storonigatoiš minun susedaižed.
 Ankat voikta mini gorkejale,
 Krasuidas-se üks-se časuine.

Мы ведь наносили в баенку батюшки-то,
 Мы ведь взяли из поленницы дрова,
 Приходи, желанная сестрица,
 В парную да баенку».
 «Спасибо вам, желанные сестрицы!
 Вы истопили мне баенку,
 Намоете для чужого бережка,
 К чужим людям,
 К чужим соседушкам,
 Ой, меня бедную и горе-горькую,
 Что я надумала, да что наделала-то,
 Мне бы быть да светлой плачущей,
 Дома милого отца да матушки,
 Посторонитесь мои соседушки,
 дайте поплакать мне горемычной,
 покрасоваться-то один да часочек».

Исполнитель: Мария, дочь Родьки, д. Вонозеро Лодейнопольского района Ленинградской области, запись А.О. Вайсянена, 1916 г.

Помогала невесте в бане «вожея» и мать. Им предстояло магическими приемами предостеречь ее от возможной порчи и сглаза. На невесту могли одевать пояс из старой рыбацкой сети с завернутыми в неё предметами, считающимися оберегами, – щучьим зубом, черемуховой корой, кусочками красной ткани, толченым стеклом. Носить пояс полагалось шесть недель после венчания. Древним обычаем считается пропускание невесты трижды между ног матери. Действия в бане сопровождались заговорами. Невесту ставили на сковороду и мыли молоком, в другом варианте натирали солью. Молоко и воду, которой ее ополаскивали после натирания солью, собирали на сковороду. Если собирали молоко, то замешивали на нем тесто и пекли пироги, которыми и угощали жениха. Он, «зная, из

какого теста приготовлены пироги, все-таки не брезгает, а кушает на здоровье»⁴⁶. Также поступали и с соленой водой. На ней разводят тесто для рыбака, угощая жениха и всю его родню. Делалось это с целью завоевать любовь жениха и его родни. Соленая вода и сама сковорода в дальнейшем использовались с магическими целями. У средних вепсов «вожея» ею обливала лошадь, на которой жених и невеста ездили на венчание, чтобы между молодыми была любовь и дружба, у северных вепсов – обрызгивали незамужних девушек. Считали, что она усиливает их привлекательность. На этой же сковороде готовили яичницу и угощали ею молодых, когда они после свадьбы первый раз навещали родных невесты. Отведав яичницы с такой сковороды, молодые должны были жить дружно.

⁴⁶ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 379.

ПРОЩАНИЕ НЕВЕСТЫ С «ВОЛЬНОЙ ВОЛЮШКОЙ»

После бани наступал самый драматический момент прощание невесты с «вольной волюшкой», по-вепсски – «vouged voudaine» – «белая (светлая) волюшка». Невесту, закрытую с головой платком (белой скатертью), вели из бани в избу и начинали водить вдоль избы. Если у невесты не было в живых кого-либо из родителей, то её в сених ждали подружки и она, не заходя в избу, плачем на крыльце приглашала родимого отца (мать) прилететь на свадьбу *«хотя бы*

вольной пташечкой, серой маленькой кукушечкой». Подружки уже в доме плачем извещали невесту, что родимые отец (мать) отказались прибыть и назначали своим поручителем самых близких ей родственников: деда (бабку), крестного отца (мать).

С каждым из родственников, начиная с отца и матери, невеста прощалась, оплакивала предстоящую горькую разлуку, просила не выдавать её «люту ворогу на чужую сторонушку». Приведем плач невесты, обращенный к отцу⁴⁷

Причитание невесты – обращенный к отцу

Kalliž sinä da kazvatajaižem.
Poručiba vouktan voudeižen-se jo,
äjou aigalaze, äjou da norelaze.
Kalliž sinä da kazvatajaižem, kut sinä racitid
poručita minun vouktan voudeižen-se, krasnijan da
krasoteižen-se?
Kalliž sinä-da kazvatajaižem-se, sinä kazvatid' i libutid'
i kahtenkümnen volhan da voduden-se.
I kut, rodimijad roditeļ'ad-se, račititai,
poručitai minun vouktan voudeižen-se
verhiže viluihe da armožihe-ne
äjou aigalaze, äjou da norelaze?
Kut minei linneb kubahtada i likahtada
ičemi čomas da čogeizespei-se,
i kut minei linneb eragata
ičemi kal'hes da kanzeizespei-se?
Užeške minä kodiš, kalliž kazvatajaižem,
eragoitta dei kubahtoitta da siga.
I fatitetai-se da guditetai-se,
i käveleškanden ku minä verhiš armožišpei-ni, verhide viluide
armoideke-ni.

A side tii i fatitoiš i zagoditoiš,
i oli miilamoi ii antta aigalaze ounu raffaze.

Дорогой мой, меня вырастивший,
Поручили белую волюшку-то уже
очень рано, очень смолodu.
Дорогой мой, меня вырастивший, как ты смог

поручить мою белую волюшку, красную красотушку-то?
Дорогой мой, меня вырастивший, ты растил и поднимал

двадцать трудных да годочков-то.
И как вы, родимые родители, смогли,
поручили мою белую волюшку-то
чужим холодным ласкам-то
так рано и так смолodu?
Как мне будет двинуться и тронуться
из своего красивого да уголочка-то,
и как мне надо будет покинуть
свою дорогую семейку-то?

Еще я дома, мой дорогой, меня вырастивший,
а уже покинуть и двинуться отсюда [надо].

И спохватитесь и пожалеете-то,
и стану я ходить в чужих холодных ласках-то, с чужими
холодными ласками-то.

А тут вы и спохватитесь и задумаетесь, и не надо было от-
давать меня так рано в люди.

⁴⁷ *Käte-ške käbedaks kägoihudeks* (Вепсские причитания). С. 53–57.

Kalliž sinä da kazvatajajžem,
 sôtei sinä da tatuško,
 ka sugita-ške i tazoita minun šuukuižed hibusuded-ne,
 täl ehtaližuu minun jäl'gmeižuu ehtkoužuu-se,
 jäl'gmeine da kerdeine-se.
 I riputa-ške sinä minun vouktaha voudeižehe-se
 lühüd da jo lenteine-se.
 Minun vouged i voudeine-se om jo tälehtaližuu ehtkoizuu,
 jäl'gmeižen ehteizen krasuiše i likuiše
 tiide i čomas-se čogeizes-se,
 i tiide dubovijou da jo laveižuu-se.

L'ubimijad tii l'ubovnijad podružnikeižed,

sugitagat-ko i sötatagat i silitagat,
 minun šuukuižed hibusuded-ne jo
 täl ehtaližuu da ehkoizuu-se.
 Ka otkat-ko tii nügude minun vouged
 voudeine-se,
 i krasuižetkat i likuižetkat,
 kut i minä krasuižetlin i likuižetlin,
 kut i minä sädatelimoi ehtaze celin.

Sugitagat-ko i tazoitagat tii enččikš i edeližikš,
 l'ubimijad tii l'ubovnijad podružnikeižed, tøndutei-ko tii
 prestolnijile praznikeižile-ni,
 kackat-ko tii minun vouged voudeine-se.

Исполнитель: Смирнова Дарья Федоровна, д. Пелдуши Подпорожского района Ленинградской области, запись М.И. Зайцевой, М.И. Муллонен, 1968 г.

После прощания, плакальщицы подводили невесту к отцу и матери. Приподнимая край платка, они по очереди целовали и благословляли невесту. Подруги усаживали невесту на короб с приданым (liphaine), и начиналось прощание с вольной волюшкой: «плач и разные причеты баб-свадебниц здесь невообразимые»⁴⁸.

⁴⁸ С-овъ П. Оятские лапти (картина с натуры). С. 400

Дорогой ты, меня вырастивший,
 кормилец да батюшка,
 так расчеши-ка и пригладь мои шелковые волосики-то,
 в этот вечерний мой последний вечерок-то,
 последний да разочек-то.
 И повесь-ка ты на мою белую волюшку-то
 короткую да ленточку-то.
 Моя белая и волюшка-то в этот вечерний вечерок уже
 последний разок красуется и ликуется
 в вашем красивом да уголке-то,
 и на вашем дубовом да полике-то.

Любимые вы любовные подруженьки,

расчешите-ка и пригладьте
 мои шелковые да волосики-то уже
 в этот вечерний да вечерок-то.
 Так возьмите-ка вы теперь мою
 белую да волюшку-то,
 и покрасуйте и поликуйте,
 как и я красовала и ликовала,
 как и я наряжала целыми вечерами.

Причешите и пригладьте вы по-прежнему и по-давнему,
 любимые вы любовные подруженьки,
 а как пойдете на престольный праздник,
 так присматривайте вы за моей вольной да волюшкой-то.

Приводим два плача невесты, прощающейся с волюшкой. Один плач записан Н.Э. Сетяля в 1889 г., второй - через сто лет - В.П. Кузнецовой⁴⁹.

⁴⁹ The Geat Bear. A Thematic Anthology of Oral Poetry in the Finno-ugrian Languages. Lauri Honko, Senni Timonen, Michael Branch, Keith Bosley. Layout Urpo Huhtanen // Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Toimituksia 533. 1993. С. 478, 705 - 706; Käte-ške käbedaks kägoihudeks (Вепские причитания). С. 79 - 82.

Причитание (невеста оставляет «волю»)

En raci mina pästta vauktad vaudašt-se, vol'niad vol'ašt
Läikkile da jo veduzile,
Libedile da jo vezilinduižile.

Lähtas-se jo sulad susedad da randaižele
Amptas minun vauktan vaudaižen.
En raci mina pästta ičiin vauktad vaudašt'
Lagedile da jo püudoizile.

Lähttas minun sulad susedad kündmaha,
Künttas minun vauktan vaudaižen
Teravil da jo hö vadnhaižil.
En raci mina pästta ičiin vauktašt vaudašt-se
Vihandile da jo nitüižile.
Lähttas minun sulad susedad nit'maha,
Čaptas minun vauktan vaudaižen
Teravil da jo hö lituukaižil.

Исполнитель неизвестен, с. Шимозеро Вытегорского района Вологодской области, запись 1889 г.

Причитание (невеста оставляет «волю»)

I užeske ku minä valičen i viberin jo
Užeske ku minä jo pästan i jätan
ičiin' i vouktan da voudeižen-se, krasnijan da krasoteižen-se,
i tälehtaližuu vouktou pravednijou da peiveižuu-se,
i jätan i minä ičiin laskvale da čizoihudeliin'-se,

i okha-ske hän i krasuižoitab
i likuižoitab

minun gor'o-gor'kijan vouktan da voudeižen-se i krasnijan da
jo krasoteižen-se.

Oi, ved' ii sija nece minun i vouktale voudeižele-se, krasnijale
krasoteižele-se

i pühkib hän dubovijan da laveižen-se
i pühkib i minun vouktan voudeižen-se suride lomuideke-ni.

I užeske ku minä valičen i viberin jo
jätan ičiin vouktan da voudeižen-se i jasnijale sokolale veslale
viikoihudeliin'-se.

I okha-ske hän i molodeckijas molodostiš i krasuižoitab i
likuižoitab
i minun i vouktan da voudeižen-se.

Не смею я отпустить белую волюшку-то, вольную волюшку
На плещущуюся водицу,
Милым да водным птичкам.

Выйдут милые соседушки да на бережок,
Застрелят мою белую волюшку.
Не смею я отпустить свою белую
волюшкув широкие да поля.

Пойдут мои милые соседушки пахать,
И вспашут мою белую волюшку
Острыми да сохами.
Не смею я отпустить свою белую волюшку-то,
На зеленые да луга,
Пойдут мои милые соседушки косить,
Срежут мою белую волюшку
Острыми да косами.

И погоди-ка, выберу и повыберу я

Погоди-ка я и отпущу и оставляю
свою белую да волюшку-то, красную да красотушку-то
и сегодняшним светлым праведным да деньком-то,
и оставляю я своей ласковой да сестрице-то,
и пусть она и красует и ликует

и мою горе-горькую белую да волюшку-то, и красную да
красотушку - то.

белой волюшке-то, и красной да.
И ой, ведь не место [тут] и моей

И подметет она дубовый да пол-то,
красотушке-то.
и выметет мою белую волюшку-то с большим мусором.

И погоди-ка, я выберу и повыберу уж,
оставлю свою белую да волюшку-то ясному соколу, весе-
лому братцу-то

И пусть он в молодецкой молодости и покрасует и поли-
кует
и мою белую да волюшку-то.

I oi, ved' i fatimoi i dogadimoi, ka ii sija sid' i minun vouktale
da voudeižele-se,
i oi, ved' hän i unohtab i krasuižoitmata, unohtab i likuižoitmata.

I užeske ku minä pästan i jätan surele levedale zapol'kale-se,
i okha-ske hän sigä krasuiše i likuiše i rahken da radoiženke.
I oi, ved' minä fatimoi i dogadimoi ka,
ii sija ole sid' minun vouktale voudeižele.

I mäneb ičiin' jasni sokol, viikoihudem-se,
i stanovijan heboiženke-se, i teravan da jo adreiženke.
I hän i segoitab i minun vouktan da voudeižen-se i mustale
mahudele keskhe-se.
I užeske ku minä valičen i viberin' jo vouktale da voudeižele-se
[sijan]
i tazole nitüižele-se [jätan],
i okha-ske hän sigä krasuiše i likuiše.
I oi, ved' fatimoi i dogadimoi ka,
ii sija sid' i linneb minun vouktale da voudeižele-se,
i mändasoi noremb jasni sokol viikoihudem i teravide
lituukeižideke-ni ka,
i čaptas ku minun vouktou voudeižuu sorvad da jougeižed-ne.

Герасимова Оксинья Петровна, д. Ладва Подпорожского района Ленинградской области, запись В.П. Кузнецовой, 1989 г.

И ой, ведь спохватилась и догадалась, ведь не место здесь
моей белой да волюшке,

ой, ведь он забудет покрасовать, забудет поликовать.

И погоди-ка, я отпущу и оставлю на большое широкое за-
полье-то,
и пусть она там красуется и ликуется с тяжелой работуш-
кой.

И ой, ведь я спохватилась и догадалась уже,
не место здесь моей белой волюшке.

И пойдет ясный сокол-братец-то,

и со становой лошадкой, и с острой сохой,
и он смешает мою белую да волюшку-то с черной землей.

И погоди-ка, я выберу и подберу белой да волюшке-то
[место]

и на ровный лужочек-то [оставлю],
и пусть она там красуется и ликуется.

И ой, ведь спохватилась и догадалась,
не место здесь будет моей белой да волюшке-то,

и пойдет младший ясный сокол-братец с острыми косами,

так и срежут у моей белой волюшки стройные да ножень-
ки-то.

Вариантов этой части свадебного обряда несколько. Обычно начинали с расчесывания волос. Подруги расплетали невесте косу. Невеста и подружки плачем приглашали родственников расчесать «буйну головушку». К невесте поочередно подходили ее родственники, касались деревянным гребнем (щеткой для чесания льна) её волос и укладывали на её голову по ленте. Подруга заплетала ей косу, вплетая в неё белую ленту. К косе подвязывали и «красоту» – пучок разноцветных лент. Затем накрывали столы для гостей. Перед тем как сесть за стол, невеста «обмывала» руки наиболее почетным гостям, за что они одаривали ее деньгами, которые называются «пособь»⁵⁰.

После трапезы невеста, обращаясь по очереди к родным и, причитывая, просила снять с неё «красоту». Родственники на это не соглашались, а «красоту» снимал посторонний, который передавал ее подружкам, они и разбирали ленты на удачу⁵¹.

В вепсских обрядах «красота» (пучок лент) и «вольная волюшка» не всегда использовались вместе. Прощание могло проходить только с «красотой» или с «вольной волюшкой». В вепском языке «vouged voudaine» и «krasot» не одно и то же. Красотой – «krasot» назывался венец невесты, украшенный цветами, лентами и бусами, частью которого был и пучок лент⁵². О бытовании такой формы «красоты» в прошлом у вепсов известно из архивных данных. Её образец, датированный началом XIX в., хранится в РЭМ⁵³.

В случае, если главным символом выступала «красота», то прощание происходило следующим образом. Красоту сначала пыталась снять сама невеста, но снимала её с невесты подруга и укладывала на свадебный хлеб, который вместе с иконой находился на столе. Невеста, причитывая и кланяясь, прощалась с «красотой» и раздавала ленты подругам.

Иначе проходит прощание, если воплощением «вольной волюшки» выступала белая (розовая) лента. Здесь записано несколько вариантов. Невеста выходила на улицу с выплетенной из косы лентой и «спускала волюшку» на платок, лежащий на земле с причитаниями⁵⁴. Если прощание с «вольной волюшкой» происходило в день свадьбы перед приездом жениха, то «вольная волюшка» – лента, лежащая на свадебном хлебе, повязывалась родителями на голову невесты, затем они невесту благословляли этим хлебом и иконой и снимали ленту. На прощании с «вольной волюшкой» невесту, закрытую платком (белой скатертью) с головой, выводили на улицу, где она, обращаясь на западную сторону, причитывала о ее потере⁵⁵.

Отмечая переkreщивание в свадебном обряде у вепсов прощания с «волей» и «красотой», исследователи поясняют, что вепсская территория находилась на стыке ареалов терминов «воля» и «красота» и вепсы использовали в обрядах тот и другой⁵⁶. Скорее всего, различие было не только в терминах, поскольку «воля» и «красота» отражались разными

⁵⁰ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 382.

⁵¹ Там же. С. 383.

⁵² Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. С. 233.

⁵³ Королькова Л.В. Обзор коллекций по вепсам//Материалы

по этнографии.Т. II. Народы Прибалтики, Севера-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб., 2004. С. 90.

⁵⁴ Кузнецова В.П. Указ.раб. С.137.

⁵⁵ С-овъ. П. Оятские лапти (картина с натуры). С. 402–403.

⁵⁶ Кузнецова В.П. Указ. раб. С. 138.

ми символами. Вероятно, и в далеком прошлом имелись различия в свадебном обряде у разных локальных групп вепсов, что и вызывает такое разнообразие известных вариантов прощания с «волей» и «красотой». Корни представлений о «вольной волюшке» в образе белой ленты и «красоте» в виде венца, по мнению исследователей, очень глубоки⁵⁷.

После прощания с «вольной волюшкой» или «красотой» девичник заканчивался. На ночь с невестой *«остается вожатая, которая ... во время свадьбы ни на минуту не оставляет ее одну»*⁵⁸.

Предсвадебная баня жениха

Собравшиеся на парнишник ожидали жениха, который в сопровождении дружки идет в баню. Дружка в бане также предпринимал действия, защищающие жениха от возможной порчи в период свадьбы. Он надевал на голое тело жениха пояс из старой рыболовной сети с замотанной в нее сухой щучьей головой, щучьим зубом или другими предметами, имеющими защиту от «призора». Поверх пояса-оберега жених сразу же надевал венчальную рубаху, сшитую крестной матерью. Оберегающее действие пояса сохранялось шесть недель. По истечении этого срока молодой выбрасывал его в недоступное для посторонних место⁵⁹. После окончания вечеринки дружка оставался на ночь с женихом.

Утро перед выездом на венчание в доме невесты начиналось с плача, которым будили невесту. Неве-

ста, если она была сирота или не имела одного из родителей, в сопровождении «вожей» с утра посещала могилу родителей и, причитывая, просила их благословения⁶⁰.

Перед приездом жениха невесту одевали в лучшую одежду, предпринимая различные меры предосторожности от сглаза: закалывали иголки со сломанным ушком в подол платья, клали за пазуху повойник, соль и две горбушки хлеба, под пятку серебряную монетку. Краюшку хлеба новобрачная съедала в доме мужа, чтобы не сильно тосковать по родительскому дому. Соприкасавшиеся в день венчания с невестой предметы – соль, хлеб, повойник – приобретали особую силу и могли использоваться как обереги и лечебное средство⁶¹.

Перед поездкой за невестой в доме жениха для «поезжан» устраивался обед «без всяких церемоний». В конце обеда угощали рыбником, приготовленным «известным только матери жениха особым способом», чтобы «удержать сыновнюю любовь». Рыбник разрезался дружкой, он угощал рыбником жениха и гостей⁶². После обеда собиралась «помощь» для жениха, мужчины клали на поднос деньги, женщины – рубахи, станушки, головные уборы. Отец и мать благословляли жениха иконой и хлебом, и свадебный поезд направляется в дом невесты. Дружка перед выездом трижды обходит свадебный поезд, очерчивая круги кнутом. Указывалось, что и отец жениха также мог совершать обход свадебного поезда с топором и иконой в руках⁶³.

⁵⁷ Горб Д.А. Указ. раб. С. 159.

⁵⁸ С-овъ П. Свадебные обычаи в Немжинском приходе (Лодейнопольского уезда). С. 3.

⁵⁹ Горб Д.А. Указ. раб. С. 162.

⁶⁰ Анхимова Н.А. Указ. раб. С. 118.

⁶¹ Горб Д.А. Указ. раб. С. 167.

⁶² Колмогоров А.И. Чухарская свадьба. С. 385.

⁶³ Горб Д.А. Указ. раб. С. 168.

Рис 81. Куйский Музей вепской культуры, д. Берег
Бабаевского района Вологодской области

В домах со съездом поезд жениха въезжал прямо на поветь. В некоторых описаниях поведение жениха в доме невесты строго регламентировалось: жених был полностью «покрыт» – он оставался в шубе, шапке, рукавицах или перчатках, ему запрещалось креститься при входе в избу и здороваться. Сразу невесту жениху не выдавали, требовали выкуп. Собранную родней жениха «пособь» жених клал на поднос, передавая их невесте на обзаведение хозяйством. По приезде жениха происходил обмен подарками. С невесты снимался покрывающий ее платок и дарился жениху, который сразу надевал его на шею поверх уже ранее подаренных невестой. А.И. Колмогоров отмечал, что принято, «чтобы все поезжане все подарки надевали на себя и носили их во все время свадьбы. Особенно щедро одаряют с обеих сторон дружку. Он весь завешан подарками»⁶⁴.

⁶⁴ Колмогоров А.И. Чухарская свадьба. С. 379–380;
Горб Д.А. Указ. раб. С. 159

Невестина родня одаривала дружек длинными вышитыми полотенцами или полотнищами кумачовой ткани. Дружки опоясывались ими крест-накрест.

Перед выездом на венчание устраивался стол. После обеда дружка или крестный отец невесты благословляли жениха и невесту перед отъездом на венчание. Передача невесты жениху проходила под матицей. В одном варианте дружка связывал полотенцем руки жениха и невесты, стоящих под матицей, и выводил их в таком виде на улицу – «чтобы крепче любовь была». Другой вариант был чрезвычайно поэтичен. Между родственниками невесты и жениха, стоящими по разные стороны матицы, разыгрывался диалог: родня жениха спрашивала у невесты: «Перед кем стоишь?» Она отвечала: «Перед божьим даром». Вопрос повторялся: «Еще перед кем?» Следовал ответ: «Перед своим богосуженым». Так же отвечал и жених на подобные вопросы родни невесты. Ему задавался еще один вопрос: «Кем берешь?» Он отвечал: «До венца рабой, после венца – женой»⁶⁵.

После этого жених и невеста целовались и процессия, возглавляемая дружкой, выезжала на венчание. Существовало поверье, что невесте, чтобы прижиться на новом месте и не тосковать по родительскому дому, при выходе из избы нужно пошевелить угли в жаратке, а на улице бросить через голову платочек, которым она вытирала слезы при плачах⁶⁶.

Обход свадебного поезда совершал крестный отец жениха. Он трижды обходил свадебный поезд

⁶⁵ С-овъ П. Свадебные обычаи в Немжинском приходе (Лодейнопольского уезда) № 25. С. 3.

⁶⁶ Там же.

с решетом, в котором были иконка, хлеб и соль. По другому варианту отец невесты «трижды обходил поезд с ситом, в котором лежал хлеб и стояла икона с зажженной свечой», и трижды наносил топором крестообразные отметины на дороге, а после третьего раза поезд проезжал через топор⁶⁷. Во время венчания, следуя поверьям, каждый из молодых стремился первым наступить на холстину перед аналоем, приподняться как можно выше над своим избранником (избранницей), чтобы «быть главарем в доме»⁶⁸. А.И. Колмогоров отмечал, что *«при венчании есть такой момент, которым особенно дорожат чухари: когда на брачующих надевают венцы. Чтобы быть здоровым, необходимо в это время пошевелить каждым суставом. Естественно, что новобрачные не пропускают этого момента, они строят ужасные гримасы и корчатся в каких-то судорогах ... в то время священник их не может остановить»*⁶⁹.

После венчания свадебный поезд направлялся на кладбище, где на могилах родственников происходила первая трапеза⁷⁰. Возвращались в дом молодого окружным путем. Встречали свадебный поезд стрельбой из ружей, вдоль дорог жгли костры, обычно старые кошело, лапти, бересту, зажигали смоляные бочки, специально изготовленные чучела из соломы. На пути сооружались различные «загороды», за пропуск через которые приходилось платить выкуп.

Перед домом жениха родители мужа снова благословляли молодых, посыпали их житом, куриными перьями. Первым в дом заходил дружка, триж-

ды кнутом «крестя» двери. Невесту «бабили», т.е. переодевали в другое платье, заплетали две косы и надевали на нее повойник. В Ярославичах невеста, входя после венчания в первый раз в дом мужа, стремилась прикоснуться к печи, а вороша в жаратке угли, произносила: *«Я волк, вы овцы, бойтесь меня»*, пытаясь, видимо, обеспечить себе более независимое положение в семье. Молодых усаживали в передний угол на подушки, которые кнутом «окрестил» дружка. Если участие священника зависело от материального состояния семьи, то колдуна приглашали обязательно. За столом ему отводилось почетное место. На стол подавался горшок с кашей, пустой горшок разбивали о печь с приговором: *«У наших молодых пустых горшков не бывает»*⁷¹.

Затем молодых уводили отдыхать до окончания свадебного обеда в горницу, летом – в клеть. Брачное ложе готовили с разными предосторожностями, его трижды «крестил» кнутом дружка, в некоторых местах под подушками оставляли можжевельник. Молодых закрывали на замок.

Утром молодых обычно будила вожья или дружка. Доказательства невинности новобрачной публично не демонстрировали. Молодую, первый раз подходя к рукомойнику, вешала полотенце, а сверху набрасывала второе. Полагалось обязательно истопить баню. Первыми шли молодые, после них в баню везли на санях свекровь. После мытья свекровь надевала рубаху и пояс, подаренную невесткой или невестка сама после бани одевала рубаху на свекровь и подпоясывала ее поясом.

На второй день свадьбы устраивали «княжеский» («княжой») стол. После обеда невеста одаривала родню жениха. Старшие в роду женщины –

⁶⁷ Горб Д.А. Указ. раб. С. 168.

⁶⁸ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 368.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 390.

свекровь, крестная мать и тетки мужа – получали рубахи, остальные – рукава (верхнюю часть рубахи), платки, пояса. Мужчинам дарили рубахи, полотенца, ткань. Дары вручал дружка. Стремясь предохранить родню мужа от возможной порчи со стороны чужого рода, дружка поднимал дары кнутовищем, встряхивал и вручал их прямо с кнутовища⁷². После «княжеского стола» устраивали шумные катания молодых на лошадях, украшенных свадебными полотенцами, лентами, колокольчиками.

Послесвадебные обычаи

Через трое суток молодые с родителями мужа ездили в дом невесты за приданым. За обеденным столом первым блюдом подавалась яичница, а присутствующие внимательно следили, как молодой муж приступал к еде. Если он ел ее аккуратно с краю, значит, невеста была девственницей, если выхватывал ложкой с середины, то не сберегла себя⁷³. Самой ценной частью приданного являлась корова. У вепсов говорили: «*Lehm tanhal, a louna pertiš*» (Корова в хлеву, обед в избе). Такой была традиционная свадьба по сватовству.

Брак уводом

Особой формой брака являлся брак уводом или самоходкой. В.Н. Майнов пишет, что «в прежние времена в большом ходу были браки уводом, затем эти браки утратили свое значение и продолжают даже и теперь, но с ведома родителей невесты⁷⁴.

Исследователям он казался менее интересным, и по нему имеется немного сведений. В этом браке главное решение было за девушкой. По стовору с парнем, но при согласии его родителей, девушка с беседы шла на ночь к будущему мужу. Утром молодые вместе шли к родным девушки мириться. Примирение не всегда было быстрым. Причиной чаще всего была взаимная любовь молодых и боязнь, что родители девушки не выдадут ее за любимого. Иногда такой брак совершался с согласия всех заинтересованных сторон, так как семьи не тратились на свадебные расходы. Затем свадьба проводилась по сокращенному варианту с обязательным венчанием.

По описаниям свадебной обрядности в работах дореволюционных исследователей и краеведов и материалам своих полевых исследований В.П. Кузнецова провела сравнение вепсской и севернорусской свадебной обрядности⁷⁵. Автор отмечает, что хотя их основные этапы совпадают (сватовство, поручение-рукобитье, посещение невестой родительской могилы, девичья баня; расставание с девичьей «волей», свадьба (празднование в доме невесты и празднование в доме жениха, послесвадебное гощение молодых), включая названия чинов свадебного ритуала, особой роли дружки и причитальщицы – «вожеи»), в свадебной обрядности вепсов есть ряд своеобразных черт. К ним В.П. Кузнецова относит: расчесывание волос невесты до бани, «спускание воли» на землю у дома, трапезу после венчания у могилы родственников, более широкое применение магических средств защиты от враждебных сил. Отличало вепскую свадьбу от севернорусской и более частое использование при самых важных ее

⁷² Косменко А.П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984. С. 198.

⁷³ Колмогоров А.И. Чухарская свадьба. С. 391.

⁷⁴ Майнов В.Н. Приоятская чудь. С.25.

⁷⁵ Кузнецова В. П. Указ. раб. С. 144.

событиях таких ритуальных предметов, как вывернутая мехом наружу овчинная шуба, скороводы в девичьей бане, а также своеобразный обход свадебного поезда и др.

В последние годы внимание к традиционной вепсской свадьбе резко возросло. Реконструкцию отдельных обычаев свадебного ритуала включают в репертуар фольклорных коллективов, их исполняют на народных праздниках. В 2006 г. вепсская молодежь с участием специалистов создала фильм о вепсской традиционной свадьбе.

ПОХОРОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В основе вепсского похоронного ритуала лежала идея о загробной жизни, тесной связи между ушедшими в иной мир и живыми. Его соблюдение опиралось на убеждение народа в необходимости беречь родственные и соседские связи, на которых покоился сложившийся веками бытовой уклад крестьянской общины. Внешняя сторона погребальных обрядов строго контролировалась общественным мнением, боязнью родственников обидеть умершего. Погребение и поминки рассматривались как особое событие, когда неуместно было пренебрегать обычаями и считаться с затратами. Для родных важно было получить от умирающего прощение за обиды, когда-то, возможно, причинённые ему. Выполнение наказов умирающего человека являлось обязательным.

Смерть в народных представлениях вепсов воспринималась как божья воля и нечто, не зависящее от воли человека: «*kuna Jumal ozutab, sihe i koled* – где Бог покажет, там и умрешь»; *paid lähen*, а *surm vu lähemba* – рубаха близко, а смерть еще ближе».

Дореволюционная литература о погребальных обрядах вепсов незначительна. Имеются небольшая

заметка А. Малиновского о проведении сорокового дня у чудинов и краткие замечания о похоронах и поминках в очерках В.Н. Майнова и Г.И. Куликовского⁷⁶. В 1960-е гг. В.В. Пименовым отмечен такой любопытный обычай в погребальном ритуале вепсов, как «веселение покойников»⁷⁷. Значительная часть материалов А.И. Колмогорова, посвятившего в начале XX в. несколько лет изучению вепсов, как уже указывалось, была утрачена. В опубликованных им работах, практически нет информации о похоронной обрядности, но весьма точно подмечена основа традиционного мировоззрения народной жизни того времени, полностью зависимой от внешних по отношению к нему сил. Колмогоров А.И. писал: «*Все в жизни чухаря – доброе и злое, радость и горе, болезнь и смерть, урожай хлеба и падеж скота – все зависит не от него, всюду действуют силы, а он только свидетель, сторонний наблюдатель... жизнь чухаря, от рождения до смерти, окутана сплошной цепью всевозможных поверий, обычаев, примет, которые ему необходимо знать и просто соблюдать*»⁷⁸. Смерть в народных представлениях вепсов воспринимается как нечто независимое от воли человека. Наиболее ярко это отражают пословицы – «*kuna jumal ozutab, sihe i koled* – где бог покажет, там и умрешь», «*paid lähen*,

⁷⁶ Малиновский А. Обряд поминовения умерших в 40-й день у чудинов западного побережья Онежского озера // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 55–57; Майнов В.Н. Приоятская чужь (Весь–вепсы) // Древняя и новая Россия. 1877. № 6. Отд. оттиск. С. 26; Куликовский Г.И. Похоронные обряды Обонежского края // Олонецкий сборник. 1884. Вып. 3. С. 419–420.

⁷⁷ Пименов В.В. К вопросу о карельско–вепсских культурных связях // Советская этнография. 1960. № 5. С. 39.

⁷⁸ Колмогоров А.И. Указ. раб. С. 371.

a surm vu lähemba – рубаха рядом, а смерть еще ближе». Обобщающими работами по похоронной обрядности являются работы автора⁷⁹ и И.Ю. Винокуровой⁸⁰. Сбор сведений проводился в 80-е гг. прошлого столетия, но, как показывают материалы, древние поверья и приметы по-прежнему остаются нормой поведения сельских жителей при погребении своих родственников и односельчан. Погребальный обряд вепсов при общей единой схеме его проведения в разных этнолокальных группах отличался в деталях, а иногда и внутри групп.

Подготовка к похоронам

Специальных приемов оповещения о смерти не было. Об этом узнавали обычно друг от друга. Сразу же после смерти в избе занавешивали окно, освещавшее передний угол с боковой стороны, закрывали предметы, способные отражать (зеркало, самовар): «*чтобы в зеркале не показался второй покойник*», «*иначе в доме еще кто-то умрет*»⁸¹. открывали дымоход, «*чтоб душа улетела*». У прионежских вепсов в стакан с водой опускали древесный камень – *čurukivi*⁸².

⁷⁹ Строгальщикова З.И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 65–85.

⁸⁰ Винокурова И.Ю. Похоронно-поминальная обрядность // Прибалтийско-финские народы России. С. 419–425.

⁸¹ Это объяснение, видимо, исходит из поверья, что образ, отраженный в воде, зеркале, небезопасен для человека и связан с идеей привидения, смерти. См.: Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982. С. 357.

⁸² *čurukivi* – камень дресвяник. См.: Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. С. 66; У карелов известно использование его как оберега в родильных

Южные вепсы клали в божницу стакан с водой и горбушку хлеба. Средние вепсы наполняли водой два стакана: один из них ставился на печь, другой — над верхним косяком двери. По тому, как «метились» водой наиболее важные (божница, дверь) и доступные для проникновения извне части жилища (окно, дверь), виден защитный характер обычая⁸³. Оберегательная функция воды усилена одновременным применением *čurukivi* и хлеба. Об этом свидетельствовали и дальнейшие действия с данными предметами (см. с. 191). У южных вепсов и части соседних с ними средних (тихвинских) воду держали до сорокового дня, меняя ее каждый день. Считалось, что она нужна для питья душе покойного⁸⁴. По традиции здесь сразу после смерти в переднем углу на боковой стене вывешивали «узорное» полотенце и что-нибудь из одежды покойного. Обычай держать до сорочин в переднем углу вышитые полотенца известен как у восточнославянских, так и у финно-угорских народов. Они считались пристанищем души покойного, обитающей в доме до сорокового дня⁸⁵.

обрядках. См.: Из быта и верований кореляков Олонецкой губернии. Б. м., б. г., С. 6, 10.

⁸³ Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983, с. 134–145.

⁸⁴ По литературным данным, в приготовленной для покойника воде «душа окунается» или «утоляет» жажду. См.: Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877. С. 192; Федянович Т.П. Изучение семейных обрядов мордвы // Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1970 году. М., 1971. С. 147.

⁸⁵ Шангина И. И. К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 119–120; Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских обычаях и обрядах

По мнению А. П. Косменко, вышитые полотенца в вепских семейных обрядах в прошлом играли роль женских магических предметов (медиаторов), с помощью которых устанавливалась связь живых с предками⁸⁶. В погребальном ритуале они выступали в качестве предметов, по которым душа покойного проникала в мир своих предков и при поминках возвращалась к потомкам. В настоящее время среди вепсов подобного утверждения зафиксировать не удалось; по современным представлениям, оно вывешивается, «чтоб душа вытиралась».

Покойника обмывали на полу, постелив солому. Обмывать покойного могли не все. По обычаю южных вепсов покойника мыли самые близкие родственники, что соблюдается до сих пор. Средние вепсы поступали так же довольно часто, хотя и утверждали, что обмывать умершего должны дальние родственники и даже одного с ним пола. Очень категорично заявляли об этом вологодские вепсы: *«Ни в коем случае дети не обмывают, жена не должна мыть мужа», «мужчины моют мужчин, а женщины – женщин»*⁸⁷. Сейчас

XIX — начала XX века. М., 1984. С. 94; Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов Коми // Тр. Ин-т этнографии. М., 1958. Т. 45. С. 328; Терюков А. И. Погребальный обряд вымских и вишерских коми // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 29.

⁸⁶ Косменко А.П. Функция и символика вепского полотенца (по фольклорно-этнографическим данным)// Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 38—55.

⁸⁷ Обычай обмывания покойника лицами одного с ним пола зафиксирован у сегозерских карел как наиболее древний. См.: Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в. Л., 1980. С. 23. Его придерживаются и коми-ижемцы. См.: Терюков А. И. К изучению погребального обряда коми-ижемцев // Полевые исследования Ин-та этнографии 1980—1981 годов. М., 1984. С. 222.

для этого чаще всего приглашают пожилых женщин. У северных вепсов последнее уже вошло в традицию. Здесь даже утверждают, что покойников должны мыть старые девы или вдовы, так как *«они чистые»*. Особенно строго придерживались данного правила, если умерший был женатым мужчиной. Также запрещалось принимать участие в обмывании покойника близким родственникам, девушкам и мужчинам. В действительности же бывали случаи, когда близкие родственники и даже мужчины обмывали умерших. Обычай нарушался волей покойного: *«кому накажет, я лично сама мать мыла, она так просила»*. При обмывании покойника «приплакивали», спрашивая, нравится ли ему обращение с ним. Мыло, тряпочку и воду после мытья покойника берегли «пуще глаза» — с их помощью может быть наведена порча⁸⁸. Всё, что использовалось при обмывании покойника, а также матрас, на котором он умер, одежду, в которую он был одет при смерти, сжигали в дальнем углу двора или за деревней. Для обмывающих покойника готовилось угощение. В двух деревнях (Пондале и Шондовичах) сразу после смерти заваривали толокно с солью. Им поминали покойного те, кто его обмывал.

Смертная одежда готовилась заранее. В настоящее время покойника «обряжают» в самую

---

⁸⁸ Мыло, которым обмывали покойного, как считалось и у других народов, приобретало магические свойства. В одних случаях оно обладало мертвящей силой и было опасно для живых, в других использовалось в лечебных целях. Ср.: Ефименко П. С. Указ. раб. С. 192; Маслова Г.С. Указ. раб. С. 109; Терюков А.И. К изучению погребального обряда коми-ижемцев. С. 222. У северных вепсов зафиксировано поверье, что такое мыло, хранящееся за матицей, избавляет дом от тараканов.

нарядную и нередко новую одежду, которую обычно пожилые готовили себе заранее. Смертной одеждой женщин было все «старинное», но на ней не должно быть вышивки⁸⁹, иначе «там держат покойника под дождем, пока одежда не вылиняет», или «под палящими лучами солнца, пока не выгорит». В прошлом она могла быть только белой или светлой. Особо оговаривали, что «нельзя ничего одевать красного». Если же одежда не была приготовлена заранее, то ее шили наметкой, швом «от себя». На мужчин – холщовые брюки, рубаху, балахон с поясом. На умерших, как мужчинах, так и женщинах, обязательно должен быть одет пояс. Молодых, не состоявших в браке юношей и девушек, хоронили в свадебной одежде. На ноги обували лапти или кожаные сапоги, сшитые дратвой или подбитые деревянными гвоздями, и не мазанные дегтем. У прионежских вепсов для покойников шили специальные остроконечные полотняные сапоги. Здесь сохранились воспоминания о том, что раньше поверх одежды надевали кукель⁹⁰. Судя по описанию знатоков обрядов, – *kukkel'* у вепсов и у карелов шили в виде длинной холщовой накидки с капюшоном, закрывавшей покойного снизу и с боков⁹¹. «Обряженного» покойника укладывали в переднем углу, на боковой лавке головой к иконам.

⁸⁹ По отдельным высказываниям, рубахи с вышивкой разрешалось надевать только на умерших молодых замужних женщин.

⁹⁰ Кукель в виде холщового головного убора, напоминающего капюшон, считается специфической частью погребального комплекта одежды на Европейском Севере. См.: Маслова Г.С. Указ. раб. С. 90. У удорских коми кукулем называли накомарник — капюшон из белого холста, закрывающий голову и шею от комаров. См.: Белицер В.Н. Указ. раб. С. 250.

⁹¹ Духовная культура сегозерских карел... С. 24.

При этом обязательно отмечали, что он должен лежать вдоль половиц.

Пространство у боковой стены дома рассматривалось как принадлежащее покойнику: здесь на лавке его укладывали после кончины, на боковой стене в изголовье вешивали полотенце, на окне ставили стакан с водой, стелили «постель» до сорочин и т. п. Лавка вдоль лицевой, фасадной стены предназначалась для «свадебщиков». В последнее время в некоторых местах появилась традиция располагать скамейку с умершим по диагонали от угла, что объясняют удобством «общения» с покойным. Если у покойного не было креста, то ему его одевали. К сложенным рукам (правая рука должна закрывать левую) приставляли небольшую иконку.

Уложив покойника, начинали его оплакивать. Причитывали в основном близкие родственники. Имеются единичные свидетельства о том, что оплакивали и мужчины. Особенно полагалось оплакивать дочери умершую мать — «путь легче». Приведем отрывок плача по умершей матери⁹²

Kalliž sina kand'aihudem,
Rodimi da roditel',
Mina ougotan kibedan
kird'aižen
Verihižidenke kündlidenke,
Niskiad poklonad,
Roditel'skiad blahosloveniad
Lämeiš ei pala,
Vedehe ei upta.

Дорогая ты меня вырастившая,
Родимая да родительница,
Я отправлю горькое письмецо
С кровавыми слезами,
Низкие поклоны,
Родительское благословление
В огне не горит,
В воде не тонет.

⁹² Исполнитель неизвестен с. Шимозеро Вытегорского района Вологодской обл., запись 1889 г. См.: Setälä E. N., Kala J. H. Näytteittä Äänis- ja Keskivepsän murteista. Helsinki, 1951. S. 542.

Раньше не принято было оплакивать маленьких детей, говорили, что «их там задразнят», но в последние годы оплакивают и детей, если в семье есть

умеющие оплакивать. Ниже приводится плач по утонувшему внуку⁹³.

Плач по внуку

Sokol sinä minun poigeine
Libed sinä minun linduine,
da sokol sinä minun poigeine,
ka spravin' ved minä sindai tänabeižel čomal,
čomal vouktal pejeižel-se ku,
ka en ved čomaha vesl'aha besedeižhe-se,
ka en ved čomaha vesl'aha klubeižehe-se.
Ka spravl'ain' minä sindai gor'o-gor'ki-se
i surhe službaha da surile načal'nikoile-ni,
i verhile viluile randeižile-ni.
Ka libed linduine, minä ajetin' tiidätoi
i necil keväduu da se vast käbedaha,
vast käbedaha da kezeižehe-se,
i kahtiidatoi, libedad da linduš-tse.
I kut minei linneb mänetada nece,
pit'k da käbed kezeine-se ku?
Ka kut minei linneb unohtada ičein'
i laskav vonukeine-se?
I ningoman se čudoižen-se učudi,
i miččen hän ku radoižen-se radoi?!
Ka ken händast sinnä käski jügedale,
i strašnijale da ku surmeižehe-se?
Ka ei ved embeinu ku minä sanuda
i jalgmäšt hänele ku veihut-se.
I mišto ala-ske sinä mäne sinnä,
ka, oi, ved embeinu minä perđutada händast,
i libedad linduš-tse, čomad rožašt-se.
Ka mäni hän ku ičeze glupil' melüzil'-ni
viluhu vedudehe-se.
Ka ei ustrašinus hän sinnä kacuhtada,
ka tegi hän ku minei igähižen i abideižen i dosadeižen-se
ka igäks keikeks sugudeks, minei, gor'o-gor'kijale.

Андреева Клавдия Григорьевна, д. Ярославичи Подпорожского района Ленинградской области, запись М.И. Зайцевой-М.И. Муллонен, 1968 г.

Сокол ты мой мальчик
Милая ты моя птичка,
и сокол ты мой мальчик (сынок),
и ведь отправила я тебя сегодняшним хорошим,
красивым деньком-то и ведь не на хорошую, веселую бе-
седушку,
и ведь не в красивый, веселый клуб.
Ведь отправила я тебя, горе-горькая-то,
и на большую службу да к большим начальникам-то,
и в чужой, холодный край-то.
Так, милая птичка, я отправила вас
и этой весной-то да перед теплым,
да перед теплым да летечком-то
и двоих, милые вы птички.
И как мне надо будет провести это
долгое да теплое летечко-то да?
Так как мне будет забыть своего
и ласкового внука-то?
И какое чудушко-то учудил,
и какое он дело-то сделал?!
И кто его туда направил,
на трудную и страшную да на смерть-то?
Так ведь не могла я и сказать-то
и последнего ему словечка-то.
Что не иди-ка ты туда,
так, ой, ведь не могла я вернуть его,
и милую птичку, красивое личико-то.
Так ведь пошел он своим глупым умишком-то
в холодную водичку-то.
И ведь не побоялся он туда посмотреть,
и сделал он мне вечную и обидушку, и досадушку-то
и на веки вечные всей родне, мне, горе-горькой.

⁹³ Käte-ške käbedaks kägoihudeks. (Вепские причитания).
С 177 -180. .

До погребения все односельчане и родственники из других деревень приходили проститься с покойным. Запрещалось посещать покойников только беременным женщинам, иначе лицо (или губы) у родившегося ребенка будут «бледными, синими или желтыми». В случае, если покойник был близким родственником и на похороны нужно было идти непременно, беременная женщина прятала за пазуху красную тряпку или деревянную ложку, которые якобы предохраняли плод от нежелательных последствий⁹⁴. Вновь пришедшие причитывали, обращаясь к покойнику с плачем, содержание которого чаще всего сводилось к сожалению, что умерший уже больше никогда его не встретит. Этикет требовал, чтобы пришедшие сперва здоровались с покойником, а затем с остальными. Кроме словесного приветствия принято было пахнуть платочком над умершим и поклониться ему⁹⁵. Пришедшие навестить покойника поминали его «белым» киселем (овсяным или из ржанных высевок) из общей чашки.

Покойника старались не оставлять одного даже ночью. В темное время суток в комнате умершего обязательно должен был гореть свет. По обычаю хоронили только на третьи сутки после смерти,

⁹⁴ По литературным сведениям, посещение покойников беременными запрещалось и у других народов. См.: Устинова М.Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М., 1980. С. 54; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 144; Беляева Н.Ф. Традиции физического и трудового воспитания детей у мордвы (конец XIX — начало XX в.)// Семейные обряды мордвы. Саранск, 1984. С. 90.

⁹⁵ «Опахивание» платочком могил у вепсов являлось жестом приветствия и прощания при посещении умерших на кладбище.

непременно до полудня. Покойника перекладывали в гроб утром в день похорон. Ложке устраивали из березовых листьев, снятых с веников. Иногда под ноги и голову клали льняную кудель. Старики осуждают появившуюся «моду» стелить на дно гроба вату: она легко воспламеняется и, по их мнению, опасна при переходе через «огненную» реку. В гроб укладывали некоторые вещи покойного, используемые при его «обряжении», а мужчинам также табак, папиросы, водку. Пожилым вручали «подорожную» (разрешительную молитву⁹⁶), на лоб накладывали «венчик». Их покупали заранее и хранили в узелке со смертной одеждой. Сверху тело покойного раньше накрывали белым холстом. Края покрывала не обрезали ножницами и не обшивали: ткань нужной длины отрывали руками.

ПОХОРОНЫ

Перед выносом покойника исполнялись последние причитания. Приведем плач сестры по умершей старшей сестре перед выносом гроба из дома⁹⁷.

Сразу после выноса покойника принимали ряд охранительных мер. Одна из них — «окуривание» покойника. Имеется одно сообщение, что в избе при выносе жгли бересту. Осмысливался этот обычай как очищение избы от запаха и даже присутствия покойника. Кадили до росстаней. Это полагалось делать чужому, а после угли и кадьлицу выбрасывали. Во всех группах вепсов порог перед выносом «окропляли». Северные вепсы это делали

⁹⁶ Молитва, читаемая священником или архиереем в конце отпевания.

⁹⁷ Käte-ške käbedaks kägoihudeks (Вепские причитания). С. 139–142.

Причитание сестры по умершей старшей сестре

Užeške i minä probuin pagištoitta i lodeižoitta ičiin' da
sizaruden-se
Užeške i minä probuin' pagištoitta i lodeižoitta ičiin' da
sizaruden-se,
ičetoi čižoihudem,
stanovide-ške minunke paksuile pagineižile-ni
i laskvile loduižile minunke i jäl'gmeine čoma kerdeine.
I setei čižoihudem, kutak sinä dumeid' necen dumeižen-se
i kutak radoid' necen radoižen-se, üks'-ühteliiz, üks'-ičeliiz-se.
I setei čižoihudem,
sinä oled pitkäd volhad voduded verhou viluu randeižuu,
i kazvoid' sinä sures kanzas i olid' sinä vanhemban lapsen-se,
ii sand sindei miide rodimijoile roditel'oile ni-sobitada, ni-
sädatada.
I läksid' sinä jo kodišpei-se verhale vilule randale
i kesken kazvatoman vihandan hiineižen-se.
I setei čižoihudem, pučuižessei sinei oli
löumei жүged radoine-se,
ii kelle sindei kacta verhou viluu randou-se,
i kazvatid' sinä ičiiz libedid' linduižid' üks'-ühteleiz,
i polni polnik sinuspei eranganzi
i jäti pun'kuižid lapsid-ni,
i kaika sinei oli löumei rad-se.
I ii kelle olend sini alaštada ičiiz avaroid' abidoid'.

I setei čižoihudem, adivoiče-ške jäl'gmeine nece čoma kerdeine
ičemoi kal'henke kanzanke,
i adivoiče-ške ičemoi suren sugan i hiimokundanke,
i kerada-ške sinä ičiiz libedid' linduižid' i laskvid' vonukeižid'-
ni,
i anda-ške sinä hiile roditel'ski blagosloven'-se.
I roditel'ski blagosloven' ved ii pala lämmoiš,
ii upta ves'as vedudes,
ii segoi pimedas mustas mecas.

Погоди-ка, я попробую разговорить и разбеседовать свою се-
стрицу
Погоди-ка, я попробую разговорить и разбеседовать свою се-
стрицу,
нашу старшую сестрицу,
вставай со мной на частые разговорчики
и на ласковые речи со мной и в последний разочек.
И милая сестрица, как ты надумала эту думушку-то,
и как наработала эту работушку-то, одна-одинешенька, одна
себе самой.
И милая сестрица,
ты была долгие годики на чужом холодном берегу,
и росла ты в большой семье и была ты старшим ребенком-то,
и нельзя было тебя нашим родимым родителям ни одеть, ни
нарядить.
И ушла ты из дома на чужой холодный бережок
еще не выращенной зеленой травинкой-то.
И милая сестрица, с малолетства у тебя была тяжелая трудная
работушка-то,
и некому за тобой присмотреть на чужой холодной сторо-
не-то, и растила ты своих милых пташечек одна-одинешенька,
и полная половиночка (супруг) от тебя ушел
и оставил маленьких детей-то,
и всегда у тебя была тяжелая работа-то,
и некому было тебе поубавить своих обширных обид.
И милая сестрица, погости последний этот хороший разочек
со своей дорогой семьей,
и погости со своей большой родней и соплеменниками,
и собери ты своих милых пташечек и ласковых внуков-то,
и дай ты им родительское благословение-то.
И родительское благословение ведь не горит в огне,
не тонет в веселой водице,
не затеряется в темном, черном лесу.

Исполнитель: Максимова Евгения Степановна, д. Озера Подпорожского района Ленинградской области,
запись О.Ю. Жуковой, 2003 г.

водой, стоящей на подоконнике со дня смерти. Вслед покойнику бросали левой рукой древесный камень (*čurukivi*) со словами: «*чтобы камнем холодным от нас ушел*». Средние вепсы кропили избу и пороги водой, хранящейся с момента смерти на печи или на притолоке двери. Южные вепсы для этой цели специально готовили «святую» воду, предварительно обмыв в ней икону. Во всех группах вепсов для окропления применяли и простую воду, которую разбрызгивали чистым веником вслед выносимому из дома покойнику. Сразу после выноса покойного во все пороги вбивали гвозди⁹⁸. Уточняли, что раньше вбивали не простые, а подковные гвозди. Имеется одно сообщение, что под порог забивали подкову. Объясняют это различным образом: «*чтобы не вернулась душа*», «*чтобы не бояться*», «*чтобы не было большие покойников*».

Средние вепсы, как только поднимали гроб, на его место бросали кочергу или осиновое полено. Скамейку, на которой стоял гроб, переворачивали. Обычай после выноса покойника вбивать в порог гвозди и переворачивать скамейку известен у сету и карелов⁹⁹. Русские крестьяне верили, что подкова или скоба у порога предохраняют дом от болезней¹⁰⁰. Общеизвестна в поверьях многих народов и роль осины (осиновый кол, плаха) для предупреждения злых действий со стороны покойника.

⁹⁸ В некоторых случаях говорили, что гвозди забивали в один порог, и указывали либо первый в избе, либо последний в сенях.

⁹⁹ Карелы Карельской АССР. С. 149; Духовная культура сегозерских карел. С. 26; Рихтер Е.В. Некоторые особенности погребального обряда сету // Советская этнография. 1979. № 2. С. 118.

¹⁰⁰ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 661.

В доме прощались только те, кто по каким-то причинам не мог присутствовать при выносе. Кто не шел на кладбище, прощался на улице, у дома, на росстанях, краю деревни. Раньше северные и средние вепсы умершего поминали «белым» киселем из общей чашки, южные и соседние с ними средние (тихвинские), кроме киселя, обязательно – кутьей и вареными яйцами. Поминальная еда выносилась ими обязательно в решете. Каждый, прощаясь, должен был непременно помянуть покойного.

Для выноса покойного делались специальные носилки из двух еловых жердей (рис. 82). В похоронной обрядности вепсов, так же как и других финно-угорских народов, погребальные носилки играли важную роль¹⁰¹. На них, если кладбище было

Рис 82. Похороны у прионежских вепсов. 1930-е годы

¹⁰¹ О носилках как весьма важном и древнем элементе погребальной обрядности сету см.: Рихтер Е.В. Указ. раб. С. 125—126. Автор собрал сведения о применении носилок в погребальном ритуале финно-угорских народов — води, ижор, марийцев, мордвы. Носилки для умерших изготовляли и коми-ижемцы. См.: Терюков А. И. К изучению погребального обряда коми-ижемцев. С. 223.

недалеко, покойного несли до могилы. По дороге на кладбище покойника везли в церковь, где его отпевали. Если церковь была далеко, покойного отпевали дома, хотя это считалось нарушением правил.

В случае, если на погост приходилось ехать, гроб на носилках доносили до росстаней или до конца деревни. И теперь, когда чаще всего гроб везут на кладбище на машине, до могилы его непременно несут на носилках. Носилки с гробом ставят над могилой для последнего прощания.

После погребения носилки используются как надмогильные сооружения (рис. 83). У пязозер-

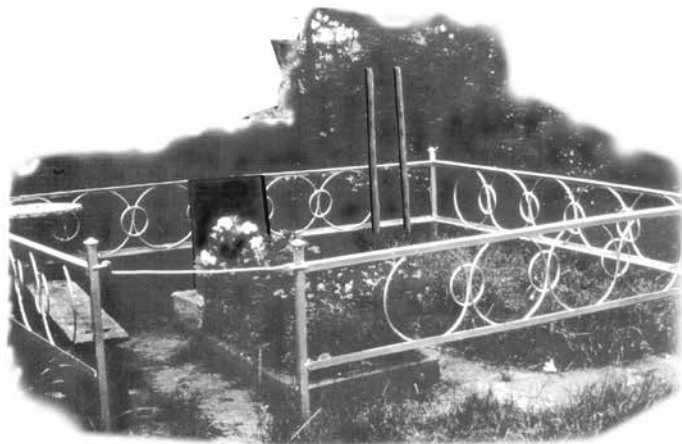

Рис 83. Погребальные носилки – надмогильное сооружение

ских и тихвинских вепсов известен обычай «погребаницы»,¹⁰² когда на крышку гроба стелили «узорное» полотенце или холст. В Тихвинском районе этот обычай сочетался с правилом «первой встречи», т. е. «погребаница» вручалась первому, кто встречался

¹⁰² «Погребницей» называли одежду (сарафан, кафтан и т. п.), положенную на крышку гроба, которая шла церковному причту или раздавалась за какую-нибудь помощь на похоронах. См.: Маслова Г.С. Указ. раб. С. 93.

похоронной процессии. Пязозерские вепсы передавали ее на кладбище нищим, или она шла в пользу церкви. У тихвинских вепсов, если никто по пути на кладбище не встретился, «погребаницу» вешали на могильную палочку. Этот обычай бытовал и среди пязозерцев.

Об участии близких в выносе, копании могилы, опускании и зарывании покойного в разных местах высказываются по-разному. У северных вепсов это делали дальние родственники или соседи, мотивируя тем, что «своим нельзя», «казаться будет», «неудобно вроде своего убирать». Вместе с тем известны случаи участия в погребении близких родственников: «я сама отцу могилу копала». Жители отдаленных деревень утверждают, что раньше все делали свои (сыновья, дочери). В Вологодской области (у куйско-пондальских вепсов) «убирать» покойника также должны свои родственники, у пязозерских — больше свои, как было принято раньше. Подобная же ситуация отмечена и у средних вепсов Ленинградской области. Здесь родственники все делали сами, но известно, что «вроде убирать покойника своим нельзя». Такое же примерно представление бытует у южных вепсов д. Радогощ и примыкающих к ней селений. Южные вепсы Сидоровского сельского совета убеждены, что все должны делать «родные руки», так «как последний почет отдаем», и даже, что «не свои не должны и касаться».

По всей вероятности, у вепсов в прошлом не было отстранения близких родственников от этих обязанностей. Пока трудно сказать, как долго сохранится старинный обычай выполнять все действия, связанные с захоронением умершего, самыми близкими родственниками, но отголоски прежних традиций сохранились и при

совершении погребения по новым правилам. Так, при соблюдении запрета «зарывать покойного сыновьям, дочерям» им, однако, полагается первыми кинуть горсть земли на опущенный в могилу гроб.

Перед погребением в могилу бросали медные деньги¹⁰³, тем самым выкупая, по мнению знатоков обряда, место для покойного. Имеется лишь одно высказывание, что при этом они просили покойника передать деньги своим родным¹⁰⁴. На кладбище иконку и крест с умершего снимали¹⁰⁵. Раньше иконку до сорокового дня у средних вепсов оставляли на могиле, а южные вепсы хранили ее в церкви или в часовне.

Перед тем как закрыть гроб, на лицо покойного натягивали холст, бросали на него три щепотки земли (желательно «отпетой» в церкви)—«два раза на голову, один раз в ноги». Гроб опускали на полотенцах, холсте, веревках. Иногда отмечали, что на веревках опускали лишь ту часть гроба, где находились ноги покойного. Северные и средние вепсы, кроме проживающих в Ярославичах,

раньше опускали незакрытый гроб на руках. Его передавали двум спустившимся в могилу мужчинам, в обязанности которых входило бросить на покойника несколько горстей земли перед закрытием гроба. В тех местах, где гроб опускали на руках, отмечают, что могилы рыли неглубокие. Полотенца и холст, на которых опускали гроб, назад домой не приносили: у северных и средних вепсов их отдавали вдовам, старым девам или нищим (у северных вепсов их можно было зарыть также и в могиле), а у южных—тем, кто копал могилу. При погребении крест не устанавливали.

При оформлении надмогильных знаков соблюдаются весьма древние обычаи, которые различаются в разных группах вепсов.

Северные вепсы после погребения в ноги покойному втыкали носилки, на которых его принесли на кладбище¹⁰⁶. Верхние концы носилок возвышались над могилой примерно на метр (рис. 82). После сорокового дня, раньше—на годовщину, их вытаскивали и на это место устанавливали крест. И сейчас еще помнят, что «раньше крестов не ставили, а стояли палки, пока не сгниют». Вытащенные палки оставались на кладбище приставленными к деревьям, уносить их куда-либо строго запрещалось. У южных и средних вепсов в ноги покойному втыкалась одна жердь¹⁰⁷. После

¹⁰³ У вепсов, как и у русских сопредельных районов, запрещалось бросать в могилу серебряные монеты. По поверьям, у вепсов они являлись одним из самых распространенных оберегов при посещении каких-либо торжеств.

¹⁰⁴ В литературных источниках принято считать, что деньги передаются покойному для платы за перевоз через «огненную реку». См.: *Маслова Г.С.* Указ. раб. С. 91.

¹⁰⁵ В запрете хоронить с крестом, а также надевать его на венчание видят отголоски древних представлений, согласно которым в решающих моментах обрядов «перехода» вводилось табу на металлические предметы. Исключение составляли лишь деньги: при венчании они могли находиться в обуви жениха или невесты, при похоронах — в гробу или бросались в могилу. *Маслова Г.С.* Указ. раб. С. 67, 91, 129.

¹⁰⁶ Такой же обычай отмечен во второй половине XIX в. у русских Архангельской обл. См.: *Ефименко П.С.* Указ. раб. С. 192.

¹⁰⁷ Обычай доставлять умершего на носилках — двух жердях и одну из них ставить в качестве надмогильного знака встречался еще в 20-е годы XX вв. у поморов. По мнению В. Алымова, обратившего внимание на простые «колы» на могилах поморов, эти «языческие» надмогильные знаки являются остатками былой культуры древних аборигенов

сорочин ее также обычно заменяли крестом, хотя это делалось не всегда. У южных вепсов крест иногда заменяла можжевельная палка. *«Кресты всякие были — самые простые — можжевельник высушить, окорить — вот тебе и крест»*. На могилах крещеных детей и особенно девушек сажали кусты можжевельника, которые украшали разноцветными ленточками и тряпочками¹⁰⁸.

По мнению молодежи и людей среднего возраста, парные палки на могильных холмах у северных вепсов и «палочки» у средних и южных вепсов ставятся для «знака» или для поддержки венков. Но среди пожилых и знатоков обряда бытуют иные объяснения. Северные вепсы считают, что палки необходимо втыкать по той причине, что те являются собственностью покойного и, следовательно, должны быть при нем. Очень любопытное и неизвестное по литературным данным объяснение назначения надмогильной «палочки» приводят средние и южные вепсы. С ее помощью, как утверждают информанты, поддерживается до сорокового дня связь покойника с миром живых: *«по палке душа поднимается», «через нее и разговор с покойником», «до сорочин ход ему оставлен», «дорогу оставляют покойнику»*. Верили, что отпевание доходит до умершего именно по отверстию, образуемому после снятия палочки: *«раньше поп придет на могилу, отпевает в эту дырочку, отпевание пойдет туда»*. При заочном

отпевании полагалось отпетую землю сыпать в это отверстие: *«землю отпоют, когда палочку снимут, землю туда опустят»*, или, если отпевали до сорочин, *«палочку пошатаешь — туда и насыпишь»*.

ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

После погребения на кладбище устраивали поминки. Северные вепсы раньше обязательно брали с собой кутью, но теперь это делают редко, поэтому традиция поминальной трапезы на могиле исчезает. Многие уже утверждали, что на могиле *«ничем не поминают»*. Средние вепсы (вологодские и оятские) кроме кутьи приносили кисель. Только в Ладве поминали одним яичным «блином» *munakürz*¹⁰⁹, который делился на кусочки по числу присутствующих. У южных и их соседей, средних вепсов (тихвинских) обязательны были кутья, кисель и вареные яйца, а у сидоровских — еще и сусло. Разreshалось приносить и другую еду — рыбники, колобы и даже «стопочку». Нельзя было помянуть лишь мясными кушаньями¹¹⁰. Еду вепсы Вологодской области раскладывали на поминальной доске или полотенце, иногда на растеленном на доске полотенце, а вепсы Ленинградской области — только на доске. В Ладве яичный «блин» разрезался прямо на доске. У южных вепсов свежую могилу закрывали хвоей и на ней раскладывали еду. Существует поверье, что после поминок надо сразу уходить с кладбища, не заходя на другие могилы, — *«все покойники встречают, встали хоронить»*, а членам семьи умершего *«нельзя до сорочин на чужие могилки заходить»*.

края, которые позднее были заимствованы пришлым славянским населением. См.: Алымов В. Надмогильные памятники поморских рыбаков (из истории северопоморской культуры)//Карело-Мурманский край. 1929. № 2. С. 21—22.

¹⁰⁸ Как известно, можжевельник у скандинавских и финских народов считается священным деревом. См.: Мансика В. П. Из финской этнографической литературы//Живая старина. СПб., 1917. С. 206.

¹⁰⁹ Munakürz говился из трех взбитых яиц, печь его полагалась на углях.

¹¹⁰ Запрет помянуть мясом известен также и у карелов. См.: Карелы Карельской АССР. С. 149.

В доме после выноса покойника *«двери не закрывают, пока с кладбища не вернутся»*, но *«дом пустой не оставляют»*. Обычно в доме остаются дальние родственники или соседи. Им полагалось вымыть полы, обтереть лавки, особенно тщательно ту, на которой лежал покойник, порог и дверную ручку. У северных вепсов считалось, что если это сделает вдова, то она скоро выйдет замуж. Северные и средние вепсы в этот день топили баню. Оставшиеся накрывали столы. Кто-нибудь из них убирал стружки от гроба, прутья от веников, с которых счищали листья для ложа умершего, солому, на которой он умирал, а в отдельных местах и одежду, бывшую на нем при смерти, постельное белье и матрац покойного. Объясняют это боязнью порчи, исходящей от них. У южных и средних вепсов, судя по высказываниям информантов, сжигать их начали недавно: *«раньше не сжигали, постирают, но до сорочин не держали, потом попрошайкам давали»*. Теперь жгут из-за того, что она никому не нужна, отчасти и по соображениям гигиены: *«ею брезгают»*.

Обычай сжигать стружку от гроба, солому, на которой мыли покойника, березовые ветки и другие предметы, оставшиеся после умершего, известен многим народам и считается пережитком некогда бытовавшего обряда трупосожжения¹¹¹. У вепсов он также, возможно, восходит к существовавшему в X—XI вв. у древней веси обряду трупосожжения¹¹².

Время устройства костра сейчас у вепсов

различное. Чаще распространено сжигание «вещей» покойного во время погребения, в некоторых районах (у тихвинских и мягозерских вепсов) их сжигают после возвращения с кладбища. При сжигании наблюдали: *«куда летит дым, в той стороне скоро будет покойник»*¹¹³. На кострище «знающие» клали крест из лучины¹¹⁴.

Пришедших с кладбища встречали у входа в дом. Для них выносили кисель, полотенце. Они предпринимали ряд очистительных мер. У северных и средних вепсов Ленинградской области соблюдается известное в похоронной обрядности и других народов требование обязательного посещения бани теми, кто вернулся с кладбища, — *«иначе и спать нельзя ложиться»*¹¹⁵. Всем полагалось мыть руки. Южные и средние вепсы их вытирали о полотенце, северные и средние вепсы Ленинградской области, кроме ярославичских, шли в избу и *«вытирали» руки о печь, стараясь дотронуться до той части печи, где огонь шел*. Обычай прикасания к печи после возвращения с кладбища общеизвестен. Его связывают с древними представлениями об очистительной силе огня¹¹⁶. Ныне существующие

¹¹¹ Савельева Э.А. Пермь вычегодская: к вопросу о происхождении народа коми. Л., 1971. С. 153; Рихтер Е.В. Указ. раб. С. 126.

¹¹² Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 11—19.

¹¹³ Сходная примета: если дым идет в сторону деревни, то смерть снова унесет кого-либо из ее жителей, — отмечена у сету. См.: Рихтер Е. В. Указ. раб. С. 126.

¹¹⁴ По всей вероятности, крест из лучины здесь выступает в качестве оберега. По народным поверьям вепсов, кресты из лучины также кладутся на перекрестки дорог при «переговорах» с лесным хозяином о возвращении потерявшегося в лесу скота. Аналогично поступали и русские крестьяне Карелии. См.: Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 56—57.

¹¹⁵ Духовная культура сегозерских карел. С. 29.

¹¹⁶ Котляревский А. О погребальных обрядах языческих

толкования этого действия, судя по литературным данным, сводятся в основном к передаче печи горя и тоски об умершем, болезни и смерти, предупреждению боязни покойника¹¹⁷. У вепсов, кроме этих объяснений, имеются и другие: у северных – «чтобы запах не шел», «чтобы не снился», «чтобы не повторилось вновь», «чтобы не мерзли руки зимой». Иногда при касании печи, как бы желая заимствовать у нее прочность и вечность, произносили: «Как эта печь стоит, не двигается, не боится никого, так и я»; «пусть все в доме стоит, как печь»; выражают пренебрежение к смерти: «Смерть, я тебя не боюсь, ты меня бойся». У средних вепсов объяснения несколько иные. Касаться печи руками, а также губами положено непременно тем, кто дотрагивался до покойника руками или целовал его. Верили, что иначе у него зимой будут мерзнуть руки, а губы станут синими. Вепсы считали, что прикосновение к печи избавляет от страха перед покойником.

Для избавления от боязни покойника известно много средств. Кроме упомянутого забивания гвоздя в порог жилища, дети умершего должны были пройти под гробом при его выносе, взрослые члены семьи в то же время, отвернувшись от покойного, кланялись и смотрели на него между ног. При отправлении похоронной процессии смотрели из-под саней на копыта уходящей

лошади. На кладбище гроб хлестали рябиновой веткой¹¹⁸, трогали большой палец ноги покойного, втайне от всех клали щепотку свежерытой земли себе за пазуху¹¹⁹. При возвращении с кладбища лошадь поворачивали к дровням, обходили их три раза и смотрели на копыта лошади. Дома те, кто боялся, смотрели в печную трубу или в подполье. На ночь оставляли у дверей веник, под порогом – осиновое полено, «чтобы покойники не ходили». Те, кто долго не мог освободиться от страха, вечером после захода солнца должны были помянуть покойника на улице у большого угла избы или идти на кладбище и просить прощения у покойного.

Почти все эти действия как предупреждающие и избавляющие от страха перед покойным известны в традиции других народов. Особо следует отметить «смотрение промеж ног». По поверьям водлозерских пудожан, если смотрящий находился на третьей ступеньке лестницы, ведущей в хлев, то мог увидеть домашних духов¹²⁰. Население данной местности, как известно, еще в XIX в. считалось обруселой чуждой.

славян. М., 1868. С. 247; Куликовский Г.И. Указ. раб. С. 418; Федянович Т. П. Указ. раб. С. 147. 148; Рихтер Е. В. Указ. раб. С. 116; Карелы Карельской АССР. С. 149.

¹¹⁷ Рихтер Е. В. Указ раб. С. 116; Федянович Т. П. Указ. раб. С. 147—148; Карелы Карельской АССР. С. 149; Еремينا В. И. Историко-этнографические истоки мотива «вода — горе» // Фольклор и этнография. У этнографических истоков и фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 202.

¹¹⁸ О рябине как действенном обереге от злых духов и колдовства см.: Тульцева Л. А. Рябина в народных поверьях // Советская этнография. 1976. № 5. С. 88-89.

¹¹⁹ Считалось, что, если кто-то из посторонних незаметно сыпал землю из могилы за шиворот очень «убивающимся» родственникам покойного, это «охлаждало» их, снимало сильную тоску. Такое же поверье известно и у карел. См.: Карелы Карельской АССР. С. 149.

¹²⁰ Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского района Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 326.

Поминки в доме покойного сейчас устраивают повсеместно. Раньше они проводились значительно скромнее, лишь для близких. Только у южных вепсов, судя по высказываниям пожилых информантов, прежде поминок в доме совсем не справляли – их заменял обход односельчан с решетом, наполненным поминальной едой: кутьей, киселем, вареными яйцами. Так стали справлять здесь 9-й и 20-й день. Состав поминальной еды по группам вепсов несколько различался. Обязательными везде являлись кутья, кисель и блюда из яиц: у южных вепсов подавались вареные яйца, у средних и северных вепсов готовился яичный блин – *tunapirg*. Кроме того, южные вепсы варили сусло, а средние и северные пекли блины с толокном. Кутью принято было подавать в начале поминок, кисель – в конце. После этого трапеза кончалась, оставшуюся еду раздавали беднякам. Интересно, что на поминках северные и часть средних – озерские вепсы покойнику за столом места не оставляли. Здесь еда и питье готовились для него только до выноса и вновь лишь на сороковой день: *«провоженный, так и не ложут»*, *«у нас, когда вынесут, и чашку разбивают и больше места не выделяли, но на 40-й день ложут»*. У остальных вепсов покойнику как почетному гостю на углу стола клали ложку, выпечку. Через угол, где якобы сидел покойник, *«нельзя никому проходить, иначе прогонишь покойника»*. Весьма любопытно, что еда и ложка покойного должны быть закрыты, *«чтобы невидимкою ел»*. Вепсы Ленинградской области ложку и коlob клали под скатерть¹²¹, вологодские закрывали сверху

яичным «блином», называя прикрытую блином еду для покойника *panafid*.

Каждый вечер до сорочин лавку, на которой лежал покойник, протирали чистой влажной тряпкой и покойнику стелили постель из холста, обязательно с подушечкой. Если в доме были молодые супружеские пары, то, после того как все в доме улеглись спать, полагалось вытереть мокрой тряпкой порог, *«чтобы он по чистому пошел, а не по следам молодых, они ведь поганные»*. Эти действия совершают, исходя из представления, что душа покойника сорок дней находится в доме: *«захочет покажется, не захочет – не покажется»*. О времени пребывания ее в доме высказывания противоречивы: по одним душа приходит только на ночь, по другим – только до полуночи. До сорочин двери не запирают.

Северные вепсы и часть средних около пяти часов вечера накануне сорочин ходили на кладбище, где причитывали, *«будят, зовут с собой»*. Дома для «гостя» готовили баню: *«в баню понесешь белье, полотенце, веник положишь на полки, пусть парится, помогаешь мыться»*. Перед началом «мытья» у бани снова причитывали, *«кличут»*, причитывали и после бани – *«спрашиваешь, по нраву ли баенка»*. Одежду, *«использованную»* в бане «гостем», отдавали нуждающимся. После бани родственники поминали покойника. Южные и тихвинские вепсы баню не топили, но на кладбище накануне сорочин также ходили — *«зовут»*. Затем обходили все дворы с решетом, наполненным кутьей, яйцами, калитками, приглашали односельчан на сорочины. Счита-

¹²¹ Очевидно, это очень давняя традиция. В поминальной обрядности вепсов ее указывали дореволюционные исследователи. См.: Майнов В.Н. Приоятская чюдь. С. 26; Кули-

ковский Г. И. Указ. раб. С. 420. Обычай класть на поминках ложку под скатерть для покойника известен и у эстонцев-сету. См.: Рухтер Е. В. Указ. раб. С. 119.

ется, что надо пригласить не менее сорока человек. Во всех группах для покойника готовили постель. Утром будят плачем, при этом смотрели на подушку: если на ней видна «ямочка», то, значит, он ночевал дома. Поминальная трапеза длится до полудня. У северных вепсов существовал очень любопытный обычай определения того, явился ли покойник на сорочины. Для этого сажают маленьких детей на печь и просят посмотреть через решето на место, отведенное покойнику за столом. Если покойник «в гостях», то якобы дети его непременно увидят¹²². У приютских: вепсов, как отмечает Г.И. Куликовский, для этой цели использовали кроме решета и хомут¹²³. Различия в составе традиционных блюд на сорочинах и порядок их подачи в разных группах вепсов такой же, как и на поминках после похорон. Кроме обязательных кушаний везде готовится разнообразная стряпня. Как только ставят на стол кисель, сразу же начинали причитывать. На этом трапеза заканчивалась, а оставшуюся еду собирали и раздавали «христа ради». Затем «гостя» провожали до перекрестка или конца деревни с киселем, а южные и соседние с ними тихвинские вепсы еще и с яйцами. После проводов хозяйка раздаривала

¹²² Решено в народных верованиях играет важную роль. Оно использовалось во всех семейных обрядах, в гаданиях у многих народов, в том числе: у вепсов, карелов, финнов. См. Лавонен Н. А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора) // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 76 и след; Решето было одновременно предметом-посредником, позволяющим живым наблюдать за действиями представителей потустороннего мира.

¹²³ Куликовский Г. И. Указ. раб. С. 420. Сходный обычай известен и у водлозерских пудожан. По их поверьям, глядя сквозь хомут с печи, можно было увидеть в избе невидимых иначе домашних духов. См.: Харузин Н. Н. Указ. раб. С. 325.

вещи покойника. У южных и тихвинских снималось полотенце, висевшее в большом углу со дня смерти, и отдавалось бедным. С этого момента «хождение» покойника домой должно было прекратиться. Если он все же появлялся в доме, то обращались к «знающим» людям, для того чтобы окончательно избавиться от него. Как писал В.Н. Майнов, «иной покойник и после смерти не может успокоиться и делается лембоем и тогда от него беда сродникам, пока не надумают последние как-нибудь отчураться по совету мудрых людей от беспокойного лембоа. Слава Богу еще, что есть к кому Весину обратиться за мудрым советом, есть кого послушать; завелись изстари такие старухи, которые и на воду пошепчут, и на соль, и расскажут все, как по писаному»¹²⁴.

ОБЫЧАЙ «ВЕСЕЛЕНИЯ» ПОКОЙНИКА

В народе он больше известен в форме похорон-свадьбы, т. е. обычая, согласно которому умерших до брака юношей и девушек хоронили с соблюдением некоторых особенностей свадебного обряда: «Если не женат, то хоронят по-свадебному, пляшут, а мать причитывает». Молодых «обряжали», как на свадьбу, к дуге лошади привязывали полотенца, ленты, свадебные колокольчики. При проводах играли на гармошке, пели песни, при опускании гроба в могилу стреляли из ружья. Особенно живо рассказывают об этом южные и средние вепсы (вологодские); «если не женат, то хоронят по-свадебному, пляшут, а мать причитывает». У вепсов Ленинградской области. «веселение» чаще происходит на сорочинах. Здесь нередко говорят, что песни петь нельзя, и если все же поют, то печальные. При опускании гроба в могилу стреляли из ружья.

¹²⁴ Майнов В.Н. Приютская чужь ... С. 26.

Обряд «похороны–свадьба» или «свадьбы покойников» известен в традиции многих народов и не представляет ничего оригинального¹²⁵. Более интересен тот факт, что «веселение» покойников у вепсов происходит при похоронах не только молодежи. Оно проводилось и по наказу умершего: *«иногда, когда просят, так и старух хоронят», «у нас отец мне велел, помру, так до кладбища играй», «мать наша велела, пусть зять играет, а зять играл, сидя на гробу»*. Естественно, что такой наказ не мог бы даваться, если бы в его основе не лежал когда-то обычай «веселения» покойников.

¹²⁵ Кагаров Е.Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. 1936. № 1. С. 106–108; Соколова В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 188–195.

На праздничный характер проведения прежде сорочин косвенно указывает зафиксированное нами от жительницы д. Рябов Конец неизвестное ранее название сорочин *‘pido’* – означающее в родственных карельском и финском языках празднество, в диалектах эстонского – крестины.

Несмотря на то, что погребальная обрядность вепсов во многом схожа с погребальной обрядностью родственных народов, все же до настоящего времени вепсы сохранили довольно интересные и древние обычаи, важные для понимания и оценки духовной культуры народа в целом. Заметны и локальные различия, что, видимо, не только определяется современной территориальной разобщенностью этнолокальных групп вепсов, но и отражает некоторое своеобразие в погребальном обряде этих групп в прошлом. В силу особой устойчивости похоронных традиций многие из них бытуют и сейчас.

ГЛАВА 16

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЗРОЖДЕНИЯ: НАДЕЖДЫ И ИТОГИ

Социальные потрясения первой четверти XX в. – революция, гражданская война – не оказали негативного влияния на демографические процессы у вепсов. Данные переписи 1926 г. (см. прил., табл. 2), показывающие рост вепского населения до 33 тыс. опровергали предположения дореволюционных исследователей об их неизбежной и скорой ассимиляции.

Молодая советская власть с целью выравнивания социально-экономического и политического развития нерусских народов с передовыми нациями провозгласила проведение политики так называемой коренизации, предусматривающей содействие этническому развитию нерусских народов. Ставилась задача создания в регионах их традиционного проживания автономных образований (республик, округов, областей), перевода в них делопроизводства и школьного образования на языки местных народов, использования их в просветительской и культурной деятельности, целевой подготовки управленцев из местной среды.

Особое внимание уделялось малочисленным бесписьменным народам и национальным меньшинствам, не имеющим своих республик или округов, а также проживающим за пределами своих автономных образований. Для них предусматривалось создание особых форм территориальной автономии – национальных районов и сельсоветов, в рамках которых предстояло организовать препо-

давание и ведение всей административной и культурной работы на родном языке¹. К 1933 г. в стране было создано 250 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов.

Исследователи отмечают, что данная стратегия всесторонней поддержки коренных народов и национальных меньшинств имела и экономическое измерение. Она способствовала преодолению разрыва между центром и её окраинами, развитию человеческого капитала на «национальном» уровне, что укрепляло лояльность к новой власти нерусского населения страны².

По отношению к вепсам «коренизация» носила ограниченный, непоследовательный и запоздалый характер. Сохранилось административное разделение вепской территории, хотя местности с вепским населением при административно-территориальных реформах в 1920–1930-е гг. неоднократно подвергались

---

¹ Третий съезд Советов СССР (май 1925 г.) в постановлении «По вопросам советского строительства» поручил ЦИК СССР обеспечить в случае значительной численности национальных меньшинств «образование отдельных Советов с употреблением языков этих меньшинств, организацию школ и судов на родном языке». См.: Съезды Советов в документах. М., 1960. Т. 3. С. 82.

² Ананьич Б., Гетрелл П. Национальные и вненациональные измерения экономического развития России XII–XX вв. // *Ad Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве*. Казань, 2002. № 4. С. 77–80.

переделу. В значительной мере на это повлияло соперничество между карельскими и ленинградскими властями по поводу вепсского Прионежья, находившегося в тесной связи с Петрозаводском, что и привело в итоге к разделению её между Карелией и Ленинградской областью. По планам Э. Гюллинга, финского революционера эмигрировавшего из Финляндии, идеолога и организатора создания в 1920 г. автономной области – Карельской Трудовой Коммуны, её границей на востоке должно было быть Онежское озеро, а вепсы как народ, родственник карелам, входить в её состав. После преобразования в 1923 г. Карельской Трудовой Коммуны в автономную республику, карельскому руководству удалось присоединить к ней большую часть вепсских поселений Шелтозерско-Бережной волости Петрозаводского уезда. В 1927 г. здесь был создан Шелтозерский национальный вепсский район.

В Ленинградской области для вепсов был создан Винницкий национальный район. В 1930 г. из 14,1 тыс. его жителей 62,4% составляли вепсы. В нем 7 из 11 сельсоветов получили статус национальных, к 1936 г. число национальных сельсоветов возросло до 9: к ним отнесли еще Винницкий и Каргинский. Остальные национальные вепские сельсоветы входили в состав соседних смешанных районов (в Оятском – 2, Шольском – 2, Ефимовском – 4, и 7 в Оштинском)³. Участники событий тех лет в своих воспоминаниях утвер-

ждали, что «в 1929 – 1930 годах был предпринят вопрос о создании Вепсского национального округа в составе Ленинградской области» с центром в с. Шимозеро⁴. Данную информацию косвенно подтверждает справочник по районам Ленинградской области, изданный в 1930 г. орготделом Ленинградского облисполкома. Так же указывалось, что «в связи с образованием Шимозерского национального района (в пределах б. Лодейнопольского округа) намечено Пондальский с/совет и д. Панкратово, хутора: Заозерье, Свобода, Поклонная Гора, выселок Кузнецово Кийского с/совета, передать в состав вновь образуемого национального Шимозерского района». В нем говорилось и о создании «Озерского национального чухарского района» за счет включения в него вепсских деревень из «Алексеевского, Корвальского, Лавровского сельсоветов из Капшинского района «с национальным чухарским (вепсы) населением», которые в то время не имели статуса вепсских национальных. Возможно, образование будущего вепсского округа, планировалось после объединения Винницкого района с упоминаемыми – Шимозерским и Озерским, которые так и не были созданы. В июле 1930 г. Президиум ЦИК и СНК СССР принял постановление «О ликвидации округов» как промежуточного в то время звена административной системы между областным и районным делением. Сложно сказать, стало ли данное решение основанием для прекращения работы по созданию Вепсского округа, но на XVI съезде ВКП (б) обсуждался вопрос о перегибах,

³ Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л. 1931. С. 16, 25, 55, 56, 86-89. *Строгальщикова З.И.* Вепсы: этнодемографические процессы (прошлое и настоящее) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (Памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 381–386.

⁴ *Гаврилов С.Я.* Из истории вепсов и их письменности // Вытегра. Краеведческий сборник. Вып.1. Вологда, 1997. С. 202–203.

выявившихся в области национальной политики при выполнении постановления «О ликвидации округов», и его реализация была приостановлена. В резолюции съезда указывалось, «что при проведении ликвидации округов и перераспределении функций необходимо обеспечить сохранение в полном объеме прав, присвоенных национальным образованиям (национальным областям, районам и советам)»⁵.

Бесписьменными народами в Ленинградской области активно стали заниматься после решения в 1930 г. о ликвидации неграмотности и введении в стране всеобщего образования. Единственной возможностью быстрого решения данной задачи у нерусских народов являлась организация школьного образования на их родных языках. В начале 1931 г. при отделе национальных меньшинств Ленинградского облисполкома был образован Комитет нового (латинизированного) алфавита, который находился в прямом подчинении Всесоюзного Центрального Комитета нового алфавита при Совете Национальностей ЦИК (далее – ВЦКНА), ответственного за политику «коренизации» в языковой сфере страны. На Комитет нового алфавита Ленинградской области, территория которой в то время занимала почти весь Северо-Запад с входящим в нее анклавом – Мурманским округом, отделённым от остальной части области Карельской АССР⁶, возлагалась задача создания письменностей для ижоры, вепсов, карелов и саамов. Уровень научного обеспечения языкового строительства в то время оценивают очень

Рис. 84. Бубрих Дмитрий Владимирович (1890–1949), языковед, специалист в области финно-угорского языкописания

высоко. К работе по созданию алфавитов и языковых норм привлекали самых известных ученых⁷. Д. В. Бубрих отвечал за финно-угорские языки. Под его руководством и при его участии разрабатывалась письменность для вепсов, карелов, ижоры, велась подготовка учебников и педагогических кадров (рис. 84).

⁵ Зайцев П. Национальный момент в проблеме ликвидации округов // Революция и национальность. 1930. № 4–5. С. 70

⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 80. Ст. 547.

⁷ Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. 2000. С. 51 и далее.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ – РОДИНА ВЕПСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В Ленинградской области работа по созданию вепсской письменности, переводу обучения в школах на родной язык, подготовке учителей для вепсских школ и специалистов из числа вепсов для партийной и политической работы проводилась очень активно⁸. Первое совещание в отделе народного образования Ленинградской области с участием Д. В. Бубриха о создании письменностей для бесписьменных народов области состоялось **7 января 1931 г.**⁹. На нем было решено приступить к сбору вепсского лингвистического материала и к осени 1931 г. подготовить буквари и учебные пособия на вепском языке. Руководителем экспедиции к вепсам, которая проходила с 6 марта по 27 мая 1931 г., был назначен аспирант русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) Г. Х. Богданов, карел, уроженец д. Войница Ухтинского района Карелии. В экспедиционную группу входил студент института им. Герцена А. М. Михкиев, также карел по национальности, и М. М. Хямяляйнен, ученик Д. В. Бубриха (рис. 84а). Их сопровождал курсант совпартшколы, вепс И. М. Гурькин. Материал они собирали в Оштинском и Винницком районах Ленинградской области и Шелтозерском районе Карелии. Во время экспедиции им пришлось вести

Рис. 84а. Хямяляйнен Матвей Михайлович (1903–1988), языковед, автор учебников по вепсскому языку в 1930-е г.

и просветительскую работу о необходимости создания вепсской письменности, поскольку, как пишет в своем отчете Г. Х. Богданов, отношение местной власти к сотрудникам экспедиции было неоднозначным. Так, председатель Винницкого райисполкома, считал, «что работа по созданию вепсской письменности – это «трата общественных денег», хотя само население оказывало «всемерную поддержку» сотрудникам в сборе словарного материала. Участники экспедиции, знакомые с работами финляндских ученых о вепском языке, в отчете писали, «что, несмотря на наличие в вепском языке значительных сходжений с «западно-финскими языками», он является самостоятельным языком, поскольку имеет смысловую, грамматическую и звуковую структуру, в общем отличную от звуковой структуры других западно-финских языков»¹⁰. Разработанный ими ал-

⁸ Янсон П. М. Национальные меньшинства Ленинградской области. Л., 1929.

⁹ Королькова Л. В. Из истории создания вепсской письменности (лингвистическая экспедиция Г. Х. Богданова 1931 года) // Вепсы на рубеже XX–XXI веков. По материалам межрегиональной науч.- практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития». (Петрозаводск, 24–25 апреля 2008 года.) Петрозаводск, 2008. С. 153.

¹⁰ Королькова Л. В. Указ. раб. С. 156.

фавит вепсского языка на латинской основе включал 28 букв. По воспоминаниям М.М. Хмяляйнена, первую вепсскую азбуку и книгу для чтения они писали втроем – один финн и два карела (Г.Х. Богданов и М.М. Михкиев) в его родном доме – в Лукашах Ленинградской области, но главную роль играл Иван Гурькин. И в экспедиции и здесь, писал М.М. Хмяляйнен, *«Ваня служил лучше всякого справочника»*¹¹. Они работали день и ночь и, дописав ранним утром последние строки под звон колокольчиков – хозяйки отправляли коров в стадо, *«от полноты чувств, пустились в пляс, а Ваня дал жару на балалайке. Они плясали, а в проеме двери стояли родители и, улыбаясь, смотрели на них: «У ребят праздник»*¹². Но рукопись книги «Ezmäne vepsiden azbuk i lugendknig» в издательстве г. Москвы потеряли и её издали только через год – в ноябре 1932 г.¹³ По ней осваивали вепсскую письменность и учились читать школьники и взрослые на курсах по ликвидации неграмотности. С появлением вепсского учебника открылось 48 пунктов по ликвидации безграмотности.

Письменность создавалась на базе говоров средневепсского диалекта, распространенного в Винницком и примыкающих к нему Капшинского и Оштинского районов, с учетом особенностей южного диалекта¹⁴.

¹¹ Матвеев Б. Слово об истории слова. Исторический очерк о судьбе человека и его дела. Комсомолец. 1988. 17 декабря.

¹² Там же.

¹³ Смирнова Т.М. Национальность–питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. М., 2002. С.157.

¹⁴ Муллонен М.И. Вепсская письменность//Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии.Л., 1967. С. 106.

Одновременно в период экспедиции был организован и массовый набор среди вепсской молодежи для обучения будущих управленцев в высших учебных заведениях г. Ленинграда и учителей в открытых в 1932 г. вепсских отделениях Доможировского и Лодейнопольского педтехникумов¹⁵. Подготовка учителей для вепсских школ велась и на краткосрочных курсах. Областную совпартшколу национальных меньшинств, где в течение 3-х лет готовили будущих низовых советских и партийных руководителей и культполитпросвет работников, с 1931 по 1935 г. закончили 166 вепсов¹⁶.

Работа по созданию учебной литературы для вепсов поручалась сформированной при Комитете нового алфавита Ленинградской области вепсской языковой комиссии, куда вошли студенты вузов Ленинграда Ф.А. Андреев, Н.И. Богданов, Г.Ф. Большаков, М.Г. Логинов, В.М. Романов, учителя И.Ф. Андреева, А.М. Михкиев, И.А.Силин, А.И. Петухов. Они готовили учебники по вепсскому языку и краеведению и переводили типовые учебники для других предметов на вепсский язык¹⁷.

¹⁵ Смирнова Т.В. Указ. раб. С. 158.

¹⁶ Янсон П. От угнетения и бесправия – к счастливой жизни. Изд-е 2. Л., 1936. С. 84.

¹⁷ Смирнова Т.В. Указ. раб. С. 158.

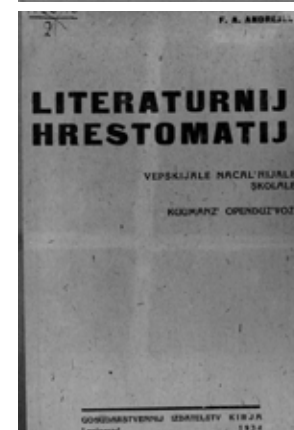

Рис. 85а. Учебники по вепсскому языку 1930-х годов

Вначале комиссией руководил М.М. Хямяляйнен, затем – Н. И. Богданов¹⁸.

Рис. 86. Богданов Николай Иванович (1904 -1959), языковед, автор учебников по вепсскому языку в 1930-е годы

Н.И. Богданов в 1952 г. стал первым кандидатом наук по вепсской филологии среди представителей вепсского народа¹⁹.

Масштабы проделанной ими работы поражают. С 1932 по 1937 г. было издано, учитывая переиздания, 32 книги²⁰. Быстро росло и число начальных

школ с преподаванием на вепсском языке. Возглавлявший в то время работу среди национальных меньшинств Ленинградской области Г. Сакс особо отмечал «энтузиазм, проявленный культурно-отсталыми вепсами, не имеющими своей письменности, в области школьного строительства – количество школ с 8 (в 1929 г.) выросло до 55 в 1931 г.²¹. Для подготовки к школе вепских детей в 1930 г. были открыты 11 нулевых групп. Впервые упоминаются и вепские школы рабочей молодежи (ШРМ) – семилетки²².

В статье проф. Н.Ф. Яковлева, председателя ВЦКНА приведен интересный факт. При перечислении народов, не имеющих своей письменности и обучающихся грамоте «на одном из близких родному литературных языков» Н.Ф. Яковлев указывает и «воду (Ленинградская обл. – 694 чел.) как обучающаяся на вепсском языке»²³, хотя считают, что часть детей води обучалась на ижорском языке, а часть – на русском.

Переход вепских детей на обучение на родном языке в Ленинградской области завершился к 1935 г. По официальной статистике, в 1935/1936 учебном году в 53 вепских начальных школах обучались 2533 ученика, в 7 неполных средних школах – 554 ученика. Материалы газеты «Вепсская правда» – официального органа Винницкого райкома ВКП(б) – показывают, что в 1932–1937 гг. работа

¹⁸ Муллонен М.И. Указ. раб. С. 107.

¹⁹ Богданова Г.Н., Винокурова И.Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100- летию со дня рождения) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 48.

²⁰ Оцифрованные учебники и другая литература на вепсском языке для начальной школы, изданная с 1932 по 1937 г., размещены в коллекции «Фенно-Угрика» на сайте Национальной библиотеки Финляндии: <http://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/>

²¹ Сакс Г. Работа среди меньшинств: Опыт Ленинградской области. Л., 1931. С. 52.

²² Анвельт М. // Коммунистическое просвещение. 1931. №15. С.34.От угнетения и несправия – к счастливой жизни. Изд-е 2. Л., 1936. С. 84.

²³ Яковлев Н. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. Сборник №2. М. 1936. С. 35.

школ, включая их строительство и ремонт, обеспечение дровами, горячим питанием, процесс перехода на обучение на родном языке, являлись самой важной частью деятельности районной власти. Руководители района постоянно обращались в центр с просьбами о помощи в подготовке кадров для национальных школ, введения должности школьного инструктора – вепса по национальности, срочном издании учебников и книг на вепском языке для детей. Сообщается, что переход в начальной школе к обучению на родном языке привёл к значительному повышению успеваемости, более полному и осмысленному освоению программы. Учитель Пелдушской начальной школы Ильшевский сообщает, *«что занятия на родном языке значительно повысили качество учебы ... чтение и пересказывание прочитанного в I классе на родном языке значительно выше, чем в 4 классе на русском языке, где на 50 процентов неверно произносят слова и окончания при чтении»*²⁴. Как писал С.Я. Гаврилов: *«Все шло к тому, что вепсская письменность, культура, и обычаи должны были успешно развиваться, так как для этого были созданы все предпосылки. С середины 1930-х г. начали появляться художественные произведения (новеллы, рассказы, стихи, басни и др.) на вепском языке. Успешно шло обучение детей на родном языке. Нужно подчеркнуть, что школьники серьезно относились к изучению родного языка и с увлечением занимались им»*²⁵.

Складывалось впечатление, что, несмотря на трудности, к 1935 г. система школьного образования у вепсов на родном языке была отлажена.

Политическая активность вепсов заметно выросла в период обсуждения проекта Конституции СССР 1936 года. В «Вепсской правде» под заголовками «Возрожденная нация», «Равноправными стали вепсы»²⁶, «Ввести депутата в Совет национальностей от вепсов»²⁷ и др. как важное достижение советской власти отмечали бесплатное образование, обучение на родном языке, появление своей интеллигенции. Одобрения проект конституции, подчеркивали важность статей «О праве на бесплатное образование и гарантии его получения на родном языке и «О равноправии граждан СССР, независимо от национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной и общественно-политической жизни» Пожелание Е.И. Прошкичева из Мягозера об избрании в Совет национальностей СССР представителя от вепсов, стало реальностью. В 1937 г. им был избран в числе 25 депутатов от РСФСР как союзной республики в Совет национальностей СССР учитель начальной школы из д. Азмозеро Винницкого района Г.Ф. Стафеев. В «Вепсской правде», говоря об успехах в образовании вепсов, он приводит данные по двум деревням – Подовинники и Сарозеро, где до революции был всего один грамотный, а теперь *«за 19 лет пролетарской революции поработавшая национальность вепсы стала неузнаваемой. В этих деревнях обучается в неполных средних школах 250 детей. Семь человек учатся в педагогических техникумах, тринадцать – в высших учебных заведениях. Скоро мы будем иметь своих инженеров и даже профессоров-философов»*.

Вепсский язык по причине недостатка подготовленных кадров в Ленинградской области не использовался в работе административных органов

²⁴ У педагога Ильшевского есть чему поучиться // Вепсская правда. 1934. 2 июня.

²⁵ Гаврилов С.Я. Указ. раб С. 204.

²⁶ Вепсская правда. 1936, 23 июля

²⁷ Вепсская правда, 1936, 24 октября

и местной печати, но культурная деятельность на нем в избах-читальнях, клубах, активно велась до конца 1937 г. В драмкружках ставились даже пьесы на вепсском языке²⁸. Завершает национальную тему в «Вепсской правде» статья «Возрожденная нация», опубликованная 19 октября 1937 г. – в самый разгар Большого террора (ссылка – 31?) В 1938 г. «Вепсскую правду» переименовывают в Винницкую правду.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАРЕЛИИ В 1920–1930 -е гг.

В Карелии языковая политика по отношению к коренным народам, в отличие от общей установки в стране направленной на содействие развитию образования и культуры на родных языках, носила иной характер. Финскому руководству Карелии удалось убедить центр придать финскому языку статус официального, по их мнению, более подготовленного для культурной работы и использования в сфере образования. Это решение относилось не только к немногочисленному в то время финскому населению, но распространялось на карелов и вепсов. Такую функцию финский язык довольно успешно выполнял в северной Карелии, где местное население говорило на наречии, близком к финскому языку и имело давние связи с Финляндией. Однако перевод преподавания на финский язык в школах для южных карелов (ливвиков и людииков) и вепсов, языки которых значительно отличались от финского языка, вызывал много споров и оказался неэффективным²⁹. Против такой политики руководства Карелии активно

выступали Д.В.Бубрих и его ученик М.М.Хямяляйнен. Но несмотря на опыт успешного использования вепсского языка в системе образования в Ленинградской области и карельского – в Калининской (Тверской) области, где проживало в то время около 150 тыс. тверских карелов, ситуация в Карелии изменилась только в конце 1930-х г.

В 1935 г. финское руководство Карельской АССР, во главе с его бессменным председателем Совета народных комиссаров Эдвардом Гюллингом, было отстранено от управления республикой, а в 1937 г. подверглось репрессиям. Кроме традиционных для того времени обвинений в шпионаже и буржуазном национализме, оно обвинялось и в попытке отрыва карельских и вепских детей от русского и родных языков³⁰.

В 1937 г. Совнарком Карелии принял постановление «О переводе карельских и вепских школ на родной язык обучения»³¹. Предусматривалось, что опыт Ленинградской области будет использован для организации преподавания на родном языке для вепсов в Шелтозерском национальном районе Карелии. В пропагандистской статье С. Яковлева в республиканской газете «Красная Карелия» в мае 1937 г. с большим оптимизмом говорилось об успехах, достигнутых Ленинградской областью в сфере образования у вепсов на родном языке: «В этом году Ленинградский отдел Учпедгиза выпускает еще 13 учебников для начальных и средних школ и для взрослого вепсского

²⁸ Шокишинский А. Исполнители народных песен – на сцену колхозного клуба. Вепсская правда. 1937. 20 апреля..

²⁹ Итоги работы школ за 1933–1934 учебный год // Красное Шелтозеро. 1934. 23 июня.

³⁰ Кангаспуру Маррку. Финская эпоха в Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С.

³¹ Постановление Совета Народных Комиссаров Карельской АССР № 1064 «О переводе карельских и вепских школ на родной язык обучения» было принято 21 сентября 1937 года. См: НАРК Ф.630. Оп.6. Д.13/39. Л.115, 116.

ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ

Равноправными стали вепсы

Прочитал я проект Конституции и словно помолодел. Нам, вепсам, особенно беднякам, неблизко никакого выхода при царской власти. Мы были безземельными, а кругом стояли леса Винницкого лесопромышленника Корнишева.

Теперь, при советской власти, жизнь стала иной. И лес и недра, и фабрики, и заводы стали общенародным достоянием.

Своих детей мы бесплатно обучаем в советских школах, а раньше вепсам невозможно было попасть в учебное заведение. Вепсов заставляли строить вместо школ церкви, часовни и попы дурманили нам головы.

Ввести депутата

в совет национальностей от вепсов

Только при советской власти все ранее угнетенные национальности получили равноправие в культурной, государственной и хозяйственной деятельности страны.

Вепсы, населяющие северные районы Ленинградской области, ранее угнетенные и обреченные на вымирание, также стали равноправными гражданами великой страны победившего социализма. Растет не только материальное благосостояние колхозника-вепса, но и его культура. Вепсы уже имеют свою письменность, дети в школах обучаются на родном языке.

Обсуждая проект Конституции, члены сельхозартеля „Красная милиция“, Мягозерского

Мы живем хорошо, а главное, мы уверены, что будем жить еще лучше. Я так понял новый проект Конституции. Да и что нам может помешать жить еще богаче? Прекрасный урожай дает нынче земля. Весело начали колхозники уборку. Они знают, что нужно сохранить каждое зернышко, и лучшим зерном рассчитывать с государством. Хлебопоставки—это, если можно так сказать, почетный колхозный долг перед государством.

Можно ли в словах передать глубочайшую благодарность товарищу Сталину и партии, которую он ведет, за новую жизнь. Мы, забитые вепсы, стали полноправными гражданами. Я всегда старался хорошо работать в колхозе, впредь я буду еще заботливее оберегать колхозный строй.

сельсовета, внесли дополнение в статью 35, где говорится: „Совет национальностей составляется из депутатов, выделяемых Верховными Советами союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей: по десять депутатов от каждой союзной республики, по пять депутатов от каждой автономной республики и по два депутата от каждой автономной области“—добавить: „Те национальности, которые не имеют автономии—один депутат. Выделение депутатов поручить совету депутатов трудящихся области, на территории которой живет национальность“.

Е. И. Прошкичев.

с. Мягозеро.

ВОЗРОЖДЕННАЯ НАЦИЯ

Во всех капиталистических странах есть нации господствующие и нации угнетенные. Даже в таких „демократических“ государствах, как США, негры подвергаются жесточайшей эксплуатации и фактически существуют на положении рабов.

Раньше на территории Ярославского сельсовета находилось 2 церкви, 19 часовен и проживало 27 кулаков, из которых трое были лесопромышленники. Более 50 процентов земли принадлежало кулакам и церквям. Кулаки выжимали из вепсов последний пот, подвергая их эксплуатации. Весь штат церковников делал все, чтобы эксплуатация продолжалась без конца. Правда, была в Ярославичах одна единственная школа на 34 человека, но в ней обучались главным образом дети кулаков и попов.

Угнетенные, забитые, неграмотные вепсы обрабатывали свои крохотные клочки земли допотопной сохой, не имея средств купить машины, которые, кстати сказать, нигде было и применить.

Но великая социалистическая революция освободила вепсов, как и другие народы нашей страны. За двадцать лет свободной жизни вепская нация возродилась, и теперь мы видим совершенно иную картину.

Сейчас в Ярославском сельсовете имеется три четырехклассных школы и одна семидетка, в которых обучается более трехсот детей трудящихся. Все церковные и кулацкие земли отошли в общее колхозное пользование. Земля сейчас обрабатывается главным образом, плугами, сложными машинами.

И такое положение по всему району.

Вместо бывшего угнетения, более развитые нации нашей страны всемерно помогают вепсам поднять их культуру, улучшить их жизнь.

В наш район прислано 70 учителей, 3 агронома, 6 ветфельдшеров, 3 ветврача, сюда посылаются десятки агитаторов и т. д. И из самой вепской нации вырастают свои советские интеллигенция. Уже сейчас имеется 19 учителей, имеются фельдшера, имеются агрономы.

Культурный рост вепского народа и его освобожденная от гнета жизнь сделали трудящихся вепсов сознательными борцами за коммунизм. Таким лесорубом, как вепс Кюршин Андрей Леонтиевич может гордиться любая нация. Он выручает до 18 плотных кубометров леса в день. О такой производительности труда в царской России не могло быть и речи. Товарищ Кюршин не один, подобных людей мы много встречаем в каждом колхозе.

Сталинская Конституция закрепляет равноправие наций. В ней говорится:

„Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом“ (ст. 123 Конституции).

Конституция дает возможность всем народам нашей страны еще лучше работать, еще больше создавать культурную и радостную жизнь.

населения. Готовится также к печати работа Андреева «Методика преподавания вепсского языка». Сейчас учебники на вепсском языке обслуживают все 4-классные вепсские начальные школы. Начинает издаваться на вепсском языке и художественная литература для детей. В этом году Детгиз выпускает на вепсском языке 6 книг: Серафимович «Сцепщик», Яковлев «Сказки моей жизни», Шорин «Одногодки и др.»³². К сожалению, из-за резкой смены национальной политики они не были опубликованы.

ЛИКВИДАЦИЯ ВЕПСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Смена языковой политики в Карелии совпала с общей линией перевода письменностей с латиницы на кириллицу, поэтому вепсская письменность в Карелии была переведена на кириллицу. На новом алфавите в период с 9 июля по 25 сентября 1937 г. в газете Шелтозерского района – «Красное Шелтозеро» публиковались сообщения и заметки на вепсском языке. Учителя Шелтозерского национального района в связи с переходом вепсских школ на обучение на родном языке осенью 1937 г. прошли курсовую переподготовку, но преподавание на вепсском языке в школах Шелтозерского района закончилось в конце года³³. Учебную литературу перевести на кириллицу не успели. В 1938 г. после зимних каникул все вепсские школы в Карелии, Ленинградской и Вологодской областях, куда в сентябре 1937 г. из Ленинградской области была передана часть вепсской территории с пяти тысячным населением³⁴, перешли на обучение на русском языке.

Особая жесткость и поспешность ликвидации образования на родном языке у прибалтийско-финских народов Ленинградской области была вызвана внешнеполитическими обстоятельствами. В период, когда Финляндия рассматривалась как потенциальный противник в предстоящей Второй мировой войне, репрессии по отношению к финноязычным меньшинствам, родственным будущему противнику, считались органами власти превентивной мерой по борьбе «с пятой колонной». В документах руководства Ленинградской области национальные школы объявляются «рассаdnиками буржуазного национализма», а «искусственное насаждение вепсских и ижорских школ – грубым извращением политики партии»³⁵.

Учебная литература на вепсском языке была изъята из школ и библиотек. Из школьных курсов исключались все сведения об истории, культуре, языке вепсского народа. Фактически, как справедливо отмечали исследователи, «речь шла о запрете культуры на родном языке»³⁶. Одновременно прекратилась подготовка учителей на вепсских отделениях педучилищ. По данным статистики, учителей вепсского языка со средним специальным образованием в 1935 г. было подготовлено 41 чел., к началу 1936 г. – 92, к 1 сентября 1936 – 75³⁷.

В местной печати события, связанные с запретом преподавания вепсского языка, не обсужда-

³² Яковлев С. Вепсская литература и школа. Опыт Ленинградской области // Красная Карелия. 1937. 14 мая.

³³ Прионежье. 2004. 1 октября. 2004.

³⁴ В связи с разделением Северной области на две (Архангельскую и Вологодскую) в состав последней включи-

ли северо-восточные и восточные районы Ленобласти, в том числе и часть территории с вепсским населением. См.: Тархов С.А. Административно – территориальное деление РСФСР // Логос. 2005. С. 83.

³⁵ Смирнова Т.М. Указ. раб. С. 168.

³⁶ Там же. С. 170.

³⁷ Там же. С. 182

лись. Для населения, как пишет С.Я. Гаврилов, «объяснений не последовало никаких»³⁸. Ликвидацию национального образования дополнили репрессии против ее организаторов, составителей учебников, учителей и даже выпускников вепских школ. С.Я. Гаврилов приводит такой факт, что в 1937 г. молодой учитель Шимозерской школы В.В. Ильин был арестован «с ребятами, только что закончившими школу... они были освобождены через два года»³⁹.

По имеющимся данным, в период Большого террора в 1937 – 1938 г. было арестовано 112 вепсов, из них 3 женщины. Большинство из них – 99 чел. – были расстреляны. Из остальных 13-ти, 5 умерло, 2 освобождены в 1945–1946 г., о других сведений нет⁴⁰. От репрессий больше пострадали вепсы Ленинградской и Вологодской областей, чем Карелии. Здесь основной удар НКВД был направлен на финнов и карелов⁴¹. По имеющимся данным, в Шелтозерском районе, было арестовано 89 человек, из них вепсов – 16⁴².

³⁸ Гаврилов С.Я. Указ. раб. 204.

³⁹ Там же. С. 205.

⁴⁰ Антонов Н.И. Финно-угорский мартиролог жертв государственного террора в СССР (вепсы и ижорцы) // Проблемы новейшей истории этнографии финно-угорв. Балашовские чтения. Вып.3. Мат. науч. конф. и науч. ст. Саранск, 2012. С. 28–50.

⁴¹ В период с июля 1937 г. по апрель 1938 г. в Карелии было осуждено 8744 чел. Из них финнов – 1929 чел. (22%), при их доле в Карелии – 2,7%. Среди карелов было репрессировано 3771 чел. (43,1%) из общего числа осужденных, т.е. в 2 раза больше их удельного веса в населении республики – 21,7%. См: Суни Л.В. Ингерманландские финны // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 101

⁴² Чухин И. И. Карелия - 37. Идеология и практика террора. Петрозаводск. 1999. С. 102.

Рис. 88. Макарьев Степан Андреевич (1895 - 1937), историк, этнограф

Наиболее известные и влиятельные в Карелии представители вепского народа – первый профессиональный этнограф С.А. Макарьев⁴³ (рис. 88). Он является автором более 70 научных работ, создателем Карельского научно-исследовательского комплексного института, ставшего позднее базой для создания академических учреждений республики. Были арестован и К. М. Полин – председатель Рабоче-крестьянской инспекции (орган государственного контроля до 1934 г.), а затем министр юстиции в Правительстве Э. Гюллинга. Они были расстреляны в 1937 г.⁴⁴

⁴³ Савватеев Ю.А. Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Вепсы: история, культура, межэтнические контакты. Сб. науч. тр. Петрозаводск. С. 10–21.

⁴⁴ Бойченко Л. Наш земляк – Константин Минович Полин // Коммунист Прионежья. 1989. 12 декабря.

Репрессии обрушились и на языковедов. 9 января 1938 г. был арестован Д.В. Бубрих. Его признали «агентом» нескольких иностранных разведок и приговорили к смертной казни. Д.В. Бубрих провел в ленинградской тюрьме «Кресты» 70 суток и был освобожден после смещения с должности наркома НКВД Н.И. Ежова, когда из тюрем выпустили часть заключенных⁴⁵. М.М. Хмяляйнен был арестован 9 ноября 1938 г. Обвинение выглядело очень странным. Его как участника рабочей группы по разработке терминологии карельского языка обвинили в том, что он якобы намеренно включал в карельский язык финские суффиксы и приставки, «упрощал карельский язык до уровня первобытного», а также за связь с руководителями Карелии и учеными Финляндии⁴⁶.

По «делу о карельском языке» было арестовано около 200 чел., из них 60 в Карелии и 139 в Калининской области. В 1939 г. дело было приостановлено и все обвиняемые по нему, кто остался в живых, в том числе и М.М. Хмяляйнен (его освободили 2 марта 1940 г.), – оказались на свободе из-за отсутствием состава преступления, что само по себе являлось крайне редким случаем в те годы⁴⁷.

В мае 1938 года были ликвидированы как «искусственно созданные» все национальные райо-

ны и сельсоветы в Ленинградской области, в том числе и вепские⁴⁸. В Карельской АССР Шелтозерский район был упразднен указом Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР в 1956 г., с включением его территории в состав Прионежского района⁴⁹.

В 1939 г. работа по развитию карельской письменности в Карелии и Калининской (Тверской) области прекратилась. Карельская АССР после Советско-Финской войны была преобразована в Карело-Финскую ССР. Вторым официальным языком в новой союзной республике стал снова финский язык. Ситуация с положением карельского и вепского языков после возвращения Карелии в 1956 г. статуса автономной республики не изменилась.

Так завершился первый период национального возрождения вепсов. Так завершился первый период национального возрождения вепсов. Созданная в 1930-е гг. основа для этнокультурного развития вепсов была ликвидирована, но восприятие этого краткого по времени периода – как особого в истории вепсов – сохраняется в памяти народа до сих пор. Он имел исключительно важное место в истории изучения вепского языка. За этот период, как отмечает Н.Г. Зайцева, «в нашей стране было сделано значительно больше, чем за целое столетие ранее: положено начало планомерному исследованию вепского языка; организованы экспедиции к вепсам и начат сбор лингвистического материалы; зародилось вепсоведение»⁵⁰.

⁴⁵ Шаскольский И.П. Д.В. Бубрих и советское финно-угроведение // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. Памяти Д.В. Бубриха. Сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 6–7.

⁴⁶ Научный архив Карельского научного центра РАН. См. <http://www.isaran.ru/reports/putevoditel1.php?basename=nul1&ida=13&preview=0>

⁴⁷ Лексумова Е. «Дело лингвистов» — заговор, которого не было. См.: <http://rk.karelia.ru/blog/delo-lingvistov-zagovor-kotorogo-ne-byilo/>

⁴⁸ Смирнова Т.М. Указ. раб. С.105–108.

⁴⁹ НА РК.Ф. 1215. Оп.1. Д.146/1288. Л. 23.

⁵⁰ Зайцева Н.Г. Вепский язык и проблемы его развития // Проблемы истории культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 98

В послевоенное время исследование вепсского языка и истории вепсов стало одной из основных тем в работе ИЯЛИ, созданного в составе образованной в 1946 г. в Карелии – как союзной республике – Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Его продолжили те же ученые, которые стояли во главе первого периода вепсского возрождения – Н. И. Богданов и М. М. Хямяляйнен.

В 1960–1970-е гг. изучение вепсского языка проводилось М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен,

подготовивших к публикации уникальное издание – диалектный Словарь вепсского языка.

В настоящее время ИЯЛИ является самым известным научным центром по исследованию вепсского языка, истории и культуры вепсского народа. В конце 1980-х г. сотрудники ИЯЛИ активно включились в работу по восстановлению карельской и вепсской письменностей, обеспечивая его научную основу.

ГЛАВА 17

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЕПСОВ В 1940–1980-е годы.

Последствия социальных потрясений 1930-х г. (раскулачивание, репрессии), а затем и войн: СССР с Финляндией (1939–1940 гг.) и Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) оказали крайне неблагоприятное воздействие на демографическую структуру вепсского населения. После неоднократных административных преобразований в первой половине 1960-х гг. вепсские поселения в Ленинградской области оказались на пересечении границ четырех районов: Подпорожского, Бокситогорского, Лодейнопольского и Тихвинского, что привело к ослаблению связей между вепсами, живущими в соседних деревнях, оказавшихся в разных районах области.

Ситуацию в Ленинградской области после запрета использования вепсской письменности и преподавания на вепсском языке в школе до конца 1980-х гг. можно характеризовать как полное исключение вепсов из культурной и образовательной политики региона.

Это привело к формированию у вепсов негативной этнической идентичности, что проявлялось в нежелании вепсов, выезжающих из сел за пределы своей этнической территории, указывать при переписях свою национальность. По утверждению работников сельских советов, часто молодежь, покидая вепсские села, не противилась записи их русскими по национальности, а некоторые даже сами настаивали на этом, чтобы избежать психо-

логического дискомфорта в иноэтничном окружении, где они могли столкнуться с восприятием их, как представителей более низкой по статусу и менее культурной группы. В 1960–1970-е гг. выезд вепсов с родины значительно ускорился из-за политики ликвидации так называемых неперспективных деревень. Миграция вепсов в поселки и города до 1990-х гг. оказалась для народа в то время «безвозвратной». По данным статистики на вепсское городское население было крайне малочисленным (см. прил., табл. 2.). Быстрая этническая ассимиляция в городах стала одной из основных причин резкого сокращения общей численности вепсов в Ленинградской области в период с 1959 по 1989 г. – с 8,3 до 4,3 тыс. чел., а «уход» молодежи в русские вел к старению вепсского этноса.

Еще более драматичной оказалась история вепсов Вологодской области в связи с известным решением властей в 1953 г. о переселении шимозерских вепсов в Ошту. Прощание с родной землей, родительским домом настолько глубоко отразилось в народном сознании вепсов Шимозерья, что у шимозерских вепсов исполнялись плачи о покинутой родине. Здесь вепсское население практически исчезло из статистики и появилось только в переписи 1989 г. (см. прил., табл. 2).

Ликвидация вепсской письменности негласно вводила запрет на использование вепсского языка при проведении официальных мероприятий, но

общение на родном языке еще долго оставалось основным в вепсских деревнях. По сообщению М.И. Муллонен, проводившей с 1961 г. сбор языкового материала для будущего словаря вепсского языка в Ленинградской и Вологодской областях, всё вепское население, включая детей, говорило по-вепски, даже на колхозных собраниях¹.

Словарь вепсского языка, подготовленный М.И. Зайцевой и М.И. Муллонен в годы активного бытования вепсского языка в сельской среде, навсегда останется важнейшим источником не только для исследователей вепсского языка и этнографии, но и для других прибалтийско-финских народов (рис. 89).

¹ Муллонен М. Вепские языковые материалы в архиве Карельского научного центра // Вепсы и этнокультурные перемены XX века. Семинар в г. Санкт-Петербурге 5–6 октября // *Studia slavica Finlandensia*. To. XXIV. Хельсинки, 2007. С. 33.

Рис. 89. Муллонен Мария Ивановна (1930–2008), языковед, исследователь вепсского языка, автор учебников вепсского языка в 1990–2000 годы

На этническое самосознание вепсов в Ленинградской и Вологодской областях негативно повлияла и массовая запись вепсов при переписях 1970 и 1979 г. русскими. При этом переписчики ссылались на то, что вепсов якобы нет в списках народов СССР. Резкое падение численности вепсов в 1970-х гг. в местах их традиционного проживания вызвало недоверие ученых к официальным данным. Проведенные сотрудниками ИЯЛИ в 1981–1983 гг. этносоциологические исследования вепсского сельского населения показали, что сведения о численности вепсов были занижены на 4 тыс. чел. Перепись 1989 г. подтвердила выводы ученых (см. прил., табл. 2).

В Карелии на ход этнических процессов среди вепсов в послевоенное время значительное влияние оказали экономические факторы. На территории их традиционного проживания уже в 1920-е г. началось строительство горнодобывающих пред-

приятий, для работы в которых приглашались рабочие по оргнабору из-за пределов республики. Это привело к быстрому распространению межнациональных браков и размыванию этнической среды в вепсских поселениях, вытеснению вепсского языка из семейного и бытового общения. В 1960–1970 гг. В период «политики» ликвидации так называемых неперспективных деревень, усилилась миграция вепсов из Шелтозерья. Молодежь из вепских деревень переселялась в основном в г. Петрозаводск. Принадлежность вепсов наряду с карелами и финнами к титульному населению республики даже при выезде их за

пределы своей территории в какой-то мере способствовала сохранению их этнической идентичности. Здесь уже в 1959 г. городское и сельское вепское население практически сравнялось по численности. Вместе с тем из-за отсутствия в то время культурных институтов в г. Петрозаводске, поддерживающих этническую идентичность вепсов, дети из смешанных семей выбирали в основном русскую национальность. В Карелии также наблюдалась устойчивая тенденция к снижению численности вепсов, но не такими высокими темпами как в Ленинградской и Вологодской областях, хотя утрата вепского языка здесь проходила активнее. По данным переписи 1989 г., в Карелии доля вепсов с родным языком составляла всего 37,5%, тогда как у вепсов в Ленинградской области – 68,9%, в Вологодской – 87,7% (см. прил., табл.2).

Кроме объективных факторов, вызывающих ассимиляционные процессы среди вепсов, немаловажную роль играли глубокие изменения в этнической идентичности вепсов, прежде всего тех поколений, социализация которых проходила в послевоенное время. Отсутствие письменности, исключение вепсов из культурной политики, запись их

русскими при проведении переписей в 1970 и 1979 г. демонстративно ставили их, особенно в Ленинградской и Вологодской областях, на более низкую в социальном отношении ступень по сравнению с русскими, способствуя тем самым восприятию вепсами своей национальности как непрестижной. Длительный период – с послевоенного времени до перестройки – процесс самоидентификации подрастающих поколений вепсов превращался в проблему выбора между национальностью «по рождению» и рекомендуемой «сверху». Особенно остро данный вопрос вставал перед теми, кто выезжал из вепских сел.

Повсеместно бытовавшее мнение о том, что знание детьми вепского языка мешает их обучению на русском языке, ориентировало родителей на переход в семейном общении на русский язык, что содействовало ограничению естественного пути передачи родного языка будущим поколениям. В период демократических преобразований среди вепсов началось движение за свое национальное достоинство, за возрождение языка и культуры, как основы для укрепления их этнического самосознания.

ГЛАВА 18

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ВЕПССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Общеизвестно, что этническая идентичность формируется на основе знаний и представлений об особенностях своей группы, её истории, культуры, осознании её значимости для личности, а её устойчивость у национальных меньшинств в не-малой степени зависит от оценочного отношения к ней представителей доминирующего населения¹. В связи с этим деятельность вепсской общест-венности в самом начале перестройки носила просветительский характер и способствовала об-ретению вепсами представлений об истории сво-его народа, укреплению этнического самосозна-ния, становясь заметным фактором этнической мобилизации. В 1987–1989-х гг. в печати появи-лись статьи А.В. Петухова, З.И. Строгальщико-вой, Н.Г. Зайцевой, А.П. Максимова, Р.П. Лони-на и др. об истории, культуре, современном состо-янии вепсского народа².

Важно отметить, что в отличие от устоявшего мнения, что обеспокоенность вопросами этниче-ского развития вепсов проявляла в основном го-родская интеллигенция, первым «вепский вопрос» поднял Виктор Яшов, рабочий из села Пондала

Вологодской области. В июне 1986 г. он послал в адрес радиопередачи «Проблемы, поиски, реше-ния» письмо, подписав его Виктор Вепс. В нем была высказана боль за прошлое и тревога за будущее своего народа: *«Мы, вепсы, оказались на грани ис-чезновения, в полном неведении, – пишет автор, – нигде не можем найти ответа: по "чьей милости" попали в "нерентабельные" и "неперспективные", ликвидировано обучение вепсов на родном языке, почему при переписях вепсов записали русскими?»*³ Редакция направила его письмо в отдел по вопро-сам развития экономики и культуры народов Се-вера Совета министров РСФСР, который поручил органам власти Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей представить информацию о ситуации с вепсами в их регионах, а Академии наук СССР – доклад о современном состоянии вепсов. Институт этнологии и антропологии АН СССР пе-репоручил подготовку доклада ИЯЛИ⁴.

¹ Стефаненко Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности. <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic>

² Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник мате-риалов и документов. Раздел 1. Истоки этнической моби-лизации. Петрозаводск, 2007. С. 30–72.

³ Строгальщикова З.И. Вепсы на рубеже XX–XXI вв.: За-дачи и итоги возрождения // Историко-культурное насле-дие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Сб. науч. тр. по итогам науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Шелтозерского вепсского этногр. музея. 30–31 октября 2007 г. Петрозаводск, 2008. С. 11.

⁴ Текст доклада: См.: Строгальщикова З. И. Об этнодемо-графических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск,

Письмо Виктора Вепса долго обсуждалось в органах власти Ленинградской и Вологодской областей и Карелии. Решение руководства Ленинградской области о проведении 14 июня 1987 г. первого вепского праздника «Древо жизни», а после его завершения 15 июня – научно-практической конференции по проблемам сохранения языка и культуры в с. Озера явилось следствием интереса к вепсам, проявленного советом министров РСФСР в связи с обращением В.К. Яшова.

ПЕРВАЯ ВЕПССКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Конференция, состоявшаяся 15 июня 1987 г. в с. Озера при широком участии местного населения имела историческое значение. Впервые поднимались самые злободневные для вепсов вопросы: о причинах резкого сокращения их численности, сложности взаимодействия вепсов разных регионов из-за рассечения вепской территории множеством областных и районных границ, отсутствии дорог и прямого транспортного сообщения между вепсами разных регионов, экономической отсталости вепской территории, находящейся на стыке окраин семи районов. В резолюции конференции, составленной по итогам выступлений писателей А. Петухова, О. Мишина, В. Бахтина ученых З. Строгальщиковой, Н. Зайцевой, М. Муллонен, Сальве Кристи, А. Петерсене, М. Йолайд, В. Лапина, И. Мациевского и др. были сформулированы основные идеи вепского возрождения. В ней говорилось о необходимости принятия срочных мер для поддержки вепского народа:

«Включить вепсов в число малых народов Севера с выделением всей вепской территории в единый административный район (в форме автономного округа или национального района), проводить среди

Рис. 90. Участники конференции в с. Озера Подпорожского района Ленинградской области (15 июня 1987 г.)

вепсов просветительскую и образовательную деятельность (создать единый вепский этнографический музей, использовать СМИ для публикации статей по истории и культуре вепсов, издавать книги по данной тематике), полнее реализовать возможности обучения вепской молодежи на финно-угорском отделении Петрозаводского государственного университета»⁵.

Резолюция озерской конференции была доставлена А. В. Петуховым и З.И. Строгальщиковой в отдел народов Севера Совета министров РСФСР. От ИЯЛИ в отдел был направлен доклад «Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепской народности», подготовленный З.И. Строгальщиковой. Он основывался на итогах этносоциологического исследования вепского сельского населения 1981–1983-х гг. и учитывал резолюцию конференции в с. Озера. Доклад был передан и в отдел по национальным от-

1989. С. 27–42.

⁵ Лапин В. А. «Древо жизни» — праздник вепсов// Этнография Петербурга-Ленинграда: Материалы ежегодных научных чтений. Вып. 2. Л., 1988. С. 44–47; Вепсы. Модели этнической мобилизации. Сб. материалов и документов. Петрозаводск, 2007. С. 72 – 73.

ношениям, созданный в 1987 г. аппарате ЦК КПСС⁶, который вел в то время подготовку пленуна ЦК КПСС по межнациональным вопросам.

В докладе признавалось необходимым восстановление национально-административных единиц на территории традиционного расселения вепсов (районов и сельсоветов) и объединения их в единое административное образование, в рамках которого могли быть более эффективно организована помощь государства в социально-экономическом и этнокультурном развитии; в том числе восстановление вепсской письменности, организация изучения в школе вепсского языка, просвещение населения, как вепсского, так и русского, об истории и культуре вепсов.⁷ Основой для решения поставленных задач должно быть включение вепсов в число народов Севера, ответственность за развитие которых в существовавшей правовой системе государство брало за себя. Статус народов Севера предусматривал обеспечение координации и контроля центральных органов власти за этническим развитием вепсов. Предлагаемые меры рассматривались как единственные, способные предотвратить грозящую им этническую ассимиляцию.

Резолюция озерской конференции повлияла на активность движения за восстановление вепсской письменности и организацию преподавания вепсского языка в школе, которые уже поднимала общественность с. Шелтозера Прионежского района Карелии. В начале 1987 г. в селе сформировалась

инициативная группа из представителей сельской интеллигенции в составе директора Шелтозерского этнографического музея А.П. Максимова, известного краеведа и создателя Шелтозерского музея Р.П. Лонина, директора Шелтозерской школы Р.Ф. Максимовой, которые выступила и не только за восстановление вепсской письменности, организацию преподавания вепсского языка в школе, но и восстановление существовавшего здесь до 1956 г. Шелтозерского национального района. Благодаря директору Шелтозерской школы Р. Ф. Максимовой изучение вепсского языка (сначала как факультатив) началось за два года до официального утверждения восстановленной вепсской письменности. Первым его в апреле 1987 г. начал преподавать для школьников на факультативных занятиях Р.П. Лонин⁸ (рис. 91).

Рис. 91. Лонин Рюри́к Петро́вич (1930-2009), краевед, создатель Шелтозерского вепсского этнографического музея.

⁶ Что нужно знать о народах России. Справочник для государственных служащих. М., 1999. С. 81.

⁷ Строгальщикова З. И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 41–42.

⁸ Вепсы: модели этнической мобилизации. С. 30–31.

В июне 1987 г., директор Шелтозерской школы Р.Ф. Максимова обратилась с ходатайством в Прионежский райисполком об изучении в школе «вепского языка так, как изучается финский язык, т.е. введение его в учебный план»⁹. Её обращение было поддержано райисполкомом и передано в Совет министров и Министерство просвещения Карельской АССР¹⁰.

Министерство просвещения Карелии, хотя и поддержало инициативу коллектива Шелтозерской школы, но не имело полномочий для его решения. В письме от 24 июля 1987 г. в Совет Министров КАССР оно предложило создать под руководством к.ф.н. Н.Г. Зайцевой рабочую группу для подготовки необходимых учебных пособий по вепсскому языку и после их создания «получить разрешение Минпроса РСФСР о включении вепского языка как предмета в учебный план Шелтозерской средней школы»¹¹. Принятие решения о восстановлении вепской письменности затягивалось, хотя в августе 1987 г. в Министерство просвещения Карелии был передан вариант вепского алфавита, разработанный инициативной группой в составе М.М. Муллонен (председатель), Н.Г. Зайцевой, И.И. Муллонен, З.И. Строгальщиковой и А.В. Петуховым. Рабочая группа планировала к 1 декабря 1987 г. представить рукопись вепского букваря¹². В декабре 1987 г. состоялось собрание граждан с. Шелтозеро. Оно постановило, что «все единодушны в том, что необходимо изучать вепский язык» и разработало поэтапный план действий по включению вепского языка в школьное обучение, создав в дополнение к инициативной группе

по подготовке Вепского букваря под руководством Н.Г. Зайцевой группу из местных учителей в составе А.И. Коттиной, Э.В. Коттиной, А.П. Максимова, Р.П. Лониной, Р.Ф. Максимовой и Н.Н. Егоровой «для оказания практической помощи в создании учебно-методической литературы»¹³. Скоро для вепской общественности стало ясно, что вопрос о восстановлении вепской письменности не может быть решен, пока руководство республики не определится с судьбой также бесписьменного карельского языка. Это побудило вепскую интеллигенцию обратиться в Советский фонд культуры – самую влиятельную общественную организацию периода перестройки, которой руководил академик Д.С. Лихачев. Созданный при Советском фонде культуры Научно-общественный совет по сохранению и развитию культур малых народов СССР на своем первом заседании 16 мая 1988 г. рассмотрел ситуацию с вепсами¹⁴. По итогам обсуждения в различные инстанции за подписью Д.С. Лихачева было направлено 11 обращений. В них говорилось о необходимости восстановления вепской письменности и изучения вепского языка в школах, организации подготовки специалистов по вепсскому языку в ПетрГУ, проведении телепередач на вепском языке, расширении научных исследований по языку и культуре вепсов, выделении средств на издание научно-популярных книг о вепсах. В преддверии предстоящей переписи 1989 г. Госкомстату СССР и Госкомстату РСФСР рекомендовалось в районах проживания вепсов строго придерживать-

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² НА РК Ф. 690. Оп. 1. Д. 2. 10–1. Л. 17–18.

¹³ Вепсы: модели этнической мобилизации. С. 114.

¹⁴ Научно-общественным советом по сохранению и развитию культур малых народов руководил член-корреспондент АН СССР Э. Р. Тенишев, крупнейший тюрколог. О Э. Р. Тенишеве см. <http://turkolog.narod.ru/info/personalia-tenishev.htm>

ся инструкции, предусматривающей их регистрацию по самоопределению. Д.С. Лихачев обратился также в ЦК КПСС и Совет Министров РСФСР, к руководству Карелии, Ленинградской и Вологодской областей о проведении в Карелии совещания по проблемам вепсов¹⁵. Предложение было поддержано Советом Министров РСФСР и 28-29 октября в г. Петрозаводске состоялось региональное межведомственное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки».

Научно-общественный совет по сохранению и развитию культур малых народов Советского фонда культуры принял решение на примере вепсов выработать модель возрождения малочисленных народов, которые, как и вепсы, оказались в критическом состоянии¹⁶.

ИТОГИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО СОВЕЩАНИЯ

Состоявшееся в октябре 1988 г. в г. Петрозаводске региональное межведомственное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» имело значительный общественный резонанс. В нем приняли участие представители ЦК КПСС, Совета министров РСФСР, Советского фонда культуры, руководители органов власти Карелии, Ленинградской и Вологодской области, известные ученые К.В. Чистов, В.В. Пименов, А.Ю. Петерсен, писатели А.В. Петухов, Г.А. Горышин, делегации вепсов из основных мест их проживания. Итоги совещания широко освещались в прессе¹⁷ (Рис. 92, 92а, 92б, 92в).

¹⁵ Коммунист Прионежья. 1988. 4 августа.

¹⁶ Ленинская правда. 1989. 14 февраля.

¹⁷ Комсомолец. 1988. 10 ноября; Свирские огни. 1988. 29 декабря; Ленинградская правда. 1988. 11 января.

Рекомендации совещания представляли собой обширную программу действий, направленных на ликвидацию отставания в социально-экономическом и культурном развитии районов традиционного проживания вепсов, а также мер, способствующих их этническому возрождению – восстановление письменности, развитие вепсского языка и культуры, подготовку национальных кадров и организацию мероприятий, объединяющих вепсов разных регионов, проведение специальных исследований. Были поддержаны предложения вепсской общественности о восстановлении в местах компактного расселения вепсов национальных районов и сельсоветов. Рекомендовалось рассмотреть вопрос в будущем об объединении их в единый Вепсский национальный округ. Предлагалось также распространить на вепсов меры социальной поддержки, которые имеют малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Как альтернатива – разработать специальный перечень льгот для вепсов, способствующий их возвращению и закреплению в заброшенных вепсских деревнях (выделение бесплатно леса и долгосрочных ссуд для строительства жилья); в целях улучшения демографической ситуации – предоставлять пособия, жилье для многодетных семей, льготное медицинское обслуживание и т. п.¹⁸

По итогам совещания Госплан РСФСР в своем письме в Совет министров РСФСР от 23 марта 1989 г. «О мерах по выполнению рекомендаций регионально-го совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» поручил ряду министерств и ведомств рассмотрение и реализацию принятых рекомендаций, признал необходимость

¹⁸ Вепсы: модели этнической мобилизации. С. 80–85.

Рис. 92. Участники регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» (Петрозаводск, 28 октября 1988 г.)

Рис. 92а. Участники регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» (первый ряд: председатель Президиума Карельского филиала АНССР И.М. Нестеренко, зав. отделом народов Севера Совета министров РСФСР С.И. Балабанов, представитель Госплана РСФСР, директор ИЯЛИ М.Н. Власова, З.И. Строгальщикова. Первый во втором ряду (справа) В.К. Яшов.

Рис. 926. Региональное межведомственное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». А.В. Петухов, З.И. Строгальщикова

Рис. 92в. Участники Регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» В.В. Пименов, М.И. Муллонен, Э.Г. Карху (Петрозаводск, 28 октября)

«разработки научно обоснованной комплексной программы с учетом интересов как вепсов, так и лиц других национальностей, проживающих в указанных районах». Совет министров РСФСР воздержался от подготовки специального постановления по рекомендациям совещания, но поручил Госплану РСФСР (апрель 1989 г.) установить ежегодный контроль за их выполнением, вопрос о национально-административном районировании для вепсов Совет министров РСФСР предложил рассмотреть «после дополнительных исследований и с учетом данных предстоящей в январе 1989 г. Всесоюзной переписи населения», а также «в соответствии с решениями предстоящего Пленума ЦК КПСС по межнациональным вопросам»¹⁹. По рекомендации отдела по национальным отношениям ЦК КПСС, представители которого принимали участие в октябрьском совещании. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев 4 июля 1989 г. в целях «накопления практического опыта» в вопросах создания национальных административных единиц – районов и сельсоветов принял решение о создании для вепсов как экспериментальных национальных районов и сельсоветов в Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областях и для эвенов в Якутской АССР²⁰. Данное решение вепсов выполнила только Вологодская область, где в октябре 1989 г. был образован Куйский национальный сельсовет²¹. В Карелии решение вопроса о создании национального вепского района затянулось в бесконечных согласованиях и в итоге так и не было принято²².

¹⁹ Ленинская правда. 1989. 16 апреля.

²⁰ Вепсы: модели этнической мобилизации. С. 195–197.

²¹ Там же. С. 20.

²² *Строгальщикова З.И.* Вепсы на рубеже XX–XXI вв. С. 22–26.

С избранием в 1989 г. Съезда народных депутатов СССР ЦК КПСС утратил свое влияние и все его решения потеряли силу. В 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР»²³. Все вопросы по созданию национальных административных единиц предстояло решать в соответствии с данным законом.

После петрозаводского совещания ускорилось решение многих вопросов в области культуры и образования. Совет Министров КАСР 20 апреля 1989 г. утвердил рекомендованные Ученым Советом ИЯЛИ алфавиты карельского (ливвиковского наречия) и вепского языков. После утверждения алфавита вепского языка началось его преподавание в школе в рамках учебного плана. С 1990 г. стали выходить регулярные радио и телепередачи на вепском языке, была открыта кафедра карельского и вепского языков в Петрозаводском государственном университете, началось издание литературы о вепсах и на вепском языке. С 1993 г. начался регулярный выпуск газеты «Kodima» («Родная земля»). Она рассылается активистам и учреждениям образования и культуры Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. Из организаторов и участников многих мероприятий, которые проводились по инициативе и с участием представителей вепской общественности сформировался основной состав общественной организации «Общество вепской культуры».

²³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №19. Ст. 331. См.: также. <http://www.bestpravo.ru/ussr/data01/tex10928.htm>.

Большая часть мер государственной поддержки мест проживания вепсов, рекомендованных в решении петрозаводского совещания 1988 г., а также решений органов власти Карелии, Ленинградской и Вологодской областей, которые принимались в период подготовки к совещанию и после него, остались невыполненными. Их исполнение требовало значительных ресурсов, контроля со стороны центра за их реализацию в регионах, осознания важности их выполнения для обеспечения будущего развития вепсов. При резких переменах в постсоветский период, в политическом, социально-экономическом положении страны такая задача оказалось далеко не приоритетной для центральных и региональных властей. Преобразования последних десятилетий наиболее болезненным образом сказались на положении вепсов, проживающих в сельской местности. В этот период, как показывают материалы переписей 2002 и 2010 г. резко усилилась убыль вепсского населения (см. прил., табл. 2).

В значительной степени рост убыли вепсского населения в постсоветский период является следствием периода активной ассимиляции вепсов, взросление которых проходило в 1960–1980 гг. Смена вепсской молодежи в то время национальности на русскую привела к резкому старению вепсов во всех регионах. Принято считать, что нормальное воспроизводство группы обеспечивается при её среднем возрасте около 33 лет. Средний возраст вепсов в 1989 г. в Ленинградской области составлял 64,2 года, в 2002 г.

– 62,9 года. Это объясняет и большие потери здесь вепсского населения к 2010 г. Всего за постсоветский период их численность в Ленинградской области сократилась к 2010 г. с 4,3 до 1,4 тыс. чел., т.е. в 3 раза. В Карелии ситуация несколько более благоприятная. Средний возраст вепсов в 1989 г. составлял 45,9 г., в 2002 г. – 47,8 г., в 2010 г. – 52,4 г. Общая численность вепсов здесь сократилась менее чем в два раза – с 6 до 3,4 тыс. чел. Из-за ухода из жизни представителей старших поколений у вепсов всех групп снижается и доля лиц, считающих родным язык своей национальности (см. прил., табл. 2). В то же время деятельность по возрождению вепсского языка и культуры в последние два десятилетия приостановила реальную угрозу полной ассимиляции вепсов.

Важным решением для будущего развития вепсского народа стала реализации задачи, поставленной в самом начале перестройки вепскими активистами, – получение вепсами правового статуса. В 2000 г. вепсы вошли в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, в 2006 г. – в Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (см. прил., док. 2, 3). Это удалось достичь благодаря конструктивному взаимодействию Общества вепсской культуры с органами власти Карелии. Данное решение федеральных органов власти, как уже говорилось, предусматривает их ответственность за устойчивое развитие коренных малочисленных народов, в том числе и по отношению к вепсам.

ГЛАВА 19

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

О ПРАЗДНИКЕ «ДРЕВО ЖИЗНИ»

Символом культурного возрождения в Ленинградской области стал праздник «ДРЕВО ЖИЗНИ» – «ELON PU». Он ежегодно проводит во второе воскресенье июня чаще всего в с. Винница Подпорожского района Ленинградской области. Он имеет статус областного вепсского праздника и является одним из самых посещаемых этнических сельских праздников на всем Северо-Западе России. К каждому празднику издаются иллюстрированные программы, буклеты, листовки, в том числе с материалами на вепском языке, открыт отдельный сайт.

Первый праздник вепской культуры «Древо жизни» состоялся 14 июня 1987 г. в с. Винницы. Для вепсов Ленинградской области, где вепская тематика с 1937 г. была полностью исключена из культурной политики региона, его проведение явилось возвращением вепсов в местную «историю», своеобразным актом их официального признания.

Решение властей Ленинградской области о проведении вепсского праздника «Древо жизни», как говорилось выше, стало ответом на проявление центральных властей к проблемам вепсов, обсуждение которых началось в период гласности.

Его организацией занималось Ленинградское областное управление культуры и Областной научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы, который привлек к его подготовке профессиональную режиссерскую группу.

Название праздника символично. «Древо жизни» в мифологических представлениях связано с идеей вечного обновления: рождением, ростом, цветением и плодоношением. В народном искусстве, в том числе и в вепской традиционной вышивке «Древо жизни» часто представлено как женский образ. По идее его организаторов праздник олицетворял возрождающееся древо вепской культуры, где корни древа рассматриваются как мир ушедших предков, ствол – мир живых, а ветви и листья – мир существующих и будущих потомков. Такой символ должен был отразить стремление вепсов к возрождению интереса к своим корням, передаче народных традиций от поколения к поколению, а также способствовать осознанию вепским народом себя частью могучего древа финно-угорской общности¹. В весьма выразительной форме жизнеутверждающую идею праздника представляла необычная, но яркая афиша (Рис. 93).

При его организации ставилась задача ознакомления вепсского и окружающего его местного населения с традиционной вепской культурой, пропаганда и развитие вепсского языка, развитие творческого потенциала местного населения, установление родственных связей вепсов с финно-угорскими народами. Она решалась через содержание главного театрализованного зрелища и участие в празднике и исполнителей из всех

¹ Древо жизни. Праздник вепской культуры. Методические материалы. СПб., 2003. 2003. С. 4.

Рис. 93. Афиша первого вепского праздника «Дерево жизни»
(Винницы, 14 июня 1987 г.)

районов проживания вепсов и фольклорных коллективов родственных народов (рис. 94). Были приглашены карельская группа «Карьяла» из Петрозаводска, финская «Рюнтюшки» из п. Рапполово Ленинградской области, эстонская «Хеллерво», саамская «Ойяр» из п. Ловозеро Мурманской

области, фольклорные ансамбли ПетрГУ и Пермского университета (рис. 95).

На главной сценической площадке, где был установлен символ «Древа жизни», разыгрывался спектакль из сюжетов «Калевалы» как эпоса, принадлежащего народам, самым близким по языку к вепсам – карелам и финнам. Постановка, повествующая о рождении мира и огня, о небесной охоте, об испытании героя – похищении и возвращении солнца и луны, во многом осталась непонятой большинству зрителей, незнакомых со сказочными героями и их деяниями. Однако размах и масштабность зрелища поражала как местных жителей, так и участников многочисленных фольклорных коллективов, выступавших на четырех площадках (рис. 96, 97). Традиция проведения на вепских праздниках различных выставок изделий декоративно-прикладного народного творчества мастеров из разных вепских деревень, ярмарок народных промыслов и ремесел также началась с первого праздника. Неотъемлемой особенностью вепских праздников стала и реализация на них традиционной вепской выпечки, угощения вепской ухой, пивом, сваренным по народным рецептам. Пивные братчины и в прошлом являлись обязательным атрибутом праздников у средних и южных вепсов, к которым относятся вепсы Ленинградской области².

Для многих выходцев из вепских деревень ежегодные праздники «Дерево жизни» стали встречей с родиной, особенно для тех, деревни которых уже не существуют (рис. 98). С первого праздника их постоянными участниками являются и исследователи вепского языка и культуры (рис. 99).

² Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX–начало XX вв. СПб., 1994. С. 35–36.

Рис. 94. Шествие на праздник делегаций от деревень и гостей из регионов

*Рис. 95. Открытие первого вепсского праздника «Древо жизни». (Винницы, 14 июня 1987 г.).
На сцене руководители Подпорожского района и отдела культуры
Леноблисполкома, представители делегаций финно-угорских народов.
В центре второго ряда - вепсский поэт Николай Абрамов*

Рис. 96. Фольклорный
коллектив с. Ладва
Подпорожского района
Ленинградской области

Рис. 97.
Праздник
переместился со сцены
на площадь.
Фольклорный
коллектив
с. Вонозеро
Лодейнопольского
района
Ленинградской
области

Рис. 98
Праздник как место
встречи с дальними
родственниками
и друзьями. Вторая
слева – О.П. Герасимова
из с. Ладвы, известный
зналок вепсского
фольклора

Рис. 99.
Саанмский
фольклорно-
этнографический коллектив
«Ойяр» из с. Ловозеро
Мурманской области

Общее впечатление от праздника «Древо жизни» весьма точно отразила резолюция первой научно-практической конференции по проблемам сохранения языка и культуры вепсов, состоявшаяся 15 июня в с. Озера. В ней подчеркивалось, что *«весь ход празднества, массовое участие в нем населения, показали, что вепсская культура остается живым и значимым явлением современности»*. Рекомендовалось, *«чтобы такие праздники поочередно проводились у ленинградских, карельских и вологодских вепсов»*³.

Рекомендацию конференции о поочередном проведении вепских праздников реализовать не удалось: в каждом регионе традиционного расселения вепсов стал проводиться свой праздник «Древо жизни». В 1988 г. впервые они прошли в Вологодской области и Карелии. Здесь вепские праздники в отличие от «Древа жизни» в Винницах ограничивались в основном демонстрацией творчества местных фольклорных коллективов. Особое значение им придавалась лишь в 1992 и 2002 г., когда Общество вепской культуры и фонд «Юминкеко» (г. Кухмо, Финляндия) проводило культурные акции – так называемый «Год вепской культуры». В 1992 г. на празднике «Древо жизни» в с. Рыбрека Карелии был утвержден флаг вепского народа, а в 2002 г. праздник «Древо жизни» в с. Пяжозеро Вологодской области стал главным мероприятием Года вепской культуры – 2002 (рис. 100, 101).

Череду вепских праздников «Древо жизни» первой открывает Ленинградская область, затем он проводится в Вологодской области и последним – в Карелии.

Праздники «Древо жизни» в Ленинградской области сохраняют значительно больший размах, чем в Карелии и Вологодской области. В них принимают участие большинство вепских фольклорных коллективов из соседних районов Ленинградской области, Карелии, а также коллективы родственных финно-угорских народов.

До 1995 г. (кроме 1990 г.) сценарии вепских праздников «Древо жизни» в Ленинградской области готовились специалистами учреждений культуры г. Санкт-Петербурга. Автором сценариев праздников 1991 и 1992 г. был Алексей Стрельников, один из самых известных постановщиков театрально-массовых зрелищ. С 1996 г. их подготовка перешла к работникам Винницкого дома культуры (рис. 102)⁴.

Рис. 100. Ковальская Надежда Михайловна – директор Винницкого Дома культуры.

³ Вепсы. Модели этнической мобилизации. С. 72.

⁴ Древо жизни. Праздник вепской культуры. С. 8–15.

Рис. 100а. Древо жизни в д. Пяжозеро Бабаевского района Вологодской области в год вепской культуры – 2002.
Фольклорная группа «Randaine» (бережок). г. Петрозаводск. Фото Маркку Ниёминена

Рис.101. Вепский
народный хор
с. Шелтозера. В центре
Н.А. Анхимова, директор
Шелтозерского
этнографического музея.
Фото Маркку Ниёминена

Каждый праздник имеет особую тему. В 1988 г. он назывался по имени центральной улицы села – «Праздник улицы Советской», в 1989 г. – «Я славлю вепскую деревню, я славлю вепский свой народ». На нем впервые выступал созданный в 1988 г. винницкий фольклорный коллектив «Armaz» (любимый).

Большое интерес вызвал межрегиональный вепский праздник «Древо жизни – 91». Он состоялся 24 июня и был назван «Kezakeskust» (середина лета). Впервые он проводился за пределами Винницкого поселения – в д. Щелейки и Гимрека, расположенных на границе между Подпорожским районом Ленинградской области и Карелией. Их проведение на фоне известных памятников культового зодчества – ансамбля Гиморецкого погоста с Рождественской церковью, Дмитровской церкви в Щелейках – придавало ему особую торжественность. Праздничное действие началось со звона колоколов Дмитриевской церкви, на поляне перед которой были установлены «Древо жизни» (молодая береза) и «Древо памяти» (старое дерево). Здесь по замыслу Алексея Стрельникова совершался символический обряд связи прошлого и будущего. На «Древо жизни» дети развесили колокольчики на цветных лентах как символы живых вепских деревень с именами детей, родившихся в год праздника, а на «Древо памяти» под причитания пожилых женщин на поминальных лентах вывешивались ключи с названиями исчезнувших с лица вепских деревень, оставшихся только в памяти народа. Дальше праздник продолжился на поляне перед Гиморецким ансамблем. Состоялось и освящение Рождественской церкви после реставрации. Общество вепской культуры подготовило к празднику специальный выпуск районной газеты «Коммунист Прионежья» (№ 75–76 от 22 июня 1991 г.), посвященный обсуждению вепских проблем, с отдельной

страницей на вепском языке. После праздника, на котором выступали вепские фольклорные коллективы, в д. Щелейки состоялся «круглый стол», где обсуждались итоги реализации резолюции конференции в с. Озера и хроника культурного возрождения вепсов.

В 1992 г. праздник «Древо жизни» открылся на подворье Троицкой церкви Винницкого погоста, где впервые за многие годы прошла служба, которую провел настоятель Воскресенской церкви п. Важины. На подворье был установлен памятный крест в честь шестого вепского праздника «Древо жизни». Здесь же состоялся обряд с установлением «Древа жизни» и «Древа памяти», аналогичный проведенному в 1991 г. в д. Щелейки. На празднике впервые выступил Винницкий кукольный детский театр, созданный при Винницком Доме культуры, детские вепские фольклорные коллективы из д. Ярославичи и п. Курба.

Праздник «Древо жизни» 1993 г. продолжил начатую в 1991 г. традицию его проведения у самых известных храмов вепской земли. Он прошел в д. Юковичи (Родионово), где стоит самая древняя в России (из сохранившихся на месте своей постройки) церковь Георгия Победоносца, построенная в середине XVI в.

В последующие годы праздники проводились в небольших деревнях Винницкого куста. В 1994 г. в с. Озера прошел праздник, приуроченный к Троице – «Stroičan räiv», в 1999 г. – в Ярославичах. Особенностью праздников 1998 и 2002 г. стало обращение к народной обрядовой культуре. По заданию организаторов праздника коллективы каждой из вепских деревень винницкого края готовили представление, воспроизводящее местную версию того или иного обряда: «Рождение ребенка» (Ярославичи), «Вепские фольклорные игры» (Курба), «Проводы в

армию» (Озера), «Сватовство» (Немжа), свадебный обряд «Прощание невесты с домом» (Ладва), обряд «Баня» (Винницы). В 2002 г. зрители увидели празднование «Троицы», «Петрова дня», «Святого Егория» (д. Мягозеро), обряды «Посещение леса» (п. Курба), «Сенокос» и «Рождение ребенка» (д. Шондовичи), «Новоселья» (д. Озера), «Ивана Купалы» (Вознесенье)⁵.

Дважды в 2004 и 2009 г. главной темой праздника была «Вепсская кадриль», исполнение которой имеет свои особенности в каждой из вепских деревень.

В 2003 г. праздник проходил по трем деревням: – начался в д. Ярославичи, затем переместился в д. Озера и завершился в д. Ладва. В д. Ярославичи он прошел под названием «Раздайся народ, вепсяночка идет!». Каждая вепсская деревня представляла на конкурс юную вепскую девушку. Победительницей конкурса стала вепсянка из с. Винницы. В 1995 г. темой праздника являлось 50-летие Победы в Великой Отечественной войне, в 1996 г. – основу праздника составила обширная конкурсная программа: «Лучшая вепсская семья», конкурс рисунков «Тихая моя Родина», «Гармонист у нас хороший», «Вепсская кухня», «Чья кадриль лучше» и др.

В 2005 г. «Древо жизни» увидели в районном центре – г. Подпорожье. Впервые на сцене главной площади г. Подпорожья звучала вепсская речь и вепские песни, горожане увидели кадриль, исполняемую фольклорными коллективами разных вепских деревень. Гостем праздника был губернатор Ленинградской области В.П. Сердюков. На празднике руководство города отметило заслуги всех, кто стоял у истоков возрождения в районе вепской культуры: Н.М. Ковальскую, В.В. Лодыгину, В.П.

Ершова, Н.М. Романову, И.Д. Костину, Е.В. Симанову, Г.Н. Смирнову и др. На площади была организована ярмарка, где самым ходовым товаром оказалась вепсская выпечка, вепское пиво. Как сообщал портал национальных общин г. Санкт-Петербурга, «Вепсы приехали и устроили пир на весь мир»⁶.

В 2006 г. главным персонажем праздника «Древо жизни» был петух. Мужчинам, выступающим в роли петухов, предстояло начать с похода в баню, поскольку по традиции участвовать в народных гуляньях может человек, очистившийся и духом и телом. Затем был организован конкурс петушиных костюмов, после которого сразу же состоялся забег «петухов» по деревне. Состоялись и настоящие петушиные бои, победитель в которых был продан на аукционе за довольно высокую цену. О празднике петуха снят фильм.

Вепский праздник «Древо жизни» отметил уже три своих юбилея. В 10-летие праздника «Древо жизни» было подготовлено театрализованное представление, повествующее о каждом из праздников прошлых лет. В нем приняли участие коллективы из Финляндии, фольклорный коллектив «Белыч» из г. Печора (Республика Коми). В качестве почетных гостей присутствовала делегация из губернии Нурланд (Норвегия), заключившая соглашение о сотрудничестве с Ленинградской областью.

В 2007 г. отмечалось 20-летие праздника «Древо жизни». Он назывался «Жили-были мастера». На празднике все могли увидеть работу народных мастеров, купить их изделия, состоялось че-

⁵ Древо жизни. Праздник вепской культуры. С. 12, 56–64.

⁶ В Ленинградской области вепсы устроили "пир на весь мир" <http://www.etnosite.ru/news/1/10990.html>; см. также: Бесик Пипия. Вепсы пили медовуху и плясали с губернатором // Независимая газета. 2005. 19 сентября.

ствование мастеров Винницкого края. В 2012 г. на юбилейном празднике, которому исполнилось 25 лет, прошла Международная научно-практическая конференция «Вепсы: история и современность», посвященная важнейшему событию Года российской истории – «1150-летию зарождения российской государственности». Конференция и праздник стали важнейшими мероприятиями Года вепсской культуры – 2012, который очередной раз проводило Общество вепсской культуры совместно с фондом «Юминкеко» из Финляндии.

Организация вепсских праздников «Древо жизни» выполнила свою основную задачу – пробуждения у вепсов интереса к своим корням, повышение значимости своей культурной отличительности, содействовала сплочению вепсов как

единого народа. Вепсы узнали и о своих родственниках в финно-угорском мире. Почти в каждом вепском селе возникли свои фольклорные вепские коллективы, которые ежегодно выступают соучастниками праздника. Винницкий фольклорный ансамбль «Armaz» превратился в один из самых ярких этнических коллективов области, стал представлять вепскую культуру на различных международных фестивалях и конкурсах (рис. 103).

При Винницком Доме культуры в 1998 г. состоялось открытие Вепского центра фольклора, который стал настоящей мастерской по возрождению народных промыслов и ремесел. Здесь же действуют многочисленные кружки для детей, обучающихся народной резьбе, плетению из бересты и щепы,

традиционной вышивке и ткачеству. В центре проводятся выставки и экскурсии, рассказывающие на русском и вепском языках об истории и культуре вепсов и других финно-угорских народах. Дети осваивают вепсский язык при постановках на вепском языке в детском кукольном театре, который действует при Вепском центре фольклора.

В основном благодаря празднику «Древо жизни» вепсы стали одним из самых известных малочисленных народов Северо-Запада страны.

Рис.103. Фольклорный народный вепсский коллектив «Armaz» Винницкого Дома культуры

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ВЕПСКОЙ КУЛЬТУРЫ. НОВАЯ ЖИЗНЬ ВЕПСКОГО ЯЗЫКА

В постановке и решении всех вопросов этнического развития вепсов активное участие принимают представители Общества вепсской культуры (далее – Общество). Его учредителями выступили организаторы и участники двух важнейших в истории вепсского народа форумов, о которых говорилось выше: научно-практической конференции по проблемам сохранения и языка и культуры вепсов (с. Озера, Подпорожского района, 15 июня 1987 г.) и регионального межведомственного совещания «Вепсы: развитие экономики и культуры в условиях перестройки» (г. Петрозаводск, 28–29 октября 1988 г.). У истоков создания стояли вепсский писатель А.В. Петухов из Вологды, научные сотрудники ИЯЛИ З.И. Строгальщикова, Н.Г. Зайцева, доцент ПГУ М.И. Муллонен, сотрудники Шелтозерского музея вепсской культуры – Р.П. Лонин, А.П. Максимов, директор Шелтозерской школы Р.Ф. Максимова и многие другие. Общество зарегистрировано 4 сентября 1989 г.

Общество изначально четко определило приоритеты своей деятельности: воссоздание вепсской письменности, возрождение вепсского языка и культуры, главным звеном которого должна стать школа; содействие социально-экономическому развитию мест проживания вепсов, определение на законодательном уровне правового статуса вепсов как коренного малочисленного народа Севера.

На рубеже 1980–1990-х гг. требования о защите этнокультурных интересов вепсов позитивно воспринимались общественностью, поддерживались республиканской властью. Это содействовало в апреле 1990 г. избранию на первых альтернативных

выборах в Верховный Совет Карелии представителя от Общества З.И. Строгальщиковой. В том же году А.В. Петухов был избран в Верховный совет РСФСР от Вологодской области.

Многие из задач, стоящие перед Обществом в Карелии, решались совместными усилиями с общественными организациями карелов и финнов-ингерманландцев. В начале 1990-х гг. по обращениям финно-угорских организаций руководство Карелии приняло несколько важных решений, содействующих этнокультурному развитию карел, вепсов и финнов республики. В 1992 г. в Карелии было создано издательство «Периодика» для издания СМИ и литературы на карельском, вепсском и финском языках, открыт Республиканский центр национальных культур, в 1994 г. в г. Петрозаводске – финно-угорская школа им. Э. Лённрота с преподаванием карельского, вепсского и финского языков, организована подготовка специалистов и учителей карельского и вепсского языков в двух вузах республики.

Деятельность Общества с самого начала была направлена на содействие развитию и культуры вепсского народа в целом, а не только вепсов Карелии. В 1992 г. Общество вепсской культуры выступило с идеей создания единой программы национального образования для вепсов всех регионов. В Карелии предполагалось создать единый научно-методический центр, задачей которого должна была стать разработка учебных планов, программ, методических пособий, новых учебных курсов для преподавания вепсского языка, истории и культуры во всех школах вепсского региона, издание учебной литературы, а также организация подготовки и повышение квалификации педагогических кадров. Предложение Общества было одобрено Министерством образования России. Программа готовилась

с участием представителей Министерства образования РФ, органов управления образованием Карелии, Ленинградской и Вологодской областей, директоров и учителей вепсских школ, авторов вепсских учебников. Однако из-за кадровых изменений в Министерстве образования России, которое перестало исполнять роль координирующего центра по её реализации, и незаинтересованности органов управления образованием Ленинградской и Вологодской областей программа не получила статус межрегиональной, а реализовывалась только в Карелии. Здесь вепсский язык изучается по утвержденным стандартам в рамках учебного плана в 4-х школах - Финно-угорской школе им. Элиаса Лённрота г. Петрозаводска и школах трех вепсских

сельских поселений – Шокшинской, Шелтозерской и Рыборецкой и двух детских садах. В школах Карелии вепсский язык изучают около 300 школьников, после 9 класса они сдают ЕГЭ по вепсскому языку. Изучение вепсского языка как предмета проводится также в Куйской школе Тимошинского сельского поселения в Вологодской области. В Ленинградской области преподавание его ведется на факультативной основе в Винницкой средней школе, где его посещают около 10–15 процентов учеников. При преподавании вепсского языка в Ленинградской и Вологодской областях используется учебная литература, подготовленная и изданная в Карелии (рис. 104, 104а). Вся учебная литература передается им безвозмездно.

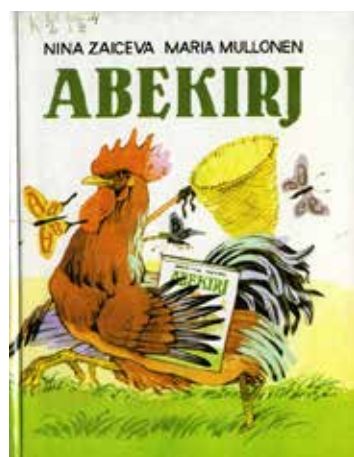

Рис. 104. Учебники по вепсскому языку 1990-х годов

Рис. 104а. Учебники по вепсскому языку нового поколения

Авторами первых вепских учебников и словарей являлись Н.Г. Зайцева и М.М. Муллонен. С 2007 г. ведется подготовка учебников вепского языка нового поколения Н. Петровой (Кукоевой) и М.Б. Гиниатуллиной. К настоящему времени ими обеспечена начальная школа. С 1989 г. в Карелии регулярно проводятся курсы для учителей вепского языка.

В целях привлечения детей к вепскому языку с 1992 по 1999 г. Общество проводило ежегодные межрегиональные конкурсы знатоков родного языка, с 1999 г. они стали семейными. В последние годы в с. Рыбрека Прионежского района Карелии с большим успехом проводится межрегиональный фестиваль–конкурс «Вепская сказка». Во всех мероприятиях Общества и Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными, религиозными объединениями и средствами массовой информации принимают участие дети, учителя и работники культуры из вепских сел Ленинградской и Вологодской областей. Их участие проходит в соответствии с соглашениями о сотрудничестве, которые подписаны между Правительством Карелии и Ленинградской области в 2000 г., и с Правительством Вологодской области – в 2009 г.

Важную роль в объединении вепсов играет газета «Kodima». Её первый выпуск состоялся в 1991 г., а с 1993 г. она стала периодическим республиканским изданием. С 2011 г. в Карелии ежегодно выходит литературно-художественный альманах на вепском языке «Verez tullei» (Свежий ветер) и детский журнал «Kipinä» (Искорка). Kipinä предоставляется как учебный материал всем школьникам, изучающим вепский язык (рис. 105).

Общество вепской культуры в 1990-е г. приобрело несколько верных друзей в лице финляндских

общественных организаций. В 1990 г. началась работа по переводу библейских текстов с финно-угорским филиалом Института перевода Библии (Хельсинки). Издание на вепском языке Библии для детей, Евангелий от Марка, Луки, Матвея и Иоанна, а в 2006 г. «Нового завета» стало своеобразным символом состоявшегося вепского литературного языка. Переводы осуществлялись Н.Г. Зайцевой с участием многих активистов вепского Общества. В 2007 г. состоялась презентация Нового завета в г. Петрозаводске (рис. 106, 106а). За большой вклад в развитии вепского языка Н.Г. Зайцева награждена орденом Дружбы народов.

Неоценимую помощь в развитии вепского языка, повышению его престижа, заинтересованности пишущих в результатах своего творчества, принесло сотрудничество Общества с Культурным центром Карельской АССР из г. Кухмо (ныне фонд «Юминкеко»). При реализации специаль-

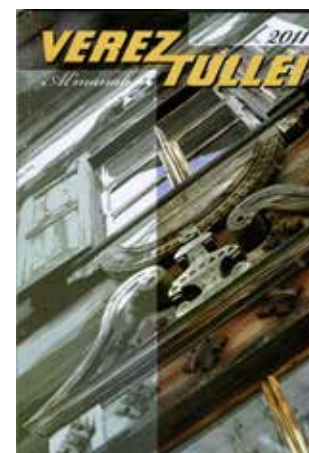

Рис. 105.
СМИ на вепском языке

Рис.106. Переводы библейской литературы на вепсский язык

Рис. 106а. Н.Г. Зайцева
Нина Григорьевна (в центре), языковед, автор учебников вепсского языка, переводчик. Слева от неё –
Анита Лааксо, директор Финно-угорского Института перевода Библии (Финляндия), справа –
Жукова Ольга Юрьевна, преподаватель вепсского языка Петрозаводского университета

ного культурного проекта – Год вепсской культуры, который проводился в 1992, 2002 и 2012 гг. значительное внимание уделялось поощрению пишущих на вепсском языке и издательской деятельности, средства на которую выделялись фондом «Юминкеко».

«Год вепсской культуры-1992» начался с объявления литературного конкурса для начинающих писать на вепсском языке. Победителем конкурса стал Виктор Яшов из с. Пондала Вологодской области за рассказ «Kondi» (Медведь) и цикл частушек. Конкурс выявил двух позднее ставших известными вепсских поэтов: Николая Абрамова и Алевтину Андрееву.

В 1996 г. вышел в свет первый сборник вепсской прозы и стихов «Kodirandaine» (Родной край), который подготовила к печати Н. Г. Зайцева, куда вошли материалы литературного конкурса 1992 г. Поэзия в нем была представлена стихами Николая Абрамова, Виктора Ершова, Алевтины Андреевой. В сборнике даны переводы на вепсский язык Николая Абрамова стихов Сергея Есенина и Николая Рубцова. С них началась переводческая деятельность в вепсской литературе. Раздел прозы составили рассказы Виктора Яшова «Kondi» и Анатолия Петухова «Mečnikoiden jäl'gidme» («По следам охотников»), и повесть Василия Пулькина «Lap'saigan» («Азбука детства»).

Следующий Год вепсской культуры прошел в 2002-м, в год 200-летия со дня рождения Элиаса Лённрота, что и определяло во многом его содержание. В рамках «Года вепсской культуры-2002» была переиздана диссертация Элиаса Лённрота, а вепсские сказки, записанные им во время экспедиций к вепсам в 1842 г., опубликованы отдельными книжками на вепсском и финском языках. Главным со-

бытием Года вепсской культуры-2002 стало издание «Калевалы» для детей на вепсском языке – «Kalevala lapsile i porištöle» в переводе Н.Г.Зайцевой. Основой для перевода явился сокращенный вариант «Калевалы», составленный для детей карельскими поэтами Армасом Мишиным и Эйно Киуру. Иллюстрации к нему нарисовал вепсский художник Алексей Максимов (рис. 107).

Рис.107. Книги, изданные в 2012 г. (слева) и 2002 г.

«Год культуры-2012» тематически связан с мероприятиями 2002 года. Н. Г. Зайцева повторила опыт Элиаса Леннрота, создавшего эпос «Калевала» из фольклорного наследия карелов, написав вепсский эпос «Virantanaz», основываясь на всех жанрах вепсского фольклора. Он уже переведен на финский язык, готовится издание его перевода на русский язык.

В «Год вепсской культуры-2012» прошло много различных мероприятий в Карелии, особенно в Шелтозере. На здании Шелтозерского музея был установлен портретный барельеф Р. П. Лониной – основателя музея (рис. 108). В с. Винницы во время

праздника «Древо жизни» провели научно-практическую конференцию, посвященную празднования 1150-летия зарождения российской государственности, а в г. Вологде конференцию вепских писателей, в которой принял участие наш самый известный писатель Анатолий Петухов.

Рис. 108. Установление портретного барельефа
Р. П. Лони́на. Слева - Маркку Ниеминен,
представитель Фонда «Юминкеко»

В последние годы в деятельность Общества включилась молодежь, благодаря которой в работе Общества появилось много нового (рис. 109). В первом вепско-русском календаре на 2009–2010 гг., в составлении которого приняли участие Юлия Наумова, Анна Анхимова, Алексей Максимов, приводятся сведения о 24 памятных событиях в жизни вепского народа (рис. 110). Передачи сотрудников Карельского радио и телевидения Марии Филатовой и Ларисы Чирковой на вепском

Рис. 109. На заседании Общества вепской культуры

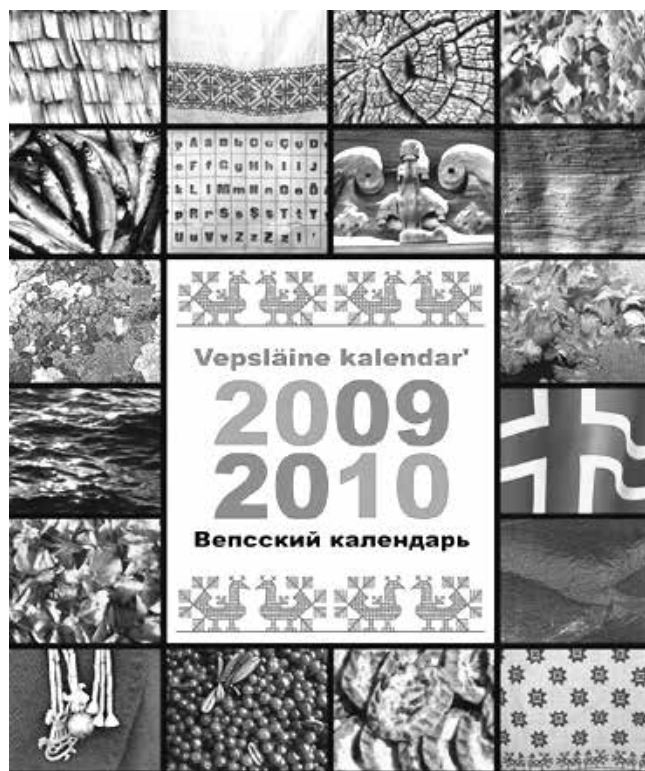

Рис. 110. Первый вепский календарь

языке размещаются в Интернете и доступны всем интересующимся вепским языком. Они активно пропагандируют вепскую культуру, реализуя различные проекты. Их последний проект «Культурный десант молодых» был направлен на обучение на краткосрочных курсах вепской письменной речи тех представителей из вепских сел, кто знает лишь устный вепский язык. Группа вепской молодежи, специалистов по вепскому языку, провела краткосрочные курсы в 13 вепских деревнях Карелии, Вологодской и Ленинградской областей, на которых более 100 представителей разного возраста освоили правила чтения и письма на родном языке. Участники курсов познакомились с литературой на вепском языке и о вепсах, а школы и библиотеки, где проводились курсы, получили в подарок новые книги (рис. 111, 111а).

Большой успех среди зрителей имеют этнографические фильмы на вепском языке, которые снимают Лариса Чиркова и видеоператор Владимир Славов. Они сняли уже три фильма: «Živatad vepslaižiden elos» по книге И.Ю. Винокуровой «Животные и жизни вепсов», и «Vepsläižen kodin sūdäin» («Жизнь вепского дома») по книге З.И. Строгальщиковой «Традиционное жилище Межзерья» и «Sel' ktas vedes kala kokib» («В чистой

воде и рыба клюёт») о способах традиционного рыболовства. На первом фестивале фильмов на финно-угорских языках, который прошел в июне 2014 г. в Эстонии, фильм «Животные и жизни вепсов» был признан лучшим и завоевал гран-при фестиваля.

Многие о вепсах узнали через музыку фольк-группы «Noid». Ею руководит Владимир Соловьев. Она выступает на самых различных мероприятиях – от сельского праздника до Дней родственных народов в Эстонии (рис. 112). В 2011 г. «Noid» был приглашен в числе 12 коллективов на международный конкурс в Италию, представляющих современные аранжировки традиционной музыки коренных народов мира. Из России было только две группы – вепская и удмуртская.

Общество вепской культуры принимает участие в работе многих российских и международных общественных организаций. В 1992 г. оно стало одним из учредителей Ассоциации финно-угорских народов России и Всемирного конгресса финно-угорских народов (рис. 113). В 1996 г. оно представляет вепсов Карелии в Рабочей группе по коренным народам Баренцева-Евро-Арктического региона, а с 2001 года является сленом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Рис. 111. Участники курсов вепсского языка в с. Радогоць Бокситогорского района Ленинградской области. Организаторы курсов - Мария Филатова (слева), Лариса Чиркова (справа)

Рис. 111а. Книги на вепсском языке и о вепсах для сельских и школьных библиотек

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В истории вепсского народа, которому неоднократно прочили уход в небытие, остается много неисследованного. В нашей работе о раннем периоде его истории приведены самые известные события прошлого, участниками которых являлись весь и чудь – предки вепсов. Их язык сохранился в речи современного вепсского населения, в названиях рек и сел на территории, значительно превышающий места его проживания в настоящее время.

Для представителей вепсского народа особое значение приобретает то обстоятельство, что научное сообщество после длительных дискуссий пришло к выводу о достоверности версии «отца» русской истории – летописца Нестора, изложенной им в Повести временных лет, что начало Российскому государству положил равноправный союз славянских племен словен и кривичей и финноязычных – веси и чуди, пригласивших в 862 г. варягов для защиты от внешней угрозы.

Официальное признание 862 г. как исходной даты зарождения российской государственности, при всем символизме этой даты, должно стать важной точкой для осознания вепсами своего особого места в истории страны, гордости за славные дела

своих предков, стоявших у истоков создания нашего Отечества.

История изучения вепсского народа и его языка связана с именами таких выдающихся исследователей XIX в., как основоположника финно-угроведения А. Шёгрена и создателя всемирно известного эпоса «Калевала» Э. Лённрота, основателя советской школы финно-угроведения в XX в. Д.В. Бубриха.

В настоящее время признанным центром вепсских исследователей является Институт языка Литературы и истории Карельского научного центра РАН. Работы его сотрудников стали основой для восстановления вепсской письменности, развития языка и культуры народа.

Общественно-политические события XX в. оказали решающее влияние на современное этническое развитие вепсов. Надежды первого периода культурного возрождения в начале 1930-х г. через несколько лет были прерваны и сменились полувекowym забвением. Появившаяся в конце XX в. возможность вновь начать строить свое как народа дала еще один шанс для существования вепсов не только как объекта научных исследований, но и как активного участника и творца своей истории и культуры.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документ 1

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности

В целях дальнейшей консолидации российского общества и в связи с исполняющимся в 2012 году 1150-летием зарождения российской государственности **п о с т а н о в л я ю:**

1. Принять предложение Правительства Российской Федерации о праздновании в 2012 году 1150-летия зарождения российской государственности.

2. Правительству Российской Федерации в 6-месячный срок:
образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 1150-летия зарождения российской государственности и утвердить его состав;

обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 1150-летия зарождения российской государственности.

3. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления принять участие в подготовке и проведении празднования 1150-летия зарождения российской государственности.

Президент
Российской Федерации Д.Медведев

Москва, Кремль
3 марта 2011 года
№ 267

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 24 марта 2000 г. № 255

г. Москва

О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации

Во исполнение Федерального закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" Правительство Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т** :

1. Утвердить прилагаемый Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (далее именуется - Единый перечень), подготовленный Министерством по делам федерации и национальностей Российской Федерации на основании предложений органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых эти народы проживают.

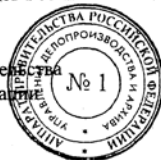
2. Правительству Республики Дагестан подготовить и представить в Государственный Совет Республики Дагестан предложения о проживающих на территории Республики коренных малочисленных народах для последующего включения их в Единый перечень.

3. Установить, что изменения и дополнения в Единый перечень вносятся Правительством Российской Федерации по предложению Министерства по делам федерации и национальностей Российской Федерации на основании представлений органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых проживают коренные малочисленные народы Российской Федерации.

4. Подпункт 20 пункта 5 Положения о Министерстве по делам федерации и национальностей Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 2000 г. № 45 (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 4, ст.397), изложить в следующей редакции:

"20) ведение федерального реестра муниципальных образований, реестра национально-культурных автономий, государственного реестра казачьих обществ Российской Федерации и Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации".

Председатель Правительства
Российской Федерации

В. Путин

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 17 апреля 2006 г. № 536-р

МОСКВА

Утвердить прилагаемый перечень коренных малочисленных народов
Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Председатель Правительства
Российской Федерации

М.Фрадков

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 8 мая 2009 г. № 631-р

МОСКВА

В соответствии с частью 2 статьи 5 Федерального закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" утвердить прилагаемые:

перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации;

перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Председатель Правительства
Российской Федерации

В.Путин

распоряжением Правительства
Российской Федерации
от 8 мая 2009 г. № 631-р

П Е Р Е Ч Е Н Ь
мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной
деятельности коренных малочисленных народов
Российской Федерации
Республика Карелия

Прионежский муниципальный район (Шокшинское вепское,
Шелтозерское вепское, Рыборецкое вепское сельские поселения)
Вологодская область

Бабаевский муниципальный район (Куйское национальное вепское,
Пяжозерское сельские поселения)
Вытегорский муниципальный район (Оштинское сельское
поселение)

Ленинградская область

Подпорожский муниципальный район (Вознесенское городское
поселение, Винницкое сельское поселение)

Бокситогорский муниципальный район (Радогощинское сельское
поселение)

Лодейнопольский муниципальный район (Алеховщинское сельское
поселение)

Тихвинский муниципальный район (Пашозерское сельское
поселение)

ЕДИНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ

коренных малочисленных народов Российской Федерации

Наименование коренных малочисленных народов Российской Федерации	Наименование субъектов Российской Федерации, на территориях которых проживают коренные малочисленные народы Российской Федерации
Абазины	Карачаево-Черкесская Республика
Алеуты	районы Камчатской области, Корякский автономный округ
Алюторцы	Корякский автономный округ
Бесермяне	Удмуртская Республика
Вепсы	Республика Карелия, Ленинградская область

**Вепсы: соотношения между городским и сельским населением, мужчинами и женщинами
(по итогам переписи 2010 г.)**

Таблица 1

Регионы	Городское и сельское население						Городское население						Сельское население					
	мужчины и женщины		мужчины		женщины		мужчины и женщины		мужчины		женщины		мужчины и женщины		мужчины		женщины	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Всего в России	5936	100	2423	40,8	3513	59,2	3348	56,4	1335	39,9	2013	60,1	2588	43,6	1088	42,0	1500	58,0
В территориях преимущественного проживания, в том числе	5486	92,4	2207	40,2	3279	58,8	2983	54,4	1161	38,9	1822	61,1	2503	45,6	1046	41,8	1457	58,2
Карелия	3423	62,4	1333	38,9	2090	61,1	2319	67,7	875	37,7	1444	62,3	1104	32,3	458	41,5	646	58,5
Ленинградская область	1380	25,1	570	41,3	810	58,7	341	24,7	139	40,8	202	59,2	1039	75,3	431	42,5	608	58,5
г. Санкт-Петербург	271	4,9	117	43,2	154	56,8	271	100	117	43,2	154	56,8	-	-	-	-	-	-
Вологодская область	412	7,5	187	45,4	225	54,6	52	12,6	30	57,7	22	24,3	360	87,4	157	43,6	203	56,4
В других регионах страны ¹	450	7,6	216	48,0	234	52,0	365	81,1	174	47,7	191	52,3	85	18,9	42	49,4	43	50,6

Усл. обозн.: / - / – явление отсутствует .

¹ Таблица составлена: Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Таблица 19. Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. См.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010.

Представители вепской национальности зарегистрированы в 60 субъектах РФ.

ЧИСЛЕННОСТЬ И РОДНОЙ ЯЗЫК У ВЕПСОВ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ

Таблица 2

Регионы	1926		1939		1959		1979		1989		2002		2010						Убыль 2010 -2002
	Чис- лен- ность	С родным вепс- ским языком, чел/% ¹	Чис- лен- ность	С род- ным вепс- ским язы- ком, чел/%	Чис- лен- ность	С род- ным вепс- ским язы- ком, чел/%	Чис- лен- ность	считают родным вепс- ский. язык, человек и %	Чис- лен- ность	С род- ным вепс. язы- ком, чел/%	Чис- лен- ность	Владеют вепсским языком, чел. и %		Чис- лен- ность	С родным вепсским языком, чел/%		Владеют вепсским языком чел./%,		
												вепсы – чел. и %	В РФ и рег- не		вепсы чел./ %	В РФ и рег- не	вепсы чел./ %	В РФ и рег- не	
Россия	32773	31023 94,7	31449	29096 92,5	16170	7464 46,1	7550	2723 36,1	12142	6231 51,3	8240	4000	5753	5936	1638 27,6	1821	2362 39,8	3612	-28,0
Город	254	179 70,5	4749	3318 65,8	4739	1606 33,9	4865	1555 32,0	5884	1936 32,9	4624	....	...	3348	...	...	...	...	-27,6
Село	32519	30844 94,8	26700	25778 96,5	11431	5858 51,2	2685	1168 43,5	6258	4295 68,6	3616	....	...	2588	...	...	...	...	-28,4
Карелия	8587	8419 98,0	9388	 86,2	7179	2775 38,6	5864	2096 35,8	5954	2235 37,5	4870	1849 38,0	2295	3423	493 14,4	520	919 26,8	1178	-29,7
Город	113	76 67,3	2884	... 31,8	3623	 36,4	3649	1156 31,7	3885	1131 29,1	3238	1051 32,5	...	2319	...	...	...	...	-28,4
Село	8474	8343 98,4	6504	... 93,9	3556	... 40,9	2215	940 42,4	2069	1104 53,4	1632	798 48,9	...	1104	...	...	...	...	-32,4
Ленин- градская область	24186	22604 93,5	15571	.....	8026	4218 52,6	774	324 41,9	4273	2983 69,8	2019	1413 70,0	...	1380	789 57,2	...	1003 72,7	1741	-31,6
Город	141	103 73,0	1147	.....	579	.....	456	179 39,2	896	457 51,0	508	256 50,4	...	341	...	...	...	...	-32,9
Село	24045	22501 93,6	14424	.....	7447	.....	318	145 45,6	3377	2526 74,8	1511	1157	...	1039	...	...	...	...	-31,2
Санкт-Пе- тербург	5	....	198	...	...	...	...	208	368	...	316	..	206	271	43	...	48 17,8	106	-14,2
Вологод- ская область	6743 ²	.....	4976	...	117	.....	65	22 33,8	728	638 87,7	426	235 55,3	532	412	261 63,3	...	324 78,6	459	-3,3
Город	.....	.....	33	...	...	.....	24	3 12,5	45	14 31,1	...	....	...	52	...	...	...	...	...
Село	.....	.....	4943	...	...	.....	41	19 46,3	683	624 91,4	...	...	...	360	...	...	...	...	...

¹Пояснения: Сведения по родному языку даны в как абсолютных цифрах (верхняя строка), так и в процентах (нижняя строка).

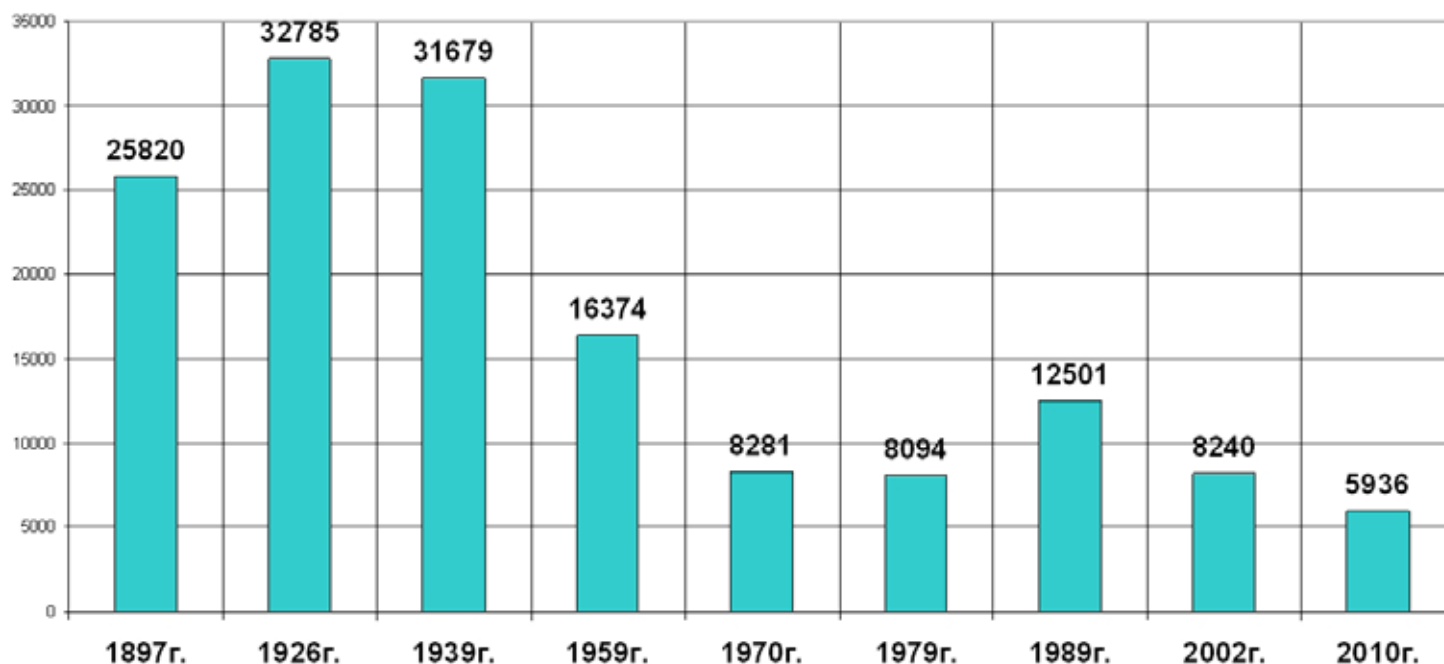
“....” – сведения отсутствуют.

² Часть вепсской территории была передана в Вологодскую область из Ленинградской области в сентябре 1937 года. Сведения о проживании в период переписи 1926 года на данной территории вепсского населения являются расчетными. См.: Хрущов С. А., Клоков К. Б. Мониторинг этнических систем финно-угорских народов Карелии, Псковской и Ленинградской областей. СПб., 1996. См.: <http://www.rangifer.org/gumilev/finnougory.shtml>

Таблица Составлена: З.И. Строгальщиковой по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 108–110, 114, 134, 183, 185, 205–207; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 59, 61, 62, 66, 80, 82; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 302, 306, 310, 314, 340, 364, 366. Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 73–75; Национальный состав населения РСФСР. По данным переписи 1989 года. М., 1990. С. 12, 15, 103; Финно-угорские народы России. Стат. сб. Сыктывкар, 2005. С. 16–24, 45–53, 55. Национальный состав населения России по переписи 2010. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php

Численность вепсов по данным переписей (чел.)

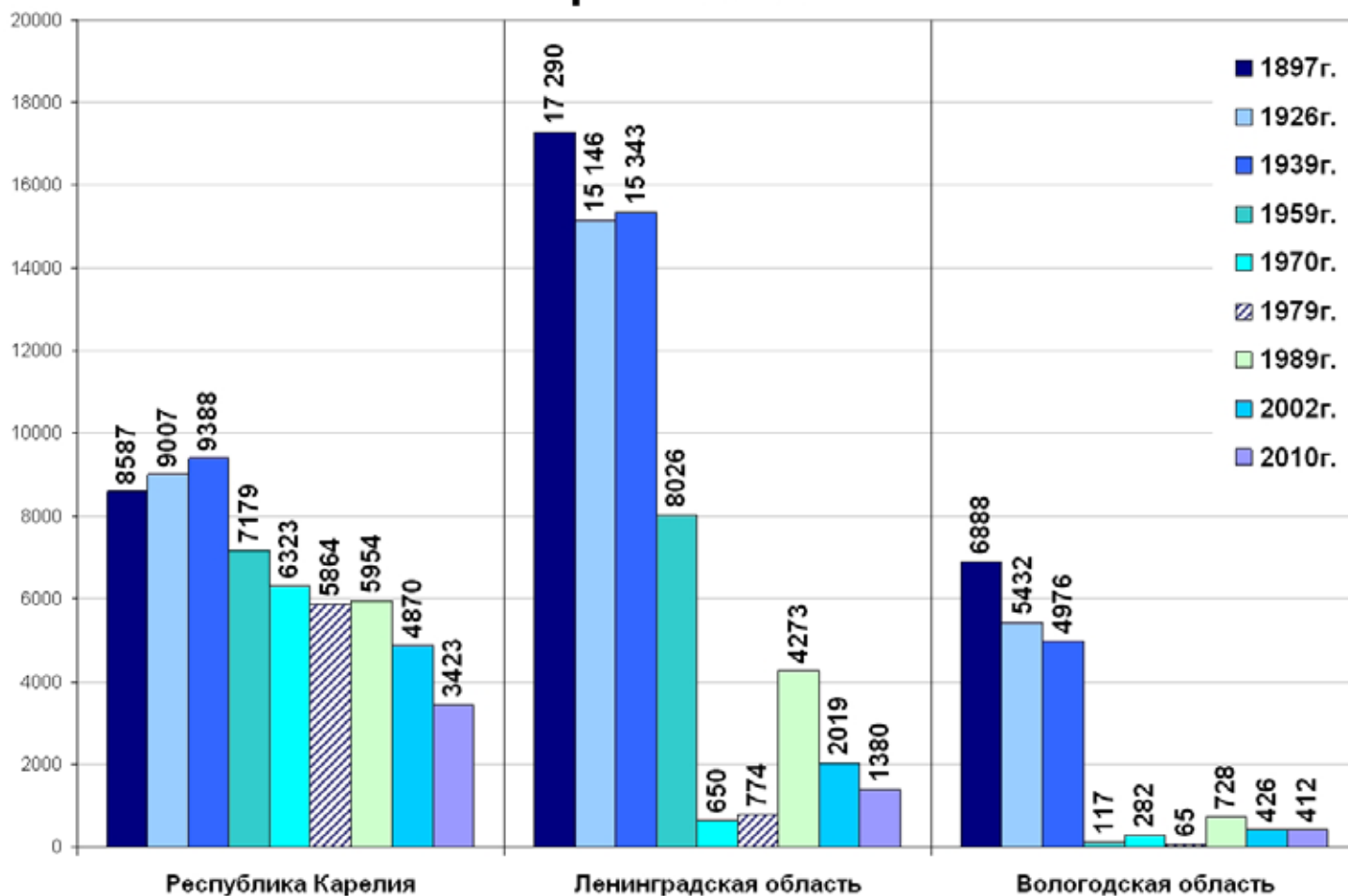
Диаграмма 1

Динамика численность вепсов по регионам их проживания

Диаграмма 1а

**Численность вепсов в регионах России владение вепским языком
(по переписи 2002, 2010 гг., чел.)**

Регионы	Численность		Владеют вепским языком				Считают родным вепский язык	
			В регионе		Вепсы		в регионе	вепсы
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2010	
Россия	8240	5936	5753	3613 ¹	≈4000 ²	2362	1821 ³	1638
Республика Карелия	4870	3423	2295 ⁴	1178 ⁵	1849	919	520 ⁶	493
Ленинградская область	2019	1380	2386	1743	1413	1003	901 ⁷	789
Вологодская область	426	412	532	459	235	324	284 ⁸	261
г. Санкт-Петербург	318	271	206	106	..	48	57	43
Мурманская область	128	82	69	26	...	15	10	10
Кемеровская область	83	45	42	-			-	-
Республика Коми	37	23	18	-				
Архангельская область	31	18	13	-				
г. Москва	25	24	8					
Иркутская область, вместе с Усть-Ордынским округом	21	17	12	-			-	0

Составлена З. И. Строгальщиковой. Источники: Финно-угорские народы России. Статис. сб. Сыктывкар, 2005. С. 16–24, 45–53, 55; Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. С. 262–267; Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 6. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации. См.: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; Итоги Всероссийской переписи 2010 года. По данным переписи 2010 г. вепсы проживают в 60 регионах РФ. См.: Т. 4. Национальный состав, владение языками и гражданство http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Таблицы: 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. С. 29–141; 3. Население по национальности и владению языками. С. 25; 5. Владение языками населением Российской Федерации. С. 142; 6. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей. С. 144–145, 147–149; 7. Владение языками наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации. С. 170–171; 21. Владение языками населения коренных малочисленных народов Российской Федерации по отдельным субъектам Российской Федерации. С. 2133, 2142–2152.

1. Среди представителей других народов, вепским языком владели: русские – 1182 чел., карелы – 26, белорусы – 4, украинцы – 3; чувашы, армяне, коми-пермяки – по 2 чел.; коми, евреи цыгане – по 1 чел. По Карелии имеются и более подробные данные по этническому составу владеющих вепским языком: русские – 213 чел., карелы – 25, финны – 11; белорусы и украинцы – по 3 чел.; 4 – представители других национальностей и 1 – не указана национальность.

2. Сведения, приведённые в таблице об общем числе вепсов, владеющих языком своей национальности, являются расчетными. У вепсов, в 2002 г. статус коренных малочисленных народов РФ имели только вепсы Ленинградской области и Карелии, поэтому основная информация приводится только по данным регионам. Даны также отдельные сведения по Вологодской области, хотя решение о включении вепсов Вологодской области в Перечень коренных малочисленных народов Севера было принято только в 2006 г. За пределами указанных регионов вепсов в 2002 г. насчитывалось 609 чел. Поэтому сведения о владении вепсами языком своей национальности в целом по стране являются расчетными.

3. Среди представителей других народов, кроме вепсов, родным **вепсский язык** указали: русские – 165 чел., карелы – 5, коми-пермяки – 1. В Карелии: русские – 21 чел., карелы – 4; финны – 1; представители других народов – 2, национальность не указана – 1.
4. По данным переписи 2002 г. этнический состав владеющих теми или иными языками народов представлен только по республикам, автономной области и автономным округам РФ. В Карелии вепсским языком владели: русские – 359; карелы – 46; белорусы – 5; украинцы – 3, финны – 21; среди представителей других народов – 12. Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 6. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации. См.: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
5. По Карелии имеются и более подробные данные по этническому составу владеющих вепсских языком: русские – 213 чел., карелы – 25, финны – 11; белорусы и украинцы – по 3 чел; 4 – представители других национальностей и 1 – не указана национальность.
6. Кроме вепсов, считают родным вепсский язык: русские – 21 чел., карелы – 4; финны – 1; представители других народов – 2, национальность не указана – 1.
7. Кроме вепсов, считают родным вепсский язык 113 чел. без указания национальности.
8. Кроме вепсов, считают родным вепсский язык 23 чел. без указания национальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Käte-ške käbedaks kägoihudeks. (Вепские причитания) 'Обернись-ка милой кукушечкой' / Сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. Нотировки С. В. Косыревой. Петрозаводск, 2012. 228 с.

Kodirandaine. Runod i sanutesed vepsän keel. Petroskoj. 1996. 126 s.

Om det nord-tschudiska spraket. Akademisk Afhandling, som med en Vidtberömda HistoriskFilologiska fakulttens vid Kejsarl. AleksandersUniversitetet i Finland samtyske till offetlig granskning framställes af **Elias Lönnrot**, Medie. Doktor, Provinzial-Läkare. I Historisk-Filologiska Lärosalen d. 14 Maj 1853. p. v. t. f. m. Helsingfors, 1853. 53 s.

Rürik Lonin. Minun rahvahan fol'klor. Petroskoi, 2000. 108 s.

Salve Kristi. Vepsäläisten kansallisesta identiteedistä // Ison karhun jälkeläiset. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 697. Helsinki, 1998. S. 119–140.

Setälä E. N., Kala J. H. Näytteittä Äänis – ja Keskiepsän murteista // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 100. Helsinki. 1951. 621 s.

Suomen kielen etymologinen sanakirja // Lexica socetatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1958, II. 457.

The great bear. A Thematic Anthology of Oral Poetry in the Finno-ugrian Languages /Lauri Honko, Senni Timonen and Michael Branch. Poems translated by Keith Bosley // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran 533/Finnish Literature Society Editions 533. Pieksämäki. 1993. 787 s.

Turunen A. Über die Volksdichtung und Mythologie der Wepsen // Studia Fennica VI. 1956. S. 169–204.

Vepsa vanasõ nad. Eesti, vадja, liivi, karjala ja vene vastetega / Vaina Mälk, Anne Hussar, Aime Kährlik Tiit-Rein Viitso. Kujundus ja kaardid Vilja Oja. T. I. Tallinn. 1992. 352 s.

Vepsa vanasõ nad. Eesti, vадja, liivi, karjala ja vene vastetega / Vaina Mälk, Anne Hussar, Aime Kährlik Tiit-Rein Viitso. Kujundus ja kaardid Vilja Oja. T. II. Tallinn. 1992. 682 s.

Vepsänman sarnad. Elias L' nnrot, Nina Zaiceva, Aleksei Maksimov. Kerazi vepsläižidenno oldes vodel 1842 Elias L' nnrot. Petrozavodsk. 2006. 40 с.

Абрамов Н. В краю погибших деревень. Электронный ресурс. Режим доступа [http://www.csipn.ru/news/2011/10_2011/2011-10-12.htm]

Агапитов В. А. Кизи: что в имени твоём? (о происхождении названия Кизи и не только) // Родные сердцу имена: ономастика Карелии. Петрозаводск, 1993. С.18–23.

Административно - территориальное деление Ленинградской области. Л., 1973. 304 с.

Административно - экономический справочник по районам Ленинградской области. Л. 1936. 384 с.

Алексаин С. С. Хроника Рорика Фрисланского и Рюрика Новгородского//Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2012. С. 29 –82.

Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолнгвистические проблемы ССР и постсоветского пространства. М. 2000. 224 с.

Алымов В. Надмогильные памятники поморских рыбаков (из истории северопоморской культуры) // Карело-Мурманский край. 1929. № 2. С. 21–22.

Ананьич Б., Гетрелл П. Национальные и вненациональные измерения экономического развития России в XII-XX вв.)// Ad Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. Казань. № 4. 2002. С. 67–91.

Анвельт М. Культурное строительство среди национальных меньшинств Ленинградской области // Коммунистическое просвещение. 1931. № 15. С. 33–35.

Антонов Н.И. Финно-угорский мартиролог жертв государственного террора в СССР (вепсы и ижорцы) // Проблемы новейшей истории этнографии финно-угров. Балашовские чтения. Вып. 3. Мат. науч. конф. и научные статьи. Саранск, 2012. С. 28–50.

Антощенко А.В. Замысел памятника тысячелетию России и его воплощение. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://elibrary.karelia.ru/m1000/ideas/>].

Анхимова Н. А. Материалы по свадебной обрядности северных и средних вепсов (конец XIX начало XX вв. // Вепсы: История, культура и межнациональные контакты. Петрозаводск, 1999. С. 114–125.

Аристе П. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин. 1956. С. 5–27.

Архимандрит Макарий (Веретенников). Из жизни Митрополита Московского и всея Руси Макария // Альфа и омега. № 4(7) 1995. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://aliom.orthodoxy.ru/fr_arch.ht].

Архимандрит Макарий (Веретенников). Митрополит Макарий и его святые современники // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. 1996. 4. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://aliom.orthodoxy.ru/arch/011/011-mak.htm>].

Архимандрит Макарий (Веретенников). Преподобный Александр Свирский и святитель Макарий. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://aliom.orthodoxy.ru/fr_arch.htm].

Атлас Исторический, Хронологический и Географический Российского государства, составленный на основании истории Карамзина Иваном Ахматовым. СПб., 1831. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.runivers.ru/lib/book3293/16652/>].

Афанасьев А. Н. Дерево жизни. М., 1982. 464 с.

Баданов В. Г., Кораблев Н.А., Жуков А.Ю. История экономики Карелии. Книга I. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков. Петрозаводск. 2005. 192 с.

Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян Л, 1983. 183 с.

Байбурун А. К., Левинтон Г. А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 89–105.

Балтийские языки. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://lang.baseage.com/article235>].

Башенькин А. Н. Летописная весь – вепсы: аксиома или дилемма? // Вепсы: история, культура, современность. Вологда. 2006. С. 24–29.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – нач. XX в. // Тр. Ин-та этнографии, н. с. Т. XLV. М., 1958.

Беляева Н. Ф. Традиции физического и трудового воспитания детей у мордвы (кон. XIX нач. XX вв.) // Семейные обряды у мордвы (Традиции и инновации). Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 76. Саранск. 1984. С. 88–106.

Бесик Пипия. Вепсы пили медовуху и плясали с губернатором. «Независимая газета», 19 сентября 2005 г. Электронный ресурс. Режим доступа [http://www.ng.ru/regions/2005-09-19/13_lifetree.html]

Богданов Н. И. К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск. 1951. № 2. С. 22–31.

Бойченко Л. Наш земляк –нарком Полин//Коммунист Прионежья. 1989. 12 декабря.

Бубрих Д. В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. 1948. № 3. С. 42–50.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947. 52 с.

Бубрих Д.В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы»//Труды юбилейной научной сессии, посвящённой 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск. 1950. С.142–151.

В Ленинградской области вепсы устроили «пир на весь мир». Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.etnosite.ru/news/1/10990.html]

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 331.

Вепские народные сказки: Сборник / Сост.: Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996. 261 с.

Вепские сказки / Под общ. ред. Н. П. Андреева. Зап. текстов, коммент. и примеч. Г. Е. Власьева. Петрозаводск, 1941. 260 с.

Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск. 2007. 336 с.

Видеозапись лекции А. А. Зализняка «История русского языка». Электронный ресурс. Режим доступа [http://www.onlinetv.ru/video/1607/?autostart=1&trailer=1].

Винокурова И. Ю. Вепские молодые в хронике био-социальных событий //Уведи меня, дорога. Сборник научных статей памяти Т. А. Бернштам. СПб., 2010. С. 107–121.

Винокурова И. Ю. История и традиции хозяйственного освоения территории//Природные комплексы Вепской волости: особенности, современное состояние, охрана и использование. Петрозаводск. 2005. С. 198–208.

Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX вв.). СПб., 1994. 124 с.

Винокурова И. Ю. Мифология и верования// Прибалтийско-финские народы России. М. 2003. С. 426 –436.

Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Учебное пособие. Петрозаводск, 2011. 205 с.

Винокурова И. Ю. Огонь в мифологии вепсов / / Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск.1999. С. 148–167.

Винокурова И. Ю. Охота //Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 376 – 380.

Винокурова И. Ю. Родильная обрядность//Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 407–412.

Винокурова И. Ю. Рыболовство//Прибалтийско – финские народы России. М., 2003. С. 375–376.

Винокурова И. Ю., Кочкуркина С. И. Одежда // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 388–396.

Власти Ленобласти хотят поставить в Старой Ладогe памятник Рюрику. Электронный ресурс. Режим доступа [http://itar-tass.com/spb-news/857192]/

Волков Н. Н. О шелтозерских вепсах. Шелтозерский район Карело-Фин. ССР. Полевые записи. 1946 г. АМАЭ., ф.13., Оп.1, № 9. Л. 3.

Вологодские археологи. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.vao2009.ru/lichnosti.html]

Вологодская энциклопедия. Вологда. 2006. 608 с.

Воробьев Г. А. Шимозерье: тридцать лет спустя // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда. 2005. С. 291 – 296.

Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=72]

Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=73]

Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=74]

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Иркутская область. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=30]

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=73]

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=73]

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Кемеровская область. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=62]

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Кемеровская область. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=58]

Всесоюзная перепись населения 1979. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=62]

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. Иркутская область. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=64]

Высочайшие повеления за август месяц 1852. 26. (21 августа). О следовании летосчислению Преподобного Нестора при преподавании в учебных заведениях Русской Истории. Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXXVI. 1852. Ноябрь. Санкт-Петербург. С. 19–20.

Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 53–61.

Гоголь Н.В. План преподавания всеобщей истории // Журнал Министерства народного просвещения. Ч.1. СПб., 1834. № II. Февраль. С.189–209.

Головлев А.В. Антропология движения. Древности Северной Евразии. Екатеринбург, 2009. 496 с.

Горб Д. А. Материальные компоненты вепсского свадебного обряда в конце XIX начале –XX вв. (По материалам ГМЭ) // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. Сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 154–169.

Горб Д.А., Рыжов А.Г., Рыжова И.П. Гончарство Оятского края. СПб., 2011. 500 с.; Электронный ресурс. Режим доступа: [http://st.free-lance.ru/projects/upload/f_4ea5a0ef00f70.pdf]

Горский А. А. Формирование русской государственности и «Призвание Рюрика»//1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвящённому Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 11 – 23.

Грюнталь Риго. Вепсский язык и первые шаги прибалтийско-финского языкознания //Вепсы и этнокультурные перемены XX века. Семинар в г. Санкт-Петербурге 5-6 октября.//Studia slavica Finlandensia. Tomus XXIV. Хельсинки, 2007. С. 11 –30.

Давидан О. И. Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья. Приложение к книге: Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X _XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронезка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск, 1989. С. 316–336.

Дебец Г.Ф. Вепсы//Учен. Зап. МГУ. Вып. 63. 1941. М., С . 139 –173.

Дмитриев Л. А. Иродион, игумен Александро-Свирского монастыря. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3998>]. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Дубов И. В. Великий волжский путь. Л., 1989. 256 с.

Дубровская Е. Ю. 1917 год в Олонецком крае. Первые общенациональные выборы и депутаты учредительного собрания М. Д. Шишкин и А.Ф. Матвеев // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 84–90.

Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в. Л., 1980. 214 с.

Егоров С. Б. Восточные районы Ленинградской области (вепсы, русские) //Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю. Этническая идентичность на пограничье культур. По материалам исследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. СПб., 2007. С. 68–126.

Еремеев С. Т. Железные промыслы в Череповецком крае (X-XVI вв.). Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://cherepovets-kp.ucoz.org/publ/30-1-0-103>]

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Тр. Этногр. отд. Императорского О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Моск. ун-те; Кн. 5, вып. 1. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877, 220 с.

Жербин А.С. Из истории знакомства с Карелией в Финляндии. Путешествия А. Альквиста / 50-е

г.г. XIX в. // Европейский Север: История и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск. 1990. С.28-29.

Житие преподобного Нестора Летописца. Электронный ресурс. Режим доступа [http://lib.eparhia-saratov.ru/books/05d/dimitrii_rost/dimitrii_rost1/933.html]

Закон СССР от 26.04.1990 г. О Свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://www.bestpravo.ru/ussr/data01/tex10928.htm>]

Зайцев П. Национальный момент в проблеме ликвидации округов //Революция и национальность. 1930. № 4–5. С. 70–82.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. 767 с.

Зайцева М.И., М.И. Муллонен. Образцы вепсской речи. Л., 1969. 297 с.

Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск. 2002. 288 с.

Зайцева Н. Г. Вепсский язык.//Прибалтийско-финские народы России. М. 2003. С. 349–351.

Зайцева Н. Г. О вепско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 22–32.

Захаров С. Д., Меснянкина С. В. Крутик: новые открытия // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Том II. СПб –М.– Великий Новгород, 2011. С. 32 – 33.

Зиньковская И. В. К вопросу об идентификации одного из «северных народов» у Иордана (Get., 116)

//Известия Саратовского университета 2011. Т. II. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. ч.1. С. 56–63.

Золотарев Д.А. Этнический состав населения сев-зап. области и Карельской АССР с 54 цифровыми таблицами и 3 этнографическими картами // Тр. комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Т.12. Л. 1927. 80 с.

Иванов А. Из статистического очерка городов Олонецкой губернии» – Об экономическом положении губернии и о занятиях населения в пореформенный период»// История Карелии. Хрестоматия. Ч. 1.Дореволюционный период. Петрозаводск, 1972. С. 113–114.

Игумен Макарий (Веретенников). Преподобный Александр Свирский «новый чудотворец» – русский подвижник XVI века. К 450-летию со дня кончины // Богословские труды. 23. М., 1982. С. 321–336.

Иконников-Галицкий А. Святые Русской земли. Серия: Русская энциклопедия. М., 2013. 350 с.

Инно Х. Автор вепсского словаря // Вепсы: история, культура. Межэтнические контакты. Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1999. С. 42.–51.

Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом.//Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 76–83

Иордан.О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М.: 1960. 436 с.

Иродиан. Житие и чудеса Александра Свирского». СПб, 2003.184 с.

Иродион, игумен Александрo-Свирского монастыря. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3998>]

История второго обретения мощей Александра Свирского. // Журнал московской патриархии. 2000. № 5. См. Сайт Свято Троицкого Александра Свирского мужского монастыря. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.svirskoe.ru/ru/library/books/his_sec_find.php]

История Карелии. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Изд. 2-е, доп. и перераб. под ред. М.И. Шумилова. Петрозаводск. 2013. 384 с.

История Ленинградской области с древнейших времен в документах и материалах. Хрестоматия. Учебное пособие. СПб., 1998. 298 с.

Итоги работы школ за 1933–1934 учебный год // Красное Шелтозеро. 1934. 23 июня.

Кагаров Е. Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. 1936 № 1. С. 106—109.

Кангаспуру Маррку. Финская эпоха в Советской Карелии // В семье единой: национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 123–170.

Капустя Л. И. Рака Александра Свирского (история монастырской реликвии XVII века.) // Вестник Карельского краеведческого музея. Сб. науч. тр. Вып. 5. Петрозаводск. 2006. С. 71–88.

Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Кн. 1. Т. 1. М., 1989. 640 с.

Карелия. Энциклопедия. Том. 1. Петрозаводск, 2007. 400 с.

Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. 288 с.

Карху Э. С. Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск. 1996. 238 с.

Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изу-

чение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Л., 1988. С. 38—79.

Кирпичников А. Н. Мечи с надписью Uleberht в Северной Европе. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://vk.com/doc3866357_277104244?hash=24450b268ec798d29a&dl=902199f7af73d8308e]

Кирпичников А. Н. Мечи типа Uleberht на восточном пути. 2007. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://rsv-aka-vedjmak.livejournal.com/26740.html>].

Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. Меч с именным клеймом из Юго-Восточного Приладожья // Приложение к книге: Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск, 1989. С. 336–338.

Киселева Т. В. Андрей Михайлович Шегрен-первооткрыватель вепсов. // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск. 2006. С. 99–105.

Ковалева С. В. К анализу субъективных параметров языковой ситуации // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск. 2003. С. 191–199.

Колмогоров А. И. Поездка по Чухарии // Землеведение 1906. № 3–4. С. 93–114.

–. Чухарская свадьба (Черты обрядовой жизни чухарей) // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. 371–393.

Конституция Республики Карелия. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.gov.karelia.ru/gov/Constitution/mlaw01_c.html].

Кораблев Н. А. Пименовы – династия предпринимателей, благотворителей и общественных деятелей. // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 68–78.

Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей. Петрозаводск, 2013. 109 с.

Королькова Л. В. Вепсская народная одежда (вторая половина XIX – первая треть XX в) // Материалы по этнографии. Том II. Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб., 2004. С. 93–113; 360–369.

Королькова Л. В. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: Александр Иванович Колмогоров, Владислав Иосифович Равдоникас // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни вепского сообщества. Сборник научных трудов по итогам международной конференции, посвященной 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея. Петрозаводск-Шелтозеро. 30-31 октября 2007 г. Петрозаводск. 2008. С. 91–106.

Королькова Л. В. Обзор коллекций по вепсам // Материалы по этнографии. Т. II. Народы Прибалтики, Севера-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб. 2004. С. 85–92.

Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984. 198 с.

Косменко А. П. Функция и символика вепского полотенца (по фольклорно-этнографическим данным) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983, с. 38–55.

Косменко А. П. Послания из прошлого: традиционные орнаменты финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2011. 304 с.

Костыгова А. Народная одежда прионежских вепсов // Сборник научных трудов студентов ПГУ. Вып. 5. Петрозаводск. 1958. С. 48–53.

Котляревский А. О погребальных обрядах языческих славян. М., 1868. 306 с.

Кочкуркина С. И. Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. М. 2003. С. 333–341.

Кочкуркина С. И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). Петрозаводск, 2011. 240 с.

Кочкуркина С. И. К вопросу о датировке погребений с монетами приладожских курганов (оятских) курганов // Труды карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2. № 6. 2011. С. 3–8.

Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск. 1985. 223 с.

Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронезжа, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск. 1989. 348 с.

Кочкуркина С. И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск, 1990. 126.

Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. 348 с.

Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск. 2014. 140 с.

Кудряшов А. В. Финно-угорское население средней Шексны в IX–XI вв. // Вепсы: История, культура, современность. Материалы научно-практической конференции 29 марта 2006. Вологда, 2006. С. 47–61.

Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области. Тотьма–Грязовец. 2010. 290 с.

Кузнецова В. П. «Вепско-русские параллели (на материале свадебной обрядности) // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 126–147.

Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии // Стат. Бюро Олонецкого губернского земства. Петрозаводск. 1905. 331 с.

Кяхрик А. Ранние записи по южно-вепскому диалекту и их значение для современной диалектологии // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 106–110.

Ланин В. А. Вепсы и русские в музыкально-фольклорных традициях Северо-Запада (к проблеме историко-этнической интерпретации) // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 111–119.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. 287 с.

Лехмус Х.И. Элиас Леннрот – составитель «Калевалы» // Труды Юбилейной научной сессии, посвящённой 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск. 1950. С. 166–176.

Линевский А.М. Материалы к обряду «отпуска» в пастушестве Карелии (Летконецкая волость Карельской АССР) // Этнограф–исследователь. Журнал научно-исследовательского этнографического кружка этноотделения Ленинградского государственного университета. 1927. № 2–3. С. 42–43.

Лантратова О. Б. Исследование технологии изготовления золотных нитей в вышивке и тканой ленте (образцы I/24 и I/25) // Кочуркина С.И., Орфинская О.В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск, 2014. С. 74–78.

Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. М., 1990. № 4. Электронный ресурс. Режим доступа [http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=349].

Лихачев. Д. С. Декларация прав культуры и её международное значение // Д.С. Лихачев. Университетские встречи. 16 текстов. СПб, 2006. С. 34–37.

Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. 304 с.

Лонин Р.П. Хранитель вепсской культуры (К 40-летию Шелтозерского этнографического музея). Петрозаводск–Шелтозеро. 2007. 97 с.

Лызлова А. С Редкие издания в личном архиве Р. П. Лонины: сборник «Вепские сказки» (Петрозаводск, 1941) // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лонины). Материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения». Шелтозеро, 22 сентября 2010 года. Петрозаводск. 2011. С. 101–107.

Мавродин В. В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Л., 1949. Режим доступа [<http://rutenica.narod.ru/norman.html>]

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. 429.

Майнов В. Н. Приоятская чудь (Весь - Вепсы). Посвящается проф. Карлу Уйфальви-де-Музо-Ковешд) // Древняя и новая Россия. СПб. 1877. № 5. Отд. оттиск. 27 с.

Майнов В.Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. 318 с.

Макарий, митрополит Московский и всея Руси. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4310>]

Макарьев С. А. По советской Карелии (Краткий справочник для экскурсанта и туриста по Карелии). Л.–Петрозаводск, 1931. 117 с.

Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов//Западно-финский сборник: Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1930. Вып.16. С. 163–200.

Малиновский А. Обряд поминовения умерших в 40-й день у чудинов западного побережья Онежского озера— Олонецкие епархиальные ведомости, 1903, № 2, с. 55—57

Мальц Ю.М. Прионежье. Города и районы Карелии. Петрозаводск, 1981. 190 с.

Мансикка В. П. Из финской этнографической литературы // Живая старина. Вып. 2–3. СПб., Вып. 2–3. С. 199–213.

Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. 215 с.

Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002. С.5–35.

Мельникова Е. А. Возникновение древнерусского государства в европейском контексте//1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвящённому Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 24–37.

Михайлова Т. А. Ирландия. От викингов до норманнов. Язык, культура, история. М., 2012. 401 с.

Мошина Т. А. Городской глава Петрозаводска. Игнатий Селиверстов, уроженец Шелтозерского края // Историко-культурное наследие вепсов

и роль музея в жизни вепсского сообщества. Сб. науч. Тр. по итогам международной конференции, посвященной 40-летию Шелтозерского вепсского этнографического музея. Петрозаводск–Шелтозеро. 30-31 октября 2007 г. Петрозаводск, 2008. С. 79–83.

Муллонен И. И. Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). Л., 1997. 194 с.

Муллонен И. И. Вепсы Прионежья по данным топонимики // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 84–90.

Муллонен И. И. Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Карелии // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск. 4–8 июля 2011. Петрозаводск. 2011. С. 19–23.

Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояты //Кочкуркина С.И. Линеvский А.М. Курганы летописной веси X–начала XIII века. Петрозаводск. Карелия. 1985. С. 184–196.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб. 1994. 156 с.

Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX –XX вв.// Прибалтийско-финские народы.

Муллонен И. И. Топонимические этюды вологодской земли// Вепсы: История, культура, современность. Материалы научно-практической конференции 29 марта 2006 года. Вологда. 2006. С. 63–72.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. 242 с.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 355 с.

Муллонен М.И. Вепсская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С.105–109.

Мусин А. Е. Становление православия в Карелии (XII–XVI вв.) // Рябининские чтения. Петрозаводск, 1997. Режим доступа [<http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/153.html>]

Назаренко А.В. Погребальная обрядность приладожской чуди: Автореф. канд. дис. Л., 1983. 18 с.

Назаренко А.В. Русь IX века: Север и Юг //1150 лет российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвящённому Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 38–52.

Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской Империи (без Финляндии) Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=27]

Напольских В. К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке//Арт. 2007. № 4. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.artlad.ru/magazine/all/2007/4/130/145>].

Народы России. Живописный альбом. Вып. 1. СПб, 1877. С. 1. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.runivers.ru/upload/iblock/c09/narody%201.pdf>].

Научная деятельность / Экспедиции / Новые полевые исследования средневековых памятников Белозерья. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://www.archaeolog.ru/?id=233>]

Национальный состав населения по регионам России. Усть-Ордынский Бурятский округ. Элек-

тронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=74]

Национальный состав населения по регионам России. Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=73]

Начальная русская летопись (О «Повести временных лет»). Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.home-edu.ru/user/uatml/00000754/histbibil/pvl/pvl.htm>]

Никитина Т.В., Ефремова Д.Е. Захоронения с орудиями литья (литейщиц) в марийских могильниках IX-XI вв.//Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Том II. СПб.–М., Великий Новгород. 2011. С. 78–79.

Никольский Д. П. Кайваны или чухари // Живая старина. 1895. Вып. 1. Отд. 1. С. 14 – 16.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М - Л. 1950. 642 с.

Носов Е. Н. Рюрик – Ладога – Новгород. Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция проведена в Старой Ладоге Ленинградской области под эгидой Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры 30 июня – 2 июля 2003 г. СПб., 2003. С. 35–37.

О встрече историков с Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 22 июля 2011 г. в г. Владимире. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.kremlin.ru/news/12073>]

О Сильвестре. Библиографический указатель. Электронный ресурс. Режим доступа [http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/silvestr1123.html]

О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Федеральный закон от 7 мая 2001 года. № 49-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Федеральный закон от 20 июля 2000 года. № 104-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. 2000. №30. Ст. 3121.

Образование Древнерусского государства. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.rusarchives.ru/statehood/01-03-letopis-rurik.shtml>].

Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. 256 с.

Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрен. Т. 1. Исследование. Тексты. М., 2010. 1928 с.

Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество.- М., 1983. 287 с.

Орфинский В. П., Муллонен И. И., Винокурова И. Ю. Наука о вепсах на рубеже столетий //Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 7–33.

Официальный сайт правительства Ленинградской области. Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://www.lenobl.ru/presscentre/announce?&notpl=1&id=23581>].

Пашков А.М. Карельские просветители и краеведы XIX начала XX вв. Петрозаводск. 2010. 448 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 1. СПб., 1901. 74 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). СПб., 1903. 270 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXVII. Олонецкая губерния. Тетрадь 1. СПб., 1899. 43 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXVII. Олонецкая губерния. Тетрадь 2. СПб., 1900. 140 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXVII. Олонецкая губерния. Тетрадь 3. СПб., 1903. 172 с.

Перечень народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 г. № 536-р.// Собрание законодательства РФ. 2006. № 17 (2 ч.) Ст. 1903.

Петерсен А.Ю. Орудия традиционного земледелия у вепсов //Проблемы истории культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 130–135.

Петухов А.В. Административная разобщённость – фактор ускорения ассимиляции вепсов // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 55–63.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.–Л., 1965. 284 с.

Пименов В. В. К вопросу о карельско–вепсских культурных связях //Советская этнография. 1960. № 5. С 30–41.

Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 4–26.

Писцовые книги Обонежской пятины. 1495 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР. Вып.1. Материалы по истории Карельской АССР. Л., 1930. 268 с.

Плохова С. А. .Обзор коллекций антропологических реконструкций // Вестник Карельского кра-

еведческого музея. Сб. науч. тр. Вып. 5. Петрозаводск, 2006. С. 111–118. Илл. 13,14.

Повесть временных лет. Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля. Перевод Д.С. Лихачева. М. – Augsburg. 2003. 93 с. Электронный ресурс. Режим доступа [http://imwerden.de/pdf/povest_vremennyx_let.pdf].

Подвысоцкий Н. Кайваны (Этнографический очерк из моей последней летней экскурсии) // Естествознание и география. Год IV. 1899. № 1. С. 51–62.

Постановление Правительства РФ «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.

Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2011 г. N 1145 «О внесении изменений в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации и в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». N 1145 от 26 декабря 2011 г. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70012946/#review>]

Постановление Совета Народных Комиссаров Карельской АССР № 1064 «О переводе карельских и вепсских школ на родной язык обучения». Национальный архив Республики Карелия. Ф.630, оп. 6. д. 13/39. л. 115–116.

Правда Русская. Тексты. Тексты. Под ред. академика Б. Д. Грекова. М.–Л., 1940. 506 с.

Православная энциклопедия. Т.1. М., 2000. 679 с.

Президент России на юбилее первой столицы Северной Руси. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.lenobl.ru/culture/heritage/ladoga/press?notpl=1>].

Преподобный Нестор Летописец. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://days.pravoslavie.ru/Life/life4600.htm>]

Прибалтийско-финские народы России. Отв. ред. Е.И Клементьев, Н.В. Шлыгина. М. 2003. 671 с.

Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985. 320 с.

Равдоникас В. И. Чухари // Тихвинский край. Краеведческий сборник по Тихвинскому уезду. Тихвин, 1926. С. 242–261.

Рантасало А.В. Выгон скота на пастбище в народных верованиях финнов. Перевод с немецкого Ю.Н. Винокурова //Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий. Исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2012. С. 200–212.

Рихтер Е. В. Некоторые особенности погребального обряда сету // Советская этнография, 1979. № 2. С. 116–128.

Розов Н.С. Работы Ленинградской Этнологической экспедиции 1926 г. среди вепсов Лодейнопольского уезда.//Труды Ленинградского Общества изучения местного края. Т. 1. Л. 1927. С.149–158.

Россия: Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. Ч. I. Европейская Россия. Озерная область. Губернии: С.-Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая. СПб.,1913. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.runivers.ru/bookreader/book450334/#page/33/mode/1up>].

Русские. Серия «Народы и культуры». Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997. 828 с.

Рыбаков С. В. Откуда есть пошла Русская земля?// История в подробностях. Русь изначальная. 2012. № 3 (21) март. С. 8–17.

Рябинин Е.А. Вепсы // Природа. 1993. № 1. С. 86–93.
Савватеев Ю. А. Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (К столетию со дня рождения // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 10–41.

Савельева Э. А. Пермь вычегодская: к вопросу о происхождении народа коми. Л., 1971, 221 с.

Сайт Свято Троицкого Александра Свирского мужского монастыря. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.svirskoe.ru/ru/library/books/his_sec_find.php]

Сакса А. Вепсы – древний народ Севера // Микко Savolainen. Vepsä. Vepsänmaa Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://vepsia.ru/history/istru.php>]
Сакс Г. Работа среди меньшинств: Опыт Ленинградской области. Л., 1931. 92 с.

Свадебный обряд (встреча молодых в доме жениха). Свадьба в Ярославичах. Сценарно-постановочный план // Древо жизни. Праздник вепсской культуры. Методические материалы. СПб., 2003. С. 38–51.

Сердюк Н. В. Характеристика археозоогического материала поселения Крутик // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Том II. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. С. 96.

Смирнова Т. В. Национальность–питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб., 2002. 584 с.

С-овъ П. Оятские лапти (картина с натуры). // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 397–404.

С-овъ П. Свадебные обычаи в Немжинском приходе (Лодейнопольского уезда) // Олонецкие губернские ведомости. 1897. № 19. С. 2–3; № 23. С. 2–3; № 25. С. 2–3.

Соколова В. К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы–смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 188–195.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv01p4.ht>]

Соловьева И. Д. Житийные иконы Преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии // Доклады участников I Международной конференции. «Комплексный подход в изучении Древней Руси». См.: Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/sl_7_111.pd].

Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007. 347 с.

Справочник по районам Ленинградской области. Издание Ленинградского облисполкома. Л. 1930. 157 с.

Статус малочисленных народов России. Правовые акты. Кн. вторая. Составитель В. А. Кряжков. М., 1999. 396 с.

Степанова А. С. Свадебные причитания и ритуальная баня // Степанова А.С. Карельские плачи. Петрозаводск. 2003. С. 49–69.

Стриннгольм А. Походы викингов. М. 2003. 400 с.

Строгальщикова З. И. Вепсы: этнодемографические процессы (прошлое и настоящее). // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (Памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск. 2006. С. 378–412.

Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 95–106.

Строгальщикова З. И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск. 1989. С. 29 - 33.

Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов. // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 65—85.

Строгальщикова З. И. Традиционное жилище Межозерья. 1900 -1960. Опыт сравнительно-статистического анализа. Л., 1986. 108 с.

Строгальщикова З. И., Зайцева Н. Г. Вепсы в Сибири. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/vepsy_v_sibiri.doc]

Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность. Л. 1977. 164 с.

Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX века—начало XX веков. Л., 1985. 172 с.

Такхов С.А. Изменение административно-территориального деления России в 18–20 веках // Логос. 2005. №1. С. 65–101.

Тырышкина Т. В., Соколовский С. В. Об одном возможном подходе к концепции популяционного здоровья (на материалах этносоциологического исследования вепсов) // Демографические проблемы здоровья в Сибири. Новосибирск. 1988. С.88–101.

Татищев В. Н. История Российская. Ч.1, Гл. 5. О Несторе и его летописи. Электронный ресурс. Режим доступа [<http://www.magister.msk.ru/library/history/tatishch/tatis005.htm>]

Терюков А. И. К изучению погребального обряда коми-ижемцев. // Полевые исследования Ин-та этнографии 1980—1981 годов. М., 1984. С. 220–226

Терюков А. И. Погребальный обряд вымских и вишерских коми // Традиции и новации в народ-

ной культуре коми. Тр. ИЯЛИ. Вып. 28. Сыктывкар, 1983. С. 25–31.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Издание Московского университета, 1953. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/ru_pravda_mgu.php]

Тихомиров М. Н. Списки и происхождений редакций Русской правды. Электронный ресурс. Режим доступа: [www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/intro.htm]

У педагога Ишевского есть чему поучиться // Вепсская правда. 1934. 2 июня.

Указ о проведении Года российской истории // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г. № 2. Ст. 246.

Указ Президента РФ от 3 марта 2011 г. N 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст.1358. См. Прил. док.1.

Успенский П. Минусы отхожих промыслов // Вестник Олонецкого земства. 1909. № 12. С. 13–14.

Успенский П. К. «Русско-чудской словарь с некоторыми грамматическими пояснениями». СПб. 1913.

Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в.: по материалам городов Латгале и Курземе М., 1980. 164 с.

Федеральный закон от 30 апреля № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

Федянович Т. П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало–Поволжья (Конец XIX века и 1980 годы). М., 1997. 183 с.

Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского района Олонецкой губернии. //Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894, вып. 3. С. 326.

Хомутова Л. С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья/ Приложение к книге Кочкуркина С.И. Линеvский А.М. Курганы летописной веси. С. 213–217.

Хронологический указатель материалов для истории Европейской части. Составлен под руководством Петра Кёппена. СПб., 1861. 510 с.

Хрущов И. Заметки о русских жителях берегов реки Ояти // Записки Имп. Русского географического общества по отделению этнографии. 1868. Т. II. С. 51– 75.

Цветкова Н.Н. Антропологические исследования вепсов // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994. С. 19 – 23.

Чистов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов. Некоторые итоги и перспективы изучения // Симпозиум–79 по прибалтийско-финской филологии: Тез. докл. Петрозаводск, 1979. С. 13–20.

Чухин И.И. Карелия–37. Идеология и практика террора. Петрозаводск. 1999. 161 с.

Шангина И. И. К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX в.// Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977, с. 119—120

Шаскольский И. Л. Основатель Российского финноугроведения. К 200 –летию со дня рождения академика И. А. Шёгрена// Вестник Академии наук. 1994, том.64., М. 12, с. 1128 – 1130.

Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, сказках, легендах и т. п. СПб.,1900, т. 1, вып. 2, с. 661.

Шокшинский порфир в Париже // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 130.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XVIII (35). Люди. СПб. 1896. С. 220–221.

Языков Д. О финских жителях Санкт-Петербургской губернии // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. Том 4., Кн. 1. М., 1840. С. 301–325.

Яковлев Н. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов// Революция и письменность. Сборник №2. М. 1936. С. 26–38.

Яковлев С. Вепсская литература и школа. Опыт Ленинградской области// Красная Карелия. 1937. 14 мая.

Янсон П.М. От угнетения и бесправия – к счастливой жизни. Л., 1936. 88 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ВЕПСЫ СЕГОДНЯ. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ	9
Расселение	9
Численность	14
ГЛАВА 2. У ИСТОКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА	16
На перекрестке мировых торговых путей.....	16
Весь и чудь в древнерусских летописях в IX–XI вв.	18
Все начиналось в Ладогe	24
ГЛАВА 3. О ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ КОРНЯХ ВЕСИ	28
Следы седого прошлого в вепском языке	30
Откуда есть пошла вепская земля... ..	33
Язык земли об истории народа	34
Обонежский ряд – первое административное образование древних вепсов	39
ГЛАВА 4. И ВЕСЬ, И ЧУДЬ.....	42
О деяниях чуди	44
ГЛАВА 5. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ ВЕПСОВ.....	48
Курганная культура Приладожья	48
Наследие белозерской веси	56
ГЛАВА 6. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕПСОВ.....	64
ГЛАВА 7. ВЕПСКИЙ КРАЙ В XV–XVIII ВЕКАХ.....	68
Под властью Новгорода	68
Вепский святой Александр Свирский и его роль в христианизации северного края	69
Вепский край в эпоху Петра I.....	79
ГЛАВА 8. ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ВЕПСАХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	80
Андерс Йохан Шёгрен – первый исследователь вепсов	80
Элиас Лённрот – по следам А. Шёгрена	82
Образ вепсов в работах дореволюционных отечественных исследователей	87

ГЛАВА 9. ВЕПСЫ В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	90
Первая Всеобщая перепись населения о вепсах	90
О вепском купечестве	93
Образование вепских колоний в Сибири	96
ГЛАВА 10. ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ И БЫТ.....	99
Земледелие	99
Подсобные промыслы и ремесла	102
Охота.....	102
Рыболовство	104
Гончарный промысел.....	107
Камнеломно-камнетёсный промысел	108
ГЛАВА 11. ПОСЕЛЕНИЯ И ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ.....	111
Застройка деревень	111
Традиционное жилище	113
Интерьер жилищ	117
Хозяйственные постройки	119
Декоративное оформление домов	120
ГЛАВА 12. ДОМАШНИЕ ЗАНЯТИЯ И РЕМЁСЛА	122
Мужские занятия	122
Женские занятия	122
ГЛАВА 13. НАРОДНАЯ КУХНЯ.....	133
ГЛАВА 14. ВЕРОВАНИЯ. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА.....	136
Духи-хозяева окружающей природы	136
Домашние духи – хозяева.....	138
Сведущие люди и колдуны.....	139
Вепский фольклор	142
ГЛАВА 15. ОБРЯДОВАЯ ЖИЗНЬ	146
Родильная обрядность.....	146
Обычаи дородового периода	147
Послеродовые обряды	149

Свадебная обрядность.....	153
Сватовство	156
Предсвадебная баня невесты	159
Прощание невесты с «вольной волюшкой»	162
Предсвадебная баня жениха	167
Послесвадебные обычаи	170
Брак уводом.....	170
Похоронная обрядность	171
Подготовка к похоронам.....	172
Похороны	176
Поминальные обычаи.....	181
Обычай «веселения» покойника	185
ГЛАВА 16. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЗРОЖДЕНИЯ: НАДЕЖДЫ И ИТОГИ	187
Ленинградская область – родина вепсской письменности	190
Языковая политика в Карелии в 1920–1930 -е гг.....	194
Ликвидация вепсской письменности	196
ГЛАВА 17. ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЕПСОВ В 1940–1980-Е ГОДЫ.....	200
ГЛАВА 18 ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ВЕПСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ	203
Первая вепсская конференция.....	204
Итоги петрозаводского совещания	207
ГЛАВА 19 НОВЫЕ ВРЕМЕНА.....	213
О празднике «Древо жизни».....	213
О деятельности Общества вепсской культуры	224
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	232
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	233
Документ 1.....	233
Документ 2.....	234
Документ 3.....	235
Документ 4.....	236
Численность и родной язык у вепсов по данным переписей	240
Список использованной литературы	245

Научно-популярное издание.
Строгальщикова Зинаида Ивановна

**ВЕПСЫ.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ.
ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЯЗЫКА**

*Печатается по решению Ученого совета Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН*

Редактор О. И. Конькова
Ответственный за выпуск А. А. Сыров
Художественный редактор Д. С. Коновалов
Технический редактор П. Б. Строгальщикова
Корректор Л. С. Баранцева
Компьютерная верстка Д. С. Коновалов

Подписано в печать 29.09.2014.
Формат 60х90/8. Бумага мелованная. Гарнитура «Minion Pro»
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 78-в.

ООО «Издательский дом «Инкери»
197376, СПб, наб. Карповки, 5, корп. 22, оф. 303.
Тел.: (812) 715-70-75
www.inkeriprint.ru
www.inkeri-books.ru